90 коп. Индекс 70145

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Вопросы истории

7'90

ISSN 0042-8779

Вопросы истории

В ПОСЛЕДНИХ НОМЕРАХ 1990 г. И В 1991 г. ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

продолжит публикацию

Мемуаров **Н. С. Хрущева;**
Воспоминаний **А. Ф. Керенского** «Россия на историческом повороте»;
Книги **А. И. Деникина** «Очерки русской смуты».

Предполагает опубликовать

Главы из книги **А. Авторханова** «Технология власти»;
Дневники и воспоминания лидера октябристов в государственной Думе и члена Временного правительства **А. И. Гучкова;**
Видного историка академика **Ю. В. Готье** о событиях 1917—1921 гг.;
Записки французского дворянина **Вильбуа** о нравах и быте дома Романовых в первой половине XVIII в.;
Письма **В. Г. Короленко Х. Г. Раковскому.**

В статьях будут рассмотрены актуальные проблемы исторической науки, в том числе такие, как современные концепции цивилизаций; хозяйственно-культурные типы и способы производства; советская кооперация в 20-е годы; народничество в России; земские соборы на Руси; Социнтерн и проблемы мировой политики; восстановление советско-японских отношений и др.

Будет продолжена публикация статей циклов:

«История советского общества в новом освещении»;
«Очерки истории Русской православной церкви».

В разделе «Исторические портреты» будут напечатаны очерки об **А. А. Кузнецове, М. А. Бакунине, Петре III, Александре II,** митрополите **Филарете, А. А. Аракчееве, С. Ю. Витте,** адмирале **А. В. Колчаке** и др.
Журнал предоставит страницы видным зарубежным историкам.

Подписка принимается всеми предприятиями «Союзпечати» и отделениями связи. Цена одного номера — 90 коп. Подписная цена на год — 10 руб. 80 коп. Индекс 70145.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

№ 7 ИЮЛЬ 1990

Вопросы Истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1926 года

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ПУБЛИКАЦИИ

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

ИСТОРИОГРАФИЯ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

СТАТЬИ

И. Е. ЗАБЕЛИН: НОВАЯ ОЦЕНКА ТВОРЧЕСТВА

А. Н. Сахаров

Понадобились многие годы, прежде чем в нашем обществе созрела необходимость вновь сделать своим достоянием книги Ивана Егоровича Забелина (1820—1908). Более 70 лет они не переиздавались. В советской исторической науке было создано идеологизированное клише об этом историке как буржуазном ученом консервативного направления, чуть ли не великодержавном шовинисте. И все же его творчество невозможно было вовсе вычеркнуть из истории науки.

О нем бегло и, естественно, весьма критически упомянул М. Н. Покровский в 20-е годы в работе «Историческая наука и борьба классов». Известный историограф Н. Л. Рубинштейн подчеркнул, что Забелин был представителем историко-бытового и историко-археологического направления в русской историографии, что он делал попытки восстановить старину в ее бытовой повседневной конкретности. Отмечено было также, что Забелин «выходил за рамки историко-бытового описания, обращаясь к общим проблемам общественного строя». Но историограф ограничился при этом лишь замечанием, что эти проблемы оставались у Забелина на уровне социологической эклектики [1]. В появившейся в разгар Великой Отечественной войны статье Е. Звягинцева была признана огромная исследовательская работа Забелина по воссозданию исторического облика русской столицы, и тем самым подчеркивалось патриотическое начало его творчества [2]. В 1945 г. 125-летний юбилей Забелина был отмечен в Историческом музее, бессменным руководителем которого ученый являлся почти со дня его основания и вплоть до своей кончины. А. В. Арциховский сделал доклад об археологических исследованиях Забелина [3].

В 50-е годы имя Забелина упоминалось в обобщающих историографических работах — «Очерках истории исторической науки в СССР», ряде общих курсов. Но и в них повторялись сомнительно расставленные акценты в отношении этого историка, не отходящие от уже созданного клише [4].

САХАРОВ Андрей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института истории СССР АН СССР.

[1] Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М. 1941, с. 418—420.
[2] Звягинцев Е. Историограф великого города — И. Е. Забелин.— Исторический журнал, 1943, кн. 3—4.
[3] См. Арциховский А. В. Забелин-археолог. В кн.: Историко-археологический сборник. М. 1948.
[4] Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М. 1953, с. 533, 584. О Забелине как археологе и нумизмате говорилось в том же издании (Т. II. М. 1960, с. 614—617, 656, 674); заслуги Забелина в изучении античной истории юга России отметил

Первая в советское время аналитическая статья была написана Рубинштейном в начале 60-х годов. Однако вышла она уже после смерти автора. Он получил доступ к архивам ученого, впервые ввел в научный оборот его дневниковые записи, воссоздал в основных чертах его биографию, рассказал о главных направлениях его научной деятельности, отметил, что проблемы народа, общества выдвинулись в его исследованиях на первый план уже с 60-х годов XIX века. Однако Рубинштейн все же не дал всесторонней оценки творчества Забелина, нарочито подчеркнув прозападнические и антиславянофильские тенденции в его исследованиях, что было совершенно чуждо Забелину. Обошел автор и серию историко-теоретических, концепционных работ ученого, опубликованных им в 50—60-е годы прошлого века. В статье прозвучали и знакомые упреки в позитивизме и идеализме без точного раскрытия смысла этих тенденций в творчестве Забелина [5].

С середины 80-х годов, когда в обществе все более настоятельно стала ощущаться потребность освобождения от мертвых идеологических догм, была вновь предпринята попытка вернуть творчество Забелина народу — вышла первая при Советской власти обстоятельная книга о нем, принадлежащая перу А. А. Формозова [6]. Автор продолжил дело Рубинштейна, следом за ним двинулся в забелинские архивы и почерпнул в них много интересных материалов, продолжил освоение забелинских дневников, расширил наши представления о биографии и научной деятельности историка. Формозов старался показать самостоятельность и оригинальность суждений Забелина, его независимость в споре между западниками и славянофилами, дал обстоятельный разбор всех его основных работ, включая историко-теоретические статьи начала 60-х годов XIX века.

Но и этому автору не удалось оторваться от ряда прежних оценок ученого и воспринять Забелина с позиций логики развития этого исследователя в условиях, сравнениях, сопоставлениях второй половины XIX века. Формозов упрекает Забелина в привязанности к идеям Гегеля и Канта, увлеченности государственно-юридическими концепциями К. Д. Кавелина. Закономерен вопрос — а может быть, следование Гегелю в подходе к человеческой истории в ту пору говорило о научном чутье и вкусе русского историка, о его диалектическом уме, историко-философских высотах? Не избежал Формозов и традиционной оценки Забелина как фактолога.

И. С. Тургенев говорил о Забелине: «Светлый русский ум и живая ясность взгляда» [7]. В этих словах содержится верная оценка личности и творчества замечательного русского историка. В них разгадка читательского успеха его трудов, его влияния на русскую культуру второй половины XIX — начала XX века. Наверное, он был идеалистом, позитивистом, радикалом в молодости и консерватором на склоне лет, если уж непременно стремиться дать определение его творчеству в духе прежних идеологических штампов. Это вовсе не значит, что Забелин не занимал какого-то определенного места в общественном и культурном движении своего времени, но место это определялось всей его жизненной позицией, всей совокупностью его взглядов, его реакцией на окружающий мир. И все это намного сложнее, глубже, богаче, нежели сухое социологическое отнесение его к тому или иному общественому лагерю.

В. И. Астахов в «Курсе лекций по русской историографии (до конца XIX в.)». (Харьков. 1965, с. 321).

[5] Рубинштейн Н. Л. Иван Егорович Забелин: исторические воззрения и научная деятельность (1820—1908).— История СССР, 1965, № 1.

[6] Формозов А. А. Историк Москвы И. Е. Забелин. М. 1984.

[7] Цит. по: там же, с. 59.

Интересно, что так же, «по-тургеневски», его оценивали Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Л. Н. Толстой, Б. Н. Чичерин, И. И. Панаев и многие другие деятели русской культуры, литературы его времени, ученые, общественные деятели. Это было отмечено и Звягинцевым, и Рубинштейном, и Формозовым. Творчество Забелина высоко оценивали Т. Н. Грановский, М. С. Щепкин, В. И. Суриков, братья Васнецовы, К. С. Станиславский, а ведь это были люди разных поколений, общественных направлений, разных вкусов и исторических симпатий. Их притягивал именно забелинский ум, реальность и жизненная трезвость его исторических наблюдений и оценок, его природное умение видеть подлинный смысл того или иного факта, события, личности в истории независимо от господствовавших тогда общественных оценок, то есть все то, чего во многом лишилась наша историческая наука в последние десятилетия.

Становление личности и творческого кредо Забелина определило сочетание таких обстоятельств его жизни, как, с одной стороны, невероятная бедность и ущемленность в детстве и юности, которая в известной мере затронула его зрелые годы, а с другой — невероятная одаренность его натуры, светлый ум, огромный здравый смысл в подходе к жизни, к событиям истории, большая впечатлительность. Думается, что как человек и ученый Забелин силой обстоятельств, силой своей натуры, природной сбалансированностью ума и страстей всю жизнь старался в труднейших жизненных условиях реализовать те благодатные качества, которые были ему отпущены природой.

Воспитанник Преображенского сиротского училища, архивариус Оружейной палаты Московского Кремля, Забелин опубликовал в «Московских губернских ведомостях» в 1842 г. свою первую научную статью о выездах царской семьи на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Тема была узка и конкретна, но выбор был неожидан и оригинален, он показал направленность интересов молодого ученого: опора на архив, на точный факт, образность мышления, стремление увидеть в отдельном, пусть небольшом и ординарном событии большой исторический подтекст.

Затем последовали публикации по истории Московской Руси XVI—XVII вв., которые сделали его имя заметным в научном мире. Кажется, жизнь налаживалась: Забелин получил казенную квартиру, женился. И все же бедняцкое прошлое тяжким грузом придавливало его едва определившееся будущее. Он никак не мог выбиться из круга мелких забот. Радостью становились и ничтожные случайные приработки, и то, что он, наконец, расплатился за казенную одежду с сиротским училищем. Его жена, М. П. Андронова, была так же бедна, как и он сам. Начинающему ученому не хватало систематического образования, широты кругозора. За его плечами были лишь пять лет учебы в богаделенном доме.

Официальная наука, хотя и благосклонно, но весьма настороженно относилась к талантливому самоучке. Профессура Московского университета, по существу, признала его лишь в последние годы его жизни, когда имя Забелина затмило научное реноме многих из них. Этим объясняется многое из того, что определяло его взгляды и настроения, его демократизм и гуманизм, неприятие официальной науки с ее косностью и тщеславием, отрицательное отношение к «сильным мира сего».

Но жизнь шла. Забелин продолжал трудиться в архивах; почти ежегодно выходили его новые статьи, публикации редких архивных документов; старомосковский быт все шире развертывался перед изумленными взорами читателей. Уже в 40-е годы XIX в. Забелин начал работу над своим фундаментальным трудом «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии»; постепенно определяется еще одна

главная тема его научного творчества — история Москвы, проявляется интерес к археологическим древностям. В молодом тогда человеке удивляет широта научных замыслов, масштабы задуманного, стремление к мобилизации как можно большего архивного материала.

Масштабность работы, смелость в постановке глобальных конкретно-исторических и теоретических тем давно стали своеобразным знаком качества крупнейших русских историков. Поражает грандиозность замысла и яркость, виртуозность исследовательского исполнения Н. М. Карамзиным «Истории государства Российского». Затем эстафету принимает С. М. Соловьев, создавая свою «Историю России с древнейших времен». И в эти же годы свой замысел — написать историю русского народного быта вынашивает Забелин. Все трое не сумели закончить задуманного: груз оказался непосильным, но каждый из них привнес в исполнение своих замыслов и самопожертвование, и научную страсть, и талант, оказав неизгладимое влияние на интеллектуальную жизнь России.

С 1851 г. в «Отечественных записках» Забелин начинает публикацию первой книги «Домашнего быта русского народа». Она вызвала восторг современников. Ее не обошли своим вниманием представители всех тогдашних общественных лагерей — революционеры и консерваторы, западники и славянофилы, официальные высшие круги России, университетские преподаватели и студенты. Тургенев начинает хлопоты об издании «Домашнего быта» отдельной книгой.

В эти же годы Забелин сближается с кружком Грановского и с самим Грановским. В дом лидера тогдашних русских западников демократа Забелина привел весь опыт его жизни. Со времени своего появления в Оружейной палате он общался с демократической молодежью, увлекался статьями Белинского. На дому у Грановского он прослушал курс его лекций, и это было единственным в его жизни систематическим после богаделенного дома обучением. Позднее, уже после смерти Грановского, Забелин сблизился с кружком А. В. Станкевича; в его доме встречался с видными московскими правоведами К. Д. Кавелиным и Б. Н. Чичериным, основоположниками теории государственно-юридической школы, с Соловьевым, применившим их теорию в практике изучения истории России, с врачом С. П. Боткиным. Это были недостающие ему «университеты». Московские либералы активно выступали против реакционных теорий Каткова, следили за передовыми идеями Запада. Имена Фейербаха, Прудона, Маркса не были им чужды, как не чужды они были Забелину, жадно впитывавшему все новое.

В преддверии реформ и в период самих реформ он вопреки ретроградам приветствует их проведение. Еще вчера мы бы осудили такую идеализацию крестьянской реформы. Но ведь не все в то время стремились браться за топор и тем не менее оставались людьми честными, порядочными, демократически мыслящими, полагающими, что освобождение крестьян было определенным благом. К этим людям относился и Забелин. Он с сочувствием следил за студенческими волнениями, осудил подавление восстания крестьян в с. Бездна. Его биограф считает, что вскоре Забелин повернул вправо, проводя концепцию патриархальности русского народа, утверждая, что образ жизни народа и возникновение и развитие в России монархического строя взаимно связаны. Причина этого «поворота» видится в реакции на польское восстание 1863 г., в начавшемся «хождении в народ», в покушениях на царя; в расшатывании «устоев». Но, видимо, связи здесь нет.

Концепция соответствия образа жизни народа и власти складывалась у Забелина постепенно, и в ней было столько же реакционного, сколько и в чаадаевских или тургеневских оценках исторического пути России. Это было его видение, его понимание, его объяснение развития

страны. Это понимание он подробно, детально, вариативно аргументировал во многих своих сочинениях, и было бы наивно связывать эту его научную концепцию с тем или иным политическим поворотом. В те же годы он писал в дневнике: «Московский кнут — царь. Представляется, что он поработил народ и сделал его действительно рабом. Но так ли это. Примучивая к понятию единства (централизации страны.— *А. С.)*, он действительно стегал кнутом встречного и поперечного, но ведь кто ж и кого тогда не стегал. Власть, в чьих руках она ни была, всюду она была дика, груба, эгоистична» [8]. Надо просто подумать над тем, как подобные характеристики, «по Чернышевскому», укладывались в теорию русской патриархальности.

В дальнейшем, возглавив Археологическую комиссию, Забелин многого добился как археолог. Но Юг, Поднепровье, скифские курганы были не его стихией. Его первой и всепоглощающей научной любовью оставалась Москва, Подмосковье, Великороссия. Как раз в годы особенно интенсивных археологических исследований с конца 50-х — до середины 70-х годов XIX в. вышли практически все основные исследования Забелина: программные теоретические статьи, монографии, многочисленные другие труды. Мир России XVI — XVII вв.— этой основной теме он оставался верен и на посту руководителя Общества истории и древностей российских, а в дальнейшем в качестве фактического директора Исторического музея.

С конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. в жизни Забелина происходит еще один поворот: он становится официальным историографом Москвы, соглашается, по предложению городской думы, возглавить комиссию по созданию истории Москвы. Ежегодно выходили его новые статьи, заметки, рецензии, переиздавались прежние работы. Теперь в отдельных работах, предисловиях к своим старым трудам он лишь оттачивал свои взгляды, сформировавшиеся в 60—70-е годы XIX в., связывал их в единую прочную цепь, обнимая ими всю русскую историю. В последний раз он обратился к своей концепции понимания исторического процесса в «Истории города Москвы».

Все ортодоксальные критики Забелина послереволюционной поры с негодованием писали или подразумевали, что свое творчество он посвятил в той или иной мере образу жизни царского двора XVI — XVII веков. И никто из них не обратил внимания на то, что его основной труд называется «Домашний быт русского народа». И лишь сквозь призму этого понимания он посвящен государеву двору. Вот в этой прямой связи, в этом сопоставлении жизни народа и царского двора и заключается смысл этой и других работ Забелина. Более того, народ, а не царь, не образ жизни государя и его семьи неизменно оказывается в центре внимания всех сочинений ученого. Ни один из русских историков не проявлял к проблеме народа столько интереса, сколько Забелин. Он был поистине народным историком не только по своему происхождению, образу жизни, но и по убеждениям, историческим взглядам.

Крупные общественные перемены второй половины XIX в. вынесли народ на авансцену русской жизни, вызывая в памяти живые образы прошлой истории. Пора 60—70-х годов, когда Забелин создавал свои научные труды, была тем временем, когда либеральная и демократическая научная мысль все чаще обращается к образу народа; в его толще, в его истории ищет объяснение превратностям истории России. Эту черту эпохи позднее очень тонко подметил П. Н. Милюков: «На народе и народности сходятся в 60-х годах самые разнообразные направления, начиная от эпигонов славянофильства вроде Беляева и кон-

[8] Цит. по: Рубинштейн Н. Л. Иван Егорович Забелин, с. 58.

чая таким либералом чистой воды, как Градовский. В поклонении «народности» сходятся Костомаров и Буслаев, Щапов и Бестужев-Рюмин, Забелин, Афанасьев. Каждый по-своему, но все толкутся в эту дверь и на один момент (1861—2) сближаются в общем настроении. Это то настроение, в котором Писарев находит одобрительные слова для Киреевского, Чернышевский подает руку Юрию Самарину. Бросить мертвый механизм бездумных юридических форм, обратиться к живому материалу, наполняющему формы,— таков общий лозунг в эти годы» [9]. Этот историографический феномен еще предстоит исследовать.

Здесь мы подходим к главному в понимании творчества Забелина — к тому, как он рассматривал народ и как его рассматривали его будущие идеологические оппоненты. Одно несомненно: взгляд на народ, его историю, его образ жизни у Забелина был более реален, жизнен, правдив, нежели наше недавнее понимание истории трудящихся классов, когда терялся обычный живой человек, единичный человек, индивидуальность, которая стояла в центре внимания исторических воззрений Забелина. Он писал: «Домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех так называемых великих событий» [10].

Не царя, не царицу, не царевичей, а человека, русского человека, он стремился понять, постичь «внутреннее народное развитие», а это возможно, по его мнению, лишь в том случае, если мы сможем понять «частные типы» народной жизни [11]. Можно, конечно, спорить с забелинским пониманием этих типов, но трудно возражать против того, что народ состоит не только из тех, кому мы симпатизируем с точки зрения классовых интересов, но и из тех, кто в истории является нашими идеологическими антиподами. Понятие «народ» в течение многих десятилетий было тождественно понятию «низы», трудящиеся массы. Между тем в реальности все обстояло сложнее. В понятие «народ» входят все его составные части, все его структуры, которые составляют общество, определяют его жизнь.

Забелину народ представлялся хотя и пестрым, но единым целым снизу доверху и сверху донизу. Но он предпочитал вести отсчет сверху. Так, первым «народным типом» для него было «государь, или господарь», но государь не в политическом смысле слова, оговаривается Забелин, а в чисто житейском, в смысле «собственника и владельца, хозяина». К этой господарской среде он относит и лиц княжеского, позднее царского происхождения, и дружинников, позднее бояр, детей боярских, дворян. (Говоря на языке нашей науки, это тип феодального собственника.) И в домашнем быте русских царей он видел «верховное значение этого типа», считал, что в образе жизни царского двора XVI — XVII вв. как бы аккумулировались наиболее характерные черты этого типа, его образа жизни. По современным понятиям, здесь аккумулировались наиболее ярко материальные условия жизни господствовавшего класса феодальной России.

Другим типом Забелин считает «земца-кормителя» (сюда, по его мнению, входит все трудовое населеиие); следующим типом — «казачество». В этой градации находят свое место тип «церковника», тип «слуги» и другие. Но, предупреждает Забелин, «нельзя забывать их связи, которая по законам жизни сливает их в одно целое» [12]. А это целое и раскрывает нам «общий тип народной жизни».

[9] Милюков П. Н. В. О. Ключевский. В кн.: В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М. 1912, с. 198.
[10] Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. Т. 1. Ч. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. М. 1918, с. IX.
[11] Там же, с. XIII.
[12] Там же, с. XIV—XVI.

В этой градации отсутствуют понятия «эксплуатация человека человеком», «классовая борьба», к которым обществоведение пришло по мере распространения идей марксизма. Но в этой попытке разделения общества на типы есть здравая мысль, есть живая реальность, есть основа для изучения быта России, который, по мнению Забелина, является основой «для уразумения идей и идеалов». (Интуитивно ученый приближается к пониманию того, что материальные условия жизни людей определяют их сознание, их общественные идеалы.) При обрисовке типов «земца» и других «низов» Забелин откровенно пишет о народных страданиях, о задавленности трудовых масс, насилиях над ними власти, сильных мира сего. Не владея классовыми дефинициями, он силой своего ума, проницательности, знания документов приходит к пониманию сложности и противоречивости народного организма, к диалектическому пониманию его жизни.

Декларировав свою программу и начав ее претворение в жизнь с обрисовки жизни верхнего эшелона общества, Забелин так и не успел дойти в своей работе до анализа жизни и быта его нижних эшелонов. Но и того, что он сделал, с лихвой хватило для понимания образа жизни народа в целом, поскольку его основным ориентиром постоянно оставался народный быт, который во многом определяет человеческое сознание, настроение людей, общественные тенденции.

Эти мысли, высказанные в 1895 г. в предисловии к третьему изданию «Домашнего быта русского народа», по существу, были для Забелина итоговыми. С особой тщательностью и обоснованностью он разрабатывал их, и как раз они-то во многом остались незамеченными и недостаточно оцененными. Даже Тургенев и Толстой, восхищаясь удивительным проникновением Забелина в старый русский быт, оставляли в стороне вопрос — а для чего же это потребовалось историку.

Еще в 1860 г. в одной из первых своих теоретических статей Забелин на первый план в истории выдвинул народ, который он рассматривал как своеобразный общественный организм. «Идея организма есть идея самой жизни», писал он, и идея народности как идея органическая «становится действующим началом исторической жизни». История, замечает он далее, не берет эту идею у естествознания, «а находит ее сама в себе, потому что история — такая же естественная наука, как и другие... Ее предмет — живой организм человеческий» [13]. Основная мысль Забелина о народе как живом организме, причем организме особом, историческом, законы развития которого ни в коем случае нельзя отождествлять с законами естествознания, вряд ли сегодня может вызвать возражения.

Именно здравомыслие, основанное на тщательном изучении источников, вышедших из среды народа, и привело Забелина к пониманию проблемы народа в целом. На этом основании он формулирует свое понимание истории, задач исторической науки. Предмет истории, подчеркивает он, «живой организм человеческого духа». На первый взгляд от этой формулы веет идеализмом. Но как Забелин развивает эту мысль? «Жизнь общества заключается в организации идей и дел, совершаемых человеком...— пишет он.— Жизнь в человеческом смысле есть именно духовная деятельность человека». Вот эта-то деятельность, под которой ученый понимает все то, что создано разумом человека, и составляет предмет истории. «Как личность отдельного человека есть духовное целое, духовный организм, живущий и развивающийся, так и народ — высшая личность — есть такой же духовный организм, по тем же законам живущий и развивающийся» [14]. И против такого подхо-

[13] Забелин И. Е. Размышления о современных задачах русской истории и древностей. В кн.: Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. 2. М. 1873, с. 1, 3.
[14] Там же, с. 4, 5.

да к предмету возражать трудно, особенно если учесть известное суждение Забелина о том, что духовная жизнь людей, общества, его идеи определяются бытом, то есть условиями материальной жизни.

Далее ученый дает свое понимание общества: «Гражданское общество, народ, есть живая совокупность умственных и нравственных сил, которые, как органические силы природы, находятся в постоянном неуловимом движении, как все органическое в природе». Если Забелин таким образом интерпретировал идеи Гегеля и применил их для понимания русской истории, то в этом не недостаток, а преимущество его исторической концепции, потому что она позволила ему подойти к пониманию истории, учитывая, во-первых, роль народных масс, а во-вторых, их постоянное развитие, движение.

Забелин выступил против того, чтобы превращать историю в сводку «громких» и «казистых» дел, распределяемых по видам: военные, гражданские, церковные и т. п. В таком подходе, утверждал он, утрачивается «личность» народа; нужно выявлять живую действительность, а не заниматься «разного рода раскраскою истории». Для воссоздания пути народа, писал он, необходим «микроскоп исторический», а не только изучение «громадных, но жалких дел» чингисханов и тамерланов. У нас же, с иронией отмечает Забелин,— не история, а «сборная биография неугомонных лиц». Без лиц, конечно, нет истории, продолжает он, без единичной жизни нет общей жизни, «но не ставьте же эти лица, эту единичную жизнь на то же место, которое по праву принадлежит лицу народа»[15].

Что же имел в виду Забелин под народной жизнью, «лицом народа»? Здесь все просится на страницы истории, говорит он,— «народная песня, поверья и предания, обряд и обычай, домашняя обстановка со всеми мелочами быта и система понятий и убеждений эпохи»[16], необходимо изучать и законы, по которым живет сложный народный организм. Это требует сосредоточения внимания исследователей на материалах, которые дают наиболее «типические черты» «народной личности». Это не только летописи, но и иные пласты источников — юридические акты, челобитные, сыскные дела, рассказывающие о повседневной жизни народа, внимательное и всестороннее изучение бытовых вещей.

И в других своих сочинениях той поры Забелин настойчиво выступает против увлечения «внешними фактами» истории, истории войн, поражений и побед. Эти его замечания направлены непосредственно против «Истории России» Соловьева, видится здесь и неприятие «истории лиц» Карамзина. Ученый не раз повторяет: «Мы должны узнать прежде всего внутренний быт народа во всех его частностях, тогда события и громкие, и незаметные оценены будут несравненно вернее, ближе к истине»[17]. Как видим, Забелин не отрицает необходимость изучения этих «громких дел», «неугомонных лиц», но справедливо указывает на односторонность и ущербность подобного изображения истории, и в этом — по сути дела, в одном из главных компонентов — он категорически расходится со сторонниками государственно-юридической школы, в которую его зачислили позднейшие критики.

Народ — «высшая личность», «разгадка всего», любил говорить Забелин. С позиций народного бытия он оценивал и все «громкие дела» русской истории. Так, он отводил решающую роль народу в истории складывания Русского централизованного государства: «В создании независимого русского государства участвовал и работал сам народ, еще

---

[15] Там же, с. 17, 18.
[16] Там же, с. 10, 12, 16.
[17] Цит. по: Рубинштейн Н. Л. Иван Егорович Забелин, с. 58.

сильнее и больше, чем московские государи, которым исключительно приписывают этот подвиг истории. Сам народ, по необходимости переносивший крутую неволю от собственных властей, никогда и нигде не выносил чужой неволи — татарской, немецкой, литовской»[18]. Здесь Забелин проводит мысль о диалектическом сочетании классовых и общечеловеческих интересов в годы тяжких народных испытаний и на определенном этапе истории России, в период борьбы за независимость, за единое государство и отдает пальму первенства интересам общенародным, общечеловеческим.

С этих же позиций оценивает Забелин реформы Петра I, как действие сил, давших народу «простор». Анализируя смысл реформ, форму их проведения, он приходит в статье «Русская личность и русское общество накануне петровской реформы» (1863 г.) к выводу, что «реформа была вполне делом самого народа, деянием лучших и наиболее здоровых его элементов, что Петр в действительности является только провозвестником, исполнителем великих народных стремлений». Реформа русской жизни, замысленная «в немецком стиле», была проведена «совершенно по-русски».

И к другому поворотному пункту русской истории — времени Смуты — Забелин подходит именно с позиций истории народа. Оставляя в стороне острейшие социальные коллизии, он считает, что положили начало Смуте верхи общества, корни ее уходят в царский дворец. На удар Грозного по боярству оно нанесло ответный удар по единодержавию уже после его смерти. В ходе борьбы честолюбцев за власть она утратила «нравственное значение», общество, государство зашаталось,.. банкротом оказался не народ, а правительство. Что касается народа, то поначалу он «долго стоял перед домом покойника, и все видел, и все слышал, что там творилось, и прямо назвал все это дело воровством, а всех заводчиков Смуты — ворами»[19]. А позднее именно народ, «богомольцы», «сироты посадские» взялись за дело воссоздания государственного устройства и действовали при этом по своему, по мирскому совету, по уму. Сначала народ смешался с «холопским делом» Болотникова (и здесь Забелин отдал должное одному из самых значительных событий Смуты — движению казацко-крестьянских холопских низов), а затем пришел к созданию Второго ополчения. В то время как «бояре продавали отечество за боярские почести и корысти», народ и выразители его интересов Минин и Пожарский стали истинными героями времени[20].

В статье «Современные взгляды и направления в русской истории» (1863 г.) свое понимание роли народа в истории Забелин попытался приложить к современной ему жизни, оценить тогдашний этап в истории России. Только что была проведена реформа, отменившая крепостное состояние крестьян, разрабатывались и проводились в жизнь другие реформы в различных областях общественной жизни. Старинная дремотная рутина была буквально взорвана властным вторжением новых буржуазных отношений. Старый мир рушился, новый обрисовывался еще неясно. Именно в это время разгорались жаркие споры между западниками и славянофилами, вернее, их пореформенными преемниками.

В споре активно участвовало консервативное крыло, либералы, звучал голос радикального направления, воспитанного на идеях Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Бакунина, оформлялось будущее народничество. И каждая из общественных групп в своей аргументации

---

[18] Забелин И. Е. Кунцево и древний Сетунский стан. М. 1873, с. 71.
[19] Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М. 1883, с. 1, 7, 8, 12.
[20] Забелин И. Е. История города Москвы. М. 1905, с. 23.

апеллировала к истории. Вот эту-то особенность общественной борьбы того времени и отмечает Забелин. Вслушиваясь и вдумываясь в смысл полемики, он приходит к грустному убеждению, что «наука история в большинстве случаев служит для современности как средство для всевозможных доказательств, оправданий и порицаний». А потому говорить сегодня об истории — значит говорить о современных направлениях и стремлениях в общественной борьбе [21].

Забелин стремится вообще вскрыть смысл исторического мироощущения, характер общественного мышления в переломные эпохи, какой являлись 60-е годы XIX века. Его рассуждение звучит свежо и в наше время. Он полагает, что мышление личности, сформированное в условиях «застойного периода» истории, входит в резкое противоречие с начавшейся «перестройкой» народной жизни. Результаты этого противоречия бывают весьма драматичными. «Усвоивши по началам собственного развития известный взгляд на вещи, более или менее определенный и построенный довольно логично, установивши точку воззрения твердо и самостоятельно, единичный ум очень часто так и умирает в ясном и спокойном созерцании своей силы и правды. Это всегда случается в эпохи стоячей жизни, когда в житейском море, в силу каких-либо обстоятельств, настает штиль, тишь и гладь. Но в эпохи поворотные, когда все теряет свои прежние места, трудненько сохранить это спокойствие, убеждение в собственной единичной правде. Такие эпохи тем особенно и отличаются, что прежняя иная правда вдруг оказывается ложью» [22].

Вот это и неспособен понять «единичный ум», «крепко и плотно завернувшийся в тот или другой коконочик понимания правды». Для такого ума, такого человека эпоха переворота предстает исключительно в виде наступающего хаоса; анархии; возникают мысли о всеобщей погибели, распаде общества. Но «весь этот мутный водоворот,— продолжает Забелин,— представляет только живое воплощение руководящей идеи века» и задача истории — выявить «ход раскрытия этой идеи в жизни» [23]. Эту идею и ее реализацию люди понимают «в соответствии со своими нравами и умами». Кажущийся хаос — лишь проявление закономерностей эпохи, которые по-разному понимаются различными направлениями общественной мысли. «Застарелые фрунтовики мысли гневаются, когда настает подобный хаос, и даже ругаются, почитая себя все-таки умнее общего жизненного движения и вовсе не замечая, что в этом движении обнаруживается очень здоровая сторона общества, которая в это время, несмотря на неизбежные заблуждения, шире и многообразнее, чем прежде, раскрывает свои сознательные силы» [24]. Все, что тлело, скрывалось под спудом «ветхой личины», «изношенного символа», неумолимо пробивает себе дорогу. Общественные деятели в такие эпохи должны четко отвечать из вопрос «кто ты и что ты?» без «виляния, двуличности и двусмысленности». Эти-то вопросы, размышляет Забелин, «и смущают людей, которые вовсе не готовились, вовсе не желали бы отвечать на них», скрывая свои истинные намерения и убеждения [25].

Эти положения ученый применяет при анализе таких поворотных эпох, как 60-е годы XIX в. и петровские реформы, и дает оценку той общественной борьбе, которая разворачивалась вокруг судеб России

[21] Забелин И. Е. Современные взгляды и направления в русской истории. В кн.: Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. I. М. 1872, с. 301, 302.
[22] Там же, с. 304.
[23] Там же, с. 305.
[24] Там же, с. 306.
[25] Там же, с. 307.

в XVIII в., но особенно во второй половине XIX в., по двум основным полемическим линиям — «русофильство» и «западничество». «Светоч русофильства», отмечает Забелин, неизменно возгорался сильнее, «как скоро жизнь делала поворот к собственному обновлению». Так было в петровские времена, в период реформ Екатерины II, а позднее Александра I. И всякий раз «русофилы» стремились равняться на русские «корни», где, по мысли Забелина, господствовали лишь отсталость и косность. «Русофилы» и прежде и теперь смотрят, по его мнению, «в день вчерашний», стремясь найти там себе исторические образцы; «западники же вглядываются лишь «в даль будущего», отрываясь от реальной русской действительности, «они мало дорожат прошлым». И те и другие как раз и демонстрируют две стороны понимания действительности, проявляя недовольство существующим положением вещей, и стремятся использовать историю «как самое эластичное вещество» [26].

Эти прозорливые и горькие размышления Забелина, казалось, не были замечены современниками. Одиночка, стоящий над враждующими группами, над запальчивыми спорами, полными односторонней аргументации, Забелин оказался объективным и вдумчивым исследователем, во многом верно оценивавшим психологию людей переломной поры.

Касаясь в других своих работах значения переломных эпох в жизни России, он постоянно обращается к состоянию народа. Именно оно во многом определяет успех любых реформ, корректирует задуманный смысл всех перемен. Реформатор замышляет одно, а народ лепит свой образ текущей и грядущей жизни. Все чужеродное, противное себе народный организм либо отвергает, либо подстраивает под себя. Примером этого Забелин считает введение христианства на Руси, когда народ формально подчинился нововведениям, а на деле создал совершенно особый и неповторимый религиозный симбиоз — двуеверие [27]. «Народ ведь не тесто, которое можно смять как угодно и испечь из него каких угодно пирогов»,— заключает Забелин, вступая в полемику с идеологами государственно-юридической школы, любившими повторять кавелинскую фразу: народ — это «калужское тесто», которое государство может месить как угодно». Никакая крутая реформа, даже петровская, не в силах переделать народный организм, по своей мерке изменить сущность его жизненных сил». «Все несродное организму будет отринуто и будет принято только то, что наиболее соответствует степени его развития» [28].

Прав Формозов, заметивший, что Забелин «напоминал реформаторам о многовековых традициях страны, об ее отсталости, огромной силе инерции, предсказывал, что как ни старайся, изменится далеко не все» [29]. Понятно, что эти предостережения относились не только к реформаторам, но и ко всем любителям общественных потрясений, которые, следуя той или иной идеологической догме, стремились как можно скорее переделать народ, круто изменить жизнь страны, не обращая внимания на его реальное состояние, психологию, образ жизни, традиции, привычки, обычаи и т. д. Думается, если бы члены «Земли и воли» вдумались в размышления Забелина, проникли в их сущность, то воздержались бы от своей наивно-утопической попытки «хождения в народ» как совершенно бессмысленной в тех условиях, не отвечавшей именно состоянию народа.

Занимаясь историей России XVI — XVII столетий, создавая впечатляющую картину быта той поры, Забелин тем не менее весьма скеп-

[26] Там же, с. 339, 340, 346, 349.
[27] Забелин И. Е. Размышления, с. 48—49.
[28] Там же, с. 52.
[29] Формозов А. А. Ук. соч., с. 131.

тически относился к русской средневековой действительности. Будучи влюблен в быт, в предмет своего исследования, он вовсе не был влюблен в Россию той поры. «Жизнь допетровского общества не представляет собой ничего такого, что могло пленить наше воображение»[30]. Уклад народной жизни менялся тогда медленно, тяжелые природные условия, лютые морозы, краткое, небогатое лето не давали возможности народу к быстрому всестороннему развитию заложенных в нем способностей. Запад же развивался в условиях благодатной природы и стал заметно обгонять Россию во всех отношениях. Забелин здесь справедливо указал на один из важнейших факторов развития страны в условиях, когда природа оказывала весьма сильное воздействие на общество, когда человек был менее защищен от природных условий, чем нынче, и, естественно, не так агрессивен по отношению к ней, как последующие поколения.

Забелин никак не мог согласиться с призывами славянофилов возродить незамутненный петровскими реформами образ России; уж он-то хорошо понимал, что представляла допетровская Русь того времени. «Тоска о предании — пустошь»,— писал он в своих дневниках,— «впереди, а не позади наше спасение», «Петр тем велик, что он разорвал предание, осмеял его, освободил мысль, чувства... Славянофилы и Костомаров стоят за предание, ищут в старом хламе начало жизни»[31]. Эту мысль он аргументирует в статье «Русская личность и русское общество накануне петровских реформ» (1863 г.). Говоря о времени Алексея Михайловича, которое он знал великолепно, Забелин пришел к грустному выводу, что Россия тогда переживала «еще первобытный древнейший период своего развития», «период наивного детства», «суеверия» и «суесловия». Отсутствие системы образования, засилье обветшалых догм, примитивный образ мышления — такой предстала Россия XVII в. перед исследователем русского быта.

Конечно, Забелин не видел мощных социально-экономических, политических, культурных процессов, происходивших тогда в стране. Он даже не приблизился к пониманию того, что мы называем генезисом капитализма в России, зарождением всероссийского рынка, параллельным развитием как феодально-крепостнических, так и предбуржуазных отношений, складыванием абсолютной монархии со всеми присущими ей признаками и русскими особенностями. Но Забелин пишет совсем о другом: его оценки идут от анализа образа жизни, быта народа, которые, разумеется опосредованно, должны были отразить основные социально-экономические, политические и культурные процессы в стране. Согласно наблюдениям Забелина, XVII в. все еще представлял собой старую, дремотную Русь. Наиболее ярко эти наблюдения нашли отражение в его основном труде «Домашний быт русского народа».

Идею о решающей роли народа в истории провел Забелин в исследовании о Москве. Ее прошлое он рассматривал как историю политического и культурного центра русского народа. Не великие князья, цари и царицы интересовали его здесь в первую очередь, хотя и им он уделил определенное внимание как народному типу, аккумулировавшему все его основные черты, а эволюция народной жизни, народного быта. «Школа Москвы,— писал он,— есть школа великих бедствий, великих ужасов и несчастий, которые, падая на даровитую почву, возбуждали только еще больше сил и стремлений»[32].

Забелин стремился показать историю Москвы такой, какой она была в действительности. Он пишет о концепции «Москва — третий

[30] Цит по: там же, с. 54.
[31] Цит. по: Рубинштейн Н. Л. Иван Егорович Забелин, с. 62.
[32] Забелин И. Е. Размышления, с. 62.

Рим»; «Эту легенду придумали сами москвичи, вдохновляемые своею невежественною гордынею»[33]. Своей задачей он считает не обращение к «легендам», а показ «во всем объеме его (города.— *А. С.*) бытия и быта политического и религиозного, умственного и нравственного, общественного и домашнего, торгового и промыслового, ремесленного и художественного, экономического или хозяйственного и материального или строительного»[34]. История города — это и история его топографического распространения, и история всех слоев и групп городского населения «с их занятиями, правами, обычаями, мыслями, чувствами, с устройством и уставом их городского быта и управления во всех его видах и потребностях»[35]. Не забыта даже хроника воровства, мошенничества, разбоев, а также хроника бедствий города — пожаров, бурь, наводнений, моровых язв, голода, «нашествия иноплеменных». Опубликована лишь часть этой грандиозной программы, часть труда Забелина о Москве, остальные еще ждут выхода в свет.

С позиций влияния народа на судьбы страны оценивает Забелин и становление русского искусства, русского зодчества. Он включается в спор о русской архитектуре и выступает против тех, кто считал ее заимствованием со стороны. Основным предметом спора стал храм Василия Блаженного (Покровский собор). Ученый не согласился как с тем, что храм этот создан под влиянием татарской архитектуры или под прямым влиянием готики, так и с тем, что здесь видно смешение разных стилей — «мавританского, готического, ломбардского, индейского и византийского». «О русском ни слова,— с горечью пишет Забелин в 1878 г.,— по той простой причине, что этого и сказать было невозможно ввиду всеобщего убеждения, что русский народ всегда находился под тем или другим влиянием и никогда ничего своего самобытного не производил»[36].

Забелин считает, что не случайно полемические страсти разгорелись вокруг храма Василия Блаженного, поскольку он является «типическою чертой самой Москвы» и для русской архитектуры имеет такое же принципиальное значение, как Кёльнский собор для германского зодчества. По мысли Забелина, храм Василия Блаженного — это «образец русской архитектуры», так как в основе его лежит идея древнерусских деревянных хором, теремных дворцов. А русские хоромы выросли из крестьянских изб, клетей. Рассматривая элемент за элементом храма Василия Блаженного, Забелин показывает, что его «красивый беспорядок» в действительности является типом «крестчатых и круглых соборных деревянных церквей». В таком же стиле выстроена ранее церковь Вознесения в Коломенском, напоминающая главный, центральный столп храма Василия Блаженного.

Особое место в системе воззрений Забелина занимает проблема соотношения народа и государства, народа и самодержавия, народа и царя. На понимании этого соотношения и построена концепция его труда «Домашний быт русского народа» в частях, касающихся быта царского двора. Основной акцент в противовес «государственникам» Забелин делает не на роли государства в создании общества, а на роли народа, его патриархального быта в создании государства. Он не анализирует социальных функций государства, его классовых основ. Цель у него иная: его интересует нравственно-психологическая сторона дела, общность между образом, укладом жизни народа и обликом государственной машины.

[33] Забелин И. Е. История города Москвы, с. 47.
[34] Там же, с. X.
[35] Там же, с. XI—XII.
[36] Забелин И. Е. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М. 1900, с. 21—22.

Конечно, народ, его психология, темперамент, традиции, привычки, культурный уровень и другие характерные черты накладывают печать на общественное развитие и, естественно, на формирование государства. Один только классовый подход не может объяснить нам многое из того, что происходило и происходит в стране. Поэтому опыт Забелина (при всей его односторонности, известной ограниченности) весьма поучителен. По его мнению, семейно-родовой быт с двором в качестве основной ячейки и хозяином, господином, государем был основным фундаментом всего общественного бытия. На этом фундаменте и взрастает государство как «результат, произведение народного сознания», «внешний механизм народной жизни»[37]. «Государь,— считает Забелин,— из единичного типа с органической постепенностью переходит в тип политический». Забелин подчеркивал: «Никакой другой оболочки не может создать себе народный дух, как именно такую, какая у него существует и какая, следовательно, отвечает требованиям его природы и свойству его сил». А далее следуют его программные слова: «Каково государство, таков и народ, и каков народ, таково и государство»[38]. Что касается XVI—XVII вв., то государство того времени отражало облик народа глубоко патриархального, рутинного в своих традициях, обычаях, психологии, оно «носило еще во многом прапрадедовский кафтан»[39]. Отсюда проистекает и выделение Забелиным в качестве одного из основных типов русского народа «господаря», «государя», и поэтому систему домашнего быта народа ученый начинает с обрисовки царского двора.

Создавая историю Москвы, Забелин исходит из той же генеральной мысли, что в «старой древней допетровской Москве ничего другого нельзя было и заметить, как ее царя-хозяина, ее вотчинника»[40]. Понятно, что становление московского «единодержавия» Забелин связывал с народно-патриархальными истоками, стремился выявить общность интересов народа и великих московских князей и царей в борьбе за единство страны, за ее независимость от Золотой Орды, в борьбе против крамольного, сепаратистского боярства. В великом князе, царе он видел носителя национального единства, нисколько не идеализируя насильственного характера власти на Руси. В дневнике Забелин записывал: «Самодержавие потому, что в народе лежали такие элементы. Следовательно, народ в том виноват, а не кто другой, ни черт, ни дьявол»[41].

Эти воззрения расценивались в советской историографии как монархические, словно не могло быть единства различных слоев народа, в том числе низов и власти, в решающие ключевые периоды истории страны, какими являлись борьба за единство русских земель, за независимость, против татаро-монгольского ига. И хотя ясна социальная ограниченность воззрений Забелина на перерастание родового общества в государство (социальный механизм его создания был, как известно, совсем иным), чисто бытовой, психологический подтекст этого перехода, о котором ученый писал, вряд ли может быть поставлен под сомнение. Во всяком случае, упорное сохранение монархических корней в народной среде, влияние патриархального уклада давало себя знать еще очень долго, о чем говорит феномен культа личности уже в условиях советского времени. И тезис Забелина «каково государство, таков и народ, и каков народ, таково и государство»[42], не кажется таким уж наивным.

[37] Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. Т. 1, ч. 2. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. М. 1872, с. 351.
[38] Забелин И. Е. Размышления, с. 41, 47.
[39] Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI—XVII столетии. Т. 1, ч. 2. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии, с. 351.
[40] Цит. по: Рубинштейн Н. Л. Иван Егорович Забелин, с. 71.
[41] Цит. по: Формозов А. А. Ук. соч., с. 68.
[42] Забелин И. Е. Размышления, с. 47.

Забелин писал историю народа и одновременно историю личностей; через личности он показывал народ, а характеризуя народ, шел к обрисовке характера личности. «Без лиц нет истории,— считал он,— без единичной жизни нет общей жизни. Но не ставьте же эти лица, эту единичную жизнь на то место, которое по праву принадлежит лицу народа»[43]. Личность и народ, по мысли Забелина, находятся в удивительной гармонии. Личность является выразителем потребностей времени. Но это случается не часто, а когда происходит, то становится праздником в жизни народа. Как правило, такая гармония наблюдается в поворотные эпохи. В «будни» же — «широкое поле личности по преимуществу эгоистической... господству случайных, мелких людей, созданных мелким эгоизмом». На повороте от будней к общественным потрясениям может возникнуть вакуум, общество в решающий момент остается без вождя, выразителя истинных народных интересов и тогда «первый наглец приобретает успех»[44]. Но эгоистическая личность, прикрываясь народной тогой, вступает в противоречие с обществом. Такова суть весьма глубоких, здравых мыслей Забелина о соотношении народа и личности.

Советская историография традиционно считала, что Забелина мало волновали народные беды, что он предпочитал умалчивать о народных восстаниях, крестьянских войнах, об их вождях. Между тем народная борьба с насилием власть имущих, осуждение этих насилий по отношению к простым людям, глубокое сочувствие народным тяготам и бедам красной нитью проходят через все сочинения Забелина. Он ненавидел боярство, дворянство и чиновничество, крепостнические порядки. Он писал о произволе и пытках в России XVI—XVII вв., о старой Москве, как о «столице крепостников, где обитали праздность и роскошь»[45]. Он первым в историографии показал бедственное положение крестьянства в крупной вотчине XVII века. «Кормилец-земец должен был оплачивать каждое свое движение»,— писал он; иной раз крестьянская почва не выдерживала этой тяжести, этих «опустошений» и «колебала даже самое государство»[46].

В своих трудах Забелин не только утверждал ценность народа, простого человека — крестьянина, ремесленника, мелкого торговца, но и мощь народных движений, их влияние в истории: «Куликово поле — движение народное,— пишет он в дневнике.— Смутное время — народное движение. Отсюда ряд событий, бунтов до Пугачева и 14 декабря. Все народ»[47]. Нельзя не отдать сегодня должное интуиции ученого, сумевшего прочувствовать родственность, казалось бы, столь разных общественных явлений, выявить их общую основу — интересы народа. Его историю Забелин пропустил через свой ум и сердце. В этом суть натуры, суть творчества этого замечательного русского историка.

[43] Там же, с. 18.
[44] Цит. по: Рубинштейн Н. Л. Иван Егорович Забелин, с. 64.
[45] Цит. по: Формозов А. А. Ук. соч., с. 19.
[46] Забелин И. Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве (XVII век).— Вестник Европы, 1871, № 1, с. 12, 28.
[47] Цит. по: Рубинштейн Н. Л. Иван Егорович Забелин, с. 61.

ЧЕШСКОЕ ОБЩЕСТВО О СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ПАКТЕ 1939 г. И НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В. В. Марьина

Накануне второй мировой войны чешское общество пережило в течение года две трагедии — Мюнхен и ликвидацию государственной независимости в результате немецко-фашистской оккупации. В чешских землях и в среде чешской эмиграции с большим вниманием следили за ходом советско-англо-французских переговоров в Москве летом 1939 г., связывая с ними решение чехословацкого вопроса. Самые большие надежды возлагались на возможную войну западных держав и СССР против гитлеровской Германии. Позднее, в декабре 1940 г., бывший президент Чехословакии Э. Бенеш признавал: «Нам война была необходима, и я в этом смысле делал все, чтобы она началась. Я не был подстрекателем войны, но видел, что только путем войны можно уничтожить этих гангстеров и избавиться от всех ужасов, которые они натворили» [1].

С большим интересом за развитием международной обстановки и переговорами Советского Союза с Англией и Францией следили чехословацкие политики, оказавшиеся за границей. Посол Чехословакии в Москве[2] социал-демократ З. Фирлингер в послании Бенешу 7 мая 1939 г. отмечал возможность объединения усилий представителей различных политических направлений за границей в борьбе за освобождение Чехословакии, связывая это с благотворным влиянием курса СССР на достижение договоренности с западными демократиями[3]. Фирлингер был уверен в искренности стремления Советского правительства достичь соглашения с западными державами. Поэтому отставку сторонника политики коллективной безопасности М. М. Литвинова с поста наркома иностранных дел он не расценивал как признак возможного поворота в политике СССР. 25 июля он писал Бенешу: «Из этого факта в местном дипломатическом корпусе делается общий вывод о дальнейших изменениях советской внешней политики. По моему мнению, это не совсем правильно»[4]. Беспокойство Фирлингера за исход советско-англо-французских переговоров возросло после публикации 29 июня 1939 г. статьи А. А. Жданова «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР»[5].

МАРЬИНА Валентина Владимировна — доктор исторических наук, Институт славяноведения и балканистики АН СССР.

[1] Dokumenty z historie československé politiky 1939—1943. Díl. 2. Praha. 1966, s. 595.
[2] Резко сократив свой аппарат и все более ограничивая свою деятельность, чехословацкое посольство, несмотря на протесты посла Германии в СССР Шуленбурга, продолжало функционировать до конца 1939 года.
[3] Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl. 1. Praha. 1947, s. 219.
[4] Ibid., s. 238.
[5] Ibid., s. 266.

Но даже в этой тревожной атмосфере Фирлингер не сомневался в искренности и благожелательности позиции СССР в чехословацком вопросе. «Отношение к нам остается однозначно положительным,— сообщал он в конце июля Бенешу,—...освобождение чехословацкого народа останется всегда одной из принципиальных целей советской внешней политики». В то же время Фирлингер считал, что хотя открытое выступление Советского Союза по этому вопросу «в современных условиях не могло бы иметь позитивного результата», «Москва будет поддерживать нас при каждой возможности действенно и дипломатически»[6]. Мнение Фирлингера было, видимо, известно как в чешских землях[7], так и принималось во внимание в кругах чехословацкой эмиграции на Западе.

Бенеш, летом 1939 г. возвратившийся из США в Европу, обосновался в Англии. Недоверие к западным державам и их правящим кругам, основанное на опыте Мюнхена и оккупации страны гитлеровцами, тем не менее не изменило его ориентации на Запад. Вместе с тем, будучи трезвомыслящим политиком, Бенеш ясно осознавал ту роль, которую мог сыграть СССР в дальнейших судьбах чешского и словацкого народов. Тогдашний советский посол в Англии И. М. Майский вспоминает: «Бенеш не испытывал большой радости от ориентации на Восток. Его душа срослась с Западом, но как патриот он не видел для своей страны иного выхода кроме сотрудничества с Востоком. Чтобы обеспечить в будущем самостоятельность Чехословакии, он готов был проглотить и горькую пилюлю советско-чехословацкого сближения»[8].

Бенеш внимательно следил за всеми перипетиями англо-франко-советских переговоров, проецируя их ход прежде всего на решение чехословацкого вопроса и опасаясь, что в случае их неудач «мы снова будем принесены в жертву». Он хотел объединения сил западных держав и СССР во имя «войны Европы с Гитлером», которая представлялась ему единственным возможным путем восстановления Чехословацкого государства, «другой надежды на освобождение не было»[9]. Осведомлен был Бенеш и о советско-германских контактах. В его заметках о разговоре с В. М. Молотовым в июне 1942 г. по этому поводу говорится следующее: «Я заметил далее, что об их переговорах с Германией я знал уже весной 1939 г. и понимал это, поскольку видел, что делают Чемберлен и Даладье; и я никогда их действия (СССР.— *В. М.*) открыто не критиковал... Я был уверен, что СС (Советский Союз.— *В. М.*) будет в войне на нашей стороне, поскольку я ждал агрессии против СС в любом случае»[10].

Надежды на то, что западные державы и Советский Союз, преодолев имеющиеся между ними противоречия, смогут создать единый фронт против Гитлера, все более крепли и в чешских землях, где летом 1939 г. набирало силу движение Сопротивления. Одновременно получили распространение представления относительно того, что одним из вопросов, по которому не удалось прийти к соглашению, является чехословацкий вопрос. Нелегальная газета «V boj» (начала выходить весной 1939 г.), отражавшая настроения левой части некоммунистического движения Сопротивления, объясняя задержку с подписанием соглашения, отмечала в начале августа 1939 г.: «Россия хотела знать, как

[6] Ibid., s. 242.
[7] Фирлингер встречался с представителями чешских деловых кругов, посетившими Москву летом 1939 г. для переговоров о сотрудничестве в области промышленности. «Позиция Советов по нашему вопросу,— писал он 7 августа 1939 г. на родину,— совершенно ясна и неизменна, и требование самостоятельного Чехословацкого государства остается раз и навсегда важной составной частью их политики» (ibid., s. 258).
[8] Цит. по: Křen J. V emigraci. Praha. 1969, s. 503.
[9] Dokumenty z historie československé politiky. 1939—1943. Díl. 1. Praha. 1966, s. 111.
[10] Цит. по: Křen J. Op. cit., s. 37—38.

партнеры по соглашению представляют себе организацию европейских государств... Лондон ответил, что... будет за восстановление этого государства (Чехословакии.— *В. М.*) в послемюнхенских границах. Москва не согласилась с этим и предложила, чтобы наши прежние границы... были восстановлены». В следующих номерах газеты, комментировавших поездку в СССР германской делегации для ведения переговоров по экономическим вопросам, говорилось, что немцы настаивают на прекращении переговоров России с западными державами и занятии ею нейтральных позиций, взамен чего Германия якобы готова отдать территорию всей прежней Чехословакии. Комментарий создавал впечатление, что между Англией, Францией и СССР господствует единство мнений в отношении Германии и что они требуют освобождения ею чехословацкой территории [11].

Особенно велика была вера в Советский Союз, который не предал Чехословакию в период Мюнхена и решительно протестовал против ее оккупации и расчленения в марте 1939 года. Авторитет СССР был тогда очень высок во всех слоях чешского общества, в том числе и весьма далеких от идей социализма. Тем большее недоумение чешского населения вызвало заключение советско-германского пакта о ненападении, а также оценка Советским Союзом начавшейся второй мировой войны как империалистической с той и другой стороны. В секретном сообщении немецкой службы безопасности от 29 сентября 1939 г. говорилось: «На чешские слои, враждебные Германии, пакт произвел удручающее впечатление... оптимизму чехов, который с мая по август непрестанно возрастал, был нанесен сильнейший удар» [12]. Примерно в то же время нелегальное руководстао Компартии Чехословакии (КПЧ) информировало в депеше, направленной К. Готвальду в Москву: «Мелкая буржуазия и частично рабочий класс пока еще дезориентированы в вопросе характера войны и политики Советского Союза» [13]. Наконец, Фирлингер, поддерживавший связи с родиной, сообщил Бенешу 26 августа 1939 г.: «Очевидно, что пакт о ненападении, подписанный Москвой и Берлином, породил панику среди наших людей. Особенно официальный комментарий советской печати в связи с событиями будет непонятен нашей общественности» [14]. Этот же мотив звучит в его сообщении Бенешу в конце октября 1939 г.: «Сотрудничество Москвы с Берлином рождает у нас всеобщее разочарование. Никто этого хорошо не понимает» [15].

Неоднозначно было воспринято заключение советско-германского пакта и чехословацкими коммунистами, которые также оказались в состоянии «растерянности умов». Сохранившиеся подпольные коммунистические издания (газеты, листовки) позволяют сделать вывод, что нелегальное руководство КПЧ и актив партии защищали внешнеполитическую линию Советского Союза, стремились ее разъяснить. Нелегальное руководство КПЧ было осведомлено о предполагаемом подписании советско-германского пакта и о возможном в связи с этим повороте в политике Коминтерна еще до 23 августа [16]. Об этом свидетельствует, в частности, листовка, адресованная чешскому рабочему классу или (так в тексте.— *В. М.*) чешскому народу и озаглавленная «Господин Риббентроп едет подписывать крах „Майн Кампф", или „Дранг нах Остен" не состоялся».

Содержание листовки, по существу, предвосхищало все последующие заявления КПЧ по поводу пакта, внешней политики СССР и линии Коминтерна. В листовке сообщалось о подписании между СССР и Германией торгового соглашения и о намерении вести переговоры о заключении пакта о ненападении. «Многие из вас,— говорилось в листовке,— охвачены отчаянием: «Это — конец наших надежд на свободу», «Большевики вступили в союз с фашистами» и т. д. Ничего такого большевики не сделали». «Мы заявляем: сегодня свобода чехов ближе, чем была вчера». Авторы листовки утверждали, что «целью Советов является не допустить соглашения между Лондоном, Парижем и Берлином, направленного против Москвы», что «Москва готовится к решительному акту в Европе», что «победу одержит европейская социалистическая революция — народ — Советы», что «из этого родится новая свобода чехов, республика с правительством рабочих и крестьян» [17].

О подготовке к заключению советско-германского пакта говорилось и в другой коммунистической листовке, озаглавленной «Советы делают английским капиталистам последнее предупреждение», датированной 23 августа [18]. Поэтому, видимо, можно говорить, что пакт не был уж такой большой неожиданностью для нелегального руководства КПЧ, уже 24 августа занявшего по отношению к нему четкую позицию одобрения и поддержки. Этот документ был опубликован затем в нелегальной газете «Rudé právo» (начала выходить в августе) в конце сентября 1939 года.

Нелегальное руководство КПЧ считало, что, заключив пакт, СССР «открыл дорогу своей собственной политике мира, защиты своих интересов, а также малых и угнетенных народов». Значение подписания пакта с точки зрения задач, стоящих перед чешским народом, оно определяло следующим образом: «Мы усматриваем в этом поступке СССР решительный призыв ко всем народам освободиться и бороться за прочный мир, а также призыв к чешскому народу усилить свою борьбу против нацистских оккупантов и вести ее вплоть до свержения гитлеровского режима и восстановления Чехословацкой республики. Мы будем вести эту борьбу. Мы уверены в помощи международного рабочего класса и в поддержке Советского Союза» [19].

В других документах КПЧ осени 1939 г. (и более поздних) внешняя политика Советского Союза в этот период также оценивалась положительно, а пакт трактовался как «гениальный шаг», наносящий удар всему капиталистическому миру. «Между коммунизмом и нацизмом,— говорилось в листовке «К германо-советскому пакту», датированной 16 сентября 1939 г.— нет мира, даже если непрестанно меняющаяся ситуация и требует каких-либо пактов... мы тверды в борьбе с нацистскими оккупантами» [20].

Эта позиция нелегального руководства КПЧ, хотя и стала широко известна в чешских землях из многочисленных подпольных изданий —

---

[11] Цит. по: Odboj a revoluce. Zprávy. 1969, č. 1, s. 73. 74.

[12] Ibid., 1966, č. 4, s. 98.

[13] Depeše mezi Prahou a Moskvou. 1939—1941.— Příspěvky k dějinám KSC, 1967, № 3, s. 394 (далее— Depeše).

[14] Fierlinger Z. Op. cit., s. 280.

[15] Ibid., s. 299.

[16] Скорее всего в основе этой информации лежали слухи о секретных переговорах между СССР и Германией относительно заключения пакта, особенно интенсивно распространявшиеся во второй декаде августа, а также о состоявшемся (по некоторым сведениям) 19 августа совещании Политбюро ЦК ВКП(б) вместе с представителями руководства Коминтерна (Д. З. Мануильским и Г. Димитровым), где Сталин заявил о том, что СССР склонен подписать пакт с Германией и что политика Коминтерна в будущем должна исходить из этого факта; возможно, сведения такого рода фабриковались и оккупационными властями, чтобы снизить накал усиливающегося движения Сопротивления в чешских землях; может быть (но что маловероятно), эта информация шла от советского Генерального консульства в Праге, которое имело контакты с коммунистическим подпольем.

[17] Коллекция документов из немецких архивов, полученных Советской Армией в ходе Великой Отечественной войны (далее — Коллекция). ГАУ при Совете Министров СССР.

[18] Rudé právo, 1939—1945. Praha. 1971, s. 34.

[19] Ibid., s. 32.

[20] Коллекция.

«Rudé právo», местная печать, листовки, устная пропаганда,— сначала, видимо, не получила абсолютной поддержки рядовых коммунистов. В депеше нелегального руководства КПЧ Готвальду 31 августа 1939 г. сообщалось: «Новая ситуация вызвала частично панику. Мы немедленно приняли меры к объяснению ситуации массам и к активизации борьбы против оккупантов. ЦК КПЧ выступил в связи с этим с двумя заявлениями» [21].

Но положение компартии, ее работа в массах, агитация в пользу Советского Союза и разъяснение его политики были осложнены тем, что в чешских землях курсировало множество самых разнообразных, подчас противоречивших друг другу слухов, широким фронтом и по разным направлениям шла обработка общественного мнения. Официальные чешские власти протектората Чехия и Моравия, одобряя советско-германский пакт, призывали народ к лояльности в отношении Германии и сотрудничеству с оккупантами. В кинотеатрах демонстрировались документальные фильмы о «вечной дружбе» между Германией и СССР, об их растущем экономическом сотрудничестве, усилилась антикоммунистическая и антисоветская пропаганда части буржуазной эмиграции на Западе, аключившейся в начавшуюся здесь против СССР кампанию. Утверждалось, например (и нацисты не опровергали эти возможно сфабрикованные ими же «утки»), что Готвальд и Б. Шмераль прибыли из Москвы в Прагу, что коммунисты установят сотрудничество с гестапо, что компартия будет легализована, а ее члены, выпущенные из тюрем и концлагерей, в случае их включения в кампанию против Англии и Франции получат «теплые местечки». Вместе с тем СССР обвинялся в предательстве чешского народа, дела демократии, политики коллективной безопасности, в союзе с Гитлером во имя раздела мира [22]. Поскольку радиопередачи Запада в чешских землях слушали многие, хотя это и запрещалось, можно понять, насколько дезориентировано было общественное мнение.

Разброд в умах усилился в связи с началом второй мировой войны, с оценкой ее характера Коминтерном и вытекающим отсюда изменением тактики коммунистического движения. В депеше, направленной в Прагу за подписью Секретариата 8 сентября 1939 г., говорилось: «Современная война является войной империалистической, несправедливой, одинаковая вина за которую лежит на буржуазии всех воюющих стран... Война радикально изменила ситуацию. Разделение государств на фашистские и демократические утратило прежний смысл. В соответствии с этим должна измениться и тактика. Тактика коммунистических партий во всех воюющих странах в этот период состоит в том, чтобы выступать против войны, разоблачать империалистический характер войны... Коммунистические партии должны всюду перейти в решающее наступление против предательской политики социал-демократии» [23].

14 сентября 1939 г. в дополнение к этой директиве в Прагу ушла депеша, подписанная К. Готвальдом: «КПЧ использует теперешнюю войну для развертывания национально-освободительной борьбы чехословацкого народа. Она выступает против использования этой освободительной борьбы в империалистических интересах англо-французского военного блока, как это делают бенешевцы [24]. Заграничная акция

[21] Depeše, s. 388.

[22] Reicin B. Situacia a odboj v Protektorátě v letech 1939—1940. In: Z počátků odboje. 1938—1941. Praha. 1969, s. 101.

[23] Depeše, s. 390.

[24] Бенеш с лета 1939 г. активизировал свою деятельность, претендуя на руководство заграничным движением Сопротивления и получая при этом поддержку некоторых британских политиков и определенных кругов английской общественности. В день объявления Англией войны Германии он направил главам правительств Великобритании,

Бенеша находится сегодня на службе у империалистов и врагов Советов. Поэтому не допускайте, чтобы национально-освободительное движение на родине было подчинено этой заграничной акции или ее поддерживало. От иноземного ига нас освободят не империалисты, Чемберлен и Даладье,.. а сам чехословацкий народ, объединившись с немецким и австрийским рабочим классом, свергнет Гитлера и достигнет национального и социального освобождения. Советский Союз есть и останется единственным настоящим другом порабощенных народов, в том числе и народов Чехословакии» [25].

Нелегальное руководство КПЧ обсуждало ситуацию, возникшую в связи с нападением фашистской Германии на Польшу, еще до того как поступили депеши из Москвы [26]. Отражением этих дискуссий, видимо, было и сообщение, направленное Готвальду 10 сентября 1939 г., где, в частности, говорилось: «Точка зрения в нашем воззвании по случаю начавшейся войны: агрессором является гитлеровская Германия. Для нас это означает активизировать борьбу против главного врага, поддерживать войну против Гитлера, но в то же время резко отмежевываться от западной реакции... Важно, чтобы все стремились нанести поражение фашистскому агрессору. Долой империалистическую войну, да здравствует совместная борьба народов!» [27]. В обращении в связи с началом войны [28], распространенном в виде листовки, говорилось, что пакт «сломает Гитлеру хребет», что «близится час нашего освобождения» и что наряду с польским и французским фронтом необходимо открыть третий фронт «против гитлеровской Германии — внутри страны» (то есть в Чешских землях.— *В. М.*) [29].

Этот мотив (Германия — агрессор) исчезает из более поздних документов нелегальной КПЧ, приведенных уже в соответствие с линией Коминтерна и возлагающих ответственность за войну как на фашистскую Германию, так и на западные державы. В таком духе выдержано опубликованное во втором номере нелегальной «Rudé právo» (конец сентября 1939 г.) воззвание КПЧ «Долой империалистическую войну — да здравствует борьба народов за свободу!» [30]. В статье «Как мы должны вести свою борьбу за свободу. О внутреннем и заграничном сопротивлении» (она была распространена и как листовка) еще не содержалось резких выпадов против Бенеша, поскольку, как там отмечалось, не было ясно, действует ли он в согласии со всеми чехословацкими гражданами за рубежом или прежде всего с Осуским, Бехине, Шрамеком, Годжей [31], опирается ли он в своей деятельности на Чемберлена и Даладье или на широкие слои английского и французского народов. Выдвигался лозунг: «Никогда с реакционными кликами капиталистического Запада, а совместно с народом Германии и западных держав бороться за свою свободу». Вместе с тем тогда в коммунистических листовках формулируется крайне отрицательная позиция в отношении Бенеша, которая несколько позже становится преобладающей: «Бенеш — агент английских лордов и парижских банкиров, прислужник

Франции и Польши телеграмму: «Мы, чехословацкие граждане, считаем, что наша стрвна находится в состоянии войны с немецкими военными силами» (Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války. Praha. 1946, s. 427).

[25] Depeše, s. 392—393.

[26] По сообщениям гестапо, дискуссия о характере начавшейся войны велась уже яа расширенном заседании нелегального руководства КПЧ в Праге 1 севтября 1939 г. (см. Rudé právo, 1939—1945, s. 22).

[27] Depeše, s. 391.

[28] Обращение не имело подписи, но весь дух и стиль его свидетельствуют о том, что его составили коммунисты.

[29] Коллекция.

[30] Rudé právo, 1939—1945, s. 23—26.

[31] Они представляли правые круги буржуазной эмиграции.

мирового капитала, которому вообще нет никакого дела до чешского национального освобождения» [32].

Среди части членов КПЧ ни советско-германский пакт, ни резко изменившаяся линия Коминтерна не вызвали сколько-нибудь большого удивления и растерянности. Это были коммунисты, как считает, например, Й. Новотны [33], прежде всего рабочего происхождения; воспитанные на уважении к партийной дисциплине, они безоговорочно верили в правильность всего того, что делалось Советским Союзом, считали его пакт с Германией тактическим маневром, «ловушкой» и т. д. Колебания и сомнения в этой среде если и возникали, то довольно быстро рассеивались.

Для оправдания и объяснения смены внешнеполитического курса СССР использовалась в основном аргументация, содержавшаяся в официальных советских документах и коминтерновских материалах. Но поскольку она не всегда была убедительной и не позволяла «свести концы с концами», делались попытки и собственного толкования происходившего. Согласно информации коммуниста Б. Райцина руководству КПЧ, в Москве один из высших функционеров партии объяснил заключение пакта о ненападении и сотрудничестве СССР и Германии «определенным изменением отношения к фашизму, точнее к нацизму: опыт, дескать, показывает, что в нацизме содержатся некоторые элементы социализма, которые делают его нам ближе, чем западные капиталистические демократии» [34].

Подпольная остравская «Pravda» в статье «Сильная Германия Молотова или законы советской политики» факт занятия Германией приоритетного места в интересах Советского Союза объясняла тем, что она стала «слабейшим звеном в цепи капиталистических держав, окружавших СССР», что «именно в Германии эта цепь будет разорвана, а немецкий пролетариат будет партнером СССР, создав новую советскую державу в Европе — в Германии». Своеобразно истолковывались слова В. М. Молотова, что «сильная Германия является необходимым условием прочного мира в Европе» [35]: немецкий народ «должен свергнуть существующий режим, создать другую Германию, социалистическую — советскую. Такая Германия будет сильной, такую Германию хочет СССР и Молотов, такую Германию хотим иметь и мы своим соседом». Далее следовал призыв содействовать разложению фашистского рейха, зажечь факел революции. «Чем меньше из тактических соображений может говорить Москва,— писал автор статьи,— тем больше должны говорить и особенно делать мы» [36].

В условиях быстро меняющейся международной обстановки, дезориентированного общественного мнения коммунисты, действующие в подполье, должны были осмысливать новую линию Коминтерна на пролетарский выход из войны, на социалистическую революцию и приспосабливать ее к условиям оккупированных чешских земель. Задача эта была непростая и неблагодарная, потому что этой линии не понимали не только широкие слои населения (к тому времени наличие в протекторате антифашистского национального единства, сложившегося в весенне-летние месяцы 1939 г., стало фактом), но и многие, и не только рядовые, коммунисты. Райцин, например, отмечал в своей информации о положении в протекторате, подготовленной для руководства КПЧ в Москве, что «идеологическая сумятица, охватившая массы, неизбежно перекинулась на менее зрелых членов партии и даже на функционеров» [37].

В оккупированной гитлеровцами стране, конечно, трудно было объяснить факт заключения советско-германского пакта, но еще труднее оправдать курс на поражение Англии и Франции в войне с фашистской Германией. Как писал Райцин, «с самого начала войны массы народа были охвачены желанием поражения нацистской Германии и под влиянием бенешевцев, английских и французских радиопередач [38] желали победы Англии и Франции. Дело не в том, что они забыли о Мюнхене,— наоборот, Чемберлен и Даладье пользовались их «симпатиями» лишь чуть больше, чем Гитлер,— но они просто хотели, чтобы кто-то нанес поражение немецкому фашизму» [39], и единственной их надеждой в тот момент оставались западные державы.

Сыграла свою роль активная деятельность Бенеша и его сторонников на Западе по восстановлению Чехословацкой республики, с одобрением воспринимаемая в оккупированной стране. Здесь стал известен и ответ Чемберлена на упомянутую телеграмму Бенеша — после объявления Англией войны фашистской Германии,— что Чехословакия также считает себя находящейся в состоянии войны с Германией: «Страдания чешского народа не забыты,— писал британский премьер.— Мы надеемся, что триумф принципов, за которые сражаемся с оружием в руках, приведет к освобождению чехословацкого народа» [40]. В страну доходили слухи о формировании на Западе чехословацких легионов, образовании там Чехословацкого национального комитета и его соглашении с правительством Франции о создании регулярной чехословацкой армии, о дипломатических усилиях, направленных на создание временного правительства республики.

Поэтому курс на поражение западных держав в войне с Германией, а также объявление Бенеша «врагом, находящимся на службе западного империализма», не могли встретить понимания ни в широких слоях населения, ни даже среди рабочего класса. «Рабочие верили лишь английским и французским сообщениям,— писал Райцин,— день за днем утешали себя тем, что западные державы все же нанесут поражение Германии, опасались дальнейших немецких успехов... В этой сумятице наши аргументы не находили благоприятной почвы. Мы (коммунисты.— *В. М.*) плыли против течения» [41].

Новый внешнеполитический курс СССР и крутой поворот в политике Коминтерна вызвали растерянность многих коммунистов не только в стране, но и в эмиграции, главным образом на Западе. Что касается заграничного руководства КПЧ в Москве, то оно в целом согласилось с новой линией (об этом свидетельствуют и депеши, направленные в тот период в Прагу), но между чехословацкими коммунистами в Москве единодушия в этом вопросе, видимо, не было [42], что явствует, в частности, из записи беседы с представителями московской эмиграции в 1966 году [43].

Секретариат КПЧ в Париже (его возглавлял Я. Шверма), по воспоминаниям В. Широкого, не получил тогда никаких директив Комин-

---

[32] Коллекция.
[33] Odboj a revoluce, Zpráve, 1966, č. 4, s. 102.
[34] Reicin B. Op. cit., s. 105. Появление таких взглядов Райцин объяснял демагогическими кампаниями, проводимыми нацистской печатью, которая широко оперировала социалистической фразеологией.
[35] См. доклад Молотова на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года.— Большевик, 1939, № 20, с. 4.
[36] Коллекция.
[37] Reicin B. Op. cit., s. 104—105.
[38] Ежедневное радиовещание из Лондона и Парижа на Чешские земли и Словакию началось 8 сентября 1939 года.
[39] Reicin B. Op. cit., s. 98.
[40] См. Československé zprávy, 13.IX.1939, № 48, s. 2. Бюллетень издавался в Париже группой прогрессивных чехословацких журналистов (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 495).
[41] Reicin B. Op. cit., s. 99.
[42] Historie a vojenstvi, 1969, № 3, s. 428—429.
[43] Křen J. Op. cit., s. 552.

терна и московского руководства КПЧ, и чехословацкие коммунисты во Франции (как и в Англии) должны были самостоятельно определить свою политическую линию, учитывая позицию Французской компартии (а в Лондоне — компартии Великобритании) [44]. Заключение советско-германского пакта оказалось для коммунистов, как и для всей чехословацкой эмиграции, полной неожиданностью и поэтому, особенно сначала, вызвало бурные дискуссии, непонимание и даже протест.

Свое несогласие с этим шагом Советского правительства выразил В. Клементис, находившийся тогда в Париже, за что и был исключен из партии [45] за измену Советскому Союзу, отступление от линии партии, Коминтерна и коммунистического движения, нарушение партийной дисциплины [46]. Против пакта высказались во время дискуссии и некоторые представители чехословацкой коммунистической эмиграции в Англии [47]. Однако в конце концов подавляющее большинство чехословацких коммунистов на Западе согласилось с новым внешнеполитическим курсом СССР, рассматривая его как «неизбежное зло», исходя из своей убежденности в правильности советской внешней политики и из представлений об обязанности коммунистов в любой ситуации становиться на защиту первого в мире социалистического государства, а также просто подчиняясь партийной дисциплине.

После заключения советско-германского пакта в обстановке развернувшейся антисоветской и антикоммунистической кампании (особенно во Франции), начавшихся массовых арестов коммунистов положение коммунистов-эмигрантов, в том числе и чехословацких, крайне осложнилось. Многие из них были интернированы, в том числе и Клементис. Но и в этих трудных условиях вера их в Советский Союз, в принципиальность его антифашистских позиций не была утрачена. Один из правых деятелей чехословацкой национально-социалистической партии, Г. Рипка, в своих записях о разговоре со Швермой 25 августа 1939 г. отметил его слова о том, что «борьба против агрессоров продолжается», что «немецкий фашизм остается для коммунизма врагом номер один», что СССР «не вступил в союз с гитлеризмом и что... будет и далее поддерживать борьбу чехословацкого народа против немецкого фашизма» [48].

Преодолев или глубоко запрятав сомнения (хотя, видимо, это не всегда удавалось, поскольку, выступая на Секретариате ИККИ в конце ноября 1939 г. и анализируя положение в стране, Готвальд отмечал, что в партии нет пока полной ясности в понимании политики Советского Союза, что тем более не готовы к ее пониманию массы и что этот вопрос требует еще разъяснений [49]), КПЧ в общем выразила

---

[44] Ibid., s. 535.

[45] Это было предпринято с согласия московского руководства КПЧ. В депеше, ушедшей в Москву из Праги 10 апреля 1940 г., говорилось: «Вило (В. Широкий.— *В. М.*) сообщил словацким товарищам, что Клементис для нас перестал существовать. Просим дать точную информацию». Ответная депеша Готвальда гласила: «Клементис выступает против советско-германского пакта. Он был против Советского Союза и в вопросе о Финляндии (имеется в виду советско-финляндская война.— *В. М.*). Он — за войну на стороне англо-французского империализма против Германии. Он — за подчинение нашей партии Бенешу... Мы исключили его из партии». (Depeše, s. 414, 417).

[46] Holotiková Z., Plevza V. Vladimír Clementis. Bratislava. 1972, s. 185. Впоследствии Клементис был восстановлен в партии и занимал важные государственные посты (накануне своего ареста в марте 1950 г., он был министром иностранных дел Чехословакии). Но его позиция в отношении советско-германского пакта была поставлена ему в вину во время судебного процесса по делу Р. Сланского в 1952 г., когда Клементису, наряду с другими подсудимыми, был вынесен смертный приговор (ibid., s. 286, 290).

[47] Beneš E. Paměti, s. 212; см. также Křen J. Op. cit., s. 552.

[48] Цит. по: Křen J. Op. cit., s. 537. Вскоре Секретариат КПЧ в Париже был ликвидирован, а его члены переехали в Москву.

[49] ЦПА ИМЛ, ф. 475, оп. 18, д. 1298, л. 83.

доверие новому внешнеполитическому курсу Советского Союза. Факт определенной консолидации рядов КПЧ был зафиксирован и в документах немецкой службы безопасности и пражской тайной полиции, где сообщалось, что заключение советско-германского пакта вначале осложнило и нарушило деятельность компартии, но «нелегальной КПЧ удалось быстро преодолеть смятение в рядах своих сторонников и с успехом изобразить пакт, как «шаг к большевистской мировой революции» [50]. Оценка эта подтверждается содержанием одной из коммунистических листовок, распространявшихся после вхождения в состав СССР Западной Украины и Западной Белоруссии: «Продвижение границ СССР в нашу сторону — это сигнал Москвы: мы приближаемся... Вступление Красной Армии в Европу — это лишь начало. Следующие действия будут подобны землетрясению, после которого не останется ни Гитлера, ни Чемберлена, ни Даладье — восстание миллионных масс до сих пор угнетенных европейских народов» [51].

Однако определенное преодоление разброда среди коммунистов, восприятие ими оценки войны как империалистической с обеих сторон, а также изменение стратегии и тактики мирового коммунистического движения, нацеленного теперь не на сплочение антифашистских сил, а на выход из войны путем социалистической революции (а отсюда выводилась необходимость резкой критики, а затем и разрыва с буржуазным крылом антифашистского Сопротивления, то есть с Бенешем), не содействовало решению главной на том этапе задачи — развертыванию национально-освободительной борьбы чешского народа, объединению всех участвоавших в ней социальных слоев и политических течений. Напротив, это вело к изоляции коммунистов, в значительной степени мешало завоеванию доверия широких народных масс, несмотря на то, что КПЧ по-прежнему (это признается и в немецких документах) [52] оставалась активнейшей силой в борьбе против оккупантов.

Новый внешнеполитический курс СССР и начало второй мировой войны вызвали острые споры и в рядах чехословацкого некоммунистического Сопротивления как в стране, так и за ее рубежами. Хотя были мнения и крайне правого толка (прежде всего это относилось к некоторой части эмиграции на Западе, особенно во Франции), в целом в кругах ответственных чехословацких политиков оценки (что касается пакта и отношения к СССР) были довольно сдержанные. Фирлингер 26 августа 1939 г. писал Бенешу: «Обвинять сегодня Москву в предательстве по меньшей мере чрезмерно... мы должны выждать, прежде чем сможем понять его (пакта.— *В. М.*) истинное значение и смысл» [53]. 20 октября Фирлингер пишет Бенешу: «Будет лучше, если мы станем сохранять публичную сдержанность в вопросе нашего отношения к Советскому Союзу», а 12 ноября более подробно обосновывает эту позицию: «Хорошо бы избегать какой-либо критики советской политики и Советского Союза, который будет иметь в нынешних условиях сильное влияние на послевоенное устройство отношений в Центральной Европе» [54].

Похоже, что Бенеш разделял это мнение и был тоже сдержан в оценках политики СССР. Впрочем, нельзя сказать, чтобы он однозначно положительно и с полным пониманием относился к советско-германскому пакту. Во-первых, он усматривал в нем вред делу восстановления Чехословакии; во-вторых, он считал, что пакт осложнит воз-

---

[50] Komunistický odboj ve světle dokumentů. Sb. dok-ů. Díl. 1. Praha. 1971, s. 246—247; Díl. 2, Praha. 1971, s. 88—89.

[51] Коллекция.

[52] Komunistický odboj ve světle dokumentů. Díl. 1, s. 247.

[53] Fierlinger Z. Op. cit., s. 279—280.

[54] Ibid., s. 297, 305.

можность сплочения антигитлеровских сил чехословацкого общества, и в частности затруднит взаимодействие (как это и произошло) с коммунистами. Об этом он сообщил Фирлингеру 28 августа 1939 г.: «Сотрудничество с коммунистами будет еще более затруднено, поскольку здесь (на Западе.— *В. М.*) к этому сейчас и в будущем страшно чувствительны» [55].

Первая реакция Бенеша и его сторонников на заключение пакта была изложена в послании начальника его канцелярии Я. Смутного в страну 24 августа 1939 г.: «Мы смотрим на новую ситуацию весьма спокойно и полагаем, что этот договор является выражением недоверия Советского Союза к западным державам после мюнхенского опыта ... наша тактика и действия останутся прежними, невзирая на меняющуюся ситуацию и развитие. Будем по-прежнему энергично готовить военное сопротивление и участвовать в войне против Германии на стороне того, кто бы ее ни начал и ни вел» [56].

В целом неизменными остались оценки ситуации и линии поведения и в послании в страну, составленном Бенешем в связи с началом второй мировой войны: «Наша линия на Западе, независимо от того, что делает Россия, есть и будет следующей: мы ведем войну при всех обстоятельствах против Германии. Поэтому создаем армию, политически объявляем себя союзниками Франции, Англии и Польши и идем до конца. Если действия России в будущем потребуют какой-либо корректировки нашей линии, взвесим это и согласуем с Вами» [57]. Именно в этом направлении и развертывалась деятельность Бенеша в сентябре — октябре 1939 года.

В послании содержалась и оценка советской внешней политики: «Ясно, что они (Советы.—*В. М.*) хотели втянуть Западную Европу в дальнейший конфликт и действовать так, чтобы война разразилась прежде всего не против них, как в 1914 году, а между Западом и Германией, чтобы какое-то время стоять в стороне и вмешаться в подходящий момент в соответствии со своим собственным желанием и усмотрением. На слова Гитлера о вечном мире между Германией и Россией не обращайте внимания. То, что Советы при этом ожидают социальный переворот в духе своей политики, очевидно. Поэтому и мы должны на это обратить внимание. Может статься, что здесь они просчитаются. Я думаю, что они неправильно оценивают Западную Европу, так же как в 1918 году, когда ожидали мировую революцию. Западная Европа в социально-экономическом отношении еще достаточно сильна и будет весьма решительно сопротивляться социальной революции... в то время как Польша, Германия и Центральная Европа находятся в ситуации, гораздо более опасной» [58].

Политика Бенеша в отношении СССР в принципе не изменилась и в осенние месяцы 1939 г.[59], хотя уже стало известно о начавшихся переговорах об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Словакией. В секретной политической инструкции, направленной Бенешем Рипке 10 октября 1939 г., говорилось: «Находясь в состоянии войны вместе с Францией, Англией и Польшей, мы не можем иметь иное официальное отношение к Советам, чем наши союзники; но мы не связываем себя ни с кем односторонне... наша позиция остается на линии чехословацкой внешней политики последних лет: лояльность, взаимные симпатии и дружба в надежде, что СССР не сделает ничего, чем мог бы в своей теперешней политике нанести нам вред. Своей заграничной деятельностью мы не хотим ничего такого, что когда-либо осложнило бы наше дружественное сотрудничество с СССР. Видимо, мы станем его непосредственными соседями. Для сотрудничества мы оставляем дверь открытой» [60].

В искренности Бенеша в данном случае, видимо, не приходится сомневаться, поскольку все приведенные документы были предназначены для «внутреннего», «служебного» пользования. В них Бенеш разъяснял собственную позицию и взгляд на сложившуюся ситуацию своим сторонникам. В необходимости осторожности и сдержанности в оценках поворота во внешней политике СССР его убеждали и контакты с И. М. Майским. Я. Масарик [61] так передавал Бенешу содержание разговора с последним 22 октября 1939 г.: «Хотя Майский и был очень осторожен в критике Германии, но было ясно, что он верит в ее разгром и что теперешняя акция России является временной и выжидательной тактикой» [62].

Более взвешенную оценку внешней политики Советского Союза пытались дать в ту пору и некоторые круги западной, в частности английской, буржуазии, представляемые У. Черчиллем [63]. Именно позиция этих кругов была более предпочтительна для Бенеша, не доверявшего после Мюнхена Чемберлену и Даладье.

Рассудительность в оценке пакта и советской внешней политики была свойственна и многим другим представителям чрезвычайно разношерстной западной чехословацкой эмиграции. Ее парижский бюллетень сразу после заключения пакта писал: «Не стоит волноваться по поводу того, что произошло между Германией и Советской Россией, поскольку ни Россия, ни западные державы не сказали еще последнего слова»; «ситуация недостаточно ясна, чтобы ее можно было анализировать и кого-то осуждать»; подписание пакта «не означает, что Россия покинет европейские демократии и что она находится в едином фронте с Германией» [64]. Последнее утверждение было, видимо, основано на заявлениях руководителей советской внешней политики о том, что советско-германский пакт «не является несовместимым с союзом о взаимной помощи между Великобританией, Францией и Советским Союзом» и что переговоры с западными державами могли бы быть продолжены [65].

Не только единомышленники Бенеша, но и его политические соперники в эмиграции придерживались осторожных оценок, анализируя советскую внешнюю политику и заключение советско-германского договора. В частности, Ш. Осуски, анализируя причины, которые могли привести Советский Союз к этому шагу, писал 26 августа 1939 г. в газете «Československý boj»: «Нельзя исключать мнение, что Советская Россия в своих собственных интересах будет вынуждена раньше или позже присоединиться к Англии и Франции» [66]. Вместе с тем и среди

[55] Цит. по: Křen J. Op. cit., s. 49.
[56] Цит. по: ibid., s. 48.
[57] Цит. по: ibid., s. 51.
[58] Цит. по: ibid., s. 49.
[59] Однако начало советско-финляндской войны и обстановка антисоветского психоза на Западе не могли не повлиять на позицию Бенеша.

[60] Цит. по: Křen J. Dr. Beneš za války.— Československý časopis historický, 1965, № 6, s. 808.
[61] Впоследствии министр иностранных дел в чехословацком эмигрантском правительстве.
[62] Цит. по: Křen J. V emigraci, s. 121.
[63] В меморандуме военному министерству Англии 25 сентября 1939 г., а также в речи по радио 1 октября 1939 г. Черчилль оценивал вступление Красной Армии на территорию Польши как акт, преследующий цель обеспечить безопасность СССР и объективно направленный против Германии (ibid., s. 161). Эта речь стала известна и в Чешских землях. «Pravda» (орган компартии в Остравском крае) так излагала смысл речи: все советские инициативы направлены против третьего рейха, т. е. косвенно идут на пользу западной демократии (Коллекция).
[64] Československé zprávy, 26.VIII.1939, № 43, s. 1, 2.
[65] См. История внешней политики СССР. 1917—1975. Т. 1. 1917—1945. М. 1976, с. 392.
[66] Цит. по: Křen J. Do emigrace. Praha. 1963, s. 551.

сторонников Бенеша были люди, которые, по крайней мере в частной переписке, более резко и непримиримо оценивали заключение пакта. К их числу относился и Рипка, который писал Смутному 29 августа 1939 г.: «Трудно понять, почему русские заключили пакт с Германией. Ведь от них никто не требовал, чтобы они прямо начали войну. Разве что они заключили пакт будучи убеждены, что таким способом ускорят войну, и одновременно отведут ее от себя. Если же Сталин думает, что в подходящий момент разожжет пожар социальной революции, то он ошибается. То, что он сегодня вступил в союз с Германией, лишило его всякого морального, политического престижа в европейском рабочем классе» [67].

Среди чехословацкой эмиграции на Западе нередки были в тот период и антисоветские, антикоммунистические голоса (особенно этим отличалась реакционная часть высших армейских кругов и некоторые правые национальные социалисты и социал-демократы) [68]. Впрочем, не они задавали тон в эмигрантских кругах. Об этом свидетельствует, в частности, сообщение Фирлингера в Лондон 12 октября 1939 г.: «Слушаю сейчас регулярно чешские радиопередачи из Лондона,.. констатирую с радостью, что наше радио избегает принципиальной критики сегодняшней политики Советского Союза» [69].

Такое же сдержанное отношение к политике Советского Союза было, видимо, характерно в целом и для сторонников Бенеша в стране, где недоумение от заключения советско-германского пакта сочеталось с надеждой на то, что в создавшейся ситуации Советский Союз, находясь в дружественных отношениях с Германией, найдет возможность облегчить положение чешского народа, а в подходящий момент прийти ему на помощь (эти настроения особенно усилились после установления новых западных границ СССР) [70].

Для нелегальных некоммунистических изданий антисоветские настроения осенью 1939 г. не были характерны [71]. Комментируя заключение пакта, газета «V boj» называла его «блестящим» и «гениальным» «ходом советской дипломатии», отметив, что он более выгоден СССР, чем Германии. В одном из номеров в начале октября та же газета выступала против необъективных оценок внешней политики СССР, в частности заключения пакта. Если антикоммунисты видят в ней повод для нападок «на Россию, предавшую чехов и поляков и забывшую их», то коммунисты, стремясь «оправдать Россию, делают это так, что лишь вредят, а не содействуют делу». «Россия имеет свою собственную концепцию,— писала газета,— и не оглядывается при этом ни на интересы Германии, ни на интересы Англии... Как это понимать? Очень просто: Россия хочет, чтобы в Европе был мир. Однако не из-за альтруизма, а просто потому, что это соответствует ее интересам. В собственных интересах она остановила продвижение немцев на Восток, что более, чем англичан, удивило немцев». В другом октябрьском номере «V boj» оценивала советско-германский пакт как крах восточной политики нацистов [72].

В начале октября чешские земли залила «листовочная волна», которая не спала и в ноябре 1939 года. Листовки, как коммунистические, так и некоммунистические, имели один характер: обращение за

[67] Цит. по: Křen J. V emigraci, s. 46—47.
[68] Ibid., s. 47; Laštovička B. V Londýně za války. Praha. 1978, s. 20.
[69] Fierlinger Z. Op. cit., s. 295.
[70] К такому выводу пришел чешский историк Б. Пекарек, изучив содержание 933 листовок (в том числе 525 некоммунистических) и 55 подпольных газет различных наименований (в том числе 21 некоммунистической и 5 таких, в издании которых участвовали совместно коммунисты и представители других политических течений).
[71] Odboj a revoluce, Zprávy, 1969, č. 1, s. 71.
[72] Ibid., s. 74—75, 76.

помощью к СССР (во-первых) или к России (во-вторых). В последних, адресованных «товарищам и славянам», высказывалась и мысль о присоединении Чехословакии к СССР в форме протектората: «Мы — славяне и поэтому по праву требуем протектората СССР» [73]. Следовательно, резкое изменение внешнеполитического курса Советского Союза, вызвавшее (особенно вначале) недоумение, а также вступление Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии не оказали в целом негативного влияния на отношение чешского некоммунистического антифашистского лагеря к СССР. Возможная помощь ожидалась как с Запада (в связи с начавшейся войной), так и с Востока (особенно по мере того, как война на Западе стала обнаруживать свой «странный» характер).

Об усилении симпатий к СССР в осенние месяцы 1939 г. свидетельствуют документы самого разного происхождения. В одном из немецких документов, сообщающем о подготовке в чешских землях к 21-й годовщине создания Чехословакии, говорилось: «Массе чешского народа... свойственна надежда на освобождение к 28 октября, переход протектората к Советскому Союзу, возвращение президента Бенеша». Как характерный для настроений чешского народа приводился пример: 17 октября город Табор оставила немецкая полицейская часть, и это явилось импульсом к демонстрациям, так как распространялись слухи, что немцы покидают протекторат, а Красная Армия вступает в Чехию. Во время массовых демонстраций 28 октября провозглашались лозунги: «Долой Гитлера!», «Да здравствует Бенеш!», «Хотим Сталина!». Наряду с национальным гимном «Где мой дом» и песней «Гей, славяне» пели «Интернационал» [74]. В письме, полученном Бенешем в ноябре 1939 г. от одного из видных деятелей некоммунистического крыла Сопротивления, говорилось: «Вопреки пакту с Германией Россия у нас пользуется большой любовью. Пакт рассматривается как удавка, подготовленная Гитлеру русской стороной» [75].

Итак, приведенные факты показывают, что колебания, сомнения, неуверенность в оценке внешнеполитической линии Советского Союза, резко критическое и даже негативное отношение к ней, свойственные после заключения советско-германского пакта в той или иной мере всем слоям чешского общества (в том числе рабочему классу и коммунистам), постепенно уступали место новой волне прорусских, просоветских настроений. «Кредит доверия» к Советскому Союзу одних слоев населения по классовым мотивам, других — благодаря традиционному чувству славянской взаимности, третьих — в силу полученного в период Мюнхена опыта (СССР единственный из всех государств выразил тогда готовность оказать помощь Чехословакии и выступил с решительным протестом против ее оккупации и расчленения в марте 1939 г.) был так велик, что ни советско-германский пакт, ни прочие внешнеполитические акции СССР того времени не могли погасить веру чешского народа в то, что помощь придет с Востока.

[73] Ibid., s. 76.
[74] Z počátků odboje. 1938—1941. Praha. 1969, s. 498.
[75] Janaček F. Dva směry v začiatkoch národného odboja. Bratislava. 1962, s. 216.

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

ПРАВДА О ДЕПОРТАЦИИ ЧЕЧЕНСКОГО И ИНГУШСКОГО НАРОДОВ

Н. Ф. Бугай

В последние годы возросло внимание к проблеме насильственного переселения ряда народов Северного Кавказа, проведенного на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в послевоенное время[1]. Это объясняется в первую очередь активизацией национальных процессов в условиях перестройки, расширения демократии и гласности. Справедливая оценка этого акта дана в принятой Верховным Советом СССР декларации «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергавшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав»[2].

На протяжении десятилетий эта проблема в советской исторической науке не затрагивалась. О ней лишь упоминалось в очерках по истории автономных республик Северного Кавказа и их партийных организаций[3]. Не изучался и вопрос о депортации чеченского и ингушского народов. Не всегда были правильными политические оценки. Например, в постановлении ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» вопреки исторической правде утверждалось, что чеченцы и ингуши являлись помехой для установления дружбы народов на Северном Кавказе еще в годы борьбы за власть Советов[4].

Авторы, затрагивавшие в той или иной мере проблему, согласны в главном — они рассматривают депортацию как грубое нарушение принципов ленинской национальной политики и социалистической законности[5]. Так, Х. А. Гакаев наряду с освещением событий кануна войны на Северном Кавказе, действий фашистских диверсионно-разведывательных групп в районах Чечено-Ингушетии, мобилизационной деятельности ее партийных и советских органов в годы войны делает и аргументированный вывод о выселении народов как об «акте произвола и грубого нарушения ленинской национальной политики и революционной законности, явившемся открытым посягательством на дружбу и братство советских народов». Автором рассмотрены маневры и хитросплетения сталинско-бериевской политики по отношению к северокавказским народам. Именно Сталин и Берия, замечает Гакаев, для обоснования акции по насильственному переселению чеченцев и ингушей использовали сложность обстановки, «имевшую место в истории республики (Чечено-Ингушской.— *Н. Б.)* в годы войны»[6].

В литературе встречаются и противоречивые суждения по определенным вопросам этой малоразработанной темы. Так, различны данные о численности мобилизованных по республике в Красную Армию: они колеблются от 18 до 35 тыс. человек[7]. Подсчеты по архивным документам НКВД СССР позволяют установить, что в итоге проведенных трех мобилизаций в республике ушли на фронт 17 413 человек. Но, вероятно, и эти сведения приблизительны. Отличаются и приводимые в печати данные о численности чеченцев и ингушей, погибших в ходе депортации. В. Баулин пишет о 200 тыс. чеченцев и 30 тыс. ингушей[8]. Но эти цифры не подтверждаются документами. По сведениям отдела спецпоселений НКВД, из всех переселенных чеченцев, ингушей, балкарцев (1944 г.) и карачаевцев (1943 г.) за период с 1944 по 1948 г. умерли 144 704 человека (23,7%), в том числе в Казахской ССР умерло чеченцев, ингушей и балкарцев 101 036 человек, в Узбекской ССР за 6 месяцев пребывания там — 16 052 человека (10,6%), в 1945 г.— 13 883 человека (9,8%).

Скудной остается источниковая база проблемы. Документы по ней не публиковались. Те из них, которые имеются в партийных и советских республиканских, краевых и областных архивах, содержат отрывочные сведения. Чтобы восполнить в какой-то мере этот пробел, в статье предпринята попытка осветить на основе выявленных новых архивных документов и наличных публикаций процесс депортации чеченцев и ингушей, одной из самых многочисленных из переселявшихся в 40-е годы групп. Использованные в статье документы — это справки, отчеты НКВД СССР, республик и краев, телеграммы, приказы, постановления, переписка местных и центральных органов.

В официальных правительственных документах причины выселения народов в 30—50-е годы объясняются стремлением ослабить этническую напряженность в том или ином регионе страны, стабилизировать политическую обстановку, наказать за пособничество фашистам, выступления против Советской власти, ликвидировать бандитизм. Однако последний в те годы был присущ многим районам страны, но депортация коснулась лишь некоторых из них. Ухудшение экономической обстановки, вызванное войной, привело к небывалому обострению криминогенной ситуации, выражавшейся в усилении бандитизма. По данным отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР, в 1941—1943 гг. были ликвидированы по Союзу 7161 повстанческая группа (54 130 человек), из них на Северном Кавказе — 963 группы (17 563 человека). В первой половине 1944 г. по Союзу было пресечено действие 1727 групп (10 994 человека), из них на Северном Кавказе 145 (3144 человека).

Причины выступлений отдельных повстанческих групп представителей позднее депортированных народов против Советской власти в условиях военного времени кроются в нескольких плоскостях: политической, экономической, социальной и духовной. В сфере политической та-

БУГАЙ Николай Федорович — доктор исторических наук, руководитель Группы истории национальных отношений советского общества Института истории СССР АН СССР.

[1] Первыми с территории Северного Кавказа принудительно переселялись советские немцы. С сентября 1941 г. по январь 1942 г. были переселены из Чечено-Ингушской АССР 819 человек, Краснодарского края — 37 723, Кабардино-Балкарской АССР — 5803, Северо-Осетинской АССР — 2415, Дагестанской АССР — 7306, Калмыцкой АССР — 5843, Орджоникидзевского (Ставропольского) края — около 70 тыс., Ростовской обл.— 38 288 (см. ЦГАОР СССР. Коллекция документов. Поскольку это собрание документов являлось основным источником, ссылки на него ниже не даются).

[2] Известия, 24.XI.1989.

[3] См., напр., Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. 1917—1970 гг. Т. 2. Грозный. 1972.

[4] О партийной и советской печати. Сб. док. М. 1964, с. 590—595.

[5] Виноградов В. Б., Хашегульгов Б. Основные вехи истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный. 1988; Гакаев Х. А. В годы суровых испытаний. Грозный. 1988; Боков Х. Эхо невозвратного прошлого.— Москва. 1989, № 1; и др.

[6] Гакаев Х. А. Ук. соч., с. 112.

[7] Хожаев Д. Спецпоселенцы.— Комсомольское племя, Грозный, 25.IV.1988; Старцева Н. О «национальных болестях» подлинных и мнимых.— Грозненский рабочий, 13.VIII.1988; и др.

[8] Баулин В. Демократизация межнациональных отношений.— Грозненский рабочий, 14.VI.1989.

кими причинами были слабость, половинчатость процесса демократизации общества, постепенное усиление роли партийного аппарата, перенявшего функции Советов — органов власти трудящихся. Как известно, в ряде районов уже в первой половине 20-х годов наблюдался абсентеизм Советов, продолжительное сохранение чрезвычайных органов власти, которое также вело к сужению демократии, длительное господство военно-командных методов управления.

На характере взаимоотношений наций и народностей сказалось и грубое искажение самого смысла и облика социализма, утверждение под видом федерации жестокого централизованного государства. Отрицательно сказывались и некоторая национальная отчужденность и отсутствие истинного доверия ранее угнетенных народов проводимым со стороны Советского правительства мерам. В том же ряду стоит и неполное использование трудовыми массами ввиду их хозяйственной и культурной отсталости своих прав, хотя и было провозглашено и осуществлялось национальное равенство.

В экономической сфере главной причиной являлось недовольство в основном крестьянского населения (а оно было преобладающим, особенно в районах, народы которых подвергались позднее депортации) проводимыми мерами по переводу мелкотоварного крестьянского хозяйства на коллективные рельсы, когда полностью игнорировались ленинские принципы добровольности, осмотрительности, недопустимости принуждения. В Чечено-Ингушетии, как и в других национальных регионах, коллективизация проводилась без учета местных особенностей и традиций. Ленинская идея постепенного кооперирования крестьянства подменялась ориентацией на чуждые социализму методы и жесточайший командно-административный террор, грубую силу, которые не могли не вызывать сопротивления. Постановлением Ингушского обкома ВКП(б) от 6 января 1930 г. предусматривалось завершить коллективизацию в горных районах к октябрю 1931 года. Однако уже с января до марта 1930 г. количество хозяйств, числившихся в колхозах, возросло в Чечне в 6—7 раз, в Ингушетии — в 10 раз [9].

Обострению отношений заметно способствовало массовое обобществление скота и орудий сельскохозяйственного производства. Коллективизацию было относительно легче провести в земледельческих районах, где население, как правило, проживало компактно. Иное дело горные районы, где основным занятием населения оставалось отгонное животноводство. Именно оно выступало как одна из форм хозяйствования, позволявшая наиболее рационально использовать природные ресурсы в специфической географической среде (горная местность, сложные транспортные коммуникации и т. д.). Именно эта форма могла здесь развиваться и развивалась на деле [10]. Однако уже в конце 20-х — начале 30-х годов кочевое хозяйство рассматривалось как «насквозь реакционное». Между тем в горных районах могли бы в большей степени «выиграть» хозяйства фермерского типа. В жестких формах проводились и хлебозаготовки конца 20-х годов. Недовольство предпринимаемыми мерами иногда заканчивалось открытыми восстаниями. В Чечено-Ингушетии таковыми были выступления трудящихся в аулах Автуры, Гойты, Шали, Беное, Чеберлоевское (1930 г.), Ножай-Юртовское (1932 г.) и др.

В духовной сфере такой причиной стало ослабление идеологической работы партии и прежде всего воспитания людей в духе интернационализма. Фальшь официальной пропаганды, расхождение слов и дел в некоторых сферах общественной жизни, восхваление отдельных сторон действительности, а также формализм в агитационной деятельности,

[9] Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР (далее — ЦГА), ф. Р-264, оп. 1, д. 232, л. 56; ф. Р-167, оп. 1, д. 82, л. 31.
[10] См. Новиков Ю. Конец «абсолютного пастбища».— Простор, 1989, № 6.

а порой и полное ее отсутствие (что особенно обнаруживалось во многих национальных районах) приводили к искаженному восприятию идеи дружбы народов. Этому способствовал и догматизм, сведение всего дела внедрения в массы марксистско-ленинского мировоззрения только к изучению произведений Сталина.

К недостаткам работы в духовной сфере следует отнести и пренебрежительное отношение в 20—30-е годы к религии. Было полностью проигнорировано указание В. И. Ленина, нашедшее отражение, в частности, в письме ЦК ВКП(б) партийным работникам Кавказа (февраль 1920 г.), о том, что «против религии нужно бороться не прямым ее отрицанием, а при помощи распространения культурных знаний, открытием школ, клубов и т. д.» [11]. Превалирующими являлись метод прямого отрицания религии и проведение жесткими мерами декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Все более обнаруживались и нарушения ленинских принципов внутрипартийной жизни, что находило отражение в действиях самого Сталина и сформированного им мощного административно-командного, репрессивного аппарата.

В сфере социальной имели место отступление от принципа справедливости и полное пренебрежение им, обострение противоречий в национальных отношениях, сопровождавшиеся репрессивными мерами. В Чечено-Ингушской АССР это проявилось прежде всего в том, что были репрессированы 30 из 75 кандидатов в члены обкома ВКП(б), 20 из 28 секретарей райкомов, 17 парторгов, 77 членов райисполкомов, 192 работника сельских организаций (учреждений) и много рядовых тружеников [12].

Местное общество не было таким единодушным, каким хотели видеть его Сталин и его приспешники и каким оно преподносилось официальной пропагандой. В нем имелись реакционные, консервативные и инертные силы, оказывавшие активное и пассивное сопротивление мероприятиям Советской власти. Нельзя было говорить о социалистической сознательности всего без исключения местного населения. В 30—40-е годы в его среде были и те, кто поддерживали политический курс партии, и те, кто ему сопротивлялись, но также и обывательская масса, колеблющиеся, заблуждающиеся, мятущиеся, просто недисциплинированные и опустившиеся люди [13].

Недовольство масс выражалось в повстанческом движении, которое и в 30-е годы в Чечено-Ингушетии оставалось большим злом. За 11 месяцев 1938 г. (февраль — декабрь), по данным УМВД Грозненской области, участники повстанческих групп совершили 98 дерзких вылазок, при этом было убито 49 партийных и советских работников, угнан скот, лошади, учинены грабежи имущества на сумму 617 тыс. рублей. В ходе операций, предпринятых при активной поддержке населения, к сентябрю 1938 г. эти повстанческие группы были в значительной части ликвидированы.

Однако политическая, военная и экономическая обстановка на территории многонационального Северного Кавказа, в том числе и в Чечено-Ингушетии, как накануне войны, так и особенно в ходе ее оставалась напряженной. Обострению криминогенной ситуации, как отмечал прибывший сюда зам. наркома внутренних дел СССР И. А. Серов, способствовало и то, что в течение длительного времени местные органы власти не завозили в горные районы товары широкого потребления (керосин, спички, соль, мыло и т. д.), в результате небывало выросли цены на эти

[11] Революционные комитеты Дагестана. Сб. док. Махачкала. 1960, с. 10.
[12] Комсомольское племя, Грозный, 8.IV.1988.
[13] См. Курашвили Б. П. Политическая доктрина Сталина.— История СССР, 1989, № 5.

товары. Это все в известной степени восстанавливало местное население против органов власти. Представители обкома и СНК республики не были осведомлены о положении дел, политико-разъяснительная работа не велась, весьма частыми были смены председателей колхозов и т. д. В связи с анализом обстановки в республике Серов делал вывод, что «только оперативно-чекистские мероприятия без политико-разъяснительной работы и удовлетворения потребностей горского населения товарами широкого потребления будут неэффективны и мы не сумеем оторвать рядовую часть в бандгруппах от их главарей».

Дестабилизации обстановки в республике способствовали в военное время и действия заброшенных в наш тыл фашистским командованием диверсионных отрядов, среди которых была группа в составе 9 человек под командованием агента абвера О. Губе [14], приземлившаяся в районе с. Бережки Галашкинского района вечером 25 августа 1942 года. О действиях группы, ее составе, мероприятиях, целях красноречиво свидетельствуют протоколы допросов Губе и его сподвижников. Губе признал, что, находясь в Германии, он совместно с сотрудниками фашистского министерства иностранных дел занимался отбором горцев в лагерях для военнопленных (для «националистических легионов»). Было отобрано, по его данным, 800 горцев. Член группы А. Баталов, действовавший под фамилией Джебраилов (был завербован нацистами в Керчи), сообщил: «Группа была экипирована в форму солдат Красной Армии, забрасывалась 25 августа на территорию сел. Н.-Бережки с заданием взрывать в тылу Красной Армии мосты, дезорганизовывать снабжение, формировать банды. Сразу же удалось завербовать в свои ряды 13 жителей с. Лайгу, Алки, Н.-Алкун».

Хотя сведения о появившихся в горных районах Чечено-Ингушетии немецких десантах стали известны в центре республики, не было проявлено необходимой оперативности в их ликвидации. Лишь позднее положение было поправлено. В августе — сентябре 1942 г. в Галашкинском, Пседахском, Пригородном и Веденском районах были выброшены еще три десанта общей численностью 40 человек [15]. Среди них были ингуши А. Бельтоев (Пседахский р-н) и А. Ахильгов, чеченцы Ш. Газиев и К. Ганижев (с. Яндырка Сунженского р-на), осетин Т. Засеев, поддерживавший тесные связи с немецкими разведчиками И. фон Ломом, Л. Песколером, В. Брауном (забрасывался в с. Чешки). Главной целью десантов являлась подготовка вооруженного восстания против Советской власти. Кроме названных, вражеские группы действовали в Курчалоевском, Гудермесском и других районах Чечено-Ингушетии.

Обстановка в республике требовала повышения бдительности. Обком ВКП(б) предпринимал определенные шаги в мобилизации масс на разгром вражеских десантов. Многие чеченцы и ингуши добровольно выступали на борьбу с местными повстанцами и шпионами. Разрабатывались меры по организации партизанской и подпольной борьбы на случай оккупации территории республики немецкими войсками. Был создан подпольный обком ВКП(б) во главе с Х. У. Исаевым. Газета «Правда» 20 октября 1942 г. писала: «На берегах Терека, Баксана, в аулах Кабардино-Балкарии, в станицах Сунжи, в горах Чечни и Осетии поднялись народы. Рядом с русскими встали черкесы, чеченцы, ингуши, осетины. На помощь им пришли грузины, азербайджанцы, армяне».

[14] Губе Осман (Саиднуров) родился в с. Эрпели Буйнакского района Дагестанской АССР, аварец, сын владельца мануфактурной лавки. Офицер царской армии, служил в Дагестанском полку Кавказской туземной дивизии. В 1919 г. присоединился к частям деникинской армии и участвовал в боях против Красной Армии. В 1921 г. эмигрировал из Грузии в Трапезунд, а затем в Стамбул. Проживал в Турции до 1937 г. под фамилией Губе. В 1938 г. выдворен турецкими властями в Германию, где служил в абвере. После окончания школы разведчиков в 1942 г. оказался на территории СССР. В случае победы немцев Губе отводилась роль начальника политической полиции на Северном Кавказе.

[15] Гакаев Х. А. Ук. соч., с. 68.

Уже осенью 1942 г. благодаря мобилизации сил, поддержке трудящихся республики удалось ликвидировать основные очаги повстанческого движения, диверсионно-разведывательные группы, с которыми имели прямую связь и поддерживающие повстанческое движение элементы из казачьих станиц, чеченских и ингушских аулов. Большой вклад в их разгром внесли члены районных партийных организаций, колхозов, работники госбезопасности и органов НКВД. И все же в этой сложной ситуации не все партийные работники сумели сориентироваться, сделать правильные выводы из создавшейся обстановки и принять верные решения, возглавить борьбу масс.

В августе — сентябре 1942 г. в республике бросили работу и скрылись 80 человек, в том числе 16 партработников, 8 работников райисполкомов, 14 председателей колхозов. Повсеместно раздавался общественный скот, было расхищено 100 т колхозного хлеба. В 1942—1943 гг. заметно сократился численный состав партийных организаций республики. Например, на начало октября 1942 г. в 23 сельских районах Чечено-Ингушетии состоял на учете только 2041 коммунист. Отсутствовали первичные партийные организации во многих селах и колхозах Галашкинского, Назрановского, Атагинского, Саясановского, Курчалоевского районов. Все это не могло не ослаблять идеологическую и в особенности агитационно-пропагандистскую работу среди населения как в городе, так и в сельской местности.

Именно в это время на территории Чечено-Ингушетии, соединившись, активизируют свои действия группы повстанцев, возглавляемые Х. Исраиловым (Терлоевым), в которые влились и десантники, оставшиеся после ареста Губе, Засеева, фон Лома и других. Начальник НКВД Галашкинского р-на Хатунян докладывал: «Есть данные, что часть людей из района ушла в банды» [16]. Последние наносили, в частности, огромный ущерб колхозам и совхозам соседней Грузии.

Засилье религиозных пережитков, родовых связей, сохранение патриархального уклада жизни облегчали задурманивание простых людей, развертывание подрывных действий на местах, срыв мобилизационной и идеологической работы. Ущерб, наносимый выступлениями повстанцев, был реально ощутимым. Погибли многие коммунисты, активисты партийных и советских органов. От рук повстанческих элементов в республике погибли Шахбиев (Надтеречный р-н), Н. Аусев (Сунженский р-н), Б. Диритов (Чеберлоевский р-н), М. Вахабов, А. Халбахадов, А. Атаев, В. Джамалаев (Веденский р-н) и др. [17].

Для борьбы с вражескими десантами, поддержания порядка в прифронтовой полосе к началу февраля 1942 г. было образовано 12 истребительных батальонов. Кроме того, на территории Чечено-Ингушетии в 1942 г. были сформированы 242-я горнострелковая и 317-я стрелковая дивизии, в которые влились представители русского, украинского, чеченского и ингушского народов. В 1942—1943 гг. было мобилизовано 1476 руководящих партийных и советских работников. Всего за время войны ушли на фронт более 5 тыс. коммунистов республики. «Нашлось много военнообязанных среди чеченцев,— сообщал секретарь Курчалоевского РК ВКП(б) М. Савченко секретарю обкома Х. У. Исаеву,— которые подали заявления и идут добровольцами в Красную Армию, изъявляя свое желание с оружием в руках защищать свою родину» [18].

[16] Архив Чечено-Ингушского обкома КПСС (далее — Партархив), ф. 1, оп. 1, д. 21, лл. 3—4.

[17] Гакаев Х. А. Ук. соч., с. 67—78.

[18] Партархив, ф. 1, оп. 1, д. 1133, л. 3.

Трудящиеся активно участвовали в создании Фонда обороны и других акциях, направленных на достижение победы над врагом. Колхозники Галанчожского р-на в ответ на решения IV объединенного Пленума Чечено-Ингушского обкома и Грозненского горкома ВКП(б) от 28—29 мая 1943 г. отправили освободителям Таганрога более 16 т мяса, 200 кг масла, 250 т брынзы и другие продукты питания. Наряду с этим для нужд фронта были поставлены 580 кг шерсти, 485 штук овчин. В селениях Ялхорой, Нашхой были собраны в Фонд обороны 135 тыс. рублей [19]. В феврале 1943 г. Савченко сообщал из Курчалоевского района: «В районе проходит массовая отправка на фронт подарков, сбор средств на постройку бронепоезда им. Асл. Шерипова. Взносы колхозников к-за им. Ленина (с. Бачи-Юрт) Б. Солтанмурадова, А. Пашуева составили по 10 тыс. руб., У. Ахматова, А. Акбиева — 3 тыс. руб.» [20].

В конце 1942 г. наступление немецко-фашистских войск на Кавказском направлении было остановлено. 24 декабря 1942 г. Красная Армия перешла в наступление. 3 января 1943 г. были освобождены от фашистских захватчиков Малгобек и Моздок. В течение января — февраля 1943 г. почти весь Северный Кавказ был очищен от немецких оккупантов. Уже в 1943 г. были намечены и начали проводиться в жизнь меры по восстановлению народного хозяйства Чечено-Ингушской АССР.

Одновременно началась разработка планов депортации ее населения. В ноябре 1943 г. заместитель наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышов провел расширенное совещание начальников УНКВД Алтайского и Красноярского краев, Омской и Новосибирской областей. Была сделана прикидка: сколько людей и куда переселять. Ориентировочно намечалось в Алтайский край, Омскую обл. и Красноярский край переселить по 35—40 тыс. человек, в Новосибирскую обл.— 200 тыс. человек.

Окончательно план принудительного переселения определился в середине декабря 1943 года. Он существенно отличался от ранее составленного, в частности изменилась география расселения. Для поддержания порядка в местах новых поселений намечалось открыть 145 районных и 375 поселковых спецкомендатур с 1358 сотрудниками. Был решен и вопрос о транспортных средствах. В целях обеспечения перевозок Наркомату путей сообщения СССР предписывалось с 23 января по 13 марта 1944 г. поставлять по 350 крытых вагонов, с 24 по 28 февраля — по 400 вагонов, с 4 по 13 марта — по 100 вагонов ежедневно. Всего формировалось 152 маршрута по 100 вагонов в каждом, а в целом 14 200 вагонов и 1 тыс. платформ. Предусматривалось, что спецпоселенцы смогут брать по 500 кг груза (домашние вещи) на семью.

О готовящемся выселении чеченцев и ингушей знали руководящие работники на местах, и не только в Чечено-Ингушетии. Нарком внутренних дел Дагестанской АССР Р. Маркарян в докладной записке на имя Берии от 5 января 1944 г. сообщал, что еще в декабре 1943 г. начальник Орджоникидзевской железной дороги К. В. Ильченко на встрече с председателем Верховного Совета Дагестанской АССР Тахтаровым и сотрудниками обкома ВКП(б), состоявшейся в Беслане, уведомил их «о предстоящем выселении чеченцев и ингушей, назвав при этом, что для этой цели прибыли 40 эшелонов и 6000 автомашин». Аналогичные сведения содержатся и в докладах наркома внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР Бзиавы.

Операция намечалась на 23 февраля 1944 года. Ее проведению было посвящено специальное решение СНК и Чечено-Ингушского обкома

[19] Там же, л. 109.
[20] Там же.

ВКП(б) «Об обеспечении подготовки тактических учений войсковых частей Северо-Кавказского военного округа (СКВО) в горных условиях» [21]. В горные районы Чечено-Ингушской АССР были стянуты воинские формирования, войска НКВД, курсанты военных училищ. В райкомах горных районов проводились заседания, на которых разрабатывались конкретные мероприятия для обеспечения операции. С той же целью проводились совещания работников исполкомов Советов и колхозников. Например, Галашкинский РК ВКП(б) принял постановление направить для выполнения работ 1200 лошадей, отремонтировать дорогу протяженностью 35 верст, 5 мостов, заготовить 600 куб. м гравия и др. [22].

31 января 1944 г. Государственный комитет обороны утвердил постановление о выселении чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР. 21 февраля последовал приказ НКВД СССР, а 7 марта 1944 г.— Указ Президиума Верховного Совета СССР, как бы подводивший итог ликвидации Чечено-Ингушской республики. 20 февраля 1944 г. в специальном поезде в Грозный прибыли нарком внутренних дел СССР Берия и его заместители генералы Б. З. Кобулов, И. А. Серов, С. С. Мамулов (Мамульян). Через два дня, разумеется, не без их ведома на места были направлены дополнительные силы для обеспечения операции. По сообщению секретаря Грозненского горкома ВКП(б) Н. Музыченко, только 21—23 февраля 1944 г. в такие районы, как Ачхой-Мартановский, Надтеречный, Старо-Юртовский, Шалинский, Шатоевский, Галашкинский, Курчалоевский, Гудермесский, прибыли 6778 человек [23].

Транспортный отдел НКВД СССР в назначенные сроки подготовил железнодорожные эшелоны. Для подвозки выселяемых были использованы машины, поставленные через Иран по лендлизу из США. Они как раз прибыли в Грозный. В так называемый период первых эшелонов, по данным Отдела спецпоселений (ОСП) НКВД СССР, выселение должно было затронуть 310 620 чеченцев и 81 100 ингушей. Видимо, эти данные охватывают только тех из них, что проживали на равнинных и относительно доступных горных районах республики. Более полные сведения о численности принудительно переселяемых чеченцев и ингушей содержатся в приводимых ниже телеграфных сообщениях Берии Сталину.

«Государственный Комитет Обороны. Тов. Сталину.

Подготовка операции по выселению чеченцев и ингушей заканчивается. После уточнения взято на учет подлежащих переселению 459 486 чел., включая проживающих в районах Дагестана, граничащих с Чечено-Ингушетией и в гор. Владикавказе». Л. Берия. 17.02.1944».

«Государственный Комитет Обороны. Тов. Сталину.

Сегодня, 23 февраля, на рассвете начали операцию по выселению чеченцев и ингушей. Выселение проходит нормально. Заслуживающих внимание происшествий нет. Имело место 6 случаев попытки к сопротивлению со стороны отдельных лиц, которые пресечены арестом или применением оружия. Из намеченных к изъятию в связи с операцией лиц арестовано 842 человека. На 11 час. утра вывезено из населенных пунктов 94 тыс. 741 чел., т. е. свыше 20 проц., подлежащих выселению,

[21] Партархив, ф. 1, оп. 1, д. 1698, л. 34.
[22] Там же, лл. 49—50.
[23] Там же, д. 1693, л. 70.

погружены в железнодорожные эшелоны из этого числа 20 тыс. 23 человека. Берия. 23.02.1944».

«Государственный Комитет Обороны. Тов. Сталину.

Докладываю о ходе операции по выселению чеченцев и ингушей. На утро 24.II. вывезено из населенных пунктов 333 тыс. 739 человек, из этого числа погружено в железнодорожные эшелоны 176 тыс. 950 человек. Во второй половине дня 23 февраля почти во всех районах Чечено-Ингушетии выпал обильный снег, в связи с чем создались затруднения в перевозке людей, особенно в горных районах. Берия. 24.II.1944».

«Государственный Комитет Обороны. Тов. Сталину.

Операция по выселению чеченцев и ингушей проходит нормально. К вечеру 25 февраля погружены в железнодорожные эшелоны 352 тыс. 647 человек. Со станции погрузки отправлено к месту нового расселения 86 эшелонов. Берия. 25.02.1944».

«Государственный Комитет Обороны. Тов. Сталину.

По 29 февраля выселены и погружены в железнодорожные эшелоны 478 479 человек, в том числе 91 250 ингушей. Погружено 177 эшелонов, из которых 157 эшелонов уже отправлены к месту нового поселения... Из некоторых пунктов высокогорного Галанчожского района оставались невыселенными 6 тыс. чеченцев в силу большого снегопада и бездорожья, вывоз и погрузка которых будет закончена в 2 дня. Операция производится организованно и без серьезных случаев сопротивления и других инцидентов... За время проведения операции арестовано 1016 антисоветских элементов из числа чеченцев и ингушей. Изъято огнестрельного оружия 20 072 единицы, в том числе винтовок 4868, пулеметов и автоматов 479. Л. Берия. 1.03.1944».

«Государственный Комитет Обороны. Тов. Сталину.

В проведении операции принимали участие 19 тыс. офицеров и бойцов войск НКВД, стянутые с различных областей, значительная часть которых до этого участвовала в операциях по выселению карачаевцев и калмыков и, кроме того, будет участвовать в предстоящей операции по выселению балкарцев... В результате проведенных трех операций выселены в восточные районы СССР 650 тыс. чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев. Берия. 7.03.1944» [24].

В ходе проведения этой преступной акции мало кто вникал в вопрос о национальной принадлежности. Поэтому в число переселяемых наряду с чеченцами и ингушами попали и представители других народов края, в том числе 80 аварцев, 27 кумыков, 6 осетин, 2 лакца, 14 кабардинцев, 4 азербайджанца, 4 еврея и др. После обращения в НКВД СССР их, как правило, возвращали обратно. По Кавказскому региону оказалось более 500 таких лиц.

Переселенцы направлялись в Казахскую, Узбекскую, Таджикскую и Киргизскую ССР. В своих воспоминаниях заведующий отделом Северо-Осетинского обкома КПСС ингуш Х. Арапиев пишет: «Это было в феврале 1944 года. В переполненных до предела «телячьих» вагонах, без света и воды, почти месяц следовали мы к неизвестному месту назначения... Пошел гулять тиф. Лечения никакого... Во время коротких стоянок, на глухих безлюдных разъездах возле поезда в черном от паровозной копоти снегу хоронили умерших (уход от вагона дальше, чем на пять метров, грозил смертью на месте)» [25].

[24] Текст воспроизводится по копиям телеграмм, передававшихся по спецсвязи, откладывавшимся в специальной папке для докладов И. В. Сталину.

В середине марта 1944 г. на места назначения прибыли первые эшелоны с переселенцами. Начальник ОСП НКВД СССР П. И. Мальцев докладывал, что из отправленных 180 эшелонов 152 прибыли и разгружены в Казахстане и Киргизии. В Казахстан из запланированных 147 эшелонов прибыло 124 (344 589 человек), в Киргизию из 33 эшелонов — 28 (75 342 человека). Более подробные сведения содержатся в справке о ходе перевозок спецконтингентов с Орджоникидзевской железной дороги на 11 марта 1944 г., подготовленной заместителем начальника 3-го Управления НКГБ СССР Д. В. Аркадьевым. В этом документе отмечалось, что «было погружено 180 эшелонов, прибыли 171, в пути — 9. За отчетное время прибыли к месту назначения и разгрузки 468 583 человека; в Джалал-Абадскую обл.—24 281 чел., в Джамбульскую обл.—16 565 чел., в Алма-Атинскую обл.—29 089, в Восточно-Казахстанскую обл.—34 167 чел., в Южно-Казахстанскую обл.—20 808 чел., в Северо-Казахстанскую обл.— 39 542 чел., Актюбинскую обл.— 20 309 чел., Семипалатинскую обл.—31 236 чел., Павлодарскую обл.—41 230 чел., Карагандинскую обл.—37 938 чел.»

Переселению подлежали даже те из чеченцев и ингушей, кто находился в местных лагерях НКВД СССР. В конце июля 1944 г. В. В. Чернышов доложил Берии, что НКВД Северо-Осетинской АССР отправляет в Карагандинский лагерь всех осужденных чеченской и ингушской национальностей. Эта же мера предпринималась относительно карачаевцев и балкарцев. Спецпоселенцы передавались для трудоустройства в ведение наркоматов СССР: в распоряжение Наркомзема —214 764 человека, других наркоматов — 133 883 человека. Таков был итог «периода первых эшелонов».

В апреле 1944 г. на одном из закрытых заседаний сессии Верховного Совета СССР было оглашено решение Политбюро ЦК ВКП(б) о переселении калмыков, чеченцев и ингушей как о совершившемся факте. Однако акция эта продолжалась. Она охватила чеченцев и ингушей, уволенных из рядов Красной Армии (после февраля 1944 г.). По фронтам были изданы специальные приказы. В распоряжении, адресованном председателям фильтрационных комиссий, подписанном начальником войск НКВД 3-го Украинского фронта И. Павловым, предлагалось «всех карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев направить в распоряжение отделов спецпоселений НКВД Казахской ССР — Алма-Ату».

19 мая 1944 г. Чернышов получил сообщение из Главного управления формированиями Красной Армии, что к 10 июня в 33-й запасной стрелковой бригаде (г. Муром) будет сосредоточена 1 тыс. военнослужащих (сержантов и рядовых) чеченцев, ингушей и карачаевцев. Все они подлежали увольнению из армии. В Костромской области в Галичском и Буйском леспромхозах находились 1183 чеченца, ингуша и карачаевца, из которых, как сообщалось в октябре 1944 г. в докладной записке начальника ОСП НКВД СССР Мальцева на имя Чернышова, 955 человек были демобилизованы из Красной Армии.

Всего, по данным ОСП НКВД СССР, среди отозванных с фронта и подлежавших выселению было: офицеров — 710, сержантов — 1696, рядовых —6488. А в целом в рядах спецпоселенцев (с учетом представителей всех переселяемых народов) оказались 5943 офицера, 20 209 сержантов и 130 691 рядовой. У всех бывших военнослужащих изымались военные билеты (их заменяли справки), им запрещалось ношение погон, холодного и огнестрельного оружия.

[25] Социалистическая Осетия, 10.VI.1988.

Операция по переселению продолжалась и в 1945 году. В начале 1945 г. в Ивановскую область прибыли на поселение 585 чеченцев и 79 карачаевцев. Предпринимались акции по выявлению оставшихся на местах прежнего проживания чеченцев и ингушей, калмыков, карачаевцев и балкарцев. Эти меры касались не только Северного Кавказа. Еще в мае 1944 г. Берия дал указание местным управлениям НКВД провести в срочном порядке операции по выявлению лиц, принадлежащих к переселяемым «по государственному заданию» национальностям в рамках всего Кавказа, «не утаивая ни одного», и выслать их в Казахскую и Узбекскую ССР. 4146 чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев и балкарцев, проживавших в Дагестанской АССР, Азербайджанской и Грузинской ССР, в Краснодарском крае, Ростовской и Астраханской областях, были насильственно депортированы. Как сообщал 15 апреля 1945 г. Мамулов Берии, чеченцев было выселено 2741 человек из Грузинской ССР, 21 — из Азербайджанской ССР, 121 — из Краснодарского края, ингушей — 52 человека.

В сентябре 1945 г. начальники проверочно-фильтрационных пунктов получили указание Отдела проверочно-фильтрационных лагерей (ПФЛ) НКВД СССР всех калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, крымских татар, греков, армян, болгар (тех, которые пребывали в лагерях, расположенных в Европейской части РСФСР), за исключением лиц, находящихся в армии, направить в Новосибирск в распоряжение отделов спецпоселений и областного управления НКВД, а оттуда чеченцев и ингушей, карачаевцев и балкарцев — в Алма-Ату, крымских татар — в Ташкент, крымских греков, болгар — в Свердловскую область.

Варварская акция по переселению народов подходила к концу. По данным архивов НКВД СССР, на начало октября 1945 г. на спецпоселении числилось 405 900 чеченцев и ингушей [26]. В сводке движения спецпоселенцев с момента их расселения и до июня 1948 г. отмечалось, что в 1943—1949 гг. было расселено чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев 608 749 человек, прибыли самостоятельно 27 530 человек, убыло по разным причинам 184 556 человек.

Свое отношение к принудительному переселению представители затронутых им народов высказывали в обращениях к Сталину. «Я написал на имя Сталина письмо,— сообщал С. Ш. Измаилов (уроженец с. Назрань),— и напомнил ему о том, что история человечества не знает такого бесчеловечного отношения к целым народам». Однако эти послания вряд ли доходили до «отца народов». Свою оценку варварской акции давали и уже известные в то время представители интеллигенции переселенных народов. Д. Кугультинов, участвуя вместе с другими калмыками А. У. Бадмаевым и Сусеевым (они проживали тогда в г. Бийске) в обсуждении доклада Сталина в связи с очередной годовщиной Великого Октября, заявил: «Сейчас происходит уничтожение ингушей, чеченцев, татар, калмыков и монголов. Сталинская конституция — это фикция». Сусеев, в свою очередь, говорил: «Мне совершенно непонятно, как это Сталин может говорить о единстве народов СССР, тогда как по его же воле многие малые народности, как калмыки, чеченцы, ингуши и т. д., разбросаны и преследуются. Неужели после этого еще могут быть едиными народы и прочным интернационализм?»

Положение спецпоселенцев было чрезвычайно трудным. В письме начальника ОСП НКВД СССР М. Кузнецова на имя УНКВД Костромской области говорилось «о плохом состоянии жизненных условий чеченцев, ингушей, карачаевцев, крымских татар, переселенных для работы в лесозаготовительных организациях Наркомлеса СССР». Особенно острой была нужда в жилье. По данным Х. Бокова, в Акмолинской области к июлю 1946 г. были построены только 28 из запланированной 1 тыс. домов. В Талды-Курганской обл. возвели лишь 23 дома из предусмотренных 1400. В Джамбульской, Карагандинской областях к строительству жилья для спецпоселенцев вообще не приступали. В Киргизии на начало сентября 1946 г. из 31 тыс. семей спецпоселенцев только 4973 были обеспечены постоянным жильем. Многие из них ютились под навесами во дворах [27]. И на новых местах расселения продолжались преследования. За подписью Берии 2 декабря 1945 г. появилась директива № 244 с требованием об усилении агентурно-оперативной работы среди спецпоселенцев, которые, по его мнению, «активизируют действия, направленные на срыв мероприятий по подготовке к выборам в Верховный Совет СССР». В соответствии с этой директивой «по политической неблагонадежности» были арестованы в Тюменской обл. 17 калмыков. Между тем в докладной записке от 13 декабря 1945 г. секретарь ЦК КП Узбекистана У. Юсупов и нарком внутренних дел Узбекской ССР Ю. Б. Бабаджанов отмечали доброжелательное отношение спецпоселенцев к выборам.

После выселения коренного населения Чечено-Ингушской республики она перестала существовать. Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Грозненская область в составе РСФСР. Чтобы стереть с географической карты память о чеченцах и ингушах, 19 июня 1944 г. Грозненский обком ВКП(б) принял решение о переименовании районов и районных центров и населенных пунктов области [28]. Началось заселение опустевших земель. В Старо-Юртовском районе были приняты 811 семей из Кизляра, Ростовской обл., в Шатоевском районе — 81 русская и 140 дагестанских семей, в Гудермесском районе, где оставался русский и кумыкский колхозы, на поселение прибыли 2800 человек, в Ачхой-Мартаиовском районе приняли 410 семей из Грозного и Дагестана, в Галашкинском — 50 семей из Дагестана и 250 — русских семей.

Однако заселение многих сел и хуторов бывшей автономной республики проводилось вяло. Оставленные изгнанными с родных мест дома и хозяйственные постройки разрушались. Если на территории Чечено-Ингушетии, вошедшей в состав Грозненской области, раньше насчитывалось 28 375 хозяйств, то к маю 1945 г. здесь функционировало только 10 200 хозяйств [29]. Количество вселяемых, как отмечалось в письме секретаря Грозненского обкома ВКП(б) П. Чеплакова Г. М. Маленкову, составляло 40% числа выселенных. Пустыми оставались 22 села и 20 сел были заселены лишь частично. В связи с этим Чеплаков внес предложение перевести дополнительно в Грозненскую обл. до октября 1945 г. еще 5 тыс. хозяйств из Мордовской АССР, Тамбовской, Пензенской, Рязанской, Ульяновской, Саратовской, Горьковской, Ярославской и других областей [30].

Принудительное выселение чеченцев и ингушей отрицательно сказалось на восстановлении и дальнейшем развитии народного хозяйства на территории бывшей республики. В составе работников ее нефтяной промышленности до 1944 г. насчитывалось около 4 тыс. рабочих и инженерно-технических работников чеченской и ингушской национальностей. Это были кадры, подготовленные в 30-е годы. Они вместе с рабочими и специалистами других национальностей с первых дней войны самоотверженно трудились, обеспечивая фронт горючими и смазочными материа-

[26] Из спецпоселенцев в Казахской ССР проживали 138 788 чеченцев, 43 810 ингушей; в Киргизской ССР — 39 663 чеченца, 1389 ингушей; в Узбекской ССР — 120 чеченцев, 108 ингушей. Остальные были расселены по другим районам страны.

[27] Боков Х. Ук. соч., с. 161.

[28] Партархив, ф. 220, оп. 1, д. 21, лл. 28—29, 126.

[29] Там же, д. 21, лл. 4об., 6, 9, 14, 22—23, 76.

[30] Там же, д. 26, лл. 113, 114.

лами. В условиях, когда не хватало подготовленных кадров, переселение нефтяников — чеченцев и ингушей — неблагоприятно сказалось на развитии нефтяной промышленности региона.

Если государственный план конторами бурения в 1943 г. был успешно выполнен, то в следующем, 1944 г., темпы добычи нефти снизились. Трест «Малгобекнефть» вместо 290 345 т нефти по плану добыл лишь 212 391 тонну [31]. В тресте «Октябрьнефть» в 1944 г. предусматривалось довести добычу нефти до 317 889 т, а получили 297 978 тонн. В тресте «Старогрознефть» вместо 726 тыс. тонн было добыто 674 420 тонн. Одной из причин невыполнения плана трестом «Малгобекнефть» являлось уменьшение численности рабочих и специалистов в буровых организациях [32]. Именно в этом тресте работало немало буровиков — чеченцев и ингушей, вынужденных не по своей воле покинуть свои рабочие коллективы.

Заметный ущерб понесло и сельское хозяйство. Чечено-Ингушская АССР имела до войны развитое животноводство. В единоличных хозяйствах содержалось большое количество крупного рогатого скота и овец. Хозяйства Итумкалинского р-на в 1943 г. располагали более 14 тыс. голов крупного рогатого скота, почти 28 тыс. овец, в хозяйствах Галанчожского р-на имелось около 14 тыс. овец, в Шароевском р-не — 39 227 овец и 7 591 голова крупного рогатого скота [33]. После выселения чеченцев и ингушей скот передавали колхозам других регионов страны, в основном в хозяйства Украинской ССР, Ставропольского края, Воронежской, Курской и Орловской областей. Эти операции сопровождались огромными потерями. Из-за нехватки кормов, как сообщалось из Дуба-Юрты, «есть падеж скота преимущественно от истощения... При перегоне отмечается также заметный падеж» [34]. Были утеряны и многие навыки ведения отгонного животноводства, обработки высокогорных земельных участков, разрушалось террасное земледелие.

Акция по принудительному переселению задержала развитие культуры чеченцев и ингушей. Многие исторические памятники этих народов уничтожались, в том числе и памятники героям революции и труда, была прервана работа по ликвидации неграмотности.

Акцентируя внимание на проблеме насильственного переселения народов Северного Кавказа, Пленум Чечено-Ингушского обкома КПСС, состоявшийся в январе 1989 г., призвал ученых рассматривать ее «как нашу общую беду, в основе которой находятся политические, а не национальные мотивы». 1944 год для народов республики «был национальной трагедией», а само выселение — «одним из звеньев большой цепи беззаконий, творившихся в обстановке культа личности Сталина». В решении пленума подчеркнуто, что «народы выселялись не народами, а теми, кто узурпировал священные ленинские заветы об интернациональной социалистической законности» [35].

Тот факт, что среди пострадавших народов имелись, к сожалению, отщепенцы, деклассированные элементы, вставшие на путь борьбы против Советской власти, Красной Армии, нельзя ставить им в вину. Вынужденная миграция 3 226 340 (по другим данным 3 441 582) представителей различных народов СССР, в том числе и 478 479 чеченцев и ингушей в 30—50-е годы, происходила по вине Сталина и его окружения, административно-командного аппарата. Она была грубым искажением ленинской национальной политики, открытым пренебрежением конституционными правами народов.

---

[31] ЦГА, ф. 16, оп. 2, д. 936, лл. 15, 105, 317.
[32] Там же, л. 66.
[33] Партархив, ф. 220, оп. 1, д. 26, л. 8.
[34] Там же, д. 21, л. 3об.
[35] Повышать авторитет и роль выборных органов.— Грозненский рабочий, 7.I.1989.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ОЛОФ ПАЛЬМЕ

В. В. Похлебкин

Хотя политическое убийство стало в наши дни довольно частым явлением и уже не удивляет «человека с улицы», убийство Олофа Пальме потрясло людей, и прежде всего людей компетентных, знающих Швецию, осведомленных в ее истории, разбирающихся в ее внешней политике. На фоне исторического и общественно-политического развития Швеции убийство Пальме — невероятное, не укладывающееся в сознании событие.

История Швеции знает факты политических убийств, но все они относятся к эпохе глубокого средневековья. На рубеже феодализма и нового времени произошло лишь одно такое событие — в 1792 г. был убит шведский король Густав III. И это событие положило фактически начало буржуазной революции в стране. После этого Швеция 200 лет не знала политических убийств, и само предположение, что подобное станет возможно в ней, было невероятным.

Однако такое фантастическое событие произошло в 1986 году. И это сразу же возбуждает вопрос: в чем причина не только самого убийства, но и того, что оно состоялось именно в Швеции? Кто бы ни был инициатором этого зловещего акта, он не мог не учитывать того, что факт убийства Пальме в столице Швеции Стокгольме произведет самое угнетающее, почти парализующее впечатление на шведский народ и правительство. Да и перед всем миром неизбежно поставит вопрос: «Что-то неладно в Шведском королевстве?!» И уже одно это сильно пошатнет высокий международный престиж Швеции и, между прочим, поколеблет устойчивость шведской кроны. Не случайно убийц Пальме и их инициаторов стали в первую очередь искать вне Швеции.

В круг подозрения прогрессивной общественности попали эвентуальные иностранные враги Пальме — ЦРУ, экстремисты Израиля и ЮАР, европейские неофашисты в Швейцарии, Италии, Баварии, никарагуанские «контрас». Никто не мог даже подумать, что у Пальме могут быть политические противники в самой Швеции, которые решились бы взяться за оружие. Это исключалось. И уже одно это (помимо других причин) привело к тому, что не было принято надлежащих энергичных мер по обнаружению и поимке убийц в самой Швеции.

Однако вспомним, с какой целью совершаются крупные политические убийства в новейшее время. Для этого достаточно перечислить имена политиков, насильственно устраненных лишь в последние десятилетия: Джон Кеннеди, Сальвадор Альенде, Анвар Садат, Соломон Бандаранаике, Самора Машел, Альдо Моро, Индира Ганди. Несмотря на все различия в политике этих деятелей, цель тех, кто направлял руку убийц против них, была одна: изменить политический курс, который ре-

---

ПОХЛЕБКИН Вильям Васильевич — кандидат исторических наук.

шительно проводили указанные государственные деятели. При этом террор осуществлялся тогда, когда рядом с выдающимся деятелем практически не было людей такого государственного масштаба и тем самым простое физическое устранение лидера создавало возможность оборвать проводимый им лично политический курс. Именно так обстояло дело и в случае с Пальме: как лидер он далеко оторвался от своего окружения. В таких случаях даже соратники и коллеги молчат при разногласиях в политике. Но стоит убрать лидера, как вспыхивают все противоречия, разлагающе начинают действовать самые различные центробежные тенденции.

Достаточно под этим углом зрения посмотреть на убийство Пальме, как станет совершенно ясно, что для ответа на вопрос, кому нужно было устранить его, необходимо внимательно проанализировать все аспекты его внешней и внутренней политики. Иными словами, необходим не полицейско-криминальный, а объективный историко-политический анализ причин покушения на Пальме. Только он может дать наиболее верный ответ об инициаторах убийства.

Четыре года, прошедшие после убийства Пальме, показали со всей очевидностью, что вокруг его политического кредо идет ожесточенная борьба. Она ведется не только за позитивную или негативную оценку его деятельности, но и за ту или иную интерпретацию его политики, за дискредитацию той или иной ее стороны. Историки, политики и политологи спорят сейчас, что это был за человек, что в нем было движущей силой: идейные убеждения или стремление продемонстрировать свое политическое мастерство; интересы Швеции, отечества или личное стремление достичь вершин пирамиды государственной власти.

Но вопрос о том, кем был Пальме, ставится и более серьезно с исторической точки зрения: что было бы со Швецией, как развивалась бы ее внутренняя и внешняя политика, если бы в 60—80-е годы в ней не доминировал Пальме, если бы развитие страны шло в старых, более привычных формах, катилось бы тихо по наезженной колее? Сам факт постановки вопроса о деятельности Пальме в этой плоскости показывает, что уровень исторической оценки, который дается его личности, чрезвычайно высок.

Пальме действительно был выдающимся явлением в шведской истории, он был единственным лидером крупнейшей шведской политической партии, который, не проходя ни одной ступени партийной и бюрократической лестницы, сразу достиг ее вершины. Уже один этот факт резко обособлял его. Однако, помимо этого формального особого момента, главным было то, что политический курс Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ), который стал проводиться под руководством Пальме, принял отчетливо радикальнейшие формы как во внутренней, так и во внешней политике: она резко полевела, хотя, согласно общей тенденции развития СДРПШ, должна была бы больше поправеть в 70—80-е годы. Именно этот исторический факт доставлял более всего забот и критикам Пальме за пределами СДРПШ, и его «друзьям» в самой СДРПШ, первые три года после его смерти, ибо они долго колебались, как поступить с его политическим наследием,— продолжать вести ту же линию или отвергнуть ее как «ошибку отдельной личности», пока, наконец, избиратель не сделал выбора в пользу противников СДРПШ — буржуазных партий.

Характерно, что обе стороны в течение последних лет пытались как можно тщательнее замаскировать суть этой острой, но скрытой политической борьбы. И коллеги и политические противники Пальме путем публикации самых разнообразных, подробных и противоречивых фактов из его жизни по сути дела лишь запутывали вопрос об оценке его деятельности, чтобы эта оценка звучала для рядового шведа невнятно:

«А кто его знает, кем был этот Пальме,— ведь вот как по-разному о нем говорят!» Отсюда ясно, что и «свои» и «чужие» стараются сейчас поставить Пальме в разряд пусть великих, но одиозных фигур шведской истории и таким путем, воздавая ему по заслугам, иметь в то же время все основания не следовать его политическим курсом. Вот на этом-то фоне и нужно рассматривать все биографические данные о Пальме, всю историю его политического восхождения и деятельности, а также причины устранения его от управления государственным кораблем столь нетрадиционным для Швеции образом.

1. Происхождение: Предки. Родители. Родственники. Семья.

Прежде всего немного о происхождении Пальме. Вопрос этот не только важен историку сам по себе для понимания идейного мира и условий формирования личности любого политического и государственного деятеля, но в данном случае он крайне существен потому, что играл значительную роль в политической борьбе вокруг Пальме в Швеции.

Предки Пальме по деду и отцу — голландцы, переселившиеся в конце XVI в. в датскую провинцию Сконе, которая в конце XVII в., после ряда войн, была утрачена Данией в пользу Швеции. Так род голландских купцов и судовладельцев Пальме Людер превратился в шведских подданных. Из него вышло немало известных в Швеции людей: крупных капиталистов, военных, священников, высших чиновников администрации, а также артистов, художников, историков, ученых. Многие из них играли видную роль в политической и культурной жизни Швеции на рубеже XIX — XX и в первой трети XX века.

Дед Олофа — Свен Пальме (1854—1934 гг.) был одним из создателей страховых обществ в Швеции, их главой и руководителем, председателем влиятельного финансового комитета шведского риксдага [1]. Занимая видное положение в партии либералов, он чуть было не стал в 1905 г. министром финансов в правительстве К. Стаафа. Его брат — Хенрик Пальме (1841—1932 гг.), также видный финансист, с 1907 по 1930 г.— бессменный председатель Стокгольмского общества по гарантии недвижимости, стал известен и как создатель дачного фешенебельного района при шведской столице — Дьюрсгольма, который ныне вошел в черту города [2].

Дед и его брат были привержены точным наукам, серьезно увлекались математикой и теорией банковского дела. Но были среди родственников Олофа и артистические натуры. Так, двоюродный брат деда — Август Пальме (1856—1924 гг.), которому Олоф приходился внучатым племянником, был крупнейшим драматическим артистом Швеции в 1875—1921 годах. В его репертуаре были такие роли, как Гамлет, Отелло, Эгмонт, Клавиго, Фердинанд Моор, Рюи Блаз, Карл XII и десяток других [3]. Кроме того, он исполнял партии тенора во многих известных операх и опереттах. Его часто сравнивают одновременно с такими разными крупными русскими артистами, как Вл. И. Немирович-Данченко, А. И. Сумбатов-Южин и... Л. В. Собинов — в одном лице! Другой родственник Олофа Пальме — современный популярный актер Ульф Пальме (род. в 1920 г.), создавший незабываемые мужские роли в пьесах Августа Стриндберга, Артура Миллера, Бертольда Брехта и особенно в шведском кино Ингмара Бергмана [4]. Кстати, сам Олоф Пальме, уже будучи премьер-министром, имел большой успех в любительском театре.

Но это далеко не весь диапазон занятий талантливой семьи Паль-

---

[1] Svensk Uppslagsbok. Bd. 20. Malmö, 1934, s. 1196.
[2] Ibid., s. 1195.
[3] Ibid., s. 1196—1197.
[4] Vem är det? 1955. Stockholm. 1955, s. 739.

ме. Для нас наибольший интерес представляет родной дядя Олофа, также Олоф Пальме (1884—1918 гг.) — профессиональный историк. Его двухтомный труд «Род Пальме до 1815 г.»[5] по сей день считается образцовым в области генеалогии. Как историк Олоф Пальме-старший имел широкие интересы. Он первым в Швеции стал заниматься современной политической историей, написав в 1911 г. книгу «Выборы 1911 г. во вторую палату риксдага»[6]. Одновременно он впервые по-новому посмотрел на роль вспомогательных исторических дисциплин, показал, что они могут приобретать серьезное значение, если их рассматривать синтетически. Примером такого подхода была его монография, дававшая историко-археолого-топографическое описание древней столицы Швеции — Сигтуны[7]. Этот труд, выдержавший несколько изданий[8], можно поставить в один ряд с известной работой археолога Н. Е. Бранденбурга и искусствоведа В. В. Суслова о Старой Ладоге[9]. Олоф Пальме-старший умер молодым, в 1918 г., когда, записавшись волонтером в Шведскую добровольческую бригаду, ушел в Финляндию помогать белофинским войскам «бороться с большевизмом». Привыкший больше работать в архивах и не имевший основательной военной подготовки, он погиб в первые же недели, при штурме Таммерфорса, 3 апреля 1918 года[10]. Маленького Олофа позднее назвали в честь дяди, которого «убили красные», и он помнил это. Так обстояло дело с мужской линией в семье.

По женской линии предки Олофа были не менее колоритны. Его бабушка, мать его отца Ханна Пальме, была урожденной баронессой фон Борн. Ее брат — барон Виктор Магнус фон Борн (1851—1917 гг.) был последним ландмаршалом Финляндского сословного сейма, распущенного в 1906 г.[11], а ее мать происходила из рода известного финляндского историка и философа, писателя и богослова, епископа Франца Микаэля Францéна (1772—1847 гг.). В молодости бабка «держала» литературный салон, который играл видную роль в культурной жизни Стокгольма на рубеже XIX — XX веков. Салон посещали Август Стриндберг, Вернер фон Хейденстам, Эллен Кей, Виктор Рюдберг, Оскар Левертин, Андерс Цорн, а также иногда появлялись, хотя и эпизодически, совершенно экзотические для тогдашней Швеции фигуры — князь Кропоткин, дочь польского генерала Домонтовича (Александра Коллонтай), дочь герольдмейстера двора Александра II Д. В. Стасова[12] — Елена Стасова. Все они как борцы против царизма рассматривались в качестве соратников шведско-финляндских дворян-активистов, выступавших против «русификации Финляндии».

Бабушка Олофа Пальме была властной, жесткой женщиной и принимала самое живейшее участие в воспитании внука. Мать Олофа Пальме Элизабет фон Книерим (1890—1972 гг.) также отличалась волевым характером, облеченным, однако, в элегантные, очаровательные формы. Она принадлежала хоть и не к титулованному, но зато к весьма древнему остзейскому немецкому роду, ведшему свою историю от тевтонских рыцарей-меченосцев XII — XIII веков. Ее отец был профессором Рижского университета, но продолжал владеть большим родовым поместьем в латышской глубинке. Отец Олофа — Гуннар Пальме (1886—1934 гг.) вывез Элизабет фон Книерим из Риги, где он находился в 1916—1917 гг. по страховым делам фирмы своего отца, спасая шведское имущество от непредвиденных случайностей военного времени[13]. Заодно он решил спасти и «благородную фройляйн» от ужасов войны и большевизма и в 1917 г. привез ее в Швецию. Олоф был у них третьим ребенком. Первым был тоже мальчик — Клаэс, родившийся в 1917 году. В 1939 г. ему исполнился 21 год и он ушел на советско-финскую войну в составе «Шведской добровольческой дивизии», а весной 1940 г. он вернулся в Стокгольм героем. И Олофу всегда ставили в пример старшего брата, который «умел задать жара большевикам».

Завершая обзор родственного окружения Олофа Пальме, нельзя не сообщить и о его жене. Пальме был женат дважды. Первый раз он женился случайно. Будучи в Праге в 1949 г. на Всемирном Конгрессе студентов, он решил помочь выехать из Чехословакии некоей антикоммунистически настроенной чешке Елене Реннер. У нее была лишь одна возможность на законном основании покинуть свою страну: зарегистрировать брак с иностранцем. И Пальме, великодушно и не задумываясь, оформил в шведском консульстве в Праге этот брак 21 декабря 1949 года[14]. Однако в Швеции они разошлись в 1952 году. И на следующий год Пальме в возрасте 26 лет, как его дед и отец, традиционно, женился на дворянке — баронесссе Лизбет Бек-Фриис. Интересно, что и его родственник, актер Ульф Пальме, в том же самом 1953 г. женился на итальянской графине Анне Марии Лариссе ди Бианки[15]. Брать в жены титулованных особ — эту традицию все мужчины в роде Пальме неукоснительно выполняли в течение ряда столетий.

Род жены Пальме — Бек-Фриисы — древнего датского происхождения. Как и род Пальме, он в 30-х годах XVII в. переселился из Дании в Сконе. В 1770 г. главная ветвь рода стала графской, другие ветви получили баронство[16]. Бек-Фриисы располагали крупными территориальными поместьями («графством») в Швеции вплоть до 1907 года. Среди них было много государственных деятелей и дипломатов, они всегда принадлежали к крайне правым кругам страны: в XVIII в.— к «партии шляп», в XIX в.— к ультраконсерваторам. Таким образом, «домашнее окружение» О. Пальме и со стороны деда и отца, и со стороны бабки и матери, и, наконец, со стороны жены было состоятельным, аристократическим, консервативным.

Детство и юность Олофа прошли в огромном родовом доме с большим садом, в лучшей части Стокгольма (ныне там — румынское посольство). Из-за внезапной ранней смерти отца воспитывали Олофа женщины (бабка и мать). И они сделали все возможное, чтобы воспитать в соответствующем духе достойного наследника их обоих родов.

Свои родовые нити с Данией и Финляндией, а также свои прибалтийские связи Пальме неоднократно использовал в политической деятельности как удобный повод для подчеркивания общности в скандинавской и балтийской политике, как наглядное доказательство традиционных связей Швеции со странами и народами «по обе стороны Балтики».

Показательно, что с годами Пальме, будучи уже лидером социал-демократов, обнаружил определенную склонность интерпретировать свои родовые традиции не иначе как в «левостороннем» духе. Он, во-

---

[5] Palme O., Palme G. Släkten Palme intill år 1815. Bd. 1—2. Malmö. 1917.
[6] Valen till andra kammaren år 1911. Stockholm. 1911.
[7] Palme O. Sigtuna. Etno-topografisk-historisk skildring. Stockholm. 1912.
[8] В 1929 г. было издано 4-е издание. О последующих изданиях сведения отсутствуют, хотя они были.
[9] Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. Рисунки и техническое описание акад. В. В. Суслова. СПб. 1896.
[10] Svensk Uppslagsbok. Bd. 20, s. 1197.
[11] Nordisk Familjebok. Bd. 3. Stockholm. 1905, s. 1203.
[12] Интересно, что сам Д. В. Стасов был близко знаком и сотрудничал в молодости с отцом и дядей матери Олофа Пальме, когда семья фон Книеримов часто бывала в Петербурге, то есть за 30—40 лет до рождения самого Пальме. Это был тесный круг людей, связанных общим происхождением, образованием и европейской культурой (см. Деятели СССР и Октябрьской революции. Ч. III. М. 1925, с. 112).

[13] Östergren B. Vem är Olof Palme? Timbro. Södertelje. 1984, s. 19—20.
[14] Ibid., s. 22.
[15] Vem är det? 1955. Stockholm. 1955, s. 739.
[16] Svensk Biografisk lexicon. Nyföljd. Bd. 1. Örebro. 1857—1858, s. 334.

первых, подчеркивал, что его дед Свен Пальме как либерал стоял близко к социалистам (в 1900—1903 гг. либералы боролись за политическое влияние на рабочее движение Швеции, «отбивая» его у социал-демократов); во-вторых, он указывал, что брат его бабушки был лидером национально-освободительного движения в Финляндии (барон фон Борн в 1900—1903 гг. выступал в сейме против мероприятий русской администрации в Финляндии); в-третьих, он подчеркивал, что его бабушка помогала русскому анархисту Кропоткину (через баронессу шла корреспонденция гонимому властями князю); в-четвертых, его мать работала в организациях, отстаивавших права женщин (она была активисткой буржуазного «Союза немецких женщин Остзейского края»), и, наконец, в-пятых, совершенно сенсационно звучало то, что сын сестры его деда (которая уехала в XIX в. в Англию учиться и там вышла замуж) стал чуть ли не генеральным секретарем Компартии Англии (установить, кого Пальме имел в виду, не удалось). И хотя большая часть этих утверждений звучит несколько наивно, ибо просто-напросто имеет фактически иной политический характер, но то, что к концу жизни Пальме интерпретировал свою родословную и свое окружение, в котором он рос, как радикальное, прогрессивное, свободомыслящее, проникнутое, якобы, бунтарскими тенденциями,— является весьма и весьма симптоматичным. Это была не только дань времени или желание приукрасить или замаскировать подлинную действительность. Это было в известной степени результатом своеобразной трансформации исторического значения событий в сознании Пальме, где «светлая сторона» явлений как бы гипертрофировалась под влиянием общего изменения в его мировоззрении.

2. Годы учебы и работы в студенческом движении.

Олоф Пальме родился 30 января 1927 г., как указано в его метрике, «в приходе лейб-гвардии Свейского артиллерийского полка» [17], в котором в то время служил офицером его отец, и Олофа крестили в полковой церкви. Однако это обстоятельство никак не повлияло на характер Олофа. Он, наоборот, все время уклонялся от военной карьеры, хотя для этого не раз открывались возможности.

После того, как в 1934 г. умер его отец, бабушка и мать решили, что мальчику необходимо мужское окружение, и отдали его в 1936 г. в привилегированный дворянский интернат в Сигтуне [18] — шведский вариант Итона. После двух лет учебы в уютной частной школе Олоф должен был провести семь лет в атмосфере строгого закрытого учебного заведения, выбираясь в тепло домашнего очага лишь по очень большим праздникам. Вот почему впоследствии всю жизнь Пальме чрезвычайно ценил дом, семью и старался все свободное от политики и государственной работы время проводить в кругу родных. Казарменная дисциплина и жесткие групповые «законы» мальчишечьих компаний, где были свои вожаки и где было принято травить слабейшего (а Олоф был очень маленького роста — по шведским меркам), навсегда посеяли глубочайшее отвращение у Пальме ко всякому «коллективу», ко всяким групповым интересам. Он долгое время отождествлял понятие «коллектив» с понятием «тоталитаризм» и «угнетение».

В 1944 г. он получил аттестат зрелости, где были лишь отличные отметки. Пальме превосходно знал пять европейских языков и латынь. С двух лет он учил французский с француженкой-бонной, по-немецки с ним с колыбели говорила немка-мать, на датском он должен был разговаривать с дедом, на шведском — с домашними и товарищами, а в школе он выучил английский, позднее усовершенствованный до блеска во время пребывания в Англии и США. Школьником Пальме

[17] Ostergren B. Op. cit., s. 22.
[18] Ibid., s. 24.

много читал, гораздо больше, чем все его сверстники, уходя в книги от общества товарищей по школе.

Его любимым предметом была история — шведская, европейская, а также богословие, история религии и философии. По всем этим дисциплинам он имел высшие оценки. Его выпускное сочинение было написано в 1944 г. на избранную им самим тему «Критические ситуации в английской истории в новое и новейшее время»; в нем он анализировал события от Трафальгарской битвы до второй мировой войны, которая в то время еще шла [19]. Пальме презрительно отзывался в своем сочинении о «прогнившей Франции» и восторженно — об английской политике, которую считал всегда ловкой, осторожной, зондирующей, осмотрительной и никогда не вызывающей, даже при наличии гарантированного перевеса сил в пользу Англии. Такой курс был идеальным, как полагал Пальме. Он восхищался также и внутренней политикой Англии с ее уважением к личности, подчеркнутой защитой прав собственности, с ее разумным консерватизмом, не допускающим того, чтобы плебеи вышли из повиновения, и сдерживающей любые эксцессы, распущенность в обществе, сохраняемом таким образом в надлежащем порядке и гармонии. Это сочинение было признано образцовым и получило наивысшую оценку в училище как в отношении своего содержания, так и стиля, раскрывшего литературный и композиционный талант автора.

Поскольку Олоф был сиротой, то с 17 лет до 21 года он должен был иметь опекуна, который брал бы на себя ответственность за деловые шаги фактически уже взрослого, но формально еще не дееспособного человека. Таким опекуном мать и бабушка выбрали для Олофа друга семьи, крупного промышленника Харальда Норденсона, близкого к руководству правой (консервативной) партии Швеции. Учитывая способности и склонности Олофа, Норденсон устроил его корреспондентом центрального органа правых — газеты «Svenska Dagbladet». Мать Пальме хорошо знала к тому же Ивара Андерсона, главного редактора «Svenska Dagbladet», и попросила его позаботиться о будущем сына. Так Олоф в 17 лет получил удостоверение журналиста с обязанностями репортера-референта спортивного отдела газеты.

Пальме быстро освоился в редакции. Уже в первый год (с августа по декабрь 1944) он написал 33 статьи на неспортивные темы: в 1945 г.—10, в 1946 г.—14, в 1947 г.—3, в 1948 г.—8. Снижение темпов работы объяснялось тем, что в 1945 г. Пальме поступил в Стокгольмский институт, не оставляя работы в газете, а в 1947—1948 гг. вообще отсутствовал в Швеции. В институте Пальме, как и в школе, не участвовал в общественной жизни, сторонился студенческого коллектива и студенческих организаций, отдавая все свое время приобретению знаний, чтению западной, в том числе и американской, художественной и политической литературы и всей европейской прессы. Выступления на семинарах и письменные домашние (курсовые) работы обратили на Пальме внимание профессуры; это обстоятельство, а также то, что Пальме превосходно владел иностранными языками и был корреспондентом крупнейшей буржуазной газеты, побудили ректорат предоставить ему стипендию на проведение последнего учебного — 1947/48 г. в американском Кеньон Колледже в Огайо. Пальме целиком отдался учебе и успешно защитил диплом бакалавра в США. В «Svenska Dagbladet» уже в 1947 г. подумывали, не сделать ли Пальме собкором газеты в США, а также считали, что со временем он может занять и место руководителя иностранного отдела газеты. Так что ему была, по существу, уже обеспечена карьера журналиста-международника. Но в 1947—1948 гг. Пальме еще учился и потому не мог принять предло-

[19] Ibid., s. 26.

жение стать штатным корреспондентом, ибо для этого надо было бы покинуть Огайо, прервать учебу и переехать в Нью-Йорк или Вашингтон. Учеба же у Пальме всегда была на первом месте. Когда в начале 1949 г. он возвратился в Швецию, то одной из первых его статей в газете был обзор «Американское послевоенное поколение», где он чрезвычайно позитивно оценивал американскую молодежь как практичную, экспансивную, глубоко уверенную в своем будущем и в том, что именно они, «освободители Европы», призваны переделывать мир по американскому образцу.

Сравнивая эти настроения с пессимизмом и растерянностью немецкой молодежи, с трудностями, которые испытывало молодое поколение в экономической и политической сферах в других странах Европы, Пальме приходил к выводу, что американская молодежь — это «надежда мира», ибо только она проникнута историческим оптимизмом.

Эти явно проамериканские высказывания побудили редакцию «Svenska Dagbladet» послать весной 1949 г. Пальме в самое коммунистическое «пекло», в Прагу, за «железный занавес», чтобы он рассказал о том, что там происходит. И Пальме едет в Прагу, наблюдает там первомайскую демонстрацию, которую оценивает как ярчайшее проявление тоталитаризма, ибо ему претит то, что люди коллективно манифестируют свою поддержку коммунистической партии, несут плакаты и портреты вождей, и призывает с этих пор в прессе оказывать всяческое сопротивление наступающему коммунизму, который якобы грозит уничтожить человеческую индивидуальность, растворить, поглотить ее коллективом. Одновременно он поносит материализм, материалистическое мировоззрение, говорит о том, что лишь идеализм, вера в идеальное близки человеку. Итак, к концу 1949 г. он ясно и твердо стоит на следующих философских и политических позициях: он идеалист, антикоммунист и проамерикански настроенный консерватор. Эти позиции он отстаивает как наиболее, с его точки зрения, правильные. Это позиции, на которых должен стоять обеспеченный, образованный, лояльный обществу и его политическому устройству швед.

Когда статья Пальме о послевоенной молодежи в США попала на глаза заведующему международным отделом Шведского союза студентов (ШСС) В. Пепплеру, он доложил о ней председателю ШСС Бу Черре, и было решено пригласить Пальме для штатной работы в Международный отдел ШСС. Первым его заданием в ШСС была командировка в составе делегации в Западную Германию (летом 1949 г.), затем в Прагу (осенью 1949 г.) и, наконец, в Лондон (в декабре 1949 г.) на всемирную студенческую конференцию, где были представлены в основном западные страны. Именно выступление Пальме на этой конференции привлекло внимание всех делегатов, обнаружило в нем черты лидера и выдвинуло его в ряды руководителей европейского студенческого движения.

Пальме стал быстро продвигаться в ШСС. В конце 1949 г. он был уже секретарем международного отдела ШСС, весной 1950 г.— заведующим отделом, а с марта 1952 г. по май 1953 г. был избран председателем ШСС[20]. Таким образом, Пальме, никогда не участвовавший в общественной работе в свои студенческие годы, стал освобожденным платным лидером студенческой национальной организации в Швеции и ее постоянным представителем в международных студенческих организациях. Он вошел в ШСС и проделал в нем головокружительную карьеру не снизу доверху, как обычно, а сразу — сверху, будучи вначале кооптирован, а затем уже избран и утвержден узкой группой руководства ШСС. Более того, он пришел к руководству шведским студенческим движением через международное, показав и зарекомендовав себя вначале там и поставив тем самым ШСС перед фактом необходимости выбрать его своим председателем как наиболее известного за границей шведского студенческого лидера.

[20] Vem är det? 1970. Stockholm. 1971, s. 739.

Нечего и говорить, что международные связи ШСС за то время, когда им руководил Пальме, расширились чрезвычайно. Именно Пальме установил связи ШСС не только со странами обеих Америк, но и со странами Азии, что было в то время новинкой. Для самого Пальме годы, когда он руководил международным отделом ШСС, а затем самим ШСС, были годами окончательной выработки мировоззрения и политической позиции. То, что Пальме рано, в самом начале своей политической деятельности, получил возможность широкого международного обзора, резко отличало его от всех шведских политиков как его собственного поколения, так и предшествующих. Он мог реальнее, чем все другие, оценивать обстановку в Швеции и позиции самой Швеции в мире. Ибо он смотрел на мир не из «шведского угла», а оценивал возможности и положение своей страны извне, исходя из расстановки сил в мире и из развития общемировых тенденций как в экономике, так и в политике. И поскольку он был мыслящим и критически настроенным молодым человеком, а также обладал глубоким историческим образованием, то уже в 1950—1951 гг. понял, что раскол мира на два лагеря, независимо от того, что является причиной раскола — идеологические или экономические противоречия,— крайне опасная вещь, особенно с точки зрения Швеции. Именно Швеции, возможно, уже не удастся избежать вовлечения в следующую мировую войну, и спасти ее может уже не собственная осторожная политика, а изменение направления развития международных тенденций. Иными словами, Швеция не может ждать спокойствия для себя, лишь уповая на собственную сдержанность и изолированность, она нуждается в помощи со стороны известных международных сил, которые способны понимать и разделять именно такую политику, которую ведет Швеция, то есть политику «третьего пути».

«Третий путь» в области внешней политики как альтернатива расколу мира на два блока — вот что было одной из первых руководящих идей Пальме, которые он намеревался осуществить в мировом студенческом движении. Отсюда вначале он попытался сыграть чисто посредническую роль между «коммунистическим» Международным демократическим объединением студентов (МДОС) и буржуазным Международным союзом студентов (МСС), а когда это не удалось, встал на путь создания вместо МСС новой по сути дела организации студентов мира, куда включалось бы и МСС, и многочисленные новые союзы из стран Азии, Латинской Америки и Африки. Именно они, по мысли Пальме, должны были придать прежде лишь «белому» МСС характер универсальной, поистине мировой организации, а также умерить заносчивость и консерватизм старого МСС и в то же время доказать МДОС и всему «восточному блоку», что они составляют лишь ничтожную, крошечную частичку мирового студенческого движения и являются «раскольниками», ибо новый МСС обладает гораздо более широким политическим и национально-расовым профилем. Таким образом, Пальме с первых же шагов своей самостоятельной политической деятельности поставил себя перед необходимостью «быть налево и направо». Такая позиция не была случайной.

Выезжая первый раз за границу в 1949 г. в качестве делегата шведской студенческой организации, а тем более выступая как представитель Швеции на конгрессе в Лондоне в 1950 г., Пальме не мог не продумать заранее, каким должна быть его позиция как шведского посланца. Если будучи спецкором консервативной газеты он мог выра-

жать свои личные политические и социальные симпатии, совпадающие с симпатиями газеты и ее партии, то как делегат ШСС, представитель всего молодого поколения Швеции он должен был отразить взгляды правительства своей страны, господствующие в студенческом движении. Если учесть, что Пальме еще школьником, не имея никакого международного опыта, проявлял интерес к тенденциям исторического развития, то легко себе представить, как и с каких позиций смотрел Пальме в 1949—1950 гг. на мировое развитие и роль Швеции в расколотом мире. Он пришел к выводу, что как представитель Швеции он должен внести свой вклад в сдерживание сил, ведущих к новому мировому конфликту, и что эта позиция должна логично вытекать из того, что Швеция еще в 30-х годах вступила на «третий путь» в своем внутреннем развитии. Значит, позиция социал-демократии, как внутри страны, так и вне, была правильной, она сдержала и классовый конфликт и спасла страну от вовлечения в блоки. Речь, следовательно, должна идти о перенесении политики «третьего пути» на мировую арену, причем проводить ее должна уже не отдельная страна, а группы стран и главное — международные неправительственные организации, одной из которых был МСС.

Эти идеи «третьего пути» потребовали от Пальме серьезного пересмотра своих взглядов. Если в 1948 г. Пальме считал Америку страной, указывающей путь старушке-Европе, а потому логически смотрел на «план Маршалла» и американскую экспансию как на исторически неизбежные и исторически прогрессивные явления, если в 1949 г. в Праге Пальме столь же логично стал антикоммунистом, то в 1950 г. у него возникла мысль, что американский путь все же односторонен. У него родилась идея объединить все студенческие союзы в мире, которые не желали быть ни в американском, ни в советском лагере. Так создалась — фактически по инициативе Пальме — так называемая Стокгольмская конференция — объединение союзов студентов, в которое вошли скандинавские страны, Финляндия, Австрия и в которое его инициаторы старались вовлечь страны, еще не сделавшие выбора, в первую очередь азиатские. Идейной, теоретической основой этого нового движения была пришедшая Пальме в 1950 г. при изучении международных тенденций развития мысль, что поскольку крупные империалистические страны скомпрометировали себя политикой колониализма и угнетения, а страны коммунистического блока — тотальной политикой внутри своих стран, то лишь малые капиталистические страны, и прежде всего не принявшая участия в войне Швеция, сохранили моральное право осуществлять политическое руководство в мире, указывать путь развития новым, освобождающимся от колониализма странам Азии: Индии, Пакистану, Корее, Китаю, Ирану и др. Такая теория и следовавшая отсюда политика вполне отвечали задачам скандинавского, и особенно шведского, капитализма — овладеть экономически (и отчасти политически) теми позициями, которые вынужденно оставлял английский, французский, итальянский колониализм, и встать в отношениях с новообразованными государствами бывшего колониального мира на дружественную, а потому более привилегированную для себя основу, что в конечном счете должно было обернуться прибылями.

Пальме, которому в то время было всего 23 года, одним из первых, а фактически, пожалуй, первым ясно сформулировал эту программу шведского капитализма, которую тот по-настоящему стал проводить лишь 10 лет спустя — с 1960 г., когда десятки государств Черного континента объявили о своей независимости.

Однако Пальме уже в 1950 г. не остановился на констатации складывающейся в мире новой обстановки, но и сделал из нее соответствующие политические выводы. Отмечая рост престижа СССР и социализма как общественного строя, он ставил задачу не допустить соскальзывания «большинства населения земного шара» в советскую сферу влияния и перехватить наиболее притягательные и насущные лозунги у коммунизма, а именно — политическую и моральную поддержку угнетенных наций, ликвидацию национальной дискриминации, экономическую помощь разоренным и голодающим народам.

Эти меры не могла одобрить даже самая либеральная буржуазия Европы и Америки, и Пальме в свои 23 года это прекрасно понимал. Поэтому он считал, что лишь социал-демократия может, исходя из своего общественного положения и исторических традиций, отнять эти лозунги у коммунистов и решительно выдвинуть их в своих отношениях со странами Азии и Африки. Этим шагом, по мнению Пальме, можно было бы убить двух зайцев: самой социал-демократии оживить себя, свою работу, стряхнуть тот груз недоверия и разочарования и даже недовольства, который повис на социал-демократии в результате второй мировой войны, показать себя активной общественной силой перед новыми поколениями, а заодно перенести центр тяжести на призывы к радикальной политике вне, а не внутри своих собственных стран, то есть политически отвлечь внимание трудящихся от неприятных и сложных вопросов внутренней политики.

Если учесть, что Пальме не состоял в то время ни в одной партии, и принять во внимание его прошлые, юношеские взгляды, то следует признать, что он совершил в какой-то момент колоссальный сдвиг влево. Он осознал, что социал-демократия не только внутри Швеции, но и в мире должна играть руководящую роль — идейно и политически, и отсюда логически сам для себя сделал вывод, что он должен быть в ее рядах, чтобы иметь основание активно вести эту политику. Поэтому неудивительно, что осенью 1951 г. он вступил в социал-демократическую студенческую организацию СДРПШ, но сделал это так, что об этом никто не знал. Возможно, что роль окончательного толчка сыграла его случайная встреча с премьер-министром Таге Эрландером в сентябре 1951 г. в ресторане «Розенблад» [21]. Но этот толчок был лишь «последней каплей», упавшей на чашу весов, а вовсе не исходным пунктом принятого Пальме решения.

3. Выбор политической карьеры: личный секретарь премьер-министра.

Отужинав 23 сентября 1951 г. с двумя молодыми людьми, которых он случайно встретил, Эрландер, расставаясь, великодушно сказал, что «мальчики могут ему звонить, когда это понадобится», но Пальме никогда не воспользовался этим. А Эрландер, зная, что Пальме активно печатался в «Svenska Dagbladet», по-видимому, считал его консерватором. И это тоже исключало контакты, хотя Пальме ему приглянулся.

Дело в том, что Эрландер начиная с 1950 г. настойчиво и безрезультатно искал себе секретаря. Ни одна кандидатура не подходила, никто его не удовлетворял. По натуре своей Эрландер не был «писателем», он любил устно излагать свои взгляды и мысли. Ему нужен был человек, который схватывал бы и облекал в форму его мысли, его решения и освобождал бы его от всякой черновой работы. Это должен был быть исполнительный, трудолюбивый, скромный, но одновременно очень умный, мыслящий человек. Но в одном лице таких сочетаний не находилось. Поиски в среде социал-демократов не имели успеха. Так, отказался работать у Эрландера в мае 1953 г. доцент-экономист Ассар Линдбек, не выдержал испытательного срока профессор государственного права Бу Сарвик из Гетеборга и т. д. и т. п.

Между тем в пресс-бюро МИД Швеции и в разведотделе Генштаба в 1950—1953 гг. заметили Пальме. Его выступления на международных

[21] Östergren B. Op. cit., s. 370.

студенческих форумах, а также его статьи в прессе обращали на себя внимание взвешенностью, логичностью и политической целеустремленностью, учитывающей общеполитические задачи шведского государства. Результатом этого было то, что весной 1953 г. Пальме получил приглашение поступить на постоянную работу сразу со стороны трех высоких организаций: разведотдела Генштаба, Министерства иностранных дел и чуть позже—от канцелярии премьер-министра [22]. Все эти предложения, в сущности, были закономерны. Они вовсе не свалились неожиданно «с неба» в 1953 г., а просто «созрели» к тому времени, явились результатом предварительной проработки вопроса в соответствующих учреждениях.

Уже в 1949 г. спецслужба Швеции (СЕПО) заинтересовалась Пальме и предложила ему в 1950 г. сотрудничество, но Пальме отклонил это предложение [23]. Еще раньше, в 1947—1948 гг., его взяло на заметку ЦРУ, когда он учился в США и на короткое время ездил в Мексику. Но это было для ЦРУ, так сказать, в порядке вещей: оно следило за всеми иностранцами. Однако отрицательное отношение Пальме к коммунистическому движению в 1948—1953 гг. было оценено, и ЦРУ взялось «просто так» финансировать ознакомительную поездку Пальме по странам Азии в июне — августе 1953 года [24].

Таким образом, Пальме имел широкие возможности выбора будущей карьеры. Стоило ему захотеть, и его с распростертыми объятиями встретили бы и в «Svenska Dagbladet», и среди международного журналистского корпуса. Однако Пальме не задумываясь выбрал самое последнее предложение — быть личным секретарем премьер-министра. Как показало будущее, этот выбор был единственно правильным, ибо он полностью соответствовал характеру, способностям и амбициям Пальме: этот путь открывал для Пальме окно «с видом на большую политику», позволял ему быть в курсе наиважнейших государственных событий, освобождал от чиновничьей службы с ее зависимостью от ближайшего мелкого начальства, не давал засосать себя бюрократической рутиной, которая в Швеции отнюдь не менее опасна, чем в других странах, и, наконец, открывал возможность широких международных знакомств. Этот выбор был важен не только лично для Пальме, но и для СДРПШ и страны.

Шведский историк Олоф Руин, получивший доступ к личному архиву Эрландера, подчеркивает, что «важным обстоятельством, позволившим Эрландеру осуществить свои задачи как лидеру партии и премьеру, было привлечение к работе Олофа Пальме в августе 1953 г. в качестве секретаря, и что в свои первые пять-шесть лет работы премьером Эрландер ужасно страдал от отсутствия близкого и эффективного сотрудника, помощника» [25].

Надо сказать, что требования Эрландера к такому помощнику из года в год росли. В середине 1953 г. ему уже нужен был не просто секретарь-стенографист и регистратор, но и творческий человек с широким кругозором и хорошим образованием, знающий иностранные языки. В этой ситуации Эрландер и решился пригласить Пальме, хотя, не зная еще, что тот социал-демократ, рассчитывал, что не будет посвящать его в партийную работу, а ограничит лишь правительственными делами. Однако все сложилось совершенно иначе.

Пальме буквально с первых же месяцев стал играть большую и все увеличивающуюся многогранную роль в жизни и деятельности Эрландера как премьера и лидера партии. В первую очередь, как и предполагалось, он помогал премьеру в его контактах с другими странами — служил личным переводчиком в зарубежных поездках, подготавливал обзоры иностранной прессы по нужным вопросам, а затем, будучи тонким стилистом, писал все речи и доклады Эрландера как по государственной линии, так и для выступлений на конференциях и съездах партии. Но сверх того он оказался чрезвычайно полезным как посредник, а затем и «alter ego» Эрландера, который устанавливал контакты с различными людьми в партии, в администрации на местах, в правительственном аппарате, в прессе, на радио и телевидении и т. д. Пальме проделывал всю подготовительную, черновую работу, так что у Эрландера появлялось больше свободного времени, он мог эффективно встречаться с большим числом людей, его горизонты резко расширились. Но этого мало. Пальме играл огромную роль как «утешитель» для Эрландера, когда тот был чем-то обеспокоен или угнетен. Он вселял надежду и оптимизм, причем не словами, а своими действиями.

Величайшее значение для Эрландера имело то, что постепенно Пальме превратился в некоего политического спарринг-партнера, с которым можно было во всех тонкостях обсуждать различные политические проблемы и который не просто мог поддакивать, а давал ценные советы или выдвигал серьезные возражения, спасая тем самым и партию и правительство от многих ошибочных шагов. В конце концов Эрландер не мог уже обходиться ни дня без Пальме, и они стали как бы одно неразрывное целое. Окружающие легко заметили это не только потому, что в отсутствии Пальме Эрландер чувствовал себя немного не в своей тарелке, но и потому, что с некоторых пор, особенно во второй половине 60-х годов, Эрландер и в личных, и в государственных официальных разговорах постоянно употреблял выражения: «Пальме и я думаем», «Пальме и я считаем», «Пальме и я решили», причем делал это настолько естественно, почти механически, что и у окружающих постепенно вошло в привычку воспринимать подобную формулу вполне нормальной. Самым поразительным было то, что и Пальме, и Эрландер буквально расцветали в обществе друг друга, им доставляло истинное наслаждение работать вместе.

То, что Эрландер испытывал огромную благодарность и уважение к Пальме, который своей самоотверженной работой в качестве помощника, заместителя и личного секретаря фактически на полтора десятилетия продлил политическую карьеру Эрландера, не подлежит сомнению. И сам Эрландер подтверждал это неоднократно. Однако дело не только в личной признательности. Эрландер рано увидел, что политический талант Пальме уникален, и стал целеустремленно развивать и поддерживать его рост. Так, он содействовал выбору Пальме депутатом риксдага, подсказав его кандидатуру руководителям Смоландского избирательного округа в 1957 г., когда Пальме было 30 лет. В это время оказалось вакантным место депутата от Смоланда в Первой (верхней!) палате шведского парламента, куда избирали депутатов от отдельных губерний (провинций). Эрландер в письме лидеру СДРПШ в Смоланде Э. Фасту писал, что хотя он не имеет привычки вмешиваться в избирательные дела фракции, но в данном случае для Пальме он хочет и должен (!) сделать особое исключение.

«В последние годы,— писал Эрландер,— Пальме был моим секретарем и оказал партии и мне неоценимые услуги. Он обладает такой остротой политического мышления, которую я не встречал у других, хотя я и сотрудничал постоянно с весьма политически развитыми и умными людьми... Я считаю, что для социал-демократической фракции риксдага было бы огромным приобретением, если бы он находился в ее рядах. Я полагаю также, что и в целом для партии будет лучше, если

---

[22] Ibid., s. 48—49.
[23] Ibid., s. 47.
[24] Ibid., s. 46.
[25] Ruin O. I välfärdsstatens tjänst. Tage Erlander 1946—1969. Tidensförlag. Stockholm. 1986, s. 62—63.

Пальме начнет делать чисто политическую карьеру, чем если бы он пошел по административной линии. Разумеется, он и на государственной службе может использовать свои возможности, но его особенная одаренность, его способности имеют ярко выраженный характер политического деятеля»[26].

С 1958 г. Пальме был избран в риксдаг. Здесь он проявлял чувство меры в своих выступлениях, прекрасно понимая, что, пока он остается секретарем премьера, от него требуется особая выдержанность и политическая мудрость, поскольку буржуазная оппозиция не раз старалась спровоцировать его на какую-нибудь резкость. В оппозиции рано поняли, что, скомпрометировав Пальме, можно нанести весьма чувствительный удар по всей социал-демократической машине, ибо этот «винтик» в ней играет крайне важную роль и без него весь механизм начнет работать со сбоями. Вот почему стоило, например, Эрландеру споткнуться при зачитывании своей речи по телевидению, как на другой же день буржуазные газеты давали саркастический совет, что премьер-министру было бы лучше с его политическим и жизненным опытом самому составлять свои речи, а зачитывать их мог бы более бегло молодой и быстрый Пальме, что сберегло бы премьеру столь необходимые для него силы. Или стоило Пальме проехать в личном авто на красный свет, как газеты разражались дикими воплями о «превышении власти», о «вопиющем нарушении демократии», права, равенства и т. п. Словом, Пальме имел возможность еще до того, как стал ответственным государственным и политическим деятелем, ознакомиться со всеми выкрутасами демагогии в рамках буржуазной, формальной демократии, так что в конце концов он приобрел к «лаю шавок» прочный иммунитет, что очень пригодилось ему впоследствии.

Хотя Эрландер последовательно и настойчиво продвигал Пальме, предоставляя ему все более широкие сферы правительственной и партийной деятельности, поощряя к выработке самостоятельных ответственных решений, он понимал, что пока Пальме находится в шкуре его секретаря, все преимущества такой длительной выучки не могут еще дать полного эффекта.

Уже в 1961 г., когда Пальме было 34 года, ему было присвоено звание «начальника отдела Совета Министров», хотя фактически никакого отдела не было, а Пальме продолжал исполнять многоликую должность личного секретаря, действительно заменяя собой штат целого отдела. Но самый факт создания не существовавшей ранее должности вызвал бурю протестов и возмущений со стороны буржуазной прессы, что оказало влияние и на СДРПШ, где среди части неквалифицированных рабочих возбуждалось недовольство против «этого барона», бесцеремонно затесавшегося в ряды правящей рабочей партии. Но сделать из этого скандал не удалось. В партии уже укрепилось мнение, что Пальме — ее ценнейшее политическое приобретение.

В 1962 г. встал вопрос о том, чтобы кооптировать Пальме секретарем Центрального совета СДРПШ и таким образом прочнее втянуть его в собственно партийную работу и примирить его с профсоюзными боссами. Но по зрелом размышлении Эрландер пришел к выводу, что Пальме будет все же полезнее ему в правительстве, ибо работа в Центральном совете партии отдалила бы его от повседневной работы в Совете Министров, а найти замену Пальме не представлялось возможным. Поэтому Эрландер, хотя и ожидал вопли протеста со стороны буржуазных партий, пошел осенью 1963 г. еще на один беспрецедентный и «антидемократический» шаг, создав специально для Пальме должность министра-консультанта, исполнявшего все ту же роль личного, доверенного секретаря премьера.

[26] Архив Эрландера. 4.6.1957. Цит. по: Ruin O. Op. cit., s. 69.

4. От министра до премьера и лидера партии.

С этих пор карьера Пальме в правительстве развивалась стремительно. Эрландер решил испробовать Пальме на совершенно самостоятельной работе, давал ему последовательно управлять различными министерствами начиная с 1965 года. К этому времени Пальме подыскал для Эрландера, по своим меркам, целый квартет секретарей-референтов, которые в совокупности могли заменять его. Среди них между прочим был и нынешний премьер-министр Швеции Ингвар Карлссон. Сам же Пальме, даже будучи шефом отдельных министерств, успевал несколько раз в день забегать в канцелярию премьера и руководить работой подобранного для него штаба. Только при таких условиях Эрландер мог отпустить от себя Пальме, ибо иначе он просто бы не выдержал.

В 1965—1966 гг. Пальме управлял министерством коммуникаций, куда входили департаменты железнодорожного, водного, авто- и авиатранспорта, почты, телеграфа, телефона, радио и ТВ. Пальме в короткий срок оживил и улучшил работу этого ведомства, стал популярным министром. Именно Пальме подготовил сенсационный переход Швеции на правостороннее движение, хотя в сам день перехода — 3 сентября 1967 г. он уже возглавлял другое министерство — просвещения и культуры (1967—1969 гг.). Это министерство было создано и переименовано специально для Пальме из прежнего министерства по делам культов (церкви). Оно стало ведать не только школьным образованием, но и делами автономных шведских университетов и иных высших учебных заведений, а также всем, что связано с культурой (музеи, театры, эстрада, кино, игорные и развлекательные заведения).

Начав службу в новом министерстве, Пальме первым делом «перетащил» туда ТВ и радио из своего старого министерства коммуникаций. Для Швеции это было огромной сенсацией. Дело не только в том, что Пальме заставил всех смотреть на радио и ТВ не как на отрасль техники связи, а как на отрасль культуры, что уже было непривычно для многих. Дело в том, что прежнее министерство культов всегда было особенно строгим и чопорным учреждением. Присоединять к нему радио с его рок-музыкой и особенно ТВ с его склонностью к показу сексуальной тематики казалось совершенно неуместным, даже кощунственным. По этому поводу много острили, слали возмущенные письма насчет того, как министр думает «совмещать» красоток стриптиза и пасторов, но Пальме довольно быстро доказал, что ТВ и радио — это в первую очередь каналы культуры, а не каналы связи. В области же школьного образования он предпринял к концу 60-х годов всеобъемлющее обновление программ и структуры шведской школы, что оказалось весьма своевременным и было закончено уже после 1969 г. другими министрами. Вообще Пальме очень широко трактовал свои полномочия и обязанности как министра образования. Он активизировал связи с зарубежными странами в области культуры, забрав себе фактически кое-что даже из прерогатив МИД.

Именно на этом фоне и следует рассматривать активизацию общественно-политической деятельности Пальме во второй половине 60-х годов, которую он весьма смело и искусно совмещал с государственной деятельностью министра, хотя для шведских условий это было невиданной «новинкой» и первоначально вызывало удивление одних, упреки и возмущение других или восторженное одобрение третьих. Однако Пальме и в этом новом политическом амплуа оказался фигурой крупной, самостоятельной, политиком, остро чувствующим пульс времени, понимающим ситуацию уже в момент начала ее формирования, а не завершения.

Что же делал Пальме? Что происходило с его политическими

взглядами и позицией? Если до 1953 г. о взглядах Пальме можно было легко узнать по тем статьях, которые он публиковал в прессе, то с момента работы в правительстве этот источник информации исчез — его печатные выступления сократились. Во-первых, он был всецело поглощен работой, а во-вторых, обладая в этот период конфиденциальной информацией, он просто не имел нужды в публичных выступлениях.

Правда, Пальме в порядке общественной работы не порывал связей со студенческим движением. В 1955 г. он был вновь избран в Исполком ШСС, где находился до 1961 г. в качестве руководителя лекционного бюро ШСС — это давало ему определенную трибуну, создавало уникальную возможность проявлять свое влияние в среде молодежи, ибо он часто выступал с лекциями в различных уголках страны, разъясняя политику СДРПШ. Но в 1961 г. на пост председателя ШСС был избран Ингвар Карлссон, и Пальме оставил тогда студенческое движение.

Таким образом, каналы открытого, доступного всем наблюдения за проявлением взглядов Пальме как будто сузились в 60-е годы по сравнению с предыдущими, но для историка имеется и другой материал: стенограммы выступлений на правительственных совещаниях, в Совете и Правлении партии, наконец, в риксдаге — как на пленарных заседаниях, так и в различных комитетах. Таким образом, когда все эти источники будут подвергнуты анализу, то будущий биограф сможет нарисовать яркую и подробную картину эволюции мировоззрения и различных позиций Пальме по вопросам социальной, внешней и культурной политики. Поскольку такой документальный материал уже сейчас частично доступен историкам, то в принципе не имеет значения, будет ли оценка развития взглядов Пальме делаться ныне на основе 1000, 100 или 50 его выступлений. Вот почему, с точки зрения историка, период 60-х годов обеспечен материалами для биографии Пальме не хуже, а даже лучше, чем предыдущий.

Как же развивались взгляды Пальме за те 10—12 лет, когда он был помощником Эрландера и не только наблюдал, но и активнейшим образом участвовал в кухне государственной и особенно партийной жизни? Не отвратило ли знакомство с подноготной политики СДРПШ Пальме от этой партии? Нет. Все говорит о том, что взгляды его еще более радикализировались, он все более и более шел влево, что особенно было заметно на фоне остававшихся стабильными взглядов остальных членов кабинета Эрландера и в целом партии. Исходным пунктом нараставшего полевения Пальме была и оставалась международная обстановка.

Развитие в мире подтверждало правильность сделанного им в 1950 г. вывода, что роль в мире, по крайней мере численно, все более и более будет возрастать у бывших колониальных стран. Кроме того, американский империализм за послевоенные годы, особенно после 1950 г., все более становился на ультраправые позиции в международных делах. И тем самым разрыв между оценкой Пальме США в 1948 г. и тем, какими США становились в 1960—1961 гг., а тем более в 1965—1968 гг., когда они увязли в кровопролитной войне против маленького Вьетнама,— все возрастал, увеличивался. И Пальме четко фиксировал наличие этого разрыва, без всякого сожаления и даже демонстративно подчеркивал свое новое, отрицательное отношение к США как к откровенно империалистической, воинствующей реакционной мировой силе. При этом Пальме был настолько последователен, что не побоялся, удаляясь от США, максимально приблизиться к позиции коммунистических стран по Вьетнаму. Это вовсе не означало, что Пальме пересмотрел свою оценку социалистического содружества

в классовом и идеологическом отношении, а просто он был настолько объективен, что занимал ту позицию, в которую верил независимо от того, кто еще разделял такую же точку зрения. Этим Пальме прекрасно доказал, что он крупный политик, а не конъюнктурщик. Но для большинства людей (во всех странах), привыкших скорее к конъюнктурным суждениям, политическое поведение Пальме в 60-х годах было своего рода шоком.

Прежде всего шокирующей была сама форма поведения Пальме. Будучи министром, он не ограничивался лекциями или докладами перед организациями своей партии в закрытом помещении, официально. В свободное от выполнения государственных обязанностей время он умел и желал быть просто гражданином, как простой смертный. Так, увидав из окна своего дома процессию, несущую плакаты против апартеида, Пальме выбегал и присоединялся к ней, часто вместе со всей своей семьей, с детьми. Вначале к этому относились как к «бзику», снисходительно делая скидку на «юность» социал-демократического министра. Но когда 21 февраля 1968 г. Пальме прошел по столице во главе демонстрации в поддержку Вьетнама и принял участие в антиамериканском митинге на площади Сергеля, стоя рядом с послом ДРВ в Москве, то это было воспринято как сенсация и вызвало много шума во всем мире [27].

Правительство забросали вопросами, несет ли оно ответственность за «выходку» Пальме. Однако министр иностранных дел Швеции Торстен Нильссон спокойно ответил, что, во-первых, Пальме, как и каждый подданный шведской короны, волен участвовать в любых общественных мероприятиях, на которые было испрошено соответствующее разрешение ее организаторами, а во-вторых, он заранее консультировался по поводу своего участия с МИД Швеции, так что ничего незаконного в этом министр иностранных дел не видит. Этот ответ сильно поразил всех противников Пальме в Швеции, и они, наконец, поняли, что, выставляя Пальме в течение ряда лет в качестве эдакого экстравагантного, невыдержанного бузотера, они тем самым обманули сами себя, проглядев становление крупного, волевого, целеустремленного и расчетливого политика, умеющего точно и формально правильно обставлять свои политические шаги. Таким образом, к концу 60-х годов полевение Пальме, особенно в вопросах международной политики, было зафиксировано перед всем миром. Собственно, мир так и воспринял его как радикала, не подозревая о длительной, хотя и идущей скачками, но продуманной, выверенной, обоснованной политической эволюции. Выступление Пальме 21 февраля 1968 г. было рассчитано на то, чтобы привлечь самое широкое, всеобщее внимание к данному вопросу. Это был не только вопрос внешней политики, но и вопрос общей, в том числе и социальной, политики социал-демократов. Любимый тезис Пальме о тесной связи национальных и социальных движений получил в данном случае наиболее яркое освещение. Речь шла о стратегии, о направлении политики развитых промышленных капиталистических стран Европы по отношению к отсталым аграрным странам Юга и Востока, поднявшимся в первую очередь на защиту своей национальной независимости, но одновременно и за социальную справедливость.

Если Запад не признает справедливости борьбы за эти две цели, то он оттолкнет эти страны (а они составляют большую часть мира) и превратит их в своих противников, чем подорвет и свои позиции, и общую стабильность мира — вот как рассуждал Пальме. Угнетенные страны станут обширным резервом мирового коммунизма, и пропасть противоречий в мире резко возрастет. Такая политика безрассудна, она

[27] Ruin O. Op. cit., s. 308—309.

игра с огнем, ее следствие — мировой пожар, в котором вместе с Америкой, возможно, сгорят и другие малые западные страны вроде Швеции, которые не могут стать на сторону коммунистов и, следовательно, самой логикой политической борьбы должны оказаться на стороне Америки. Поэтому их задача не допускать безрассудства американской политики. Именно они ради спасения себя самих должны выступать оппонентами США, взывать к голосу разума. И Швеция должна быть в первых рядах этих оппонентов, поскольку, во-первых, опыт ее истории дает ей основания выступать за политику мира как более разумную, а во-вторых, потому, что ее социал-демократической партии удалось доказать, что есть не только два пути — империализм или коммунизм, но есть и третий путь политического (вне блоков) и экономического (смешанная экономика) развития. В соответствии с этими взглядами Пальме считал, что не только Швеция как страна должна выступать активно на мировой арене в поддержку прекращения конфронтации, но и СДРПШ особенно настойчиво должна проводить ту же линию в международном социал-демократическом объединении — Социнтерне.

В 1968 г. эти мысли, эти идеи и вытекающая из них политическая линия не случайно кульминировали у Пальме, сложились в непоколебимое убеждение. Дополнительным толчком к их формированию послужили студенческие волнения в Европе. Главное, что характеризовало волну «новых левых» в 1968 г.,— ее «марш против сложившихся общественных институтов», как это формулировал Руди Дучке, было далеко не чуждо натуре и убеждениям самого Пальме. Он также недолюбливал разные сложившиеся бюрократические или демократические процедуры вроде согласований, обсуждений, коллегиальности и предпочитал действовать и принимать решения быстро, самостоятельно, «без совета с дураками», дабы не упустить время. Пальме любил решать вопросы «в рабочем порядке» и, как бы у нас сказали, келейно и уже потом объяснять свое решение, если в его правильности кто-либо сомневался. И поэтому Пальме был «против сложившихся институтов», мешавших маневренности, был против коллективного «бюрократического контроля» за его деятельностью, за его политикой. Новые же левые были против «сложившихся институтов» потому, что те отгораживали их от контроля за политикой. Исходные посылки у Пальме и «новых левых» были, таким образом, разные, даже противоположные, но на какой-то момент их неудовлетворенность существующим порядком совпадала.

Если Пальме было нелегко завоевать признание в своей партии, в своей стране как слишком радикальному деятелю, то и в Социнтерне, на международной социал-демократической арене он также не встретил быстрого понимания. И тем не менее Пальме это нисколько не обескуражило: он продолжал упорно проводить свою линию как внутри страны, так и в Социнтерне. И если внутри страны он к началу 1969 г. привлек на свою сторону несомненное большинство партии, «примирил» с собой, со своим стилем деятельности значительную часть населения страны, то в Социнтерне он добился торжества своей политической линии позднее — примерно в 1971—1972 годах.

В 1969 г. произошло крупнейшее событие в жизни Пальме. На съезде СДРПШ он был избран председателем партии взамен отпросившегося на покой Эрландера. Это автоматически вело к тому, что Пальме занял пост премьер-министра в правительстве и зампреда в Социнтерне. Собственно, с этого момента и началась европейская и всемирная известность Пальме.

Весь длительный и крайне важный для его становления как государственного деятеля «инкубационный период» оставался вне поля

зрения для широкого общественного мнения. Пальме появился на международном небосклоне сразу, как яркая комета, уже готовым, сложившимся деятелем. Но в узких политических кругах Европы его знали давно как секретаря Эрландера. В таком качестве Пальме посетил многие страны, в том числе и Советский Союз. Другое дело, что прежде его мало кто оценивал за рубежом, не подозревая, что на его плечи ложилась львиная доля работы по подготовке правительственных и партийных решений. Но это была закулисная сторона, о которой даже в Швеции знали немногие.

Если к руководству правительством Пальме пришел логично, пройдя путь от личного секретаря премьера, начальника его канцелярии, министра-помощника и постепенно ознакомившись на практике с руководством двух министерств, то есть в общем-то последовательно и постепенно, то к руководству партией (СДРПШ) он пришел сразу, внезапно, не проходя длительной, рутинной иерархической лестницы: от юношеского движения, через студенческое и профсоюзное до местных, коммунальных, территориальных организаций партии и оттуда — через центральный ее аппарат. Все эти ступени, на каждой из которых можно было легко поскользнуться, он попросту пропустил и взобрался на высшую точку партийного пьедестала сразу, в течение нескольких минут, после того, как конгресс СДРПШ по рекомендации Эрландера проголосовал за его кандидатуру. 23 июля 1969 г. Эрландер просил конгресс об отставке несколько неожиданно. Предполагали, что он оставит штурвал партийного корабля в 1971 г., то есть дождавшись юбилея 25-летия своего премьерства. Но он неожиданно решил уйти на покой раньше: в этом сыграло роль как внезапное ухудшение его здоровья, так и то обстоятельство, что в середине 1969 г. он считал Пальме вполне подготовленным для того, чтобы прийти ему на смену.

Уже в начале 1965 г. Эрландер в своих дневниках высказывал мысль, что только Пальме должен быть его наследником в партии и в правительстве, но считал, что приучать к этой мысли шведское общественное мнение придется по крайней мере еще пять лет [28]. Уже с начала 60-х годов Эрландер фактически принял все меры для «подготовки наследника». Он последовательно, но негласно передавал в ведение Пальме, или, точнее, передоверял ему время от времени на своего рода курирование отдельные отрасли политики, причем вначале это касалось внешней политики и вопросов образования и культуры, где превосходство и компетенция Пальме были несомненны, неоспоримы, и лишь в последнюю очередь позволил «внедряться» в область внутренней политики, которую он оставлял за собой. В значительной мере такое разделение труда происходило стихийно, так сказать, «по интересам», а следовательно, вполне естественно, поскольку Пальме больше любил внешние дела, а Эрландер лучше знал внутренние, но был в этом «распределении ролей» и свой серьезный, сокровенный смысл. Во-первых, Эрландер, полностью доверяя Пальме, все же предпочитал держать все нити внутришведских дел в своих руках, а во-вторых, что особенно важно, он, зная склонность Пальме к конфронтации с буржуазной оппозицией и некоторое недоверие и зависть к нему со стороны партийных «этаблированных» кадров, не желал и даже просто опасался раньше времени испортить, сорвать блестящую карьеру Пальме. Так что в той последовательности, с которой Эрландер передавал ведение дел Пальме, наряду со стихийным, естественным был и элемент расчета, сознательности, рационализма.

Вообще в вопросе о своем преемнике, в том, с какой заботливостью Эрландер пестовал Пальме как будущего государственного деятеля, он

[28] Erlander T. Dagboken, 19.I.1965; Ruin O. Op. cit., s. 70.

проявил не только завидную политическую дальновидность, могущую служить своего рода образцом, но и оказал своей стране и особенно партии огромную услугу своей мудростью. Не всякий политик был бы способен не только распознать таланты Пальме, но и, распознав их, увидев их политическое значение и обнаружив одновременно некоторые чрезвычайно уязвимые стороны Пальме как человека, суметь направить всю свою энергию на выдвижение этой личности, на то, чтобы убрать с ее дороги все и всяческие, даже малейшие, препятствия. Показательно, что такая тактика была возможна только с нарушением формальных демократических правил игры, и Эрландер, заботясь о высших интересах партии и государства, вполне сознательно и даже настойчиво шел в этом вопросе на последовательное нарушение формальных демократических принципов, не боясь ни критики, ни непонимания, ни даже опасности падения своего авторитета в собственных рядах, но памятуя только о высшей пользе государства и зная, что политический талант легко загубить, но трудно найти и тем более сохранить, чтобы он раскрылся полностью. Такая политика — пример истинного патриотизма.

Однако старания Эрландера чуть было не оказались сорваны тем, что первоначально уже в 1965 г. ему пришлось из-за пошатнувшегося здоровья просить партийное руководство отпустить его на покой. В связи с таким поворотом дел вставал вопрос о «временном» или «переходном» правительстве, которое действовало бы в ожидании, когда Пальме «созреет для премьерства», и которое мог бы возглавить кто-нибудь из «старой гвардии», например, рвавшийся туда влиятельный и еще крепкий министр финансов Гуннар Стрэнг. Но молодые в партии настаивали на том, чтобы Эрландер передал бразды правления непосредственно Пальме, опасаясь, что с уходом старого премьера выживут, быть может, и Пальме. Наиболее приверженным сторонником Пальме был Ингвар Карлссон, который в 1967 г. заявил от имени молодых в ШСС и в молодежной организации СДРПШ, что будущим премьером и лидером партии они хотят видеть только Пальме[29]. Узкий внутренний круг руководства СДРПШ фактически согласился с этим на чрезвычайном партсъезде осенью 1967 г., хотя официально об этом нигде не упоминалось и официально кандидатом в лидеры считался Кристер Викман. Сам Пальме ничего не знал об этом решении, так как Эрландер никогда не говорил с ним об этом. Уходил от вопроса о наследнике Эрландер и во всех своих интервью с журналистами. Так что сделанное «под занавес» съезда 1969 г. его заявление о своем желании видеть у руля партии Пальме и о том, что это решение давно одобрено ее руководством, прозвучало для многих делегатов неожиданно. Функционеры Центрального объединения профсоюзов Швеции (ЦОПШ), привыкшие определять политику партии и заполнять своими ставленниками ключевые позиции в Центральном совете СДРПШ, были недовольны, во-первых, самостоятельной политикой, которую стремился проводить в партии Пальме, а во-вторых, тесными, дружественными отношениями Пальме с ТКО — Организацией государственных служащих, которая в Швеции имеет собственный профессиональный Совет и не входит в производственные профсоюзы, то есть в ЦОПШ.

Были и другие группки в партии, которые, как и проффункционеры, считали Пальме выскочкой, человеком, обошедшим более заслуженных людей в рабочем движении, лицом, занявшим высший пост «с налета», «без труда и старания», то есть без того, чтобы тянуть десятилетиями «партийную лямку». Но все эти настроения были лишь эмоциями, а факты состояли в том, что никто, кроме Пальме, в правительстве не был столь хорошо посвящен «в кухню» государственных дел и никто не был столь компетентен для ведения внешней политики. И за Пальме проголосовали 216 из 304 уполномоченных — выборщиков, или более чем $^2/_3$ съезда[30]. Однако в стране и в партии сохранились целые слои, недовольные Пальме. Многие не прощали ему его происхождения («Он всегда останется для меня бароном»); в мелкобуржуазной среде ему не прощали интеллектуальности; мещан раздражала его склонность действовать на мировой арене, заниматься вопросами внешней политики с гораздо большим удовольствием, чем подчас мелкими и склочными внутришведскими проблемами.

Если учесть, что у СДРПШ и Пальме имелись в стране и крупные политические противники — три буржуазные партии: умеренных консерваторов, народников (правые либералы) и центра (средняя и мелкая буржуазия города и деревни), то понятно, что сил, желавших любым путем дискредитировать нового, динамичного лидера социал-демократов, было предостаточно. И Пальме пришлось с первых же дней своего возвышения почувствовать, насколько «тяжела шапка Мономаха».

Пальме пришел к руководству партией и страной в критический для них исторический момент. Проблемы инфляции, дороговизны, жилья, рост налогообложения, недовольство молодежи профсоюзной и партийной бюрократией и усугубляющееся «одиночество в коллективе» как результат развивающегося «эгоизма общества» — все эти «мелочи бытия» проявлялись на фоне общей растущей апатии масс к проблемам политики. В стране назревали и застойные и конфронтационные процессы. В этой обстановке перед Пальме как новым лидером стояла цель — решительно изменить неблагоприятные тенденции развития, ибо несмотря на всю спорность его как политика, он оказался в 1969 г. единственной фигурой, вокруг которой на время объединились сторонники разных группировок ради достижения этой цели. Поэтому задачи Пальме были чрезвычайно сложны и серьезны. Он должен был только выигрывать в политической борьбе. И не имел права проигрывать. А для этого он должен был избрать наиболее верную тактику. Какую? Пальме пошел по линии, казавшейся ему наиболее плодотворной в тот момент,— линии смягчения напряженности, линии деидеологизирования партийной политики, перенесения центра тяжести на практические, прагматические вопросы, на социальные мероприятия. При этом он исходил из того, чтобы не оттолкнуть, объединить как можно больше людей вокруг общих задач.

На первых порах его умение соответствовать настроениям разных крыльев партии, находить общий язык с разными течениями именно в силу расплывчатости собственных идеологических взглядов, его природное умение улаживать разногласия и примирять противоположные взгляды давало хорошие результаты, вносило успокоение. В роли лидера Пальме обнаружил не только способность точно схватывать и определять ведущие политические настроения времени, но и приспосабливаться к ним, а также приспосабливать их для целей партии. Кроме того, многих привлекало к нему, опять-таки на первых порах, то, что он имел склонность связывать ту или иную политическую установку не с общей платформой партии, а с деятельностью определенного политика, определенной личности. Некоторые усматривали в этом «человеческое лицо политика» и шли на эту приманку, как бабочки на свет. Но те, кто знал его ближе, видели в этом проявление усвоенных в студенческие годы в США американских взглядов на сущность политики, которые фактически оказали глубокое воздействие на мировоззрение Пальме.

[29] Ruin O. Op. cit., s. 70.

[30] Östergren B. Op. cit., s. 146.

Поскольку как лидер партии и глава правительства Пальме впервые за десять лет оказался у всех на виду, на авансцене событий и был вынужден очень часто давать интервью, то именно в начале 70-х годов стало ясно, что Пальме как политик не имеет определенных, «жестких» идей, что нельзя точно сказать, принадлежит ли он к левым или правым, к центру или к радикальным группировкам, и что он, в сущности, не верит, что идеология имеет или может иметь серьезное реальное значение и что она не может ограничивать и определять его политические решения. Он мог их принимать, просто исходя из условий конкретного момента и здравого смысла, а не из каких-то идеологических соображений.

Подобный оппортунизм и безыдейность вначале успокаивали политических противников Пальме, особенно когда на наивно-провокационный вопрос журналистов: «Ты марксист, Пальме?» он спокойно и безмятежно отвечал: «Нет, никакой я не марксист!»[31]. Лишь позднее, уже в 80-х годах, по мере ликвидации напряженности в мировой политике, это отсутствие собственной жесткой политической шкалы у Пальме стало пугать многих политиков в Швеции, да и не только в ней: что, если Пальме, с его отсутствием идеологических границ, не почувствует, как его занесет слишком влево?

Чего, однако, нельзя было отнять у Пальме, так это его умения делать, как правило, безошибочный прогноз событий. Его хорошее политическое чутье примиряло с ним все фракции в своей партии, да и в целом шведскую публику, гордящуюся своим современным динамичным и имеющим мировой престиж премьером, хотя было многое, что все еще коробило и шокировало в нем и истеблишмент и партийные низы. Прежде всего бросалась в глаза разница в стиле поведения и в стиле политического руководства Пальме и прежних лидеров.

От свободы действий министров и былой коллегиальности с оттенком отеческого отношения при Эрландере ничего не осталось буквально в первые же недели премьерства Пальме. Здесь опять-таки сказалась его склонность к американской (по виду демократической, а точнее, бесцеремонной и фактически более жесткой) модели политического и государственного управления, предполагающей беспрекословное повиновение боссу. Раньше министр не посмел бы войти в кабинет премьера без пиджака, но зато имел полное право не соглашаться с ним и мог отстаивать свое мнение в серьезных вопросах. Теперь же он мог разгуливать по министерству хоть в подтяжках, но должен был поддакивать премьеру. Министры не только превращались в исполнителей предначертаний премьера в своих министерствах, но их «свобода маневра», кроме того, сокращалась активно действовавшим аппаратом канцелярии премьера, его «мальчиками» и советниками, которые параллельно прорабатывали любой вопрос, ставя министра в положение ученика, вечно опасавшегося, что ему может быть задан как раз такой вопрос, который он еще «не успел выучить».

Конечно, в результате такой «координированности» работы шведское правительство действовало в годы премьерства Пальме слаженнее, четче и эффективнее, но это создавало иную нагрузку и иной психологический климат, совершенно не известный в «старые добрые времена», и предполагало совсем иной тип министров, чем это было традиционно для Швеции. Все это привело, особенно во втором правительстве Пальме (1982—1986 гг.), к сильному обновлению и, главное, к существенному омоложению правительственного состава и правительственного аппарата, но в то же время было использовано оппозицией для подрыва популярности Пальме, для создания его не совсем симпатичного образа как своевольного, жесткого, высокомерного и эгоистичного руководителя. Буржуазная оппозиция, естественно, не упускала случая использовать все это. Первые же выборы в 1970 г. принесли сильное поражение СДРПШ. Вместо 50,1% голосов, полученных правительством Эрландера в 1968 г., правительство Пальме получило лишь 45,3%[32]. Это обусловило необходимость неформальной, но фактической опоры в риксдаге на поддержку со стороны коммунистов (ЛПК), так как без этого социал-демократическое правительство меньшинства не могло бы продержаться.

[31] Aftonbladet 12.IX.1982; Неделя, 1986, № 10, с. 10.

Для Пальме это обстоятельство было весьма существенной неприятностью, ибо в своем заявлении на съезде 1969 г. о принципах руководства партией и правительством он особо подчеркнул, что СДРПШ не нуждается в парламентской поддержке слева коммунистами, что она будет создавать только однопартийные правительства и опираться только на поддержку своей партии. Блокирование с партией Центра, характерное для политики СДРПШ в 30-е годы, также было немыслимо в 70-х. Центр не только перестал быть прежней «крестьянской партией», вобрав в себя городскую буржуазию, но он сильно поправел политически, а главное — в социальном отношении, и получил такой успех на выборах (20%), что это сделало реальным создание в Швеции чисто буржуазного правительства. Если бы буржуазные партии решились в этот момент на объединение, то это было бы равносильно резкому повороту во внутренней политике. Вот почему Пальме в этой ситуации решил обострить политическую борьбу. Тактика Пальме при этом состояла в том, чтобы показать рабочему классу, служащим, поддерживающим СДРПШ, что в условиях, когда возросли безработица и инфляция, сохранять политическую пассивность (а она была налицо, что выразилось в резком снижении участвующих в выборах) больше нельзя. Надо было всемерно всколыхнуть, растревожить, даже «испугать» избирателя. Поэтому лозунги о социальном равенстве, обращенные ко всему народу Швеции, были сняты в избирательной кампании СДРПШ в 1973 г. и были заменены лозунгами, обращенными к своему классу, только к своим постоянным избирателям. Эти лозунги призывали поддержать политику СДРПШ, обеспечивающую сумму элементарных мер социальной защиты рабочего класса, которая хотя и достигнута СДРПШ, но может быть отменена партиями буржуазии, если те придут к власти[33].

На первый план были выдвинуты лозунги в поддержку рабочих: улучшение условий труда, прочные гарантии от увольнений и сокращений в случае ухудшения экономической конъюнктуры, участие рабочих и служащих в решении производственных вопросов предприятия[34]. Но было уже поздно, и это не помогло. СДРПШ получила лишь 43,6% голосов— рабочие активизировались сравнительно слабо, а попутчики из мелкой буржуазии, испуганные «радикализмом», отшатнулись к Центру, который получил уже 25,1% голосов, став самой сильной буржуазной партией в стране. Распределение мест в риксдаге отразило всю неустойчивость положения СДРПШ: 175 буржуазных депутатов против 175 социал-демократов вместе с коммунистами[35]. Пальме решил, однако, и в этой ситуации сформировать правительство, изложив перед фракцией СДРПШ в риксдаге новый план политики, которая должна играть на противоречиях между буржуазными партиями, заставляя то одну, то другую из них поддерживать то или иное конкретное предложение правительства в риксдаге. Пальме подчеркнул,

[32] Erlander N. Skandinavisk arbetarrörelse. Stockholm, 1980.
[33] Palme O. Solidaritet och frihet. Borås. 1972.
[34] Samtal med Olof Palme. Intervju Macke Nilsson. Prisma. Borås. 1972.
[35] Ruin O. Tvåpartisystem, samlingsregering eller vad? Makten från folket. Stockholm. 1985, s. 84.

что и в этой ситуации СДРПШ остается объединяющей силой в шведской политике, и альтернативы ей пока нет.

Балансирующая тактика Пальме в эти годы в общем удалась, он показал себя чрезвычайно искусным и гибким практическим политиком, сумевшим предотвращать правительственные кризисы — в 1974 и 1975 гг., выходить из них, так сказать, с честью, переигрывать оппозиционеров, используя их противоречия, и даже вызывать их уважение и поддержку. Но все это искусное маневрирование «на острие ножа» имело бы смысл, если бы выборы 1976 г. принесли, наконец, решительную победу. Собственно, ради того, чтобы продержаться, дотянуть до этих выборов, Пальме и предпринимал различные тактические усилия и уловки. Его главной задачей было оградить СДРПШ от политического поражения, не допустить утраты правительственной власти, не потерять то историческое наследие, которое доверил ему и Эрландер, и съезд 1969 года. Однако все усилия оказались напрасными. Экономическое положение в стране было чрезвычайно сложным, и, по всеобщему мнению, виновными в этом оказались социал-демократы.

А дело заключалось в том, что конкурентоспособность шведской промышленности на мировом рынке в 70-е годы резко понизилась. Шведские расходы на зарплату составляли 60% стоимости изделий. Труд в Швеции оплачивался долгое время очень высоко, но это окупалось либо высоким качеством изделий, либо их редкостностью, уникальностью, отсутствием подобных изделий у других стран, либо, наконец, тем, что часть шведских предприятий строилась в странах третьего мира, например, в Латинской Америке, и низкая зарплата там компенсировала высокую зарплату в Швеции, поскольку производителями были концерны, владеющие и шведскими, и зарубежными предприятиями. Но в 70-е годы зарубежные шведские предприятия стали облагаться высокими налогами и часть их пришлось закрыть (в Бразилии, Аргентине). Одновременно на мировом рынке стала появляться дешевая продукция Японии, Южной Кореи, Сингапура, Тайваня, не уступающая шведской по качеству. Это был сильный удар по шведской экономике. Первым его почувствовали, разумеется, национализированные государственные предприятия, а не частные, где промышленники могли гибко снижать зарплату, изменять тарифные ставки и даже увольнять рабочих, сокращать производство.

Госпредприятиям в первую очередь грозило банкротство. Правительство оказалось между двух огней: либо ликвидировать собственными руками госпредприятия, либо снижать зарплату, увольнять рабочих, сокращать производство. Кроме того, надо было отказаться и от поддержки требований профсоюзов на капиталистических предприятиях, если думать об общем положении шведских промышленных товаров на мировом рынке.

Вся надежда была на то, что избиратели дадут в 1976 г. СДРПШ исключительный мандат на проведение экстренных мер по спасению шведской промышленности и финансовых жестких мер (вроде девальвации кроны). Для этого требовалось, чтобы СДРПШ получила бы по крайней мере немногим более 50% голосов на выборах. Правительство Пальме провело ряд мер, чтобы дотянуть до 1976 г.,— усилило налогообложение, введя еще более прогрессивный налог на доходы, подняло косвенные налоги, отчего инфляция и дороговизна резко усилились, но общественный сектор — гордость СДРПШ — был на время спасен. Все эти меры были крайне непопулярны, вызвали недовольство мелкой буржуазии, численно доминирующей в Швеции, но так и не дали искомого политического результата. На выборах 1976 г. СДРПШ потерпела сокрушительный провал, набрав лишь 42,5% голосов, хотя выборы велись остро, доминировали резкие идеологические лозунги, противопоставлявшие рабочий класс, его интересы интересам буржуазии. Но это лишь испугало буржуазные круги, хотя многое было сказано всего лишь ради красного словца, в пропагандистских целях.

Потеря еще одного процента голосов резко изменила соотношение сил: социал-демократы оказались в абсолютном меньшинстве. Анализируя это поражение, Таге Эрландер напомнил, что СДРПШ и прежде проигрывала выборы — тогда, когда позиция социал-демократов была в чем-то неясной: в 1956 г.— в вопросе о пенсиях и в 1966 г.— в вопросе о жилищном строительстве[36]. В 1976 г. также был один неясный вопрос в позиции СДРПШ: о создании фонда получателей зарплаты. Мнения о его создании (а это была бы гарантия при снижении ставок и потере работы) в руководстве СДРПШ, на пленумах партии разошлись. И потому никакая «решительная фразеология» против буржуазии не могла принести успеха. Шведский избиратель, шведский рабочий был научен верить не лозунгам и призывам партии, а лишь условиям коллективных договоров и законам, проведенным через риксдаг. Буржуазия, а затем СДРПШ в течение десятилетий настолько приучили рабочий класс к уважению правовых норм государства, добились веры рабочих в буржуазную законность, что в конце концов те перестали верить во все, что не получило юридической силы. Вот почему рабочий класс оказалось невозможным мобилизовать призывами СДРПШ в 1976 г., рабочие не рассматривали их как серьезные, зная, что осуществление их в форме юридической нормы — дело весьма ненадежное, поскольку нет нужного большинства голосов.

5. В роли лидера оппозиции и деятеля Социнтерна.

Поражение на выборах в 1976 г. едва не заставило партию пересмотреть вопрос о лидере, ибо ни одна из целей, поставленных съездом СДРПШ 1969 г. в связи с выбором Пальме, не оказалась достигнутой: вместо вливания в партию новых сил и идей, вместо ее продвижения вперед и активизации последовала непрерывная утрата влияния среди избирателей: за семь лет — с 50,1 до 42,1% и как итог — полная утрата правительственной власти, потеря завоеванных и непрерывно удерживаемых в течение 40 лет позиций. Иными словами, молодой и талантливый, активный, динамичный Пальме проиграл там, где вовсе не динамичные, но осмотрительные, осторожные «старики» расчетливо копили и наращивали политическое влияние и авторитет партии. Все говорило за то, что СДРПШ было бы логично «попробовать пойти другой картой», то есть сменить лидера, тем более что это тактически было выгодно, ибо объяснило бы причину поражения. Но такому решению препятствовало два обстоятельства: первое — в СДРПШ не было подходящих лидеров, ибо «старики», так называемое третье поколение, уже сошли с политической сцены, а «четвертое поколение» было еще не готово, среди него не было никого, кто смог бы по опыту и хватке соперничать с Пальме; вторым обстоятельством была позиция самого Пальме: он не считал это поражение поражением, не желал его признавать. И главное, он не был им обескуражен.

Возможно, как мастер прогнозов Пальме еще в 1974—1975 гг. «просчитал», что ближайшие годы, по крайней мере пяти-, шестилетний цикл, будут периодом во всех отношениях экономически неблагоприятным для Швеции. Поэтому разумнее предоставить эти годы для буржуазного правительства, чтобы оно дискредитировало себя, а социал-демократам «отдохнуть» в оппозиции, подкалывая своих политических противников и наращивая таким довольно легким путем растерянный среди избирателей авторитет и доверие. Возможно, что такие соображения имели место и лично у Пальме, и в узком кругу руководства

---

[36] Intervju med Tage Erlander av Alvar Alsterdal — Arbetet, X.1976.

СДРПШ после того, как был проведен «домашний анализ» последних выборов. Но, помимо выгод от пребывания в оппозиции, Пальме усматривал явную выгоду и в том, что, освободившись от занятий в правительстве, он сможет активизировать свою деятельность на международной арене по линии Социнтерна. Надо сказать, что уже в 1974—1976 гг. обнаружились некоторые признаки того, что Пальме наскучили «мелочи шведской внутриполитической жизни» и что он буквально оживает и расцветает, когда ему предоставляется возможность действовать на международной арене, либо как премьеру Швеции, либо, что еще лучше, как деятелю Социнтерна, поскольку в этом случае Пальме получал, что называется, полную «свободу рук», не был связан ни протоколом, ни выбором выражений и мог давать полную волю своим «мечтаниям» и «грезам», а потому чувствовал себя в своей стихии.

Если даже в своих взглядах на общество, на капитализм Пальме за 25 лет, с 1951 по 1976 гг., заметно эволюционировал справа налево, то в области внешней политики его полевение воспринималось как драматический сдвиг. Начав как проамериканист и антикоммунист в 1948—1949 гг., Пальме в декабре 1972 г., будучи главой шведского правительства, дал распоряжение приостановить выезд в Вашингтон шведского посла Ингве Мёллера в ответ на отзыв из Стокгольма посла США Губерта де Беш, чем США думали напугать Швецию и заставить ее пойти на отказ от критики политики США во Вьетнаме [37].

Эта акция не только наделала много шума в мире, но и в силу того, что на это пошла выдержанная, чрезвычайно осмотрительная и, в сущности, консервативная шведская дипломатия, о которой было хорошо известно, что она тысячу раз взвесит все «за» и «против», прежде чем выскажет свой вердикт, этот шаг был воспринят европейскими странами как сигнал того, что США утратили доверие в капиталистическом мире, и это нанесло американской политике не меньший дипломатический ущерб, чем собственно военное поражение в джунглях Вьетнама. А поскольку Пальме взял на себя и ответственность, и смелость за осуществление этого шага, то его престиж — престиж крупного, решительного деятеля мирового масштаба — резко вырос. Это была немалая компенсация за утрату политической поддержки во внутришведских делах. И это придало Пальме сил и уверенности в его общей политической игре. Потому-то он и рискнул держаться за власть в Швеции в 1973—1976 гг., хотя это и было, в сущности, бесперспективно.

Но осуждение США за агрессивную войну было лишь одной стороной внешнеполитической эволюции Пальме. Другой стороной была его активная политика поддержания мира во всем мире и наметившийся с конца 70-х годов, а особенно с начала 80-х пересмотр международной политики Социнтерна и шаги по установлению контактов с Советским Союзом, прежде всего по полуофициальным, общественным каналам.

Подготовленный этой многолетней работой визит в СССР, который намечался на весну 1986 г., так и не состоялся, ибо как раз за несколько недель до него Пальме был злодейски убит. Выбор момента убийства был, конечно, далеко не случаен, ибо он помешал кульминации, завершению и оформлению того процесса по критическому пересмотру своих взглядов на СССР и его политику, который Пальме предпринял за последние десять лет своей жизни.

Чтобы хотя частично реконструировать ход и направление этого пересмотра, необходимо вспомнить, что еще в 60-х годах Пальме продолжал расценивать СССР как тоталитарную страну и, исходя из этой оценки, рассматривал его как фактор, якобы угрожающий миру.

[37] Möller Y. Mina tre liv. Publicist, politiker, diplomat. Stockholm. 1983.

Основой для таких суждений являлись для Пальме отнюдь не реальные факты политики 50—60-х годов, а «исторические проекции», которые он делал о политике СССР, основываясь на «ужасах сталинского режима», характерных, по его мнению, для социализма. Жаль, что Пальме не дожил до наших дней, до 1989—1990 гг., ибо он, вероятно, с немалым удивлением мог бы прочитать теперь в советской прессе точно такие же тирады против «сталинизма», какие рассеяны массами в его собственных выступлениях и статьях 60-х годов. Для тех, кто займется историей СССР нашего времени, нам думается, полезно будет сравнить некоторые писания и оценки Пальме о сталинизме как историческом явлении, чтобы нагляднее понять и ощутить, что марксистская критика негативных общественных явлений должна отличаться от обывательской и мелкобуржуазной. Сейчас это понимание, к стыду наших «публицистов», полностью утрачено.

Можно быть вполне уверенным, что сам Пальме как человек умный теперь пересмотрел бы некоторые свои оценки советской власти. За это говорит та эволюция взглядов на политику СССР, которая происходила у Пальме по мере того, как ему становились известны факты, а не вымыслы. В начале 1970-х годов Пальме развил так называемую теорию «едоков щей» (Kålsupardoktrinen) [38]. Название это происходит от шведской пословицы, являющейся эквивалентом русской «два сапога пара». В Швеции говорят о «двух едоках щей», которые, в сущности, ничем не отличаются друг от друга, ибо едят одни и те же щи. Пальме называл «едоками щей» две сверхдержавы, не обозначая каждую из них по имени. Однако для шведов такой оборот и его скрытый смысл были вполне понятны. «Доктрина» эта, с легкой руки Пальме, пошла гулять по свету, причем вначале ее противником были проамериканские круги в Швеции, обидевшиеся за США, что тех ставят на одну доску с СССР. Пальме поэтому стал вначале объектом нападок за эту доктрину со стороны правых, реакционных сил. Затем, спустя пару лет, обижаться на сравнение стали уже левые, прогрессивные силы, а также советская пресса. Это было причиной того, что большинство речей Пальме у нас вообще не публиковались. Ему долго не прощал «едоков щей» Брежнев, почему-то принявший это фигуральное выражение даже не на государственный, а на свой собственный, личный счет.

Между тем Пальме с 1976 г. стал все более активизировать свою деятельность в Социнтерне, особенно после того, как В. Брандт, избранный в 1976 г. на конгрессе в Женеве Председателем Социнтерна, решил, что эта организация должна вырваться из своей традиционной европейской скорлупы и, привлекая в первую очередь социал-демократические партии Азии, Латинской Америки и Африки, стать всемирной. Это направление отвечало давней идее самого Пальме, считавшего, что именно социал-демократы должны оторвать «цветные народы» от влияния на них коммунистов. Поскольку Генеральным секретарем Социнтерна был избран швед Бернт Карлссон, Пальме стали часто привлекать к текущей работе в Социнтерне, причем, по его желанию, прежде всего к вопросам, связанным с развивающимися странами. Уже в 1977 г. он вошел в делегацию Социнтерна, направленную в Южную Африку, и посетил Замбию, Анголу, Ботсвану, Танзанию и Мозамбик, установив связи с их общественными организациями и государственным руководством. Знакомство с положением в «прифронтовых государствах» быстро привело к радикализации взглядов Пальме на политику, проводимую в этой части света со стороны США, ЮАР, Израиля и СССР. Сравнение было не в пользу трех первых, и общий политиче-

[38] Östergren B. Op. cit., s. 185.

ский профиль СССР сильно посветлел в глазах Пальме. Затем на очереди было знакомство с делами в Латинской Америке, в том числе в Никарагуа, что еще более ухудшило у Пальме и без того плохое впечатление от политики США и в то же время вновь доставило много положительных фактов о политике СССР.

С 1977 г. Пальме входил также в так называемую Комиссию Брандта как один из ее 17 членов. Эта комиссия занималась проблемами «третьего мира» и подготовила доклад о проблеме «Юг — Север» в 1980 г., в выводах которого об опасности увеличения пропасти между бедными и богатыми странами Пальме принимал самое активное участие [39], а в сентябре 1980 г. он после полугодичной подготовки объявил о создании собственной «Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности», которая вскоре стала называться просто «Комиссией Пальме». Среди ее 17 членов были представители и двух социалистических стран: от Польши — Ю. Циранкевич и от СССР — акад. Г. А. Арбатов [40].

Среди получивших известность рекомендаций Комиссии Пальме было предложение создать зону безопасности в Центральной Европе в виде полосы шириною 150 км в обе стороны от границы ГДР и ФРГ — «безъядерную зону оружия поля боя», то есть свободную от малого тактического ядерного оружия.

6. Снова у государственного руля.

Подробно знакомясь с разнообразными тенденциями в развитии разных стран, Пальме сравнивал с ними положение Швеции в годы правления буржуазных правительств (1976—1982), которые, хотя и спорили между собой, все же и в 1979 г. вторично пришли к власти. На фоне мировых событий для Пальме стало абсолютно ясно, что одной из важнейших причин проигрыша СДРПШ политической игры в 70-х годах является глубокая аполитизация шведского народа, его политическая инертность, ставшая, как это ни печально, результатом многолетней реформистской работы социал-демократов по формальному размыванию социальных границ, при фактически общем обуржуазивании рабочего класса в идеологическом и бытовом смысле, но при сохранении крупной буржуазией своих экономических позиций и при растущей решимости ее покончить наконец с политикой реформ и поставить классы «на свое место». Пальме понял, что теперь важно не дать буржуазии воспользоваться политической апатией масс, что надо развернуть резкую, эффектную пропаганду классового противостояния, ибо только при такой постановке вопроса можно мобилизовать весь рабочий класс и всех служащих, зависящих от получения зарплаты, на поддержку СДРПШ. Эта тактика оказалась абсолютно правильной. Кампания по выборам в риксдаг 1982 г. была проведена СДРПШ в резком, внешне в американском, духе, с откровенным охаиванием противников, с выпадами против них, даже в личном плане, что, хотя и было крайне непривычно для Швеции, придало всей кампании боевой, активный характер. Использовал Пальме в свою поддержку и новые общественные движения — «зеленых» и противников атомных электростанций. Для этого пришлось резко пересмотреть политику СДРПШ по всем этим вопросам и, вопреки тому, что делалось и говорилось им самим в 60—70-е годы, пойти на решительный поворот: запрещение строительства новых АЭС и свертывание старых, ликвидацию многих промышленных объектов, загрязняющих окружающую среду.

Все эти меры, вместе взятые — политические, социальные, производственные, экономические и идеологические,— на сей раз продуманные и скоординированные, привели к блестящей («чистой») победе

[39] Brandt-Commission North-South: a Programme for Surval, 1980.
[40] Rasmussen S. Palme-Komissionen.— Land og Folk, 18.III.1986.

СДРПШ на выборах [41]. Но, чтобы добиться этого, Пальме пришлось отчаянно бороться и переламывать своих сотоварищей по партии и на съездах профсоюзов, и на съездах партии, проходивших в течение 1976—1982 годов. Пальме преодолел сопротивление разных групп, показав себя умелым, расчетливым тактиком, блестящим оратором, умеющим убеждать делегатов. Но стоило это ему крайне многого: он резко постарел за эти годы, появились общая усталость, многочисленные морщины, отечность лица, которую так старались схватить нескромные фотографы. Однако в своих действиях, в выступлениях он продолжал демонстрировать динамичность. В принятии решений, в оценке ситуации он также сохранял прежнюю остроту. И все же его старый приятель В. Брандт, приехав в Швецию в 1982 г. после победы Пальме на выборах, не мог удержаться от того, чтобы потрясенно не сказать интервьюировавшим его журналистам: «Пальме изменился. Да. Сильно изменился». Да и другие, знавшие его много лет, отмечали, что произошел какой-то глубинный, внутренний надлом, словно внутри порвалась какая-то важная струна. Пальме стал раздражительнее, нетерпимее, резче. Но все это не отражалось на проведении им политической линии как внутри страны, так и особенно во внешней политике — она оставалась ясной, четкой и делалась все более свободной от непринципиальных, несущественных моментов. Одним из показателей этого было упорядочение отношений с СССР, испортившихся в 70-х годах.

Дело в том, что в 70-е годы шведский Генштаб систематически извещал весь мир о нарушении шведских территориальных вод «неизвестными подводными лодками», намекая на то, что эти лодки были советскими. Этот «темный вопрос» отравлял атмосферу советско-шведских отношений. Особенно обострился он в период пребывания у власти буржуазных правительств 1976—1982 годов. Поэтому Пальме, как только СДРПШ вновь победила на выборах и сформировала свой кабинет, поручил Генштабу представить аргументированный доклад по этому вопросу [42]. Кроме того, Пальме в октябре 1982 г. отдал приказ военным — топить любую подлодку без всяких предупреждений, как только она появится на экранах шведских радаров [43]. Однако ни одна подлодка не была потоплена, не было обнаружено каких-либо фактических признаков, дающих доказательства, что в шведских водах были советские корабли. Тем не менее Комиссия Адмиралтейства представила в апреле 1983 г. доклад, где на основе косвенного анализа фактов делался вывод, что иностранные подлодки, нарушающие территориальные воды Швеции, могли быть только советскими [44].

В тот же день, опираясь на этот официальный документ, Швеция заявила резкий протест Советскому Союзу. Пальме выступил по радио. Одновременно он предпринял попытку прояснить этот вопрос посредством прямого зондажа: через членов своей Комиссии Г. А. Арбатова и эксперта генерала КГБ Мильштейна он довел свою озабоченность до советского правительства и хотел выяснить, не было ли случаев превышения власти военно-морским командованием СССР, о которых не знало политическое руководство [45]. Пальме получил, по-видимому, заверения, что ничего подобного не могло иметь места, и приглашение лично посетить Москву. В то же время в 1984—1985 гг. в Швеции появились сообщения, что подводные лодки, беспокоившие шведских пограничников, были, по всей вероятности, натовскими.

Выступая во Внешнеполитическом институте в Стокгольме 12 декабря 1985 г. с докладом «Шведская политика безопасности», Пальме

[41] Olof Palme segervalet. Ett bild-dokument av Stig Göran Nilsson. Stockholm. 1982.
[42] International Information, 1985, № 5, s. 1.
[43] Ibid., s. 5.
[44] Ibid., s. 3.
[45] Svenska Dagbladet, 5.XII.1983.

ясно заявил о желании Швеции «иметь с СССР хорошие и стабильные отношения: «Мы ничего не выиграем,— напомнил он шведским антисоветским кругам,— если сократим, обрежем связи с Советским Союзом, ибо такие связи обоюдно полезны. И это относится также к политической области» [46]. Сообщив о предстоящей поездке в Москву весной 1986 г., Пальме подчеркнул, что это соответствует желанию подавляющего большинства шведского народа.

К сожалению, Пальме не удалось осуществить этот визит. За две недели до него он был убит. Но те, кто направлял удар против Пальме, не сомневались, что этот визит не только сильно укрепил бы общий фронт мира во всем мире, но и выбил бы почву из-под распространения антисоветских настроений и в самой Швеции, и в Скандинавии в целом. Допустить этого определенные влиятельные силы не хотели. Им было достаточно неприятно уже одно заявление Пальме от 5 марта 1984 г. в интервью журналу «Hänt i Veckan»: «Худшие, отвратительнейшие диктатуры в наши дни — это капиталистические!» или его слова по поводу борьбы против него шведских буржуазных партий: «Швеция никогда не была и никогда не будет неким вариантом Чили!» [47]. Так что политические рубежи, которые занял Пальме к середине 80-х годов, были совершенно ясными. Именно это, а также уверенность, что Пальме искренен в своих убеждениях и готов проводить их в жизнь, породило в реакционных кругах Швеции и особенно Скандинавии в целом нечто похожее на панику: а не пойдет ли Пальме в своем возрождении классовой борьбы и классовой агитации еще дальше, чем идут коммунисты? А не качнется ли он влево до их позиций во внешней политике? Вот какими вопросами задавались в середине 80-х годов эти круги.

И Пальме, как будто бы дразня своих противников, назвал свой последний сборник политических речей «Желание идти дальше» [48]. Нет, этого человека, последовательно скользящего в течение 35 лет все влево и влево, реакция решила во что бы то ни стало остановить. И это было осуществлено в ночь с 28 февраля на 1 марта 1986 г., некоторое время спустя после убийства Индиры Ганди. Рука убийц, несомненно, направлялась одними и теми же международными силами. Но они действовали не без тесного контакта с национальными. Доказательству этому — тщательная, детально выверенная подготовка злодеяния. То, что спустя четыре года тайна выстрелов на Туннельгатан так и не приоткрылась ни на йоту, говорит лишь о том, что за нею стоят крупные политические силы, серьезные мотивы и интересы. Возможно, мы так никогда и не узнаем всей правды об этой темной странице шведской новейшей истории.

Хотя Пальме не был ни марксистом, ни рабочим, он глубоко проник в тайну и механику капиталистического мира и хорошо понял всю жестокость этого строя, с которой он не хотел мириться как гуманист и социалист-интернационалист. Кроме того, он «не проявлял понимания интересов капитанов рыночной экономики, а это с точки зрения монополий было уже серьезной ересью» [49]. Именно этого ему и не могли простить те, кто считал, что он предал свой класс.

---

[46] Palme O. Svensk sökerhetspolitik.— Internationell Information, Stockholm. 1985, № 5, s. 7.
[47] Östergren B. Op. cit., s. 347.
[48] Palme O. Att vilja åg vidare Tidensförlag. Stockholm. 1986.
[49] См. Ahlquist B., Engquist L. Samtal med Feldt. Stockholm. 1984.

ВОСПОМИНАНИЯ

МЕМУАРЫ НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЕВА

Вторая мировая война приближается

Как-то, когда я впервые возглавлял Компартию Украины, Сталин предложил ввести меня в члены Военного совета Киевского Особого военного округа (КОВО) с тем, чтобы я мог приобщаться и к военным делам: «большая война» СССР с врагами неизбежна, партработникам надо все знать самим. Тем более, добавлю, что столько было в РККА «вредителей», столько было изъято лиц командного состава. Большинство их не вернулось после ареста, были казнены либо направлены в лагеря. Командующим войсками КОВО был Тимошенко. О нем мне рассказывал Сталин, он его знал лично еще по 1-й Конной армии и хорошо характеризовал его. Когда я был введен в Военный совет, то всегда аккуратно ходил на его заседания и слушал все выступления. Там разбирали конкретные вопросы. Главным образом тогда занимал всех вопрос о создании укрепленных районов по нашей западной границе: строили бетонные доты, вооруженные артиллерией и пулеметами; еще раньше был создан укрепленный район непосредственно под Киевом, по Ирпеню. Его начали строить в 1928—1929 гг., когда я заведовал орготделом Киевского окружкома партии. Иной раз я выезжал на военные учения, знакомился с войсками. Знакомство было, правда, довольно ограниченное, потому что я никогда не занимался непосредственно военными вопросами, так как по горло был загружен партийной работой, проблемами развития народного хозяйства: угольной промышленности, металлургии, сельского хозяйства. Но строительство укрепленного района меня интересовало. Я вообще к строительству проявлял слабость и неплохо разбирался в строительном деле. Поэтому здесь мое участие было полезным, я выезжал на стройки и следил, как идет дело.

Тимошенко информировал меня о заседаниях Главного военного совета (ГВС) РККА. Он часто выезжал туда. Это человек с хитринкой. Я чувствовал по нему, что он недоволен работой ГВС, но бессилен исправить ее. Однажды выехал он в Москву (я тоже там оказался) и очень просил меня, чтобы я пошел с ним на заседание ГВС. Я никогда раньше там не был и никакого отношения к нему не имел. Говорю: «Зачем же я пойду? Неудобно. Да и как на это посмотрит нарком Ворошилов?». Он отвечает: «Обсуждать будут именно наши вопросы, Вы — член Военного совета Киевского Особого военного округа, надо, чтобы Вы были в курсе дела, как решаются эти вопросы. Поэтому все будет понято правильно». Мне очень не хотелось идти, но он так настаивал, что я понял: у него имеются какие-то соображения на этот счет, и я решил уступить ему и пойти на это заседание.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—6.

Пришли мы с ним, заняли места: он — свое обычное, а я примостился на свободном стуле. Собрался ГВС: Ворошилов — председатель, члены ГВС Щаденко, Кулик, Мехлис и не помню уже, кто еще входил тогда в его состав. Ворошилов занял председательское место, объявил повестку дня.

Я сейчас совершенно не помню, какие обсуждались конкретные вопросы, но помню общую обстановку, в которой проходило их обсуждение. Тимошенко, видимо, и пригласил меня затем, чтобы я увидел, какая там обстановка и как решаются все вопросы. Вот Ворошилов начал. Подал голос Кулик, выступал сумбурно, нельзя разобрать, о чем по существу говорил, потому что горячился, плохо формулировал свои мысли, орал. Сразу поднялся ералаш, атмосфера накалилась. После него еще более сумбурно выступал Щаденко. Он тоже начал жестикулировать и кричать. Ворошилов его останавливает, а он кричит на Ворошилова, резко возражает. Кончил он, выступает Мехлис. Мехлиса я знал хорошо, это был воистину честнейший человек, но кое в чем сумасшедший. Он с еще большей горячностью доказывает свою правоту. Все заговорили сразу, кто в лес, кто по дрова. Ворошилов то примиряет их, то сам кричит. На меня все это произвело впечатление несерьезной организации несерьезных людей, которые не могут дельно решать вопросы обороны страны (хотя авторитет Ворошилова тогда стоял на очень большой высоте). Кончили обсуждение, было принято какое-то решение, все ушли.

Тимошенко, повторю, человек хитрый, поглядывает на меня и как бы одними глазами спрашивает: видел, мол, какова обстановка, в которой решаются вопросы обороны СССР? Мне было трудно, конечно, сделать сразу какое-либо обобщение или какие-то выводы, потому что я единственный раз побывал на таком заседании. Сказать, что данный орган не в силах решать эти вопросы, было бы слишком смело. Ведь люди, которые входили в ГВС,— уважаемые: сам Ворошилов, Кулик — человек, который храбро воевал еще солдатом и считался знающим артиллеристом, Щаденко... Насчет Щаденко — тут своя история. Он коммунист с дореволюционным стажем, по профессии из портных. В свое время отличился на Дону, в борьбе против атамана Каледина. Я фамилию Щаденко знал еще в ту пору по публикациям, поэтому он в моих глазах обладал неким ореолом. Человек с таким прошлым! А его несуразное поведение на ГВС я объяснял просто сложностью обсуждавшихся вопросов.

Мехлиса я знал больше, знал еще по «Правде» и, сразу нужно сказать, относился к нему с уважением. Я познакомился с ним, когда учился в Промышленной академии, во время борьбы с «правыми». Мехлис как редактор «Правды» очень помог нам в этой борьбе. После этого я с Мехлисом поддерживал связь, и когда мы встречались, то обменивались мнениями и с вниманием относились друг к другу. Вспоминаю, однако, и случай, который характеризует сумасшедший характер Мехлиса. Приехав с Украины, я шел в тот раз к Маленкову в его кабинет, в коридоре встретил Мехлиса. Мехлис был тогда наркомом госконтроля СССР. Он говорит, как всегда, горячо: «Вора поймал!» Спрашиваю: «Поймал, да одного? Наверное, в Советском Союзе еще не один вор остался». «Да ты знаешь ли, что воруют?» «Ну, что?» «Авиационные моторы». «Тут я тебе не поверю, воруют, верно, что угодно, но авиационный мотор? Кто его купит? Зачем его красть? Съесть его нельзя, продать нельзя, какой смысл в краже?»

Зашел я к Маленкову, и Мехлис ввалился туда же, опять продолжалось обсуждение. Маленков, оказывается, уже рассматривал этот вопрос. А я потом разобрался, в чем дело. Все объяснялось просто. Заводы тогда имели суточные планы с суточными отчетами. Например, завод должен был сделать в день 100 моторов, а сделал 101. Но показывал 100, а если сделал 99, то тоже показывал 100. Таким образом, плюс на минус, и получалась в совокупности месячная плановая выработка. Мехлис же подсчитал все «плюсовые» моторы, которые не были показаны, и решил, что они уворованы. Этот вопрос разбирал затем Сталин, обсуждение проходило очень бурно, и меня удивило тогда, что Сталин долго не понимал столь простой механики. Нависла угроза над директорами заводов, но в конце концов постигли, что не было воровства. Запутал дело, конечно, Мехлис, взбудораживший Политбюро.

А вот другой случай. Мехлис во время военных событий на озере Хасан в 1938 г. был начальником Главпура РККА. Поехал он на Дальний Восток. Потом вернулся и рассказывал, какие же там вредители, сколько врагов народа! И стольких-то он арестовал... Есть там один подлец, да и фамилия у него Подлас. Он его тоже арестовал. Я потом еще расскажу об этом Подласе, какой это был замечательный человек и как он прекрасно действовал во время Великой Отечественной войны несмотря на то, что еще не был по-настоящему реабилитирован.

Хочу заодно сказать об эпизоде, который относится, кажется, к 1939 году. Как-то я, приехав в Москву, рассказал Сталину о том, что услышал от своего шофера: Александр Георгиевич Журавлев ездил со мной много лет, хорошо знал и очень любил шоферское дело. Я относился к нему с большим уважением и доверием. Он рассказал, что шины, которые мы сейчас получаем для автомашин, очень быстро выходят из строя, причем не изнашиваются, а портятся: протектор остается хорошим, свежим, но шины лопаются по бокам. Сообщил я Сталину, что мы много теряем на этом производственном дефекте. Замечу здесь, что Сталин очень не любил, когда мы критиковали что-либо собственного производства, с неудовольствием всегда выслушивал это и с явным раздражением поручал ликвидировать дефект. Я в принципе понимаю такое чувство, хорошее чувство. Сталин не хотел как бы зубоскалить по поводу наших недостатков, ведь они были недостатками в стране, которой он руководил. Поэтому он реагировал на такие критические замечания болезненно и с какой-то злобой поручал ликвидировать недостатки, а виновных — строго наказать. И когда я рассказал ему о шинах, он вскипел: «И Вы критикуете? Все без конца критикуют. А кто делать будет? Вот мы и поручим Вам разобраться в этом. Внесите предложения, которые исключили бы брак и обеспечили выход доброкачественных шин с заводов». Отвечаю: «Товарищ Сталин, я с удовольствием взялся бы за это дело, но ведь я совершенно не знаком с данным видом производства, никогда не имел никакого отношения к такому производству. Я разбираюсь, более или менее, в угольной промышленности, в металлургии, в строительстве, но выпуск шин мне совершенно незнаком». «Вот и познакомитесь. Беритесь сейчас же!»

Было написано правительственное постановление, создана специальная комиссия, меня утвердили ее председателем. Сталин подчеркнул: «Вы не вернетесь на Украину, пока не разработаете толковых предложений». Я, честно говоря, немного побаивался: не знал, сколько это займет времени и смогу ли вообще разобраться в этом вопросе. Однако собрал членов комиссии, вызвал специалистов с Ярославского завода, из Ленинграда, москвичей, пригласил из отраслевых институтов. Одним словом, собрал практически всех, кто понимал суть дела. Работники аппарата ЦК партии помогли мне вызвать кого нужно, я ведь сам не знал, кто понадобится. Затем я провел совещание в ЦК, всех выслушал. Развернулся сильный спор. Я потом рассказывал

Сталину, по каким линиям шел спор. Сейчас уже не помню, кто занимал какую позицию. Но на меня произвело очень хорошее впечатление выступление директора Ярославского завода. При первой же встрече со Сталиным я рассказал, что работа началась, что я выслушал мнение таких-то людей и высказал свои соображения. Он отвечает: «Советую, поезжайте сами в Ярославль и там на месте разберитесь. Ярославский резиновый комбинат — самый крупный наш завод в этой области производства». Я уехал в Ярославль и взял с собой специалистов из Москвы.

В Ярославле был тогда секретарем обкома партии Патоличев, позднее — секретарь других областных и республиканских комитетов партии, министр внешней торговли СССР. Председателем облисполкома был там Гогосов, молодой еще человек, как и Патоличев, но не химик, а инженер-металлург. Оба они произвели на меня очень хорошее впечатление. Когда я приехал в Ярославль, то прежде всего сообщил местным товарищам, по какому поводу прибыл, и попросил, чтобы они оказали мне помощь. Сначала я хотел просто посмотреть, как именно изготавливаются шинные покрышки, и поехал на комбинат, а там сказал директору: «Сейчас вы не рассказывайте мне о своем производстве, это будет пустая трата времени. Вы поводите меня по потоку, я хотел бы начать с нуля». Прошел по всему потоку. Возле тех операций, которые меня особенно заинтересовали, подолгу стоял и хорошенько присматривался к труду рабочих.

Непосредственно наблюдать за химическим процессом вулканизации резины, который осуществляется при определенном режиме, нельзя. Тут я полагался на специалистов, которые мне докладывали о происходящем. Особенно увлекли меня приемы рабочих, укладывавших корд. Они делали это артистически, очень быстро, почти не глядя. Руки у них действовали, как у музыкантов. Я повосхищался ими, а потом стал расспрашивать о технологии дела. Мне рассказали, какую роль играет корд, сколько его слоев кладется и как. Когда мне это рассказали, я понял, что здесь-то и должно быть слабое место в ходе производства шин. Ведь я видел, как быстро все делают рабочие. А разве при такой скорости могут они тщательно уложить корд? Корд должен лежать ровно, все нити слоя должны быть натянуты равномерно, чтобы они несли нагрузку, как будто это одна единая нить. Тогда нужно только умножить прочность одной нити на количество нитей, чтобы установить сопротивление слоя на разрыв. Если же слой ложится неравномерно, то каждая нить работает сама по себе, и рвутся они последовательно. Так пойдет процесс разрушения. Возникли у меня и другие вопросы, но главное оказалось здесь. Я «зацепился» за основной недостаток в производстве шинных покрышек.

Обменялся я мнениями с руководством завода, высказал свои соображения, потом походил по всему предприятию. Все там было, как на каждом заводе: Доска Почета, на ней висят фотографии лучших рабочих, как их тогда называли — ударников. Попросил я директора предприятия Митрохина: «Дайте документацию технологии производства шин. Надо посмотреть, какая технология рекомендуется наукой. Мы ведь этот завод купили в Америке; Америка, видимо, и рекомендовала нам технологический процесс. Сделайте мне выборку основных документов и доложите, какие вносились изменения в технологию». Далее члены комиссии разбились на группы. Я поручил и Гогосову произвести определенную работу. Патоличев тоже активно включился в дело. Мы изучили процесс производства шин по основным узлам. Вскоре мне доложили о найденных отступлениях от технологического процесса, рекомендованного фирмой, у которой был куплен завод: один или два слоя корда были сняты, так как на заводе посчитали, что

и того их количества, которое оставалось, достаточно, чтобы обеспечить прочность шин. Я почувствовал, что, видимо, именно тут зарыта собака. Мне доложили также, что у бортовой проволоки уменьшено сечение и сняты одно или несколько колец этой проволоки для удешевления себестоимости покрышки. Конечная экономия выражалась в большой сумме. Спрашиваю: «Когда это было сделано?» «Приезжал Каганович [он руководил тогда Наркомтяжем], изучал здесь производство и внес эти предложения». Стало ясно, в чем заключалась причина ухудшения качества покрышек.

Побывал в Ярославле и Серго. Но он просто ознакомился с заводом, подбодрил людей, конкретные же замечания по «улучшению» производства были сделаны Кагановичем. «Хорошо,— говорю,— дайте мне официальную выписку, чтобы можно было доложить Сталину и в ЦК. Вы, наверное, следите за аналогичным производством в Америке? Какая там производительность труда рабочих?» Выяснилось, что мы далеко шагнули вперед и «переплюнули» их. «Мне нужно знать не вообще, а конкретно. Вот укладчики корда. Какая там у них производительность труда?» «А мы,— отвечают,— как раз их и имеем в виду, поскольку это ручной труд». Кому нужно такое «повышение»? Затем был поднят вопрос о качестве смеси натурального каучука с искусственным. Искусственный каучук был тогда невысокого качества, и его сдабривали натуральным. Подняли и вопрос о качестве сажи, которая играет важную роль в производстве такого рода изделий. Комиссия подготовила проект постановления, и я возвратился в Москву, где доложил обо всем Сталину, сосредоточив внимание на том, что шины у нас имеют плохое качество, потому что мы сами, желая получить экономию, нарушили технологию, которая рекомендовалась фирмой: мы «поправили» американских технологов, но зато у них одна шина работает за десять наших. Вот такая «экономия»! Потом сказал Сталину, что считаю недостатком слишком большой рост производительности труда и норм выработки, тоже отражающийся на качестве. Нельзя удешевлять производство и повышать производительность труда за счет качества. Конечно, из этого идут накопления средств, но в Ярославле явно переборщили. Необходимы также более квалифицированные рабочие для укладки корда, и им нужно уменьшить выработку, снизить нормы. Все эти люди названы на Доске Почета — и ударники они, и стахановцы, а фактически портят материалы и снижают успешность работы шоферов, потому что в пути у них разрушаются шины и они просто не могут нормально трудиться. Из-за этого мы плохо используем автомобильный парк.

Сталин внимательно меня выслушал. Он был страшно раздражен, и я понимал его. Каждого человека, который заботится о своем государстве, тем более человека, который занимает ведущее положение, должны были покоробить такие вести. Эта черта Сталина нравилась мне. Я потому и привел рассказ о данном эпизоде, чтобы показать государственный подход Сталина к делу. Он был, конечно, большим человеком, организатором, вождем. Но был он и большим деспотом и поэтому боролся с варварством, встречавшимся в нашей жизни, деспотическими методами. Сталин сказал: «Я согласен с Вами, давайте ваши предложения, мы их утвердим». Мною были внесены предложения снизить нормы выработки, поднять рабочим расценки и назван ряд других мероприятий, которые наметили специалисты завода, научно-исследовательских институтов и Наркомата. Все результаты труда лучших умов в этом направлении были заложены в проекте решения. Сталин добавил: «Надо запретить соревнование и снять Доску Почета на этом заводе». Я же в принципе считал, что этого не следует делать: соревнование — здоровое явление. Оно имело место всегда и в капита-

листических странах, но носит там название конкуренции. Рост производительности труда, понуждаемый конкуренцией, есть основа основ развития промышленности и накопления ценностей.

Мне очень понравилась позиция Сталина в этом вопросе и было приятно, что с помощью специалистов, которых я привлек, удалось действительно нащупать (а мы двигались на ощупь) слабое место в производстве шин, ликвидировать его, выровнять производство и обеспечить выпуск более качественных изделий. Уже тогда мы чувствовали, что приближаемся к войне, скоро грянет ее гром, а транспорт, который и в мирное время играет одну из решающих ролей, во время войны обеспечит подвижность армии. Было приятно также, что, как только были ликвидированы недостатки и восстановлена исходная технология, начался выпуск шин хорошего качества, они сразу же увеличили километраж пробега в несколько раз. Далее мы предложили, помимо стендовых испытаний, которые проводятся для проверки шин на то, как они стираются, отбор какого-то их количества для испытаний на местности в ходе пробега автомашины, когда строго учитывается, сколько прослужила резина без ремонта. При положительных результатах завод получал премию для поощрения коллектива и на культурно-бытовые мероприятия. Перед войною или в начале войны директор Ярославского комбината стал наркомом химической промышленности СССР. Мне было приятно, что Сталин вспомнил о нем, мои отзывы о нем и поставил его на такой ответственный пост. Он потом долгое время работал наркомом.

Повторю, что Сталин — типичный деспот, много сделавший вредного, особенно в отношении кадров. В смысле заботы об успехах государства он бывал беспощаден, часто не в меру. Беспощадность использовалась им и при ликвидации недостатков, поскольку он ревниво, похозяйски относился к интересам государства, боролся с бюрократией. Это была ценная черта его характера, но о положительных сторонах его личности написано очень много, а я через конкретные события показываю и другие его стороны как человека. Они не исчезли даже тогда, когда к концу 30-х годов несколько ослабли репрессии, меньше стали хватать людей. Уменьшились массовые аресты, общественность начала несколько успокаиваться. Большинство считало, что мы уже разгромили всех внутренних врагов и достигли такой цели. Значит, думали, репрессии были необходимы, бдительность помогла пресечь контрреволюционные усилия по свержению Советской власти. В партийных, хозяйственных и научных организациях, в промышленности и сельском хозяйстве стали более устойчивыми кадры. Это способствовало выполнению планов третьей пятилетки.

Но настроение портилось тем, что «большая война» неумолимо надвигалась. Это чувствовали все граждане, но особенно руководители страны. Мы из этого не делали никакого секрета. Немецкие фашисты, Гитлер не переставали заявлять, что их цель — разгром Советского Союза, уничтожение коммунистов, истребление советского народа, порабощение славян. Помню, как-то нам была роздана в переводе книга Гитлера «Моя борьба». Я тоже получил ее. Не помню, сколько страниц прочел, но осилить целиком не смог морально, хотя сейчас жалею о том. Я не мог тогда ее читать, потому что меня буквально выворачивало; не мог спокойно смотреть на такие бредни, мне стало противно, не хватило терпения, и я ее бросил, не дочитавши. Однако было вполне ясно, что Гитлер не отступит от своего и обязательно развяжет войну против СССР.

Что же делалось в нашей стране по повышению боеспособности Красной Армии, улучшению вооружения, оснащению войск техникой? Конкретно я почти ничего не знал, и мне неизвестно, что знали другие

члены Политбюро, ибо все это брал на себя лично Сталин. В Сталина мы верили, считали, что он в таких вопросах разбирается, к тому же заслушивает военных, специалистов, инженеров, ученых, организаторов Красной Армии. Напомню здесь о Ворошилове, с которым Сталин имел тогда дружеские отношения, ежедневно с ним общался. Все вопросы обороны страны они напрямую обговаривали между собой. Кто еще мог знать конкретные вещи? Может быть, Молотов. В то время он тоже был очень близок к Сталину. Другие члены Политбюро и секретари ЦК партии, тем более члены ЦК партии, полагаю, мало что знали насчет конкретных сфер оборонного производства, если не говорить об отдельных лицах, напрямую отвечавших за это. Каждый желающий может проследить по книгам и газетам, как наша печать того времени освещала события: «Гром победы, раздавайся!» Везде и всюду говорили о том, что если завтра грянет война, если завтра — в поход, то мы сегодня уже готовы к походу. Основное — бить противника на его территории, не отдавая ни пяди Советской земли. Демонстрировались соответствующие кинофильмы. О том же гласили статьи в военных журналах. А та техника, которая демонстрировалась на парадах 1 Мая и в ноябрьские дни, тоже производила впечатление.

Мне лично очень нравился танк конструктора Кристи, по тем временам очень маневренный, быстроходный и производивший хорошее впечатление, когда танкисты проносились на большой скорости перед Мавзолеем на Красной площади в Москве во время парадов. Другие танки и броневики тоже производили неплохое впечатление. Но когда началась война, эти танки не оказались достаточно пригодными, потому что броня у них была тонкая и легко пробивалась снарядами противника. Самолеты наши были в общем-то хорошие, и истребители и бомбардировщики, но их было мало. Как оказалось, надо было бы иметь их значительно больше, хотя по своим тактическим и техническим условиям, как я считаю, наша военная авиационная техника соответствовала общему уровню развития науки и техники того времени в СССР. Может быть, у нас в течение какого-то времени самолеты были лучше, а в Германии хуже, или же наоборот, но во всяком случае большого нашего отставания, полагаю, не было.

Артиллерия наша была просто хороша. Она во время всей войны, да и в начале войны, не уступала вражеской. Артиллеристы хорошо владели своей техникой. Винтовки наши были тоже хорошими. Автоматическое оружие у нас было создано своевременно, но, видимо, не совсем правильно было оценено. Поэтому автоматические пистолеты-пулеметы так и не пошли в массовое производство и на внедрение в армии. Только после финляндской войны, когда мы увидели, что финны почти поголовно вооружены этим скорострельным оружием, у нас приняли меры по организации производства автоматов. Это было сделано и потому, что для того не требовалось больших материальных затрат и технических усилий. Как происходила оценка автоматов, кем и как принималось решение о принятии их на вооружение, мне неизвестно, потому что всем этим занимался лично Сталин.

В ту пору я увлекался повышением проходимости нашего автотранспорта и в связи с этим предложил сделать автомобили на полугусеничном ходу. Доложил Сталину. Сталин поддержал мою идею, было организовано производство таких автомобилей на Автозаводе имени Лихачева (тогда — Автозавод имени Сталина). Выпустили большую серию автомашин на полугусеничном ходу. Но они показали себя не совсем хорошо. Поэтому в мой адрес пошла критика. Сталин ничего не говорил, некоторые же другие лица, противники автомобилей повышенной проходимости, которые сами носились с другими идеями, критиковали меня. Я очень переживал, что толкнул всех на дело, полезность

которого не подтвердилась. Потом началась война. Стали мы брать трофеи. Я был в этой связи поражен и удивлен тем, что увидел под Ростовом. Было мне и приятно, и досадно. Оказалось, что у врага применяется автотранспорт на полугусеничном ходу. Враг учел повышенную влажность почвы на западной территории СССР и применил полугусеничные машины. Мы же этого не учли, так как хотели воевать только на вражеской земле, и поплатились за это.

В 1938 г. нам был навязан военный конфликт с японцами на озере Хасан. Как протекали там бои, я сейчас точно не могу рассказать, а по газетным сообщениям разобраться в деталях было трудно. Видимо, они развивались не совсем в том направлении, как нам хотелось. Поэтому мы вынуждены были вскоре послать туда подкрепление. Я узнал об этом от Мехлиса как начальника Главного Политуправления Красной Армии. Он поехал на Дальний Восток как доверенное лицо Сталина. Мехлис, действительно, был очень доверенным человеком Сталина. Он когда-то был его помощником, а потом Сталин послал его вместо Бухарина редактором газеты «Правда». У меня были очень хорошие отношения с Мехлисом, я об этом уже говорил раньше. Познакомился я с ним в 1929—1930 гг., когда учился в Промышленной академии, а он был редактором «Правды», и нас свела дружба на почве общих усилий в борьбе против «правых» уклонистов. Мехлис оказывал мне большую помощь как секретарю партийной организации Промакадемии, где существовало прежде абсолютное засилье «правых». И вот, когда вернулся Мехлис, я с ним встретился. Правда, у меня не было с ним дружеских контактов, не встречались мы и по службе. А тут произошла случайная встреча. Мехлис рассказал мне о событиях на Дальнем Востоке. Как чрезвычайно экспансивный и несколько желчный человек, он когда говорил о людях, то либо хвалил их, либо мешал с грязью. (Помню, как он рассказывал мне о людях, которых приказал арестовать. Тогда я оценивал его поступки положительно, считая, что он обезвредил кадры, повысил боеспособность Красной Армии.)

Японцы же не достигли своей цели у Хасана. Это озеро нависает над Владивостоком. То была попытка выбить нас оттуда и овладеть этим городом. Попытка не увенчалась успехом, конфликт был ликвидирован. Не знаю, были ли предприняты какие-нибудь дипломатические шаги или же все так и решилось силой оружия.

Не помню, сколько прошло времени после конфликта у Хасана, как разразилось японское вторжение в Монгольскую Народную Республику. В ней находились наши войска. Самое главное заключалось в том, чтобы защитить район реки Халхин-Гол, то есть байкальское направление. Но японцы имели и более широкие планы. Они, видимо, хотели разгромить монгольские военные части, оккупировать Монголию, пробиться к Байкалу и отрезать от нас Дальний Восток. Там разгорелись бои с большим количеством всех родов войск. Японцы бросили в сражение много пехоты, артиллерии, танков, авиации, и на первых порах нам приходилось трудно. Потом были подтянуты дополнительно наши войска, усилено командование. Командовать группой войск был послан туда Жуков. Операция была проведена им хорошо, он заметно отличился. Потом он вовсю показал свои способности во время «большой войны», которую развязал Гитлер. А тогда были разгромлены японские войска, и тем дело закончилось. Не знаю, какие были предприняты в данной связи дипломатические шаги, этот вопрос не докладывался на Политбюро, им занимались Сталин и Молотов.

Чтобы понять почему, надо было знать Сталина. Сталин считал, что ЦК партии и Политбюро — это все, так сказать, мебель, необходимая для обстановки дома, главное в котором — хозяин дома. Хозяином он считал, конечно, себя и делал все, что считал нужным, ни

с кем не советовался, если это не входило в его планы, и ни перед кем не отчитывался. Разгром японцев на Халхин-Голе еще больше развил вредные бациллы самоуспокоенности: вот, мол, какова наша армия, она непобедима, мы на практике показали эту непобедимость: разгромили самураев у Хасана и на Халхин-Голе. Появились в народе соответствующие частушки, стали рассказывать на эту тему анекдоты и полуанекдоты, порой такие, которые и не в каждом обществе можно было рассказать, «соленые», солдатского пошиба. Все это соответствовало тому умонастроению, которое складывалось после нашей победы над японскими войсками.

Между тем история делала свое дело. Враждебные силы предпринимали все для того, чтобы подготовиться к мощному удару по СССР. Связи Гитлера с Муссолини укреплялись все больше. Еще раньше, как известно, был заключен Антикоминтерновский пакт. Сначала появилась «ось Берлин — Рим». Воинственность самураев импонировала Гитлеру и Муссолини, и в скором времени ось Берлин — Рим была продолжена на восток и стала называться осью Берлин — Рим — Токио. Угроза Советскому Союзу становилась все реальнее. Гитлеровская Германия и фашистская Италия базировали свою идеологию захватов на отсутствии у них «жизненного пространства». Поэтому Муссолини начал войну против Абиссинии (Эфиопии), добился успеха и разбил абиссинцев, несмотря на стойкость, которую проявил этот народ. Армия Абиссинии была слабой, абиссинцы сражались в основном примитивным оружием, а Муссолини сосредоточил войска, вооруженные современной техникой, послал туда авиацию. Это было фактически истребление людей, но цель была им достигнута: Италия захватила Абиссинию, и все западные страны признали это завоевание.

В целом ситуация складывалась для нас невыгодная. СССР, против которого были направлены все реакционные силы Запада и Востока, фактически находился во вражеском окружении. Вероятно, предстояло драться одному против крупных сил Германии, Италии и Японии. Советский народ еще не забыл и поражения, которое японцы нанесли царским войскам в 1905 г. в Маньчжурии. Не помню точно года свершения того знаменательного факта, когда министр иностранных дел Японии поехал в Берлин, чтобы договориться с Гитлером насчет координации агрессии против нас. На обратном пути, когда этот министр Мацуока проезжал через Москву, он совершенно неожиданно захотел встретиться с советским руководством. Произошел невероятный факт: Сталин поехал на вокзал и встретился с представителем Японии, возвращавшимся из Берлина. Вскоре был заключен с Японией пакт о нейтралитете. У нас возникли сразу и чувство удовлетворенности, и чувство предрешенности, неизбежности войны с Японией, поскольку считалось, что Япония рассматривает договор с Советским Союзом как успокаивающий акт, лишь усыпляющий нашу бдительность.

Но от Сталина я таких рассуждений не слышал. Он же со своей стороны рассчитывал, что именно нужно сделать, чтобы обезопасить наши границы со стороны Японии. Полагаю, что он никакого доверия к этому договору с Японией не питал. Все это делалось и той, и другой стороной, исходя из конкретных условий, которые сложились к тому времени: война неизбежна, а пока надо все сделать, чтобы как-нибудь выиграть время в свою пользу. Время было главным, потому что ликвидировать надвигавшуюся опасность войны мы были уже не в силах. Нужно было только изыскать возможности получше подготовиться к войне и, если удастся, найти себе союзника либо нейтрализовать силы каких-то противников, чтобы ослабить вражеский фронт. Правда, на Украине я напрямую не чувствовал, чтобы это както непосредственно отражалось на ее границе с Польшей и Румынией.

В политическом отношении Румыния вела себя очень враждебно и довольно глупо. Часто возникали случаи, когда ее пограничники без всяких причин открывали вдруг огонь, если видели наших пограничников на советской территории. Имелись при этом случаи ранений и даже смертельных исходов. Но крупных погранинцидентов все же не происходило. Все это можно было объяснить буквально физиологической ненавистью к нам, боязнью Советского Союза и Советской власти, страхом перед Коммунистической партией, ее идеологией, ее силой, влиянием на массы, поскольку Румыния являлась слабым звеном в капиталистическом мире.

После того как Австрия была поглощена Германией, нависла фашистская угроза над Чехословакией. Судетские немцы в Чехословакии вели себя нагло. Правительство Чехословакии оказалось бессильным или недальновидным, не предпринимало решительных мер по подавлению их антигосударственного сепаратистского движения, нацеленного на отторжение Судетской области от Чехословакии. В конце концов дело завершилось тем, что Гитлер стал прямо угрожать Чехословакии. Отсюда возникла Мюнхенская встреча четырех держав. Закончилась она тем, что Англия и Франция уступили Гитлеру, развязав ему руки для прямых действий против Чехословакии. А еще раньше Гитлер решил в свою пользу спор о территориях, которые после первой мировой войны находились под контролем Франции. Французы и там уступили, так что Гитлер без всяких военных действий двинул свои войска в Рейнскую область и восстановил суверенитет Германии над этими территориями. У нас имелся договор с Чехословакией: мы должны были оказать ей помощь, если договор вступит в силу при условии выполнения договорных обязательств, которые имелись у Чехословакии с Францией. Поэтому, когда нависла угроза над Чехословакией, мы продемонстрировали свои военные намерения. Хорошо знаю это, потому что как член Военного совета Киевского Особого военного округа знал о приказе привести войска КОВО в боевую готовность и сосредоточить ударную группировку в районе Каменец-Подольского на польской границе.

Польское правительство проявляло по отношению к нам самую оголтелую враждебность и ни на какие переговоры о пресечении общей опасности со стороны Германии не шло. Для СССР фашистская опасность могла, главным образом, проявиться именно через польскую территорию. Тогда правительство Польши возглавлял Складковский, а министром иностранных дел был Бек. Они и слушать не хотели о совместной обороне против Германии, а своей враждебностью к СССР они, может быть, хотели как-то откупиться от Германии. Если бы они могли хоть немного мыслить реально, то увидели бы, что гитлеровская Германия претендовала не только на Польшу, но на огромное «жизненное пространство». Гитлер собирался как минимум захватить еще и Украину. Немцы прямо говорили об этом. Значит, обстановка сама делала нас с Польшей союзниками. Однако, несмотря на реальную угрозу с запада, польские государственные деятели не понимали необходимости объединить наши усилия против Гитлера и тем самым, может быть, удержать Гитлера от нападения и на Польшу, и на Советский Союз.

С учетом складывавшейся ситуации в Киев сообщили (от Сталина я лично этого не слышал, а было передано через военных), что может возникнуть необходимость того, что нашим войскам придется силой пробиваться через польскую территорию в Чехословакию, чтобы оказать ей помощь. Это было очень сложно, если принимать во внимание географическое положение участка, на котором были сосредоточены наши войска. Группа этих войск была сравнительно не столь большой.

Двинулись бы мы таким путем в Чехословакию; поляки, естественно, ударили бы по нам с фланга. Не такое это легкое дело — сразу пробиться за Карпаты в данных условиях. Тут, наверное, Гитлер пришел бы «на помощь» Польше. Одним словом, складывалась сложная ситуация.

Однако Франция вдруг разрешила проблему кардинально: она отказалась от выполнения договора с Чехословакией, тем самым положив ее в пасть Гитлеру. Гитлер получил возможность решить дело по-своему: он сначала захватил Судетскую область, пражское правительство ушло в отставку, а президент согласился на «протекторат» со стороны Германии. Далее захватить Чехословакию было уже легче: были оккупированы Чехия и Моравия, образована марионеточная «самостоятельная» Словакия. У словаков в правительство попали тогда фашисты, которые поддерживали Гитлера, фактически — предатели словацкого народа и союзники фашистской Германии. Позднее они приняли участие в войне против СССР на стороне Гитлера.

Когда военные представители Англии и Франции прибыли в СССР, чтобы повести переговоры для сложения военных усилий на случай войны, которую может развязать Германия, то наши с ними переговоры оказались беспредметными. Еще тогда, весною и летом 1939 г. я, приезжая из Киева, за столом у Сталина слышал обмен мнениями по этим делам. Высказывалось мнение, что англичане и французы не хотят фактически объединять наши усилия и нарочно затягивают бесплодные разговоры, чтобы подтолкнуть Гитлера к действиям в направлении Советского Союза и удовлетворить запросы фашистов именно за счет восточных земель. Как-то уже в августе, в субботу, приехал я из Киева к Сталину на дачу. Он сказал мне, что сейчас прибудут все члены Политбюро и он сообщит им: завтра прилетает к нам немецкий министр иностранных дел Риббентроп. Смотрит на меня и улыбается, выжидает, какое эта новость произведет на меня впечатление? Я тоже на него смотрю, считая, что он шутит: чтобы к нам да прилетел Риббентроп? Что он, бежать из Германии собирается, что ли? Сталин говорит: «Гитлер прислал о том телеграмму, ее передал немецкий посол Шуленбург. В телеграмме стоит: «Прошу Вас, господин Сталин, принять моего министра Риббентропа, который везет конкретные предложения». Сталин добавил: «Вот завтра мы его и встретим».

Завтра — это 23 августа, число, которое я навсегда запомнил. Я собирался в тот день поехать на охоту в Завидовское охотничье хозяйство, созданное в Московском военном округе. Над этим хозяйством шефствовал Ворошилов, и охотились там военные. Я никогда прежде там не бывал и впервые туда собрался. Мы с Булганиным и Маленковым сговорились, что втроем поедем туда на охоту. Да и Сталину я сказал, что собираюсь завтра поехать на охоту. Он отвечает: «Хорошо, поезжайте. Я с Молотовым приму Риббентропа и послушаю, а потом Вы приезжайте с охоты, я расскажу, каковы цели Гитлера и каков результат разговора». Так мы и сделали, втроем в ночь уехали на охоту. Когда приехали в Завидово, то там уже находился Ворошилов. Следовательно, он у Сталина при встрече с Риббентропом тоже не был. С Ворошиловым оказались и другие военные, вообще много людей. Поохотились мы, погода была чудесной, тепло, сухо, охота прошла очень удачно. Прошу не понимать меня как некоего типичного охотника-хвастуна. Но мне действительно тогда удалось убить на одну утку больше, чем Ворошилову. Почему об этом говорю? Да потому, что везде у нас гремело: «ворошиловские стрелки». Ворошилов, дескать, стреляет из винтовки и из охотничьего ружья лучше всех. И на самом деле, стрелок он был хороший, но только кампания эта в печати носила очень уж подхалимский характер.

Приехал я с охоты и сейчас же направился к Сталину. Повез ему уток, как говорится, для общего котла. У Сталина должны были собраться все члены Политбюро, которые находились в Москве. Я похвалился своими охотничьими успехами. Сталин был в хорошем настроении, шутил. К охоте он относился по-всякому: иной раз и сам порывался поехать, а иной раз (видимо, в зависимости от настроения, в котором пребывал) резко высказывался против охоты: не с точки зрения людей, стоящих на позициях защиты всего живого, а с точки зрения осуждения пустой траты времени. Да, он сам не ездил на охоту, но сплошь и рядом тратил время впустую больше, чем кто-либо другой из ответственных руководителей страны. Имею в виду трату времени понапрасну за столом, с вином, при бесконечных обедах и ужинах. Порою он нелестно отзывался даже о Ленине в связи с охотой. Всем было известно, что Ленин любил охоту и ездил на нее. Правда, некоторые писали, что Ленин, мол, ездил поохотиться, чтобы встретиться с народом в неофициальной обстановке и поговорить по душам. Конечно, имело место, наверное, и это. Но думаю, что тут не это было главным. Ленину не были чужды человеческие увлечения и он любил охоту. У него была просто охотничья страсть. Поэтому он ходил на охоту, даже будучи в ссылке, да и в Москве, когда стал Председателем Совета Народных Комиссаров. Он выезжал на охоту отдохнуть. Встретиться же с людьми неофициально мог, не беря в руки ружья и не выезжая за город.

Когда я был секретарем Московского комитета партии, то выезжал на охоту в Раменский район. Не помню сейчас, в какой деревне мне рекомендовали побывать чекисты. Меня встретил егерь, старик высокого роста. Меня заранее предупредили, что он охотился в местных лесах и болотах вместе с Лениным. Мы с ним ночевали на сеновале, и он рассказывал там, как Ленин приезжал на охоту и как они охотились. А утром пошли и мы, но полил дождь, и я понапрасну проходил целый день, ни разу даже не выстрелив. Дичи не было видно, мне же было жалко не того, что я никого не подстрелил: я жалел этого егеря. Он, бедняга, переживал и всячески извинялся, хотя никакой его вины тут не было. Ну, это, так сказать, некоторые отступления по охотничьему поводу.

А у Сталина мы собрались 23 августа к вечеру. Пока готовили к столу наши охотничьи трофеи, Сталин рассказал, что Риббентроп уже улетел в Берлин. Он приехал с проектом договора о ненападении, и мы такой договор подписали. Сталин был в очень хорошем настроении, говорил: вот, мол, завтра англичане и французы узнают об этом и уедут ни с чем. Они в то время еще были в Москве. Сталин правильно оценивал значение этого договора с Германией. Он понимал, что Гитлер хочет нас обмануть, просто перехитрить. Но полагал, что это мы, СССР, перехитрили Гитлера, подписав договор. Тут же Сталин рассказал, что согласно договору к нам фактически отходят Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия и Финляндия таким образом, что мы сами будем решать с этими государствами вопрос о судьбе их территорий, а гитлеровская Германия при сем как бы не присутствует, это будет сугубо наш вопрос. Относительно Польши Сталин сказал, что Гитлер нападет на нее, захватит и сделает своим протекторатом. Восточная часть Польши, населенная белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу. Естественно, что мы стояли за последнее, хотя чувства испытывали смешанные. Сталин это понимал. Он говорил нам: «Тут идет игра, кто кого перехитрит и обманет».

Нами в Политбюро происшедшие события рассматривались так: начнется война, в которую Запад втравливал Гитлера против нас один на один. В связи с заключенным договором получалось, что войну

с Польшей начинал Гитлер, что было нам выгодно с точки зрения и военной, и политической, и моральной. Такими действиями он вызывал на войну против себя Францию и Англию, выступив против их союзника Польши. Мы же остаемся нейтральными. Считаю, что это положение было тогда для нас наилучшим. Раз Англия и Франция хотели направить против нас Германию для столкновения один на один, чтобы им самим потирать руки от удовольствия и откупиться от Гитлера за счет нашей крови, нашей территории и наших богатств, Польша же, проводившая вовсе неразумную политику, и слышать не хотела об объединении наших усилий против Германии, хотя бы и в собственных интересах, то у нас просто не было другого выхода.

Если рассматривать войну как некую политическую игру и появлялась возможность в такой игре не подставлять своего лба под вражеские пули, то этот договор с Германией имел оправдание. Я и сейчас так считаю. И все же было очень тяжело. Нам, коммунистам, антифашистам, людям, стоявшим на совершенно противоположных политических позициях,— и вдруг объединить свои усилия с фашистской Германией? Так чувствовали и все наши рядовые граждане... Да и самим нам, руководителям, было трудно понять и переварить это событие, найти оправдание случившемуся для того, чтобы, опираясь на него, разъяснять дело другим людям. Чрезвычайно трудно было, даже при всем понимании ситуации, доказывать другим, что договор выгоден для нас, что мы вынуждены были так поступить, причем с пользой для себя.

Начало второй мировой войны

Когда 1 сентября немцы выступили против Польши, наши войска были сосредоточены на границе. Я тогда тоже находился в войсках как член Военного совета Украинского фронта, как раз с теми частями, которые должны были действовать в направлении на Тернополь. Там же был и командующий войсками фронта Тимошенко, прежде возглавлявший Киевский Особый военный округ. Когда немцы подступили к той территории, которая по августовскому договору переходила от Польши к СССР, наши войска были двинуты 17 сентября на польскую территорию. Польша к тому времени уже почти прекратила сопротивление немцам. Изолированное сопротивление оказывали им защитники Варшавы и в некоторых других местах, но организованный отпор польской армии был сломлен. Польша оказалась совершенно не подготовленной к этой войне. Сколько было продемонстрировано форса, сколько проявлено гордости, сколько выказано пренебрежения к нашему предложению об объединении антифашистских усилий,— и какой провал потерпела польская военная машина!

Когда мы перешли границу, то нам фактически не оказывалось сопротивления. Очень скоро наши войска дошли до Тернополя. Мы с Тимошенко проехали по городу и оттуда возвращались уже другой дорогой, что было все же довольно неразумно, потому что оставались еще польские вооруженные отряды, которые могли задержать нас. Так мы с ним проехали через несколько местечек, населенных украинцами, и городские поселки с довольно большой польской прослойкой, причем там, где еще не было советских войск, так что всякое могло случиться. Как только вернулись к своим войскам, нам сказали, что Сталин требует нас к телефону. Мы доложили ему, как протекает операция.

Не помню сейчас, сколько дней потребовалось нам для реального окончания кампании, кажется, два или три. Если уже в первый день мы подошли к Тернополю, то ко Львову подступили, наверное, на второй или третий день. Немцы тоже подошли к нему, но мы их несколь-

ко опередили, хотя ни они, ни мы во Львов еще пока не вступили. Тут возник вопрос, как бы не столкнуться нашим войскам с немецкими. Мы решили войти с ними в прямой контакт. Для этого от советских войск был направлен Яковлев, который тогда командовал артиллерией Киевского Особого военного округа. Он немного знал немецкий язык и лично вступил в переговоры с командованием войск, подошедших с запада ко Львову. Нашими частями там командовал Голиков. К нему я и приехал. Его штаб расположился недалеко от Львова, в поле под скирдами. Переговоры с немцами закончились довольно быстро: они хотели войти первыми во Львов, чтобы успеть пограбить его городские ресурсы. Но так как наши войска уже стояли рядом, то они не захотели в тот момент демонстрировать враждебность, показали, что придерживаются договора, и заявили: «Пожалуйста».

Наши войска вступили во Львов, потом в Дрогобыч, Борислав, откуда немцы отошли назад, и мы вышли на границу, определенную августовским договором. Некоторые территории, намеченные как наши, были уже заняты немцами, но Гитлер играл с большим размахом и не хотел «по мелочам» создавать с нами конфликты. Напротив, он хотел тогда расположить нас к себе и показать, что он «человек слова». Поэтому немецкие войска были частично отведены, и наши войска вышли на линию границы, обусловленной договором, подписанным Риббентропом и Молотовым. Так закончился первый этап этих событий. Наблюдался большой подъем и в наших войсках, и в советском народе в связи с воссоединением западных земель. Украина давно стремилась воссоединить в едином государстве весь украинский народ. Это были земли, исторически действительно украинские и украинцами заселенные, хотя и за исключением городов. Так, Львов был населен поляками, составлявшими там большинство. Иногда это принимало характер искусственного заселения. Например, во Львове украинцев не принимали на работу даже по мощению улиц. Проводилась явная дискриминация для того, чтобы было больше польского населения в городах и оно служило бы опорой власти вдоль границы, установленной в результате нападения войск Пилсудского на Советскую Россию в 1920 году. Тогда в состав Польши вошли земли, которые до первой мировой войны входили в состав Российской империи. Советская страна была слаба и не смогла в ту пору отстоять даже прежних границ царской России с Австро-Венгрией. Поляки, заимев эти и другие территории, населенные украинцами и белорусами, расположили по границе польское население, назвав этих лиц осадниками. Были среди них и крестьяне, тоже опора варшавской власти на границе с СССР.

Если уж говорить здесь о национальных интересах украинцев, то они еще не были полностью удовлетворены названным договором. Известен и другой договор, который был подписан после первой мировой войны бывшими союзниками царской России. Он определял западные границы России как члена Антанты и их союзника и называвшиеся линией Керзона. Линия Керзона относительно линии, обозначенной по договору Риббентропа — Молотова, проходила западнее. Поэтому украинцы считали, что они кое-что недополучили из тех своих земель, которые были признаны за Украиной даже со стороны бывших союзников России в результате разгрома в первой мировой войне германского блока. А пока что временно завершился первый этап военно-политической напряженности, которую мы переживали, и для нас наступила некоторая разрядка. Мы считали, что данный этап закончился в пользу СССР, хотя мы и не получили всего, что нам исторически полагалось. «Лишнее» же было у нас, кажется, только где-то у Белостока, где издавна жило польское население.

После разгрома гитлеровской Германии во второй мировой войне

граница была там исправлена, и этот район мы передали Польше. Впрочем, к ней отошли и отдельные земли с чисто белорусским и украинским населением. Видимо, Сталин для того, чтобы «задобрить» польское самолюбие, уступил их: тут, я бы сказал, имел место акт большой политической игры на новой основе, чтобы ослабить неприятный осадок, который остался у польского народа в результате договора, подписанного нами с Риббентропом. Ведь мы вроде бы отдали Польшу на растерзание гитлеровской Германии и сами приняли в этом участие. Правда, Польша приобретала одновременно на западе более жирный, грубо выражаясь, кусок: огромные и богатые территории, значительно перекрывавшие те, которые вернулись к Украине и Белоруссии; это западные районы по границе вдоль рек Одер и Нейсе, а кроме того, еще город Штеттин, который расположен на левом берегу устья Одера. Он тоже отошел к Польше в результате нажима на наших союзников со стороны СССР при переговорах на Потсдамской конференции.

А в 1939 г. мы были уверены, что польский народ — рабочие, крестьяне и интеллигенция правильно поймут необходимость советско-германского договора. Не наша была вина, что мы подписали такой договор: то вина неразумного тогдашнего польского правительства, ослепленного антисоветской ненавистью и враждебного также к рабочим и крестьянам собственного государства. Они боялись войти в контакт с Советским Союзом, чтобы не поощрить свободолюбивые идеи и не укрепить Коммунистическую партию Польши, которой они боялись больше всего. Ведь если бы мы объединили тогда свои усилия с Польшей и столкнулись с войной против Германии, то судьба польского правительства зависела бы от польского народа. Я тоже считаю, что договор 1939 г., подписанный Молотовым и Риббентропом, был для нас неизбежен в сложившейся ситуации. И не потому, что он был выгоден для Советского Союза: то был шахматный ход. Его так и надо рассматривать, потому что если бы мы этого не сделали, то все равно началась бы война против нас, но может быть в обстановке, менее благоприятной для нас. А так война уже начиналась, мы же пока стояли в стороне, нам была предоставлена передышка. Полагаю, что это было правильным шагом, хотя и очень болезненным.

Особенно больно было то, что оказалось совершенно невозможно вразумительно разъяснить людям выгоду этого договора. Ведь что это лишь шахматный ход, нельзя было сказать открыто, потому что надо было играть с Германией. Игра же требовала не раскрывать своих карт перед Гитлером. Приходилось разъяснять дело так, как тогда у нас разъясняли: газетным языком. И это было противно, потому что никто разъяснениям не верил. Некоторые люди проявляли прямое непонимание: они действительно считали, что Гитлер искренне пошел на договор с нами, а нам нельзя было объяснить через органы печати, что не надо верить ему. Одним словом, сложилась очень тяжелая обстановка для нашей пропаганды. А Гитлер тоже шел на тактический шаг, подписывая с нами договор, с тем чтобы выиграть время и поодиночке расправиться с противниками. Сперва он хотел расчистить себе путь на восток, уничтожив Польшу, и таким образом войти в соприкосновение с нашими войсками, с советской границей. Он считал, видимо, что когда он молниеносно расправится с Польшей, то Англия и Франция не посмеют объявить войну Германии, хотя у них был договор с Польшей, в котором говорилось, что если Германия нападет на Польшу, то они придут ей на помощь.

И действительно, Англия и Франция объявили войну Германии. Именно это послужило началом второй мировой войны, но в ней мы еще не участвовали, а только продвинули свои войска западнее и за-

няли новую границу, то есть, как тогда мы объясняли людям, взяли под свою руку, под свою защиту братские народы Западной Украины и Западной Белоруссии.

Итак, началась вторая мировая война, но «большой» она еще не стала. Последовал период «странной войны». Французы и англичане объявили Германии войну, сконцентрировали свои войска, подтягивали резервы. Англия перебрасывала войска с островов на континент, демонстрировалось проведение плановых военных операций. Французы же, видимо, были очень уверены в неприкосновенности своей укрепленной «линии Мажино». Они строили ее много лет, и она действительно имела большое значение для организации обороны страны. Но одна оборонительная линия не обеспечивает безопасности, это лишь материальное средство. Оборонять страну должны люди, которые занимают эту линию. Гитлер тоже построил свою линию, которую назвал «линией Зигфрида». Таким образом, их войска стояли друг перед другом. Гитлер пока не предпринимал активных шагов против Англии и Франции, а они не предпринимали активных военных операций против Германии. Германия бросила войска на восток, против Польши, и ей нужно было время для их перегруппировки.

Потом Муссолини открыл военные действия против Греции и завяз в них. Далее Гитлер напал на Югославию и расправился с ней, потому что Германия была сильнее; почти без выстрелов оккупировал Данию и Норвегию, практически без сопротивления захватил Голландию, вторгся в Бельгию, в 1940 г. захватил бо́льшую часть Франции. Так он обеспечил себе на довольно большом пространстве морскую линию, защиту от английского флота и на севере подошел вплотную к нашему Мурманску. Естественно, что Советское правительство тем временем реализовывало меры, вытекавшие из договора, подписанного Молотовым и Риббентропом. Мы начали осенью 1939 г. переговоры с Эстонией, Латвией и Литвой и предъявили им свои условия. В сложившейся тогда ситуации эти страны правильно поняли, что им не устоять против Советского Союза, и приняли наши предложения, заключив с нами договоры о взаимопомощи. Потом произошла смена их правительств. Само собой разумеется! Некоторые их руководители, например президент Литвы Сметона, бежали в Германию. Это уже было не столь важно. Одним словом, там были созданы правительства, дружески настроенные к Советскому Союзу. Коммунистические партии этих стран получили возможность легально действовать. Прогрессивные силы шире развернули работу среди масс рабочих, крестьян и интеллигенции за твердую дружбу с СССР. Кончилось это тем, что через какое-то время в этих странах была установлена Советская власть.

А в Западной Белоруссии и Западной Украине сразу приступили к организации советских органов в районах, которые в 1939 г. вошли в состав СССР. Сначала новая власть была еще юридически не оформлена, потому что только что пришли наши войска. Поэтому мы создавали временные революционные местные органы. Народ западных областей Украины встречал нас очень хорошо. Правда, польское население чувствовало себя угнетенным, но украинское население чувствовало себя освобожденным. На собраниях, которые мы устраивали, украинцами произносились весьма революционные речи, хотя, конечно, не всеми, потому что в этих областях была сильна националистическая прослойка. Она возникла еще в рамках Австро-Венгрии и теперь вела борьбу против коммунистов, против советского влияния, особенно во Львове, где имелась многочисленная украинская интеллигенция. Во Львове действовал даже как бы своеобразный филиал украинской Академии наук. Возглавлял его, кажется, академик Студинский. В эту же группу лиц входил сын писателя Ивана Франко Петр, тоже писатель,

на мой взгляд — не вполне разумный человек. Он держался в отношении нас довольно неустойчиво: то вроде бы поддерживал нас, то склонялся к нашим противникам.

Во Львове и других западноукраинских городах была также большая еврейская прослойка, как среди рабочих, так и среди интеллигенции. Не помню, чтобы от этой части населения исходило что-либо отрицательное, антисоветское. Среди еврейских рабочих и интеллигенции было много коммунистов. Организация коммунистов называлась КПЗУ (Коммунистическая партия Западной Украины). В нее входили и украинцы, и евреи. А когда мы собрались на митинг во Львовском оперном театре, то пригласили туда и украинцев, и евреев, и поляков, в основном рабочих, хотя пришла и интеллигенция. Выступали там среди других и евреи, и нам странно было услышать, как они сами говорили: «Мы, жиды, от имени жидов заявляем ...» и прочее. Дело заключалось в том, что по-польски евреев так называют в обыденной речи, не имея в виду ничего дурного. Мы же, советские люди, воспринимали это как оскорбление еврейского народа. И потом, в кулуарах собрания я спрашивал: «Отчего вы так говорите о евреях? Вы произносите — «жиды», это же оскорбительно!». Мне отвечали: «А у нас считается оскорбительным, когда нас называют евреями». Для нас слышать такое было очень странным, мы не привыкли к этому. Но, если обратиться к украинской литературе, то в ней слово «жид» тоже звучит не ругательным, а вроде определения национальности. Украинская песенка: «Продам тебе, жидови рудому» означает «Продам тебя, еврею рыжему». Этот эпизод запечатлелся в моей памяти, потому что противоречил нашей практике, нашей привычке.

Вообще же там нас встречали многие хорошие ребята, только я забыл их фамилии. Это были люди, которые прошли польские тюрьмы, это были коммунисты, проверенные самой жизнью. Однако их партия была по нашему же решению распущена, и Коммунистическая партия Польши, и КПЗУ. Отчего? Они, согласно нашему пониманию, требовали проверки, хотя их члены были коммунистами и завоевали это звание в классовой борьбе. Многие из них имели за плечами польские тюрьмы, какая еще нужна проверка? Но тогда у нас были другие понятия. Мы смотрели на них, как на неразоблаченных агентов: их, дескать, не только надо проверять, но и проверять под особой лупой. И очень многие из них, получив тогда освобождение от нашей Красной Армии, попали потом в наши, советские тюрьмы. К сожалению, дело было именно так. Безусловно, среди них имелись и провокаторы. Наверное, были и шпионы. Но нельзя же рассматривать каждого человека, который с открытой душой приходит к нам, как подосланного, как агента, который приспосабливается и втирается в доверие. Это порочный круг мыслей. Если все основывать на этом, то к чему это приведет? Об этом раньше я уже вел речь.

А как реагировало на наш приход польское население? Оно реагировало очень болезненно, и это мне понятно. Во-первых, поляки считали (а это факт), что они лишились государственной самостоятельности. Они говорили: «Какой это по счету раздел Польши? И опять же, кто делит? Раньше делили Германия, Австрия и Россия, а теперь?» Так оценивались события людьми, которые были против нашей акции: «Опять Россия разделила Польшу, раздавила ее независимость, лишила самостоятельности, разделила между собой и Германией!». Помню, из Дрогобыча поехал я в Борислав посмотреть нефтяной завод (там находились два нефтеперерабатывающих завода), на добычу нефти и газа, заодно и послушать людей. Приехал на химический завод. Он был довольно основательно потрепан. Это сделали немцы, уходя оттуда перед нашим прибытием, и не без умения. Они разрушили главные

аппараты для переработки нефти. Когда я приехал, там было просто как бы пепелище, по которому ходили люди. Я заговорил с ними. Ими оказались поляки среднего возраста, морально очень угнетенные. Я был в полувоенной форме, то есть без знаков отличия, но в шинели и военной гимнастерке, поэтому они меня рассматривали именно как военного.

Стал я их расспрашивать, подчеркнуто проявляя вежливость. Один из них надломленным голосом сказал: «Ну, как же мы теперь оказались в таком положении? Вот ведь нас...», и замолчал. А потом, все намеками, выражал не то чтобы прямое недовольство, а как бы грусть, сожаление о том, что произошло. Это мне было понятно. Там же находился один молодой человек, который заговорил на украинском языке. Он вступил в спор и очень резко стал возражать поляку. Тут я понял, что это был украинец, и спросил его, кто он. Он ответил: «Инженер, единственный на этом предприятии инженер-украинец. Вы не знаете, как трудно было нам в Польском государстве получить образование и как трудно, получивши образование, получить затем работу». Поляк посмотрел жалобными, просящими глазами на этого украинца и стал апеллировать к его совести: «Что Вы здесь говорите?». Он, видимо, испугался, что тот говорит представителю Советской власти и военному так нелестно о людях, с которыми работал на этом предприятии. Может быть, испугался за свою судьбу. Я начал доказывать поляку обратное. Сейчас уже не помню своей аргументации, но, видимо, говорил, что украинец прав, потому что поляки действительно проводили неразумную внутреннюю политику относительно украинцев. Мне это тоже было понятно, потому что рядом лежала Советская Украина, сильная часть Советского Союза, и Польское государство боялось ее воздействия. А польское правительство рассматривало украинцев как неразоблаченных агентов Советской Украины и соответственно реагировало.

Собирали мы для собеседований и польскую интеллигенцию. Ее тоже оказалось немало на территории, занятой нашими войсками. Я узнал, что есть там писательница Ванда Львовна Василевская, чей голос хорошо слышен среди польской интеллигенции. Потом я с ней познакомился и очень сдружился. Она очень милая, умница и порядочный человек. Сначала была ППС-овкой, потом стала коммунисткой. Эта ППС-овка писала книги, которые вовсе не находили одобрения у польского ППС-овского правительства, ибо она больше всего писала об украинской и белорусской бедноте, проводила в тех районах много времени, изучала быт, жизнь народа и отражала их в своих произведениях, направленных против власть имущих. Это и определило ее положение в польском обществе. По-моему, она находилась даже одно время под арестом. Почему я задерживаюсь здесь на Ванде Василевской? У меня остались добрые воспоминания об этой женщине, большой общественнице, преданнейшем гражданине, человеке неумолимой честности и прямоты. За это я ее весьма уважал. Я лично слышал, как она говорила Сталину в лицо очень неприятные вещи. Несмотря на это, он ее слушал, приглашал, и не раз, на официальные беседы и на неофициальные, товарищеские обеды и ужины. Такой был у Василевской характер! А тогда мне сказали, что Василевская находится в одном из районов, занятых нашими войсками. Она убежала из захваченной немцами Варшавы и пришла к нам пешком, и мы ждали ее, я же был насторожен и заинтригован, интересуясь, что же это за Василевская? Хотя и кроме Василевской, там было много других польских писателей, но настроенных иначе.

Их позиция не была такой, которая одобрялась нами. Они несли в себе пережитки польского национализма и определенных взглядов на

украинцев, а нашу вынужденную акцию понимали неправильно, заявляли, что мы договорились с немцами за счет поляков. Хотя официально мы никогда не отказывались навсегда от своих территорий, которые временно вошли в состав Польши. Ведь это польское правительство нарушило линию Керзона в ущерб интересам Советской страны. Польше было неразумно цепляться за эти земли, пытаться удерживать их и всегда при этом ожидать какой-либо акции, которая восстановила бы справедливость и определила более верные границы. Этнография и история были не в пользу тех границ, которые были установлены между Польшей и Советским Союзом. Этого многие польские интеллигенты не понимали и занимали неправильную позицию. Но за исключением Василевской.

Ванда пришла во Львов в коротком полушубке и простых сапогах. Внешность у нее была простая, хотя сама она из знатного польского рода. Она была дочерью того Василевского, который при Пилсудском был министром, а кроме того, его ближайшим другом. Василевский — это как бы доверенный человек Пилсудского. Мне неудобно тогда было спрашивать об этом Василевскую, но ходили слухи, что Ванда Львовна — крестная дочь Пилсудского. Насколько это соответствует истине, не знаю, она же вовсе не стыдилась ни прошлого, ни своего отца. Помню также и такой случай, уже после разгрома гитлеровской Германии. Подросла дочь Ванды Львовны Эва, получила образование и работала в Москве в какой-то библиотеке. Разбирая архивы, пришла както к матери и говорит: «Я нашла книги моего дедушки и все их отправила в подвал. Содержание их явно антисоветское». Я встречался с Эвой еще при жизни ее мамы, когда Эва была лишь подростком. Сейчас не знаю ее судьбы.

Василевская сразу заняла четкую просоветскую позицию, с пониманием отнеслась к вступлению наших войск на территорию, определенную договором Советского Союза с Германией, и стала разъяснять польским товарищам нашу позицию, чем оказала огромную помощь и ВКП(б), и мне лично как секретарю ЦК КП(б)У. Вскоре я практически переселился во Львов, организовывая там всю повседневную работу. Нашлись затем и другие поляки, которые активно с нами сотрудничали, но все же равных Ванде Василевской не оказалось.

Что касается договора с Германией, то он был у нас опубликован не полностью. Была опубликована лишь та часть, в которой говорилось, что мы договорились о ненападении. Но, помимо этого, имелись пункты, которые касались польской территории и наших новых западных границ. Польша утрачивала независимость, что не было оговорено в тексте, однако вытекало из его духа: она превращалась в немецкий протекторат. Следовательно, наша граница получалась уже не с Польшей, а с Германией. Я лично всего текста договора не видел, но знаю об этом из информации от Сталина после подписания договора. Из договора вытекало также наше отношение к Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии и Бессарабии. Судьба их территорий тоже была оговорена, причем эта часть тоже не была опубликована. Говорю об этом потому, что людям, которым следует ознакомиться с этими материалами, надо бы заглянуть в дипломатические документы, в текст договора. Я же считаю своим долгом высказаться, чтобы было вполне ясно, как я понимал этот договор и что им предусматривалось.

В те дни встречались и анекдотичные, смешные случаи. Хочу рассказать и о них. Мы долго находились под впечатлением работы, которая была проведена по разоблачению «врагов народа» и их уничтожению. Поэтому, когда мы заняли западные территории и сформировали там временные революционные комитеты, то самым ответственным местом у нас оказался Львов, столица Западной Украины. Там жило

много украинских интеллигентов, раньше имевших австрийское подданство, затем польское. По своим настроениям они были проукраинцами. В Польше их обвиняли в том, что они просоветские лица, хотя это надо было понимать с оговоркой: все же они предпочитали не Советскую Украину, а просто Украину. А если их спросить о столице, то они сказали бы, что лучше всего украинскую столицу иметь во Львове. Председателем Львовского городского ревкома был утвержден первый секретарь Винницкого обкома КП(б)У Мищенко. Как-то поздней осенью я зашел к нему в кабинет посмотреть, как он работает. Там толпился народ, надо было срочно решать вопросы городского хозяйства: о трамваях, о мощении улиц, которые были разрушены, о водоснабжении и электричестве. Люди, которые работали раньше на соответствующих постах, главным образом поляки, хотели определить свое положение при новой власти и пришли за этим в революционный комитет, чтобы засвидетельствовать, что они занимают вот такие-то и такие-то посты и хотят получить указания. Это было естественно.

Что же я увидел? Сидел председатель ревкома одетым в полушубок, поверх которого натянул шинель. Не знаю, как он сумел сделать это, потому что сам был огромного роста, крупный человек. На его ногах валенки, из шинели торчали два револьвера. Одним словом, только пушки у него недоставало за плечами, потому что слишком тяжела. Люди сидели и смотрели на него. Закончился прием. Остались мы одни, и я сказал ему: «Вы производите плохое впечатление не только насчет себя, но и о советских органах власти, о всех наших людях, о нашей трусости. Что вы сделаете вашими пистолетами, если кто-нибудь из террористов придет и захочет вас убить? Он застрелит вас вашими же пистолетами. Зачем вы их демонстрируете? Почему у вас торчат рукоятки? Спрячьте их в карманы и оденьтесь поприличнее». Мищенко был смущен и выражал явное непонимание моих претензий. Ведь он проявлял свою «революционность», свою «непреклонность»!

Пришлось нам спустя какое-то время пересмотреть назначения. Люди, которые работали здесь временно, возвратились на прежние посты. Мищенко тоже вернулся в Винницу. Во Львове были выдвинуты новые люди, но это было сложным делом, потому что польский аппарат власти не то что саботировал (я такого не припоминаю), но был деморализован, морально парализован. Конечно, наш приход его не воодушевлял и энтузиазма в работе не прибавлял. Спустя много лет после войны, когда я беседовал с Гомулкой, он рассказал, что был в рабочей обороне в те дни, когда мы вошли в Польшу. Берут — тоже, а потом мы его мобилизовали, и он еще какое-то время трудился в Киеве, на строительстве подземного перехода. Сталин перед войной предложил проделать тоннели под железной дорогой: один — севернее Киева, другой — южнее. Работали там московские метростроевцы. Но мы не успели сделать переходы до войны, а после войны в них отпала надобность, и работы были прекращены. Остатки же тоннеля, который был возведен, сейчас служат памятником прошлому.

Наша деятельность по советизации Западной Украины продолжалась довольно успешно, сопротивления мы тогда не встречали. Не помню активных, тем более вооруженных выступлений против нас. Позднее стал проявлять активность Степан Бандера. Когда мы заняли Львов, он сидел в местной тюрьме, будучи осужденным в связи с убийством польского министра внутренних дел. Не помню сейчас, какой была роль Бандеры в этом: сам ли он стрелял в министра или был одним из тех, кто организовывал это убийство. Мы проявили тогда безрассудство, освобождая заключенных без проверки. Не знаю, правда, имелась ли у нас возможность произвести такую проверку. Все заключенные были освобождены, в том числе получил свободу и Бандера.

Тогда его действия нам импонировали: он выступил против министра внутренних дел в реакционном Польском государстве. Не нам было оплакивать гибель этого министра. Но так как эти акции были произведены группами, которые не были друзьями Советского Союза, а были его противниками, националистами, ненавидевшими советский строй, то надо было бы это учесть. Позднее мы столкнулись с Бандерой, и он нам причинил очень много бед. Мы потеряли тысячи людей уже после войны, когда развернулась острая вооруженная борьба украинских националистов против Советской власти. Бандера оказался прямым агентом Германии. Когда Германия готовилась к войне и после начала войны эти агенты германского империализма, националисты-бандеровцы активно помогали гитлеровцам.

Правда, когда Бандера увидел, что немцы и не думают выполнять данные ему обещания об образовании независимой Украины, он повернул свои отряды против них, но при этом не перестал ненавидеть Советский Союз. Под конец войны он сражался и против нас, и против немцев, а после войны возобновил борьбу с Советской властью. Кто же такой Бандера? Не все это у нас знают. Степан Бандера был духовного рода, отец его являлся священником в Станиславской области, не то в самом городе Станиславе. Учился Бандера во Львовском политехническом институте, имел образование. Сначала он стал вождем украинских националистов в западных областях Украины, а позже — общепризнанным вождем всего украинского национализма.

Хочу рассказать о некоторых трагических случаях, которые пришлось наблюдать мне либо слышать о них, поскольку мне докладывали о них работники Наркомата внутренних дел. Наркомом внутренних дел Украины был в это время Серов. Он незадолго до того окончил военную академию. В порядке укрепления органов госбезопасности тогда было много мобилизовано командиров на эту работу. В числе мобилизованных и он попал к нам наркомвнуделом Украины. Опыта такой работы у него еще не имелось. Это было плохо, но это же было и хорошо, потому что уже накопился вредный для страны и для партии опыт, приобретенный провокациями и при арестах невинных людей, их допросах с ухищренными истязаниями для вынуждения признаний, буквально с расправами. Допрашивающие сами уже были превращены в машину и поступали так, руководствуясь мыслью: если я этого не сделаю, то это же мне сделают вскоре другие; лучше я сам сделаю, чем это сделают надо мной. Страшно представить в наше время, что коммунисты вынуждены были руководствоваться в своих поступках не сознанием, не совестью, а каким-то животным, зоологическим страхом за собственную судьбу и, чтобы сохранить себе жизнь, губили жизни честных, ни в чем не повинных людей...

Серов согласно служебным обязанностям установил тогда контакты с гестапо. Представитель гестапо официально прибыл по взаимной договоренности во Львов со своей агентурой. Не знаю точно, какая у него имелась сеть агентов, но она была большой. Предлогом послужил «обмен людьми» между нами и Германией: лица, которые покинули территорию, занятую германскими войсками, и желавшие вернуться по месту своего жительства до захвата немцами Польши, получали такую возможность. И наоборот: лица, которые остались на территории, занятой немецкими войсками, но хотевшие перейти на территорию, занятую советскими войсками, тоже могли возвратиться к себе. Во время этой работы по обмену ко мне пришел Серов и рассказал: «У пункта регистрации желающих вернуться на польскую территорию стоят огромные очереди. Когда я подошел туда, мне стало больно: ведь главным образом очередь состояла из еврейского населения. Что с ним будет? И настолько люди преданы всяким там бытовым мелочам — квартире,

вещам. Они давали взятки гестаповцам, чтобы те помогли им поскорее выехать отсюда и вернуться к своим очагам». А гестаповцы охотно это делали, брали взятки, обогащались и препровождали их прямо в газовые камеры. Мы же ничего не могли поделать, потому что наш голос для этих несчастных людей ничего не значил: они хотели попасть домой. Может быть, у кого-то оставались там еще и родственники. Одним словом, они хотели вернуться туда, где родились и где жили, хотя и знали, как немцы у себя, в Германии, расправились с евреями. И все же польские евреи, которые волей судьбы оказались на территории, занятой Советским Союзом, всеми правдами и неправдами стремились вернуться на землю, где уже господствовал фашизм и где им была уготована печальная участь. Должен сказать здесь и о Серове. Он в свое время был наказан и освобожден от должности, так как проявил неосторожность. Но он при всех своих ошибках — честный и неподкупный человек. Я относился к нему с уважением и доверием.

А вот еще один случай, причины которого я не понял и был им очень огорчен. Во Львове оказалась Бандровска (не ручаюсь за точность фамилии), известная польская оперная певица. Мне доложили, что она находится на нашей территории. Я попросил людей, занимавшихся вопросами культуры, провести с ней переговоры и, если она захочет, предоставить ей возможность петь во львовской опере; если же нет, то предоставить возможность петь в киевской, харьковской или одесской опере. Одним словом, дать ей любую возможность. Я думал, что это ее соблазнит и что она останется у нас. Мне не хотелось, чтобы такая известная певица вернулась на польскую территорию, занятую фашистами. Ведь она там будет петь, и это станет как бы шагом, направленным и против польского народа, и против советского народа. Но она не захотела остаться и вернулась к себе. Когда вели с ней переговоры, Бандровска проявила хитрость: она вела переговоры с нами и как будто изъявляла желание принять наше предложение, а в то же время вела тайные переговоры с немцами. Они тайком переправили ее на территорию, уже занятую ими. Пришел ко мне Серов и говорит: «Бандровской нет. Она в Кракове и уже выступала в театре перед офицерами немецкой армии».

Польская интеллигенция, оказавшаяся на территории, занятой Красной Армией, по-разному воспринимала приход наших войск в Западную Украину и Западную Белоруссию. Многие интеллигенты, что понятно, были, как говорится, буквально огорошены. Они находились в состоянии какого-то шока. Их страна подверглась нападению гитлеровского государства, и вот Польша разгромлена, Варшава сильно разрушена, другие города — тоже. Что будет дальше? Воспитанные на буржуазных традициях, буржуазном понимании хода событий, эти люди как бы теряли свою самобытность, свое лицо. Они не могли понять, что польская культура и польская нация частично станут развиваться на территории, отошедшей к Советскому Союзу. Конечно, это была небольшая территория с поляками в сравнении с территорией и населением, захваченными гитлеровской Германией. Естественно, поляки воспринимали и переживали все это очень глубоко и трагично. Некоторые из них выбирали из двух зол меньшее. Они были против Советской власти, но, сравнивая ее с тем, что принес полякам Гитлер, предпочитали Гитлеру Советы. Имелись и такие, которые, оказавшись на территории, занятой Красной Армией, потом, даже вне всякого «обмена людьми», бежали на территорию, занятую немецкими войсками. Кое-кто из них хотел таким способом уклониться от контактов с гестаповцами.

И во Львове гестаповцев было очень много. Они попали туда по договоренности с нами. Договоренность, повторюсь, заключалась в том, чтобы произвести обмен населением. Но возникали также случаи, как с Бандровской, когда гестаповцы не согласовывали с нами списки отъезжающих и, пользуясь тем, что граница фактически была открытой и никаких трудностей для перехода не существовало, выписывали каким-то лицам фальшивые документы. С другой стороны, много людей, особенно евреев, бежало от фашистов и к нам. Они ведь следили, как фашисты относятся к еврейскому населению, как они громили евреев у себя в стране, устанавливали для них особые «знаки отличия», чинили унижения и издевательства над еврейским народом.

Продолжалась также работа по установлению Советской власти и нормализации положения в западных районах Украины. Главным образом она была направлена на создание местных органов власти. В областные комитеты и в районные было привлечено много местных активистов. Не было недостатка в кадрах, которые становились на позиции советской действительности. Несмотря на сильные украинско-националистические позиции, имелось немало сочувствовавших нам коммунистов, несмотря на роспуск КПЗУ и выраженное нами недоверие к ней. Вообще-то КПЗУ была разгромлена еще во время «чисток» 1936—1937 годов. Руководство коммунистическими организациями Западной Украины практически было возложено на КП(б)У. Когда я еще в 1928—1929 гг. работал в Киеве на посту заведующего организационным отделом окружного комитета, секретарем Киевского окружкома был Демченко. Именно он по решению ЦК КП(б)У отвечал за связь с КПЗУ и за руководство ее деятельностью. Демченко встречал людей «оттуда», они приезжали нелегально, получали от него указания и отбывали. Так велась организационная работа.

Демченко занимался также вопросами культуры. В Киеве находилась Украинская АН, видный историк Грушевский руководил в ней секцией истории Украины. Наблюдение за АН УССР тоже было возложено на Демченко, и он уделял ей много внимания. Через академию он был связан и с учеными, которые находились во Львове, на польской территории. Помню из их числа две фамилии: Студинский и Колесса. Это были авторитетные среди интеллигенции люди, причем Колесса больше как ученый, а Студинский — как общественный деятель и хороший оратор. Он, выступая в польской печати, зарекомендовал себя как антипольская фигура, настроенная просоветски и проукраински. Однако, когда мы с ним в 1939 г. встретились, выяснилось, что он был в политических вопросах без прочных убеждений. Итак, КПЗУ была разгромлена, а ее кадры, до которых дотянулась наша рука, были уничтожены как «провокаторы, изменники, предатели и агенты Пилсудского», уже умершего.

Коммунистическая партия Польши тоже была разгромлена и распущена Коминтерном. Ее руководство было уничтожено, так как жило в Москве и работало как раз в Коминтерне. Все, кто жил здесь, были арестованы и погибли, и Ленский, и другие. Осталась лишь молодежь. Берут же уцелел потому, что был еще мало известен у нас и вообще не находился на территории СССР, а был в Польше. Совсем молодым был еще Гомулка. И вот их партия была разгромлена, исчезло ее центральное руководство, практически же никакого руководства одно время не было. Гомулка до ареста его польскими властями работал, как он мне потом рассказывал, в Дрогобыче; где работал Берут, не знаю. Когда мы заняли Дрогобыч, то будущий председатель Госсовета ПНР Завадский, очень хороший человек, сидел в местной тюрьме. Он и раньше неоднократно сидел по разным польским тюрьмам и рассказывал мне, что хорошо знает их режимы. Шутил, что «лучшей» тюрьмой была дрогобычская.

Я уже упоминал, что мы в те месяцы занимались созданием выбор-

ных органов власти народов, населявших восточные области бывшей Польши. Теперь они должны были определить свое юридическое положение: с кем они будут? Хотят ли войти в состав Советского государства? Прошли выборы народных представителей. Я все это время находился во Львове и организовывал эту работу. Когда проходило заседание народных делегатов, я сидел в ложе и наблюдал. Сейчас уже не помню состав президиума собрания, но это были люди из западных областей Украины, хорошо нам известные, с определенными политическими позициями. Они открыто заявляли об этом в своих выступлениях, и устно, и в печати. Но то были не какие-то подставные лица, если говорить грубо — не какие-то «наши агенты», нет! То были убежденные коммунисты. Когда они выступали, я не услышал ни одного оратора, который выражал бы хотя бы сомнение в том, что у них должна быть установлена Советская власть. Они с радостью, с пафосом заявляли, что их заветная мечта — быть принятыми в состав Советской Украины.

Эти собрания прошли на большом политическом подъеме. Не помню, сколько дней они длились. Но было приятно смотреть на происходящее, радоваться тому, что оно подтверждало нашу точку зрения: народ — рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция с пониманием относятся к нашей идеологии, принимают ее и на ее основе хотят строить свое будущее. Вот сила ленинских идей! Они жили в людях, несмотря на то, что польские власти делали все, чтобы изолировать их от СССР и извратить ленинизм, пугали людей Советской властью. Как раз в те годы развернулись репрессии, что тоже использовалось против нас с соответствующим толкованием. Если мы писали и говорили, что все это делается только для укрепления Советского государства, для расчистки путей к строительству социализма, то враги СССР давали, конечно, свои объяснения, вредные для нас. Такие точки зрения широко гуляли в Польше, в других буржуазных государствах. Однако, несмотря на столь усиленную обработку умов, когда пришла Красная Армия, народ принял нас, как близких людей.

Собрание народных представителей районов, освобожденных Красной Армией, проходило во Львове очень торжественно. Люди, выступая, со слезами радости говорили о том, что они наконец-то дождались времени, когда возникнет единая Украина; что они воссоединились с братьями-украинцами. То были торжественные для нас дни, тем более что не только удовлетворились национальные запросы украинцев, но и укреплялась западная граница СССР. Она отодвинулась дальше. Исправлялась историческая несправедливость в отношении украинского народа, который никогда прежде не был в составе единой Украины. Теперь его чаяния сбылись. Правда, юридически это еще не было оформлено, потому что пока что состоялись лишь собрания во Львове. Пока что наблюдалось выражение чувств людей, которые освободились от гнета, и еще не было официально оформлено принятие их земель в СССР. Кроме того, еще оставались украинцы, которые жили за Карпатами, в Венгерском государстве. Дело в том, что после ликвидации Гитлером Чехословакии Закарпатская Украина вошла в состав Венгрии. Это учитывали наши украинцы и говорили: «Закарпатские украинцы пока не входят в нашу Украинскую Советскую державу, но настанет час, и они тоже будут вместе с нами». После Великой Отечественной войны так оно и произошло. После разгрома Гитлера Закарпатская Украина тоже вошла в состав УССР, так что Советская Украина объединила всех украинцев, живущих на своих исторических землях.

После львовского собрания народных представителей мы перенесли обсуждение этого вопроса в Киев. Заседание во Львове называлось собранием уполномоченных (что-то вроде Учредительного собрания). Оно обратилось с просьбой принять Западную Украину в состав УССР.

В Киеве был созван республиканский Верховный Совет, а затем завершила дело сессия Верховного Совета СССР. Туда прибыли представители западных областей и выступали с той же просьбой. Этот акт совершался в торжественной обстановке. А я гордился тем, что от начала до конца находился в западных областях Украины и организовывал все дело. Как протекали аналогичные события в Белоруссии, подробно не знаю, ибо пользовался только газетной информацией. Белорусы тоже торжествовали победу, тоже были рады историческому акту воссоединения белорусского населения в одном государстве. По-видимому, у них были те же радости и те же трудности, что и у нас. Я так думаю. А кто пожелает, может найти материалы о них в печати.

Теперь — о Литве, Латвии и Эстонии. Об этих наших мероприятиях я знаю только из бесед, которые имел со мной Сталин, когда я приезжал в Москву. Мы, конечно, были очень рады, что литовцы, латыши и эстонцы будут опять входить в состав Советского государства. Тут и расширение территории, и рост населения, и общее усиление СССР. Мы получили довольно длинную береговую границу на Балтике. Раньше у нас имелся только узкий вход в Финский залив, а теперь — настоящая морская граница. Кроме того, рассуждали мы тогда, территория Латвии, Эстонии и Литвы, если разразится «большая война», стала бы плацдармом для иностранных войск, и Англии с Францией, и Германии. Так что эта акция улучшила наше положение в смысле организации обороны Советского Союза, что имело большое значение, потому что объединенные силы империалистического лагеря значительно превосходили в то время наши силы. Конечно, между народами Литвы, Латвии и Эстонии, с одной стороны, и населением Западной Белоруссии и Западной Украины — с другой, нельзя ставить знак равенства. Ведь в Прибалтике жили не части народов СССР, а отдельные народы. Но они обрели теперь возможность жить так, как жили в СССР все рабочие, крестьяне и интеллигенция. Для народных масс Прибалтики это был большой успех.

Их правители уступили свое место другим людям. Президент Литвы Сметона удрал в Германию. Правда, бежали не все, а кое-кому из прежнего руководства были даже предоставлены видные посты. Сопротивления нам не было оказано, а остальное было проведено по-другому, нежели в Западной Украине и Западной Белоруссии, советизация в Прибалтике проходила иначе. Там появились свои, теперь уже прогрессивные правительства. И не все их члены были коммунистами. Лацис, возглавивший правительство Латвии после Кирхенштейна, был коммунистом и к тому же известным писателем. А Кирхенштейн сначала не был. Не помню сейчас, кто из эстонцев и литовцев на первых порах возглавлял их правительства. Но и там были предприняты шаги такого же характера. Постепенно всюду там вводились советские порядки; Эстония, Латвия и Литва тоже вошли в состав Советского Союза, что было оформлено демократическими методами и при соблюдении всех юридических формальностей, которые требуются в таких случаях.

Осенью 1939 г. встала также проблема Финляндии. Мы вошли с Хельсинки в контакт, чтобы договориться. Был выдвинут нами вопрос о том, что на случай войны нужно обезопасить Ленинград, который находился на расстоянии пушечного выстрела от финляндской границы. С территории Финляндии можно было сразу вести обстрел Ленинграда. Финляндское правительство проводило тогда враждебную политику в отношении СССР и демонстративно заигрывало с гитлеровской Германией. Главнокомандующим армией Финляндии был Маннергейм, бывший царский генерал. Он очень недружелюбно относился к Советскому Союзу. Финляндия действительно представляла для нас угрозу, но не сама по себе: ее территория могла быть использована вражески-

ми силами более могучих государств против нас. Поэтому стремление Советского правительства обезопасить себя на северо-западе имело большое значение.

Начались переговоры с финляндской делегацией в Москве. Их подробностей я не знаю, так как я в то время находился во Львове. Позднее Сталин рассказывал мне о них, но детали не сохранились в моей памяти. Общее заключалось в том, что финны не приняли наших условий, после чего и сложилось решение добиться того же путем войны. Но о подробностях я говорить не могу. Когда я в те дни приезжал из Киева, то редко располагал своим временем. Чаще всего мне звонил Сталин и вызывал к себе. Иногда я заставал Сталина одного. Тогда было легче обмениваться мнениями, а мне — излагать свои взгляды и высказывать те нужды, о которых я всегда говорил, приезжая с Украины. Но чаще, когда я оказывался у Сталина, там бывали Молотов, Ворошилов, Каганович. Реже Жданов, находившийся обычно в Ленинграде. Бывали также Берия и Микоян. Вот круг людей, с которыми я встречался у Сталина чаще других.

И вот однажды, когда я поздней осенью 1939 г. приехал в Москву, Сталин пригласил меня к себе на квартиру: «Приезжайте, покушаем. Будут Молотов и Куусинен». Куусинен работал тогда в Коминтерне. Приехал я в Кремль, на квартиру к Сталину. Начался разговор, и по его ходу я почувствовал, что это — продолжение предыдущего разговора, мне неизвестного. Собственно говоря, речь шла о реализации принятого решения насчет того, чтобы предъявить Финляндии ультиматум. Договорились с Куусиненом, что он возглавит руководство будущей народной власти на освобожденной (от тогдашних финских властей) территории. Потом там возникла Карело-Финская ССР, включившая в себя и Карельскую АССР. То есть появилась новая союзная республика.

У Сталина сложилось такое мнение, что после того, как Финляндии будут предъявлены ультимативные требования территориального характера и в случае, если она их отвергнет, придется начать военные действия. Я лично не возражал. Я тоже считал, что это в принципе правильно. А насчет войны с Финляндией думал: достаточно громко сказать им, и все. А если не услышат, то разок выстрелить из пушки, и финны поднимут руки вверх, согласятся с требованиями. Сталин заметил: «Сегодня начнется это дело». Мы сидели у него довольно долго и ожидали известий, потому что был уже назначен определенный час. По истечении названного времени направили Кулика организовать практически артиллерийский обстрел Финляндии. Позвонили, что мы произвели выстрел, а финны ответили артогнем. Значит, фактически началась война с ними. Говорю это потому, что существует и другая трактовка событий: дескать, финны выстрелили первыми, а мы вынуждены были ответить. Но ведь это всегда, когда начинают войну, говорят о другом, что выстрелил первым он. Это в операх хорошо демонстрируют театральный жест, как один бросает перчатку, другой поднимает, начинается дуэль. Но теперь, к сожалению, начинают не так.

Возникает вопрос: имели ли мы юридическое и моральное право на свои действия? Юридически, конечно, не имели права. С моральной же точки зрения желание обезопасить себя и договориться с соседом оправдывало нас в собственных глазах. О чужих глазах судить в данном случае не берусь. И вот началась война. Я уехал через несколько дней на Украину. Мы были уверены, что если финны приняли наш вызов и развязалась война, причем в ней участвуют несоизмеримые величины, то вопрос будет решен быстро и с небольшими потерями для нас. Так мы думали и так хотели, однако история показала затем совсем другое.

Война оказалась довольно упорной. Финны проявили большую воинственность и большие военные способности. У них была хорошо организована оборона, и наши попытки пробиться через Карельский перешеек, самый короткий путь к ним, ни к чему не привели. Перешеек сначала оказался нам не по зубам. Там обнаружились неожиданно для нас хорошие железобетонные укрепления, удачно расположенная артиллерия, и мы наткнулись на неприступную крепость. В результате там полегло наших войск значительно больше, чем предполагалось по плану решения этого вопроса военными методами. Боевые действия затянулись до глубокой зимы. Тогда было решено обойти укрепления Карельского перешейка и ударить севернее Ладожского озера, где, видимо, у финнов таких укреплений не было. То есть, мы хотели зайти с тыла. Когда же попытались сделать это, то там выявились еще более сложные условия, связанные с особенностями природной местности и климата. Финны — люди Севера, хорошие спортсмены, прекрасно держатся на лыжах. Наши войска столкнулись с подвижными подразделениями лыжников, вооруженных автоматическим оружием высокой скорострельности. Возник вопрос о том, чтобы и наши войска срочно поставить на лыжи. Но сделать это было не так легко. У нас воевали обычные, нетренированные красноармейцы. Вспомнили мы и о физкультурниках, но их имелось немного, хотя собрали их из Москвы, с Украины и Ленинграда. Провожали мы их довольно торжественно, ибо была уверенность, что наши физкультурники «приедут и победят». А они почти все там погибли. Не знаю точно, сколько их возвратилось с той войны.

Сталин негодовал. Военные объясняли ему, что они не знали об укреплениях на Карельском перешейке — «линии Маннергейма», и стали обвинять во всем нашу разведку. Все это слилось в главное обвинение Ворошилову. Ведь он был наркомом обороны. За военные неудачи обвинять, собственно, больше и некого было. Не Сталина же. Ворошилов, значит, виноват, не предусмотрел, не разработал и т. п. Начальником Генерального штаба был тогда Шапошников. Его люди занимались разработкой плана операции против Финляндии и занимали высокое положение в войсках. На Шапошникова же смотрели как на видного специалиста, хотя сам он решающего голоса не имел. Скорее у него был совещательный голос. Решал тогда от имени РККА военные вопросы Ворошилов.

То были страшные месяцы и по нашим потерям, и в смысле перспективы. Возьмем наш Военно-Морской Флот, который действовал на Балтике против финляндского. Казалось бы, соотношение должно быть отнюдь не в пользу финнов. Но наш флот действовал плохо. Вот один из случаев. При мне докладывали Сталину, что плыл по морю шведский корабль. Наши приняли его за финский, подводная лодка попыталась потопить его, но не сумела. А немецкие специалисты это наблюдали и потом, чтобы уколоть нас, предложили оказать нам помощь: «Что же это у вас так плохо обстоит дело? Может быть, требуется наше содействие?». Можете себе представить! Будущий враг так нас оценивает. Открыто предлагает: «Давайте попросту отбросим всякие правовые соображения. Раз началась война, то надо использовать все с тем, чтобы в кратчайший срок решить задачу, поставленную перед военными силами». Гитлер демонстрировал нам же наше бессилие. Хотел, чтобы мы сами признали это, приняв его помощь.

В советском руководстве нарастала тревога. Пока не такая уж сильная, но нарастала. Как бы не померк ореол непобедимости Красной Армии. Как у нас тогда пели? «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов». Заронились семена сомнения. Если мы с финнами не можем справиться, а вероятный противник у нас более сильный, то как же с ним тогда будем справляться? Нашими вой-

сками на Карельском перешейке командовал Мерецков, севернее командовали другие. Приходит ко мне Тимошенко и говорит: «Меня вызывают в Москву, наверное, поеду на Финляндский фронт». Уехал он и действительно возглавил все войска Северо-Западного фронта для прорыва «линии Маннергейма». Вновь решили главный удар не наносить с севера, в обход, а бить в лоб, разбить укрепления на Карельском перешейке и тем самым решить исход войны. Хорошо помню, как Сталин с горечью, грустью и иронией рассказывал мне, как протекала война с Финляндией севернее этого перешейка: «Там глубокие снега, идут по ним наши войска, в частях много украинцев, воинственно настроенных: «А де тут хвинны?». Вдруг сзади раздаются очереди из автоматического оружия. Наши люди падают. Это финны избрали такую тактику борьбы в лесах, забирались на сосны, прикрывались ветками, надевали белые балахоны и становились совершенно незаметными. Наши подходят, а они расстреливают в упор с деревьев. Их прозвали там «кукушками». И опять твои спрашивают: «Де же, де те зегзицы?». Пришлось вести с «кукушками» специальную борьбу, тренировать против них наших стрелков. Но на все это требовалось время, и учеба стоила нам большой крови.

Началась перезадуманная операция. Пересмотрели и тактику лобового удара, сосредоточили (почему же это сразу не сделали?) нужное количество артиллерии, самолетов, всего, что необходимо, и организовали новый удар. Разбили финские доты, перед мощной артиллерией они не устояли. Авиация тоже сыграла положительную роль. Сталин говорил об этом так: «Вот налетала на них наша авиация. Задание ей было: преградить финнам подвоз к фронту боеприпасов и снаряжения, то есть вывести из строя железную дорогу, разбомбить мосты и расстрелять паровозы с самолетов. Тактически это, конечно, правильно. Столько мостов там разбили, столько паровозов вывели из строя, что, казалось бы, финнам одни лыжи остались. Потому что у финнов всегда были лыжи, каждый финн имеет лыжи. Но нет, подвоз средств у них продолжается. Значит, используют еще какие-то пути».

Наконец запросили финны перемирия. Начались переговоры. Договорились о прекращении войны, а потом подписали мирный договор. Отодвинулись финны от Ленинграда и еще уступили нам базу на полуострове Ханко, в Финском заливе. Тут мы стали анализировать причины того, почему мы оказались плохо подготовлены к войне и отчего она стоила нам таких больших жертв. Не знаю точно, сколько тысяч бойцов полегло там, но думаю, что очень много. Мне об этой войне подробно рассказывал Тимошенко. Выявилось, что говорили неправду о нашей разведке, будто она плохая и потому не сообщила нужных данных, так что мы не знали обстановку. Все это оказалось ложью. Наша разведка оказалась на должной высоте. Все доты, которые были построены финнами, вся «линия Маннергейма» — все это было хорошо известно и даже нанесено на карты. Видимо, просто допустили беспечность. Я даже не представляю себе, как это могло случиться. Ведь данные разведки — святая святых при разработке любой операции. Прежде всего изучается местность, на которой будут развернуты военные действия. А тут не просто местность, а укрепленный район. Сколько лет финны строили там эти железобетонные гранитные укрепления. Там и естественные условия для обороны хороши: леса, холмы, много озер и б[illegible], мало дорог. Местность труднодоступна для транспорта, и там легко воздвигнуть оборонительный пояс. Тем более что буквально на месте и лес, и гранит для строительства полевых оборонительных сооружений. Финны хорошо это использовали. Вот почему победа стоила нам крови многих тысяч людей.

Я бы сказал здесь, что Финляндская война на деле обошлась нам,

может быть, даже в миллионы жизней. Почему я так думаю? Потому что если бы мы финнов не тронули и договорились как-то без войны, то о нас имелось бы за рубежом иное представление. Ведь если Советский Союз еле-еле справился с Финляндией, с которой Германия расправилась бы очень быстро, то что останется от СССР, если на него двинутся немецкие войска, вышколенные, отлично организованные, имеющие хороших командиров, сильную боевую технику и большие массы военнослужащих? Гитлер рассчитывал, что расправится с СССР в два счета. Так родился курс на молниеносную войну и план «Барбаросса», основанные на самоуверенности. Питала эту самоуверенность в немалой степени злополучная, неудачно проведенная нами финляндская кампания. А вот если бы мы провели эту кампанию по-другому, как нужно, то дальнейшее развитие исторических событий могло пойти по-иному. Конечно, СССР как бы обманул Гитлера своими поступками в этой кампании, так что немецкая самоуверенность дорого обошлась Германии. Но мы же не притворялись нарочно зимой 1939—1940 г., так как не знали заранее, чем все кончится и как потом развернутся события. А миллионы людей в войне с Германией потеряли.

Помню такой случай. Как-то приехал я с Украины в Москву, был у Сталина. Молотов рассказывал, как он пригласил Шуленбурга, посла Германии в СССР. Шуленбург являлся сторонником укрепления мирных отношений Германии с Советским Союзом и был решительным противником войны с СССР. Недаром 23 августа 1939 г. при заключении советско-германского пакта о ненападении Шуленбург, с которым Молотов решал попутные вопросы, буквально сиял от радости и говорил: «Сам бог нам помог, сам бог!» Тогда мы отнеслись к его словам как к дипломатической игре. Но потом история показала, что это у него было искреннее настроение: он понимал желательность улучшить отношения Германии и СССР, положить их на мирную основу. Он докладывал позднее о том же Гитлеру, но на его слова не обратили внимания. А во время заговора против Гитлера летом 1944 г. в него был вовлечен и Шуленбург. Заговор провалился, в числе казненных оказался и Шуленбург.

Вернусь к рассказу Молотова. Однажды Шуленбург увидел, что на радио у нас сидят стенографистки и записывают нужные передачи. Он в удивлении спросил: «Как? У вас стенографистки ведут запись?» И тут же осекся. Молотов доложил о том Сталину. Наши решили, что, видимо, у немцев имеются технические средства записи. Записывают не стенографистки, а аппараты. Только после войны мы узнали, что существуют магнитофоны. Раньше мы об этом ничего не знали. Немцы же имели еще до войны магнитофоны. Поэтому радиоразведку они вели более организованно. Передача секретных радиотелеграмм осуществляется на больших скоростях, и почти никакая стенографистка записать их не успеет. Тем более когда они кодированы. Магнитофон же может записать, а потом работать медленнее: можно все прослушать, чтобы подобрать ключ к коду. Мы это делать еще не умели, так как у нас не было соответствующих технических средств. По таким деталям фашисты тоже судили о нашем военно-техническом уровне, нашей военной оснащенности, чувствовали нашу слабость, и это укрепляло их желание поскорее развязать войну. Но они эту слабость преувеличивали.

Что касается Финляндии, то я впоследствии не раз бывал в ней, встречался с финнами. У меня были самые хорошие отношения с президентом Кекконеном и с его предшественником Паасикиви. Это был «хороший буржуа», который искренне хотел мира с нами. Он, собственно говоря, и подписал мир, поскольку был инициатором дела и как бы посланцем от финляндского правительства к нам во время второй мировой войны. В результате переговоров, которые он вел с нами, было

достигнуто необходимое соглашение, и Финляндия вышла из войны против СССР. Это была важная победа, только она стоила много пролитой крови. Возникает опять вопрос: можно ли было обойтись без советско-финляндской войны? Не берусь делать окончательный вывод. Если же говорить о Сталине, который решал эти вопросы, то он начинал в 1939 г. войну не для того, чтобы захватить Финляндию. Мы же ее все-таки не захватили, когда фактически разгромили финляндскую армию к весне 1940 года. Сталин проявил здесь государственную мудрость. Территория Финляндии с ее населением не могла решить коренных задач нашей внешней политики: маленький народ, чья страна небогата естественными ресурсами. То же самое действовало в 1944 году: подписание договора о перемирии с Финляндией, которая затем сама объявила войну Германии,— хороший пример для других сателлитов гитлеровской Германии, а выгода для нас от этого была большей, чем от оккупации. К тому же такой наш шаг оставил хороший след в видах на будущее.

Но наши предположения до 1941 г., что правительство Финляндии в случае «большой войны» предоставит свою территорию нашим врагам, оправдались. Еще до Великой Отечественной войны мы знали, что Гитлер концентрирует свои войска в Финляндии у наших границ. Можно, конечно, сказать, что финны пошли на это, потому что были озлоблены и хотели вернуть потерянное ими путем войны вместе с Германией против Советского Союза. Такое понимание дела тоже не будет лишено здравого смысла. Напоминаю о том, как мы с (покойным теперь уже) Куусиненом узнали на квартире у Сталина, что первые выстрелы уже совершены именно с нашей стороны. Куда от этого денешься?

Итак, после зимы 1939—1940 г. в стране было сравнительно мало людей, которые по-настоящему знали, как протекали и к чему политически привели военные действия против Финляндии, каких жертв потребовала эта победа, совершенно несоизмеримых с точки зрения наших возможностей, каково реальное соотношение сил. Сталин же в беседах критиковал военные ведомства. Наркомат обороны, а особенно Ворошилова. Он порою все сосредоточивал на личности Ворошилова. Я, как и другие, был тут согласен со Сталиным, потому что действительно в первую голову отвечал за это Ворошилов. Он много лет занимал пост наркома обороны. В стране появились «ворошиловские стрелки» и тому подобное. Ворошиловская хвальба усыпляла народ. Но виноваты были и другие. Помню, как один раз Сталин во время нашего пребывания на его ближней даче в пылу гнева остро критиковал Ворошилова. Он очень разнервничался, встал, набросился на Ворошилова. Тот тоже вскипел, покраснел, поднялся и в ответ на критику Сталина бросил ему обвинение: «Ты виноват в этом. Ты истребил военные кадры». Сталин тоже ответил. Тогда Ворошилов схватил тарелку, на которой лежал отварной поросенок, и ударил ею об стол. На моих глазах это был единственный такой случай.

Кончилась критика тем, что Ворошилов был освобожден от обязанностей наркома обороны, а вместо него был назначен Тимошенко. Вскоре он стал Маршалом Советского Союза. Не помню сейчас, какой новый пост был дан Ворошилову, но долгое время он находился как бы на положении мальчика для битья. Сталин в первую голову почувствовал в этой нашей победе над финнами в 1940 г. и элементы поражения. Очень опасного поражения, которое укрепляет наших врагов в уверенности, что Советский Союз — колосс на глиняных ногах. Международные политические последствия могли оказаться самыми неблагоприятными. Но одной констатацией дела и гнева, оправданного, я бы сказал, гнева; в связи с ходом войны 1939—1940 гг. было недостаточно. Следовало сделать должные выводы. Выводы же должны были заключаться

не только в освобождении Ворошилова от должности и назначении другого лица на пост наркома. Нужно было иметь в виду, что «большая война» неизбежна. Требовалось срочно наверстать упущенное, найти в нашей экономике те бреши, в результате которых мы несли потери, выше поднять боеспособность Красной Армии и, самое главное, заиметь новые кадры.

Мне довелось познакомиться с Кирпоносом, когда он командовал войсками КОВО. Очень хороший командир и честный человек. И погиб он, как истинный гражданин Советского Союза. В Финляндскую кампанию он командовал дивизией, отличился в боях, получил потом генеральское звание и стал Героем Советского Союза. В КОВО же он был направлен, поскольку КОВО стоял примерно на том же по значению месте, как и Белорусский Особый военный округ (БОВО). Если БОВО грудью заслонял Москву от вражеского нападения с запада, то КОВО тоже находился на направлении главного удара. Там имелись благоприятные рельефные и почвенные условия для развития наступления механизированными войсками с запада на Киевском направлении: хорошие дороги, почти нет болот. За границей писали, что это танкодром, что там можно, развернув танковые соединения, показать, на что они способны. Оценка оказалась правильной. В Великую Отечественную войну так и произошло. Назначив сюда Кирпоноса, считали, что он подходит по моральным качествам. Это было верно. Но не учли, что у него не было опыта руководить таким огромным количеством войск. И это потом сказалось на организации боев в ходе столкновений с гитлеровскими войсками. Это все же был далеко не Якир!

После финляндской кампании требовалось сейчас же посмотреть еще раз, как мы обеспечены вооружением и боевой техникой, тут же приступить к перестройке промышленности, переводя ее на военный лад, чтобы полностью быть готовыми к войне. Хотя мы и не знали, какое время нам дано для передышки и когда на нас нападет враг, считаю, что реально делалось очень мало нового по сравнению с мирным временем. Это было страшное упущение, и потом мы за это поплатились, когда в первые месяцы войны у нас катастрофически не хватало вооружения и боевой техники. Сталин, как я полагаю, ожидал, что развернутся затяжные сражения английских и французских войск против немцев. Они истощат Гитлера. Таким образом окажутся сорванными его планы сначала разбить Запад, а потом Восток, то есть рухнет стратегия, заложенная им в идею подписания договора 1939 г. с СССР о ненападении.

В тот период и Сталин, и Гитлер выполняли (а иногда делали вид, что выполняют) обязательства, взятые по августовскому договору и согласно сентябрьскому договору о дружбе и границе. Молотов часто докладывал: «Вот Шуленбург сказал... Шуленбург передал...». Согласно договору о дружбе мы должны были поставлять Германии зерно, нефть и мн. др. Все это мы пунктуально выполняли, гнали железнодорожные эшелоны в Германию. Со своей стороны, Гитлер должен был нам в компенсацию предоставить крейсер. Он был уже на плаву. Его доставили в Ленинград, и там было организовано окончание корабельных работ. Гитлер даже прислал своих специалистов, которые помогали в доводке этого крейсера. Я узнал об этом так. Крупный немецкий военно-морской начальник приехал в Ленинград для консультации. Ему отвели соответствующее помещение, создали необходимые условия, а потом возник скандал. Скандал устроили немцы, причина же была такой. Наша разведка обставила квартиру этого специалиста подслушивающими и фотографирующими аппаратами; кроме того, он оказался любителем женского пола, и разведка подбросила ему девицу. В одну из ночей его сфотографировали вместе с нею, чтобы уличить в непри-

стойном поведении. Но наша техника, видимо, была плохая, и он услышал шум работавшего аппарата. Стал искать, в чем дело, и нашел. На стене висела большая картина, в ней искусно было вырезано окно и вставлен фотоаппарат. Он заявил протест. Немцы оказались безразличны к его встречам с девицей, а наши-то чекисты думали, что фотографии дадут возможность завербовать его. Сталин тогда критиковал Берию за неудачу. Так я и узнал про это событие. Чем закончилось дело, не знаю. Крейсер же так и остался у нас под другим названием. Гитлер, посылая нам недостроенный корабль, вероятно, полагал, что успеет разбить нас, а потом вернет крейсер Германии.

Мы имели соглашение с Чехословакией, с фирмой Шкоды, которая должна была поставить нам зенитные пушки. Наши 85-мм зенитки, с которыми мы потом воевали, изготовлялись во многом по образцам, купленным у Шкоды. Кроме того, мы получали у Шкоды и другие орудия. Но фирма не успела выполнить заказ до того, как Чехословакию захватил Гитлер. А теперь он дал указание, и Шкода выполнил прежний заказ, поставив нам какое-то количество крупнокалиберных орудий. Что касается зениток, то мы их использовали и как зенитные орудия, и как противотанковые. Итак, Гитлер делал все, чтобы создать видимость, будто Германия выполняет обязательства, взятые по договору с СССР.

Как же выглядели в тот период наши взаимоотношения с Германией с позиций Украины? Мы имели границу непосредственного соприкосновения с Германией. После ликвидации Польского государства Гитлер сначала держал у советской границы войска, укомплектованные солдатами возрастов не первого призыва. Это были воинские части не первого эшелона. Но мы видели также, что фашисты усиленно работают по укреплению границы. Если провозглашена дружба, то зачем такие усиленные работы? Это выглядело подозрительно. Конечно, командование КОВО докладывало Сталину. Сталин тоже понимал неснятую угрозу СССР, но вроде бы не обращал внимания на доклады и давал в ответ свое объяснение, которое нас в Киеве вовсе не укрепляло в смысле надежды избежать войны с Германией. Одновременно стали наглеть украинские националисты, начавшие конкретно действовать. К нам попали неопровержимые документы, уличавшие их в том, что они переметнулись к Берлину, получали оттуда деньги и инструкции: тоже одно из веских доказательств того, что Гитлер готовится напасть на нас и использует националистов как свою агентуру. Он хотел, рванувшись на Украину, иметь националистический «украинский прожектор», который освещал бы обстановку в разведывательных целях и стал немцам первоначальной опорой. Как раз эти функции и взяла на себя националистическая свора Западной Украины.

Стали мы перешивать железнодорожную колею Западной Украины с узкой на широкую, то есть с европейской на советскую. А немцы, бывавшие у нас в Прикарпатье, попросили через контакты своих органов безопасности с нашими органами не делать этого. Серов сообщил мне об этом. Тогда я сказал Сталину: «Они считают, что прежняя железная дорога вскоре им пригодится. Это же по размерам их колея, и они просят не перешивать ее». Сталин выругался и приказал: «Перешить!». Правда, во время войны переделать линию заново вовсе недолго. Строители идут вслед за войсками, и если рельсы на месте, шпалы на месте и не разрушено железнодорожное полотно, то им остается только раздвинуть рельсы, вынув старые костыли, и забить новые.

(Продолжение следует)

ОЧЕРКИ РУССКОЙ СМУТЫ

КРУШЕНИЕ ВЛАСТИ И АРМИИ. Февраль — сентябрь 1917.

ТОМ ПЕРВЫЙ. ВЫПУСК ВТОРОЙ.

Генерал А. И. Деникин

Глава XVIII. *Военные реформы: генералитет и изгнание старшего командного состава*

Одновременно с подготовкой к наступлению в армии шли реформы и так называемая «демократизация». На всех этих явлениях необходимо остановиться теперь же, так как они предрешили как исход летнего наступления, так и конечные судьбы армии.

Военные реформы начались с увольнения огромного числа командующих генералов — операция, получившая в военной среде трагишутливое название «избиения младенцев». Началось с разговора военного министра Гучкова и дежурного генерала Ставки [1] Кондзеровского. По желанию Гучкова Кондзеровский на основании имевшегося материала составил список старших начальников с краткими аттестационными отметками. Этот список, дополненный потом многими графами различными лицами, пользовавшимися доверием Гучкова, и послужил основанием для «избиения». В течение нескольких недель было уволено в резерв до полутораста старших начальников, в том числе 70 начальников пехотных и кавалерийских дивизий.

Гучков приводит такие мотивы этого мероприятия *: «В военном ведомстве давно свили себе гнездо злые силы — протекционизма и угодничества. С трибуны Государственной Думы я еще задолго до войны указывал, что нас ждут неудачи, если мы не примем героических мер... для изменения нашего командного состава... Наши опасения, к несчастью, оправдались. Когда произошла катастрофа на Карпатах, я снова сделал попытку убедить власть сделать необходимое, но вместо этого меня взяли под подозрение... Нашей очередной задачей (с началом революции) было дать дорогу талантам. Среди нашего командного состава было много честных людей, но многие из них были не способны проникнуться новыми формами отношений, и в течение короткого времени в командном составе нашей армии было произведено столько перемен, каких не было, кажется, никогда ни в одной армии... Я сознавал, что в данном случае милосердия быть не может, и я был безжалостен по отношению к тем, которых я считал неподходящими. Конечно, я мог ошибаться. Ошибок, может быть, были даже десятки, но я советовался с людьми знающими и принимал решения лишь тогда, когда чувствовал, что они совпадают с общим настроением. Во всяком случае, все, что есть даровитого в командном составе, выдвинуто нами. С иерархией я не счи-

---

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—6.

* Речь на съезде делегатов фронта 29 апреля 1917 года.

тался. Есть люди, которые начали войну полковыми командирами, а сейчас командуют армиями... Этим мы достигли не только улучшения, но и другого, не менее важного: провозглашение лозунга «дорогу таланту»... вселило в души всех радостное чувство, заставило людей работать с порывом, вдохновенно»...

Гучков был прав в том отношении, что армия наша страдала и протекционизмом, и угодничеством; что командный состав ее комплектовался не из лучших элементов и, в общем, далеко не всегда был на высоте своего положения. Что «чистка» являлась необходимой и по мотивам принципиальным, и по практическим соображениям: многое сокровенное после «свобод» стало явным, дискредитируя и лиц, и символ власти. Но несомненно также, что принятый порядок оценки боевой пригодности старшего генералитета, отражавший не всегда беспристрастные мнения, заключал в себе элементы случайности и субъективности. Ошибки были несомненно. В список попали и средние начальники, не выделявшиеся ни в ту, ни в другую сторону, каких большинство во всех армиях; попали и некоторые достойные генералы.

Я должен, однако, признать, что многие из уволенных вряд ли представляли особенную ценность для армии. Среди них были имена одиозные и анекдотические, державшиеся только благодаря инертности и попустительству власти. Я помню, как потом по разным поводам генералу Алексееву вместе со мной приходилось перебирать списки старших чинов резерва в поисках свободных генералов, могущих получить то или иное серьезное назначение или ответственное поручение. Поиски обыкновенно были очень нелегки: хорошие генералы — обиженные увольнением или потрясенные событиями — отказывались, прочие были неподходящими. В частности, когда явилась надобность послать нечто вроде военно-сенаторской ревизии на Кавказ, то из огромных списков извлекли всего две фамилии: одна принадлежала генералу, рапортовавшемуся больным, другая... была немецкой *. Ревизия не состоялась. Помню и такой эпизод: когда в вагоне Гучкова обсуждалось раз замещение какой-то открывшейся вакансии, в его списках нашли имена 2—3 генералов, ранее не особенно двигавшихся по службе, ныне же отмеченных решительно во всех графах выдающимися.

Что же дали столь грандиозные перемены армии? Улучшился ли действительно в серьезной степени командный состав? Думаю, что цель эта достигнута не была. На сцену появились люди новые, выдвинутые установившимся правом избирать себе помощников — не без участия прежних наших знакомых — свойства дружбы и новых связей. Разве революция могла переродить или исправить людей? Разве механическая отсортировка могла вытравить из военного обихода систему, долгие годы ослаблявшую импульс к работе и самоусовершенствованию? Быть может, выдвинулось несколько единичных «талантов», но наряду с ними двинулись вверх десятки, сотни людей случая, а не знания и энергии. Эта случайность назначений усилилась впоследствии еще больше, когда Керенский отменил на все время войны как все существовавшие ранее цензы, так и соответствие чина должности при назначениях (июнь), в том числе, конечно, и ценз знания и опыта.

Передо мною лежит список старших чинов русской армии к середине мая 1917 г., т. е. как раз к тому времени, когда гучковская «чистка» была окончена. Здесь — Верховный главнокомандующий, главнокомандующие фронтами, командующие армиями и флотами и их начальники штабов. Всего 45 лиц **. Мозг, душа и воля армии! Трудно оценивать их боевые способности соответственно их последним должностям, ибо стратегия и вообще военная наука в 1917 году потеряла в значительной степени свое применение, став в подчиненную рабскую зависимость от солдатской стихии. Но мне прекрасно известна деятельность этих лиц по борьбе с «демократизацией», т. е. развалом армии. Вот численное соотношение трех различных группировок (в командном составе. У автора — таблица.— *Ред.*): Верховный Главноком., команд. арм., ком. флот. Оппортунисты: поощрявшие демократизацию — 9, не боровш. против демократизации — 5; боровшиеся против демократизации — 7. Начальники штабов (соответственно) — 6, 6, 7. Всего: 15, 11, 14 (40).

* С этим обстоятельством приходилось считаться ввиду настроения солдат.
** Пяти не знаю, поэтому исключил их вовсе.

Из них впоследствии, с 1918 года, участвовало или не участвовало в борьбе: В антибольшев. организац. Оппортунисты: поощрявшие демократизацию — 2, не боровш. против демократизации — 7; боровшиеся против демократизации — 10, всего — 19. У большевиков (соответственно — 6, 1, 7. Отошли в сторону — 7, 4, 3, 14.

Таковы результаты реформы наверху военной иерархии, где люди находились на виду, где деятельность их привлекала к себе критическое внимание не только власти, но и военной и общественной среды. Думаю, что не лучше обстояло дело на низших ступенях иерархии.

Но если вопрос о справедливости мероприятия может считаться спорным, то лично для меня не возникает никакого сомнения в крайней нецелесообразности его. Массовое увольнение начальников окончательно подорвало веру в командный состав и дало внешнее оправдание комитетскому и солдатскому произволу и насилию над отдельными представителями командования. Необычайные перетасовки и перемещения оторвали большое количество лиц от своих частей, где они, быть может, пользовались приобретенными боевыми заслугами, уважением и влиянием; переносили их в новую, незнакомую среду, где для приобретения этого влияния требовалось и время, и трудная работа в обстановке, в корне изменившейся. Если к этому прибавить продолжавшееся в пехоте формирование третьих дивизий, вызывавшее, в свою очередь, очень большую перетасовку командного состава, то станет понятным тот хаос, который воцарился в армии.

Такой хрупкий аппарат, каким была армия в дни войны и революции, мог держаться только по инерции и не допускал никаких новых потрясений. Допустимо было только изъять безусловно вредный элемент, в корне изменить систему назначений, открыв дорогу достойным, и предоставить затем вопрос естественному его течению, во всяком случае без излишнего подчеркивания и не делая его программным.

Кроме удаленных этим путем начальников, ушло добровольно несколько генералов, не сумевших помириться с новым режимом, в том числе Лечицкий и Мищенко, и много командиров, изгнанных в революционном порядке — прямым или косвенным воздействием комитетов или солдатской массы. К числу последних принадлежал и адмирал Колчак.

Перемены шли и в дальнейшем, исходя из различных, иногда прямо противоположных взглядов на систему ведения армии, нося поэтому необыкновенно сумбурный характер и не допуская отслоения определенного типа командного состава. Алексеев уволил главнокомандующего Рузского и командующего армией Радко-Дмитриева за слабость военной власти и оппортунизм. Он съездил на Северный фронт и, вынеся отрицательное впечатление о деятельности Рузского и Радко-Дмитриева, деликатно поставил вопрос об их «переутомлении». Так эти отставки и были восприняты тогда обществом и армией. По таким же мотивам Брусилов уволил Юденича. Я уволил командующего армией (Квецинского) — за подчинение его воли и власти дезорганизующей деятельности комитетов в области «демократизации» армии.

Керенский уволил Верховного главнокомандующего Алексеева, главнокомандующих Гурко и Драгомирова за сильную оппозицию «демокра-

тизации» армии; по мотивам прямо противоположным уволил и Брусилова — чистейшего оппортуниста. Брусилов уволил командующего 8-й армией генерала Каледина — впоследствии чтимого всеми Донского атамана — за то, что тот «потерял сердце» и не пошел навстречу «демократизации». И сделал это в отношении имевшего большие боевые заслуги генерала в грубой и обидной форме, сначала предложив ему другую армию, потом возбудив вопрос об удалении. «Вся моя служба,— писал мне тогда Каледин,— дает мне право, чтобы со мной не обращались как с затычкой различных дыр и положений, не осведомляясь о моем взгляде».

Генерал Ванновский, смещенный с корпуса командующим армией Квецинским по несогласию на приоритет армейского комитета, немедленно вслед за этим получает, по инициативе Ставки, высшее назначение — армию на Юго-западном фронте. Генерал Корнилов, отказавшийся от должности главнокомандующего войсками петроградского округа, «не считая возможным для себя быть невольным свидетелем и участником разрушения армии... Советом рабочих и солдатских депутатов», назначается потом главнокомандующим фронтом и Верховным главнокомандующим. Меня Керенский отстраняет от должности начальника штаба Верховного главнокомандующего по несоответствию видам правительства и за явное несочувствие его мероприятиям и тотчас же допускает к занятию высокого поста главнокомандующего Западным фронтом.

Были и обратные явления: Верховный главнокомандующий генерал Алексеев долго и тщетно делал попытки сместить стоявшего во главе Балтийского флота выборного командующего адмирала Максимова [2], находившегося всецело в руках мятежного исполнительного комитета Балтийского флота. Необходимо было фактическое изъятие из окружающей среды этого принесшего огромный вред командующего, так как комитет его не выпускал, и Максимов на все предписания прибыть в Ставку отвечал отказом, ссылаясь на критическое положение флота... Только в начале июня Брусилову удалось избавить от него флот, ценою... назначения начальником морского штаба Верховного главнокомандующего!..

И много еще можно было привести примеров невероятных контрастов в идейном руководстве армией, вызванных столкновением двух противоположных сил, двух мировоззрений, двух идеологий.

* * *

Я уже говорил раньше, что весь командующий генералитет был совершенно лоялен в отношении Временного правительства. Сам позднейший «мятежник» — генерал Корнилов — говорил когда-то собранию офицеров: «Старое рухнуло! Народ строит новое здание свободы, и задача народной армии всемерно поддержать новое правительство в его трудной, созидательной работе» ...Командный состав, если и интересовался вопросами общей политики и социалистическими опытами коалиционных правительств, то не более, чем все культурные русские люди, не считая ни своим правом, ни обязанностью привлечение войск к разрешению социальных проблем. Только бы сохранить армию и то направление внешней политики, которое способствовало победе. Такая связь командного элемента с правительством — сначала «по любви», потом «из расчета» — сохранилась вплоть до общего июньского наступления армии, пока еще теплилась маленькая надежда на перелом армейских настроений, так грубо разрушенная действительностью. После наступления и командный состав несколько поколебался...

Я скажу более: весь старший командный состав армии совершенно одинаково считал ту «демократизацию армии», которую проводило правительство, недопустимой. И если в таблице, приведенной мною выше, мы встретили 65% начальников, не оказавших достаточно сильного протеста против «демократизации» (разложения армии), то это зависело от совершенно других причин: одни делали это по тактическим соображениям, считая, что армия отравлена и ее надо лечить такими рискованными противоядиями, другие — исключительно из-за карьерных побуждений. Я говорю не предположительно, а исходя из знания среды и лиц, со многими из которых вел откровенную беседу по этим вопросам. Генералы, широко образованные и с большим опытом, не могли, конечно, проводить искренно и научно такие «военные» взгляды, как, например: Клембовский, предлагавший поставить во главе фронта триумвират из главнокомандующего, комиссара и выборного солдата; Квецинский — «снабдить армейские комитеты особыми полномочиями от военного министра и Центрального комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, дающими им право действовать от имени комитета». Вирановский, предлагавший весь командный состав обратить в «технических советников», передав всю власть комиссарам и комитетам!»...

Керенский в своей книге рассказывает про «разгром Юго-западного фронта», который начался якобы, «как только генерал Корнилов перевел туда Деникина * и Маркова. Там началось генеральное уничтожение всех командующих, сочувственно относившихся к войсковым организациям»... Это не вполне точно: я на Юго-западном фронте удалил только одного генерала Вирановского, желая в армии иметь полководцев, а не «технических советников». Этот эпизод вызвал ряд «обличительных» телеграмм правительству комиссаров Гобечио и Иорданского, грозное постановление исполнительного комитета Юго-западного фронта и по совокупности «явно отрицательного отношения моего к выборным войсковым организациям» (последнее вполне справедливо) — требование, предъявленное Корнилову управляющим военным министерством Савинковым [3] и верховным комиссаром Филоненко о моем отчислении **...

Как все это странно. Передо мною интересный документ, характеризующий тот сумбур, который должен был происходить в умах солдат и войсковых организаций: письмо от 30 июня генерала Духонина [4], бывшего начальником штаба Юго-западного фронта, к генералу Корнилову — тогда командующему 8-й армией: «Милостивый Государь, Лавр Георгиевич! Главнокомандующий по долгу службы приказал сообщить Вам нижеследующие сведения о деятельности командира 2-го гвардейского корпуса, генерала Вирановского и штаба этого корпуса, полученные от войсковых организаций и относящиеся к двадцатым числам июня сего года. В корпусе создалось настроение против наступления. Генерал В., будучи сам противником наступления, заявил дивизионным комитетам, что он ни в каком случае не поведет гвардию на убой. Ведя собеседование с дивизионными комитетами, генерал В. разъяснял все невыгоды и трудности наступления, выпавшие на долю корпуса, и указывал на то, что ни справа, ни слева, ни сзади никто не поддержит корпус. Чины штаба корпуса вообще удивлялись, как главнокомандующий мог давать такие задачи, неразрешимость которых ясна даже солдатам-делегатам. Штаб корпуса был занят не тем, чтобы изыскать способы выполнить поставленную корпусу трудную задачу, а старался доказать, что эта задача невыполнима».

Бедная революционная демократия! Как трудно ей было разбираться в истинной сущности военных вопросов, за решение которых она взялась, и отличить «врагов» от «друзей»...

---

* Я был назначен главнокомандующим Юго-западного фронта в конце июля.

** 25 августа 1917 года в Ставке.

Позднее к тем рубрикам, которые приведены в моей таблице, прибавилась еще одна графа — чистых демагогов, как, например, Черемисов *, Верховский **, Вердеревский ***, Егорьев, Сытин ****, Бонч-Бруевич ***** и другие. Первые три успели выйти кратковременно на верх иерархической лестницы в период заката Временного правительства, прочие — нет. Но все они, за исключением Вердеревского, как и следовало ожидать, заняли довлеющие им крупные посты в большевистском командовании.

Насколько лоялен был высший командный состав, можно судить по следующему факту: в конце апреля генерал Алексеев, отчаявшись в возможности самому лично остановить правительственные мероприятия, ведущие к разложению армии, перед объявлением знаменитой декларации прав солдата послал главнокомандующим шифрованный проект сильного и резкого коллективного обращения от армии к правительству; обращение указывало на ту пропасть, в которую толкают армию; в случае одобрения проекта обращения его должны были подписать все старшие чины до начальников дивизий включительно. Фронты, однако, по разным причинам отнеслись отрицательно к этому способу воздействия на правительство. А временный главнокомандующий Румынским фронтом, генерал Рагоза — позднее украинский военный министр у гетмана — ответил, что, видимо, русскому народу Господь Бог судил погибнуть, и потому не стоит бороться против судьбы, а, осенив себя крестным знамением, терпеливо ожидать ее решения!.. Это буквальный смысл его телеграммы.

Таковы были настроения и нестроения на верхах армии. Что касается категории начальников, неуклонно боровшихся против развала армии, то многие из них, независимо от большей или меньшей веры в успех своей работы, независимо от ударов судьбы, шаг за шагом разрушавшей надежды и иллюзии, независимо даже от предвидения некоторыми того темного будущего, которое уже давало знать о своем приближении тлетворным дыханием разложения, шли по тернистому пути, против течения, считая, что это их долг перед своим народом. Шли с поднятой головой, встречая непонимание, клевету и дикую ненависть, до тех пор, пока хватало сил и жизни.

Глава XIX. *«Демократизация армии»: управление, служба и быт*

Для проведения «демократизации армии» и вообще реформ в военном ведомстве, «соответствующих новому строю», Гучковым была учреждена комиссия под председательством бывшего военного министра Поливанова ******. В состав ее вошли представители от военной комиссии Государственной Думы и от Совета р. и с. д. В морском ведомстве работала подобная же комиссия под председательством видного деятеля Государственной Думы Савича. Мне известна более работа первой. и потому я и остановлюсь на ней. Законопроекты, выработанные в поливановской комиссии, предварительно их утверждения, шли на одобрение военной секции Исполнительного комитета Совета р. и с. д., имевшей большой вес и часто занимавшейся самостоятельным военным законотворчеством.

Ни один будущий историк русской армии не сможет пройти мимо поливановской комиссии — этого рокового учреждения, печать которого

* Главнокомандующий Северным флотом.
** Военный министр.
*** Морской министр.
**** Начальник дивизий.
***** Генерал для поручений на Северном фронте и в Ставке.
****** Умер в Риге в 1920 г., где состоял экспертом Советского правительства в делегации по заключению мира с Польшей.

лежит решительно на всех мероприятиях, погубивших армию. С невероятным цинизмом, граничащим с изменой Родине, это учреждение, в состав которого входило много генералов и офицеров, назначенных военным министром, шаг за шагом, день за днем проводило тлетворные идеи и разрушало разумные устои военного строя. Зачастую, задолго до утверждения, делались достоянием печати и солдатской среды такие законопроекты, которые в глазах правительства являлись чрезмерно демагогическими и не получали впоследствии осуществления; они, однако, принимались в армии и вызывали затем напор на правительство снизу. Военные члены комиссии как будто соперничали друг перед другом в смысле раболепного угождения новым повелителям, давая обоснование и оправдание своим авторитетом их разрушающим идеям. Лица, присутствовавшие в комиссии в качестве докладчиков, передавали мне, что в заседаниях ее можно было услышать иногда протестующий голос гражданских лиц, предостерегающий от увлечений, но военных — почти никогда.

Я затрудняюсь понять психологию этих людей, которые так быстро и так всецело подпали под влияние и власть толпы. Из списка военных членов комиссии к первому мая видно, что большинство из них — представители штабов и учреждений, по преимуществу петроградских (25) и только 9 от армии, и то, по-видимому, не все они строевые чины. Петроград имел свою психологию, отличную от армейской.

Важнейшие и наиболее тяжело отразившиеся на армии демократические законы касались организации комитетов, о которых изложено в главе XX, дисциплинарного воздействия, военно-судебных реформ * и, наконец, пресловутой декларации прав солдата. Дисциплинарная власть начальников упразднена вовсе. Ее восприняли дисциплинарные ротные и полковые суды. Они же должны были разрешать «недоразумения», возникавшие между солдатами и начальниками. О значении лишения дисциплинарной власти начальника говорить много не приходится: этим актом вносилась полная анархия во внутреннюю жизнь войсковых частей и дискредитировался законом начальник. Последнее обстоятельство имеет первостепенное значение. И революционная демократия использовала этот прием во всех, даже самых мелких, актах своего правотворчества.

Судебные реформы имели своею конечной целью ослабление влияния в процессе назначаемых военных судей, введение института присяжных и общее значительное ослабление судебной репрессии. Упразднены военно-полевые суды, каравшие быстро и на месте за ряд очевидных и тяжких воинских преступлений, как то: измена, бегство с поля сражения и т. д. Отменено заочное разбирательство дел о побеге к неприятелю воинских чинов и добровольной сдаче в плен, чем была возложена на правительственные и общественные органы забота о материальном положении семейств заведомых изменников наравне с действительными защитниками родины.

По проекту присяжного поверенного Грузенберга, военно-окружный суд должен был иметь состав: одного председателя-юриста и шесть ** выборных членов (3 офицера и 3 солдата), причем эта коллегия не только решала вопрос о виновности подсудимого (без председателя), но и вопрос о наказании, идя, таким образом, по пути расширения прав присяжных значительно дальше гражданского судопроизводства. Характерно, что Главное военно-судное управление задолго до переформирования судов, минуя Ставку, предписало армиям, «ввиду предстоящей

* Важнейшие из реформ военно-судебного и военно-уголовного характера проводились в особой комиссии под сильным влиянием начальника главного военно-судного управления, генерала Апушкина.
** В мирное время 8.

демократизации судов», приостановить разбор дел... Таким образом, около 1 1/2 месяца военные суды не действовали вовсе.

Будучи убежденным сторонником института присяжных для общего гражданского суда и общегражданских преступлений, я считаю его совершенно недопустимым в области целого ряда чисто воинских преступлений, и в особенности в области нарушения военной дисциплины. Война — явление слишком суровое, слишком беспощадное, чтобы можно было регулировать его мерами столь гуманными. Психология «подчиненного» резко расходится в этом отношении с психологией начальника, редко подымаясь до ясного понимания государственной необходимости. Как мог состав присяжных, вышедших из той же среды, что и комитеты, не разделить их шаткого и переменчивого мышления в области политики и в особенности военной дисциплины? Если организованная и крепкая армия может управляться только единой волей вождя, а не желанием «большинства», олицетворяемого выборными коллективными органами, то и жизнь и воля ее должна регулироваться твердым ясным законом, не подверженным воздействию психологических и политических колебаний момента. Верховная власть может прекратить войну, изменить закон, изгнать вождей и распустить войска. Но пока существует армия и ведется война, закон и начальник должны обладать всей силой пресечения и принуждения, направляющей массу к осуществлению целей войны.

«Демократизация» военного суда могла бы иметь некоторое оправдание разве только в том, что, подорвав доверие к офицерству вообще, надо было создать и судебные органы смешанного, выборного состава, то есть теоретически заслуживающего доверия революционной демократии.

Но и эта цель достигнута не была. Ибо военный суд — один из устоев порядка в армии — попал всецело во власть толпы. Органы сыска были разгромлены революционной демократией. Следственное производство встречало непреодолимые препятствия со стороны вооруженных людей, а иногда и войсковых революционных учреждений. Вооруженная толпа, заключавшая в себе зачастую много преступных элементов, всей своей необузданной, темной силой давила на судейскую совесть, предрешая судебные приговоры. Разгромы корпусных судов, спасение бегством присяжных заседателей, позволивших себе вынести неугодный толпе приговор, или расправа с ними — явления заурядные. В Киеве слушалось дело известного большевика штабс-капитана гвардейского гренадерского полка Дзевалтовского *, обвинявшегося, совместно с 78 сообщниками, в отказе принять участие в наступлении и в увлечении своего полка и других частей в тыл. Процесс происходил при следующей обстановке: в самом зале заседания присутствовала толпа вооруженных солдат, выражавшая громкими криками свое одобрение подсудимым; Дзевалтовский по дороге из гауптвахты в суд заходил вместе с конвоирами в местный Совет солдатских и рабочих депутатов, где ему устроена была овация; наконец, во время совещания присяжных перед зданием суда выстроились вооруженные запасные батальоны с оркестром музыки и пением «Интернационала». Дзевалтовский и все его соучастники были, конечно, оправданы.

Таким образом, военный суд мало-помалу был упразднен. Было бы ошибочно, однако, приписывать новое направление в области юридического творчества исключительно давлению советов. Оно находило оправдание и в образе мыслей Керенского, который говорил: «Я думаю, что насилием и механическим принуждением в настоящих условиях войны, где действуют огромные массы, добиться ничего невозможно. Временное правительство за три месяца работы убедилось в необходимости

* В 1921 г. советский посол в Китае.

обращения к разуму, совести и долгу граждан и в том, что этим можно достигнуть желательных результатов» *.

В самом начале революции, указом 12 марта, Временное правительство отменило смертную казнь. Либеральная печать встретила этот акт рядом патетических статей, выражавших мысли весьма гуманные, но лишенные понимания обстановки, в которой живет армия, и всякого предвидения. Русский аболиционист, управляющий делами Временного правительства Набоков[5] писал по этому поводу: «Отрадное событие — признак истинного великодушия и проницательной мудрости... Смертная казнь отменена безусловно и навсегда... Наверно, ни в одной стране нравственный протест против этого худшего вида убийства не достигал такой потрясающей силы, как у нас... Россия присоединилась к государствам, не знающим более стыда и позора судебных убийств» **.

Интересно, что министерство юстиции представило все же на утверждение власти два проекта, причем в одном из них смертная казнь оставлялась как кара за тягчайшие воинские преступления (шпионство и измена); однако военно-судебное ведомство, возглавлявшееся генералом Апушкиным, категорически высказалось за полную отмену смертной казни.

Но настали июльские дни. Россию, привыкшую уже к анархическим вспышкам, все же поразил тот ужас, который повис на полях битвы в Галиции, у Калуша и Тарнополя. Как хлыстом ударили по «революционной совести» телеграммы правительственных комиссаров Савинкова и Филоненко, а также и генерала Корнилова, потребовавших немедленного восстановления смертной казни. «Армия обезумевших темных людей,— писал Корнилов 11 июля,— не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования... Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в насилиях, грабежах и убийствах... Смертная казнь спасет многие невинные жертвы ценой гибели немногих изменников, предателей и трусов».

12 июля правительством восстановлена смертная казнь и военно-революционные суды, заменившие собою прежние военно-полевые. Разница заключалась в том, что состав новых судов — выборный (3 офицера и 3 солдата) из списка присяжных или из состава войсковых комитетов. Впрочем, вызванная давлением на правительство командования, комиссаров, комитетов мера эта (восстановление смертной казни) заранее была обречена на неудачу: Керенский впоследствии на «Демократическом совещании» оправдывался перед демократией: «Подождите, чтобы хоть один смертный приговор был подписан мною, и тогда я позволю вам проклинать меня»... С другой стороны, состав судов и приведенные выше условия их деятельности также не могли способствовать проведению ее в жизнь: почти не находилось ни судей, способных вынести смертный приговор, ни комиссаров, желающих утвердить его. По крайней мере на моих фронтах подобных случаев не было. Наряду с этим через два месяца деятельности военно-революционных судов в военно-судном управлении накопилась богатая литература, как от военных начальников, так и от комиссаров, установивших «вопиющие нарушения норм судопроизводства, неопытность и невежество судей» ***...

К числу карательных мер, проводившихся в порядке верховного уп-

* Речь 20 мая в Ставке.
** «Речь» от 18 марта 1917 года.
*** Комиссариат Юго-западного фронта.

равления или командования, относится расформирование мятежных полков. Недостаточно продуманная мера эта вызвала совершенно неожиданные последствия: провокацию мятежа именно с целью расформирования. Ибо моральные элементы — честь, достоинство полка — давно уже обратились в смешные предрассудки. А реальные выгоды расформирования для солдат были несомненны: полк уводился надолго из боевой линии, месяцами расформировывался, состав его много времени развозился по новым частям, которые таким путем засорялись элементом бродящим и преступным. Всей тяжестью своей это мероприятие, в котором наряду с военным министерством и комиссарами виновна и Ставка, в конце концов ложилось опять-таки на неповинный офицерский состав, терявший свой полк — семью, свои должности и приуждаемый скитаться по новым местам или переходить на бедственное положение резерва.

Кроме полученного таким путем отрицательного элемента, войсковые части пополнялись и непосредственно обитателями уголовных тюрем и каторги в силу широкой амнистии, данной правительством преступникам, которые должны были искупить свой грех в рядах действующей армии. Эта мера, против которой я безнадежно боролся, дала нам и отдельный полк арестантов — подарок Москвы, и прочные анархистские кадры в запасные батальоны. Наивная и неискренняя аргументация законодателя, что преступления были совершены в силу условий царского режима и что свободная страна сделает бывших преступников самоотверженными бойцами, не оправдалась. В тех гарнизонах, где почему-либо более густо сконцентрировались амнистированные уголовные, они стали грозой населения, еще не видав фронта. Так, в июне в томских войсковых частях шла широкая пропаганда массового грабежа и уничтожения всех властей; из солдат составлялись огромные шайки вооруженных грабителей, которые наводили ужас на население. Комиссар, начальник гарнизона совместно со всеми местными революционными организациями предприняли поход против грабителей и после боя изъяли из состава гарнизона ни более ни менее, как 2300 амнистированных уголовных.

Преобразования должны были коснуться всего высшего управления армией и флотом, но поливановская и савичевская комиссии провести их не успели, будучи распущены Керенским, сознавшим, наконец, весь вред, ими принесенный. Комиссии успели лишь подготовить демократизацию высших учреждений Военного и Морского Советов путем введения в них выборных солдат. Это обстоятельство имеет тем более курьезный характер, что по мысли законодателя эти Советы должны были состоять из людей, богатых знанием и опытом и способных разрешать вопросы организации, службы, быта, военно-морского законодательства и финансовых смет вооруженных сил России. Такое влечение некультурной части демократии к чуждым ей сферам деятельности имело и дальнейшее широкое развитие. Так, например, многими военными училищами правили до известной степени комитеты из училищной прислуги, в большинстве даже неграмотной, а в дни большевизма в состав советов в университетах входили не только профессора и студенты, но и сторожа.

Я не буду останавливаться на мелких работах комиссии по реорганизации армии и изменению уставов и перейду к наиболее крупным из них — комитетам и «декларации прав солдата».

Глава XX. *«Демократизация армии»: комитеты*

Важнейшим фактором демократизации явились выборные коллегиальные учреждения, начиная от военной секции Совета р. и с. д. и кончая комитетами и советами разного наименования в воинских частях и управлениях армии, флота и тыла; учреждения войсковые смешанного типа (офицерско-солдатские), чисто солдатские и солдатско-рабочие.

Комитеты и советы возникали везде как одна из общеизвестных форм революционной организации, выработанная до революции и санкционированная в начале ее приказом № 1. В Петрограде выборы от войск в совет рабочих депутатов назначены были 27 февраля, а первые войсковые комитеты появились, в силу известного приказа № 1, 1-го марта; в Москве избрание солдат в местный совет р. д. произошло в первые же дни революции и 3 марта было подтверждено приказом «заурядкомандовавшего»[6] войсками округа, подполковника Грузинова. К апрелю и в армии, и в тылу почти повсюду действовали уже самочинные комитеты и советы разного направления, состава и круга деятельности, вносившие невероятный сумбур в стройную систему военной иерархии и организации.

В первый месяц революции правительство и военная власть не принимали никаких мер ни к ликвидации, ни к введению в известные рамки этого опасного явления. Недооценивая вначале его возможные последствия, рассчитывая на сдерживающее влияние в новых организациях офицерского элемента, пользуясь иногда комитетами для сглаживания острых вспышек в солдатской среде, как пользуется врач малыми дозами яда, вводимыми в больной человеческий организм, правительство и командование отнеслись к возникновению этих военных организаций с колебанием, нерешительностью, но вместе с тем и с полупризнанием. Гучков в Яссах (9 апреля) говорил военным делегатам: «Скоро состоится съезд делегатов от всех организаций армии, тогда будет выработан и общий нормальный устав. Пока же организуйтесь, как умеете, пользуйтесь существующими организациями и работайте над общим единением».

В Минске на торжественном открытии съезда военных и рабочих депутатов Западного фронта, 7 апреля, присутствовали и выступали с речами как представитель Исполнительного комитета Государственной Думы Родзянко, так и председатель Совета р. и с. д. Чхеидзе, и главнокомандующий Западным фронтом генерал Гурко... Что касается Совета рабочих и солдатских депутатов, то он в самой категорической форме требовал введения в армии солдатских организаций, считая их главным основанием демократизации.

К апрелю положение настолько запуталось, что власть не могла долее отстранять от себя решение вопроса о комитетах. В конце марта в Ставке состоялось совещание, в котором приняли участие Верховный главнокомандующий, министр Гучков, его помощники и чины штаба. Участвовал и я как будущий начальник штаба Верховного главнокомандующего. Совещанию предложен был готовый проект закона, привезенный из Севастополя полковником генерального штаба Верховским *, составленный на основании положения, уже действовавшего в Черноморском флоте. Диспут свелся к борьбе двух крайних мнений, представленных мною и Верховским.

Верховский тогда уже начал свою демагогическую деятельность, на первых порах снискавшую ему расположение в солдатско-матросской среде. За ним был опыт, хотя и кратковременный, организации этой среды, доказательность приведением множества бытовых примеров — не знаю из жизни или из области фантазии,— эластичность убеждений и импонирующее красноречие. Он идеализировал комитеты, доказывал их большую пользу и необходимость, даже государственность, как начала, регулирующего бесформенное стихийное солдатское движение, горячо отстаивал расширение круга ведения и прав комитетов.

* Будущий военный министр.

Я **указал, что введение** комитетов — мера, которую не в состоянии будет переварить армейский организм, что оно равносильно разрушению армии. И если власть не в силах побороть это явление, то необходимо ослабить его опасные последствия. Средствами для этого я считал ограничение деятельности комитетов хозяйственными функциями, усиление в составе их офицерского элемента и приостановку развития организации вверх, чтобы не создавать объединения и возглавления ее в крупных войсковых соединениях, какими являлись дивизии, армии и фронты. К сожалению, мне удалось отстоять свои положения лишь в самой незначительной степени, и 30 марта вышел приказ Верховного главнокомандующего № 51 «о переходе к новым формам жизни», призывавший «офицеров, солдат и матросов к дружной от сердца совместной работе в деле водворения в войсковых частях строгого порядка и прочной дисциплины».

Общие начала «положения» заключались в следующем: 1) Основные задачи всей организации: а) усиление боевой мощи армии и флота, дабы довести войну до победного конца; б) выработка новых форм жизни воина-гражданина свободной России; в) содействие просвещению среди армии и флота. 2) Форма организации: постоянные органы — комитеты ротные, полковые, дивизионные и армейские; временные органы — съезды корпусные, фронтовые и центральный при Ставке; последний выделяет постоянный совет *; 3) Съезды созываются соответственными начальниками или же по инициативе армейских комитетов. Все постановления съездов и комитетов прежде опубликования утверждаются соответственными начальниками. 4) Круг ведения комитетов ограничивался вопросами поддержания порядка и боеспособности (дисциплина, борьба с дезертирством и т. д.), внутреннего быта (увольнения в отпуск, взаимоотношения и т. д.), хозяйственными (контроль над довольствием и снабжением) и просветительными. 5) Вопросы боевой подготовки и обучения части безусловно никакому обсуждению не подлежат. 6) Состав комитетов определялся пропорцией выборных представителей — один офицер на двух солдат.

Для характеристики падения дисциплины на верхах я должен упомянуть о распоряжении генерала Брусилова, отданном тотчас по получении «положения», очевидно, под влиянием войсковых организаций: из ротных комитетов этим распоряжением офицеры исключались вовсе, а в высших комитетах пропорция офицеров уменьшалась до 1/3 и даже 1/6...

Но прошло всего лишь две недели, и военное министерство, не считаясь со Ставкой, опубликовало свое, новое положение, составленное в знаменитой Поливановской комиссии при участии представителей Совета рабочих и солдатских депутатов **. Это новое «положение» вводило существенные поправки: офицерский состав комитетов уменьшен; дивизионные комитеты изъяты ***, в число задач комитетов вошло «принятие законных мер против злоупотреблений и превышений власти должностных лиц своей части»; если ротному комитету воспрещалось «касаться боевой подготовки и боевых сторон деятельности части», то такой оговорки относительно полковых комитетов уже не было; при этом командир полка мог обжаловать, но не имел права приостановить постановление комитета; наконец, на комитеты возлагалась обязанность входить в сношения с политическими партиями, без всякого ограничения, о посылке в части депутатов, ораторов и литературы для разъяснения программ перед выборами в Учредительное Собрание.

---

* Таким образом, приказ в смысле возглавления организации пошел даже далее требований, шедших тогда снизу.

** Председатель секции — генерал Апушкин.

*** Фактически сохранились и дивизионные и корпусные.

Этот акт, санкционировавший превращение армии во время тяжкой войны в арену для политической борьбы и лишавший начальника права быть хозяином своей части, явился одним из главных этапов по пути разрушения армии. Интересно сопоставить взгляд по этому вопросу в армии анархиста Махно, выраженный в приказе одного из его «командующих войсками» Володина, от 10 ноября 1919 года: «Ввиду того, что всякая партийная агитация в данный боевой момент вносит сильную разруху в чисто боевую работу повстанческой армии, категорически объявляю всему населению, что всякая партийная агитация до окончательной победы над белыми, мною совершенно воспрещена»...

Через несколько дней, ввиду протеста Ставки, военное министерство приказало немедленно «приостановить введение в жизнь приказа в части, касающейся комитетов. Там, где таковые уже организованы, можно их оставить, чтобы не вносить путаницы и дезорганизации». Министерство признало необходимым переработать главу о комитетах на основаниях приказа Верховного главнокомандующего, «более отвечающего нуждам войск»...

Таким образом, армия к середине апреля имела многочисленные системы войсковой организации: свои нелегальные, созданные до апреля, установленную Ставкой и вводимую министерством *. Эти противоречия, перемены, перевыборы могли бы поставить части в большое затруднение, если бы комитеты сами не упростили вопроса: они отбросили все сдерживающие и регулирующие рамки и начали действовать по своему усмотрению.

Наконец, во всех населенных пунктах, где только квартировали войска или военные учреждения, образовались местные солдатские советы или Советы солдатских и рабочих депутатов, не подчинявшиеся никаким нормам и сделавшие своей главной специальностью укрытие дезертиров и беззастенчивую эксплуатацию городских и земских управлений и населения. С ними власть не боролась вовсе, их не трогали, и только в конце августа военное министерство, выведенное из терпения бесчинствами этих «тыловых учреждений», сообщило печати, что оно «предполагает заняться разработкой особого положения о них».

Кто же входил в состав комитетов? Настоящего боевого элемента, живущего интересами армии, понимающего условия ее быта, проникнутого военными традициями, в них было очень мало. Доблесть, мужество, преданность долгу — все эти невесомые ценности не имели спроса на арене митингового строительства новой жизни. Солдатская масса, к великому сожалению, невежественная, неграмотная, уже развращенная, не доверявшая своим начальникам, выбирала своими представителями по преимуществу людей, импонировавших ей хорошо связанной речью, внешней политической полировкой, вынесенной из откровений партийной литературы; но больше всего — беззастенчивым угождением ее инстинктам. Как мог состязаться с ними настоящий воин, призывавший к исполнению долга, повиновению и к борьбе за Родину, не щадя жизни? Хорошие офицеры, если и выбирались в низшие комитеты, то редко проходили в высшие, растворяясь в чуждой им среде и постепенно отсеиваясь. У них не было ни доверия среди солдат, ни желания работать в комитетах, ни, может быть, достаточного политического образования. В высших комитетах скорее можно было найти хорошего и государст-

---

* Вот перечень общих армейских организаций при штабе одной из армий Северного фронта, не считая множества местных в каждой отдельной части, управлении и команде: Армейский комитет (основной). Отдел офицерского союза. Исполнительные комитеты военных врачей, ветеринарных врачей, сестер милосердия, военно-медицинских фельдшеров, военно-ветеринарных фельдш.; солдат: литовцев, поляков, украинцев, мусульман, эстонцев, грузин; военных чиновников; чинов интендантства; чинов автотехнической службы; зауряд-военных чиновников; чинов радиотелеграфа; нестроевых чинов армии; призванных 4-ой категории. Общество офицеров генерального штаба армии.

венно мыслящего солдата, чем офицера, ибо человек в солдатском мундире мог говорить толпе то, что она не позволила бы сказать офицеру.

Русская армия стала управляться комитетами, составленными из элементов, чуждых ей, большею частью случайно попавших в ее ряды, представлявших скорее межпартийные социалистические, нежели военные, органы.

Казалось в высокой степени странным и обидным для армии то обстоятельство, что во главе фронтовых съездов, представлявших несколько миллионов бойцов, множество отличных частей со старой и славной историей, имевших в рядах своих офицеров и солдат, которыми могла бы гордиться всякая армия в мире, что во главе этих съездов были поставлены такие чуждые ей люди: Западного фронта — штатский, еврей, с.-д. большевик Познер; Кавказского — штатский, с.-д. меньшевик, грузинский шовинист Гегечкори; Румынского — соц.-рев., врач, грузин Лордкипанидзе.

Весьма любопытна оценка из другого мира, данная составу тогдашних военных организаций Бронштейном (Троцким): «Армия должна была послать своих представителей в революционные организации ранее, чем ее политическое самосознание могло подняться хоть в слабой степени до уровня революционных событий... Следовательно, кого же солдаты могли выбрать депутатами? Конечно, тех из своей среды, которые представляли в ней интеллигенцию и полуинтеллигенцию, т. е. тех, которые обладали хотя бы самым малым политическим образованием и которые могли его использовать. Таким образом, внезапно интеллигенты из мелкой буржуазии достигли волею армии небывалых высот. Врачи, инженеры, адвокаты, вольноопределяющиеся, которые перед войной вели самый обыкновенный образ жизни и никогда не претендовали ни на какую высокую роль, очутились вдруг представителями армейских корпусов и даже целых армий. И они сразу почувствовали себя «вожаками» революции. Их политическая идеология соответствовала как нельзя лучше колебаниям и недостаточной сознательности в революционных массах... В то же время эта мелкая демократическая буржуазия в своей гордости революционных «parvenus» (выскочек.— *Ред.*) испытывала глубочайшее недоверие и к своим собственным силам и в отношении массы, которая все же изумительно выросла. Несмотря на то что эти интеллигенты называли себя социалистами и считались таковыми, они относились к политическому всемогуществу крупной буржуазии, к ее занятиям и методам с плохо скрываемым почтением» *.

* * *

Чем же занимались эти войсковые организации, которые должны были перестроить на новых началах «самую свободную армию в мире»? ** Я приведу перечень вопросов ***, подвергавшихся обсуждению, с большими или меньшими вариантами, на фронтовых съездах, давших затем соответственное направление фронтовым и низшим комитетам. 1) Об отношении к правительству, Совету рабочих и солдатских депутатов и Учредительному Собранию. 2) Об отношении к войне и миру. 3) О демократической республике, как желательной форме государственного устройства. 4) Аграрный вопрос. 5) Рабочий вопрос.

Внесение всех этих жгучих политических и социальных проблем, разрешаемых радикально, часто демагогически, возбуждавших партийную, классовую и корпоративную борьбу и вражду, в поколебленную и без того армию, стоявшую лицом к лицу с сильным и жестоким противником, не могло пройти без потрясения. Но и в вопросах военной службы и быта на первом же съезде (Минском), пользовавшемся исключительным вниманием военной и гражданской власти, прозвучали нотки, заставившие нас сильно призадуматься: звание «офицера» упразднить, единоличную дисциплинарную власть упразднить, предоставить комитетам право устранения плохо аттестуемых ими начальников и т. д. ...С первых же дней своего существования комитеты повели борьбу за расширение своих прав в широком диапазоне от «права участия в управлении армией» до формулы «вся власть советам» (комитеты — как полномочные органы совета).

Впрочем, первое время отношение войсковых комитетов к Временному правительству было вполне лояльным, и чем ниже комитет, тем отношение лучше. Целый ряд постановлений о беспрекословном подчинении Временному правительству, ряд приветствий, делегаций, высланных войсками, которых беспокоили слухи о двоевластии и противодействии правительству со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов,— все это заполняет весенние столбцы петроградских газет. Позднее, вследствие агитационной работы приобретавшего все большее значение Совета, это настроение переживало различные фазисы, получив наиболее яркую директиву в приведенной мною ранее резолюции Съезда делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов в начале апреля: «Совещание призывает революционную демократию России, организуясь и сплачивая свои силы вокруг Советов, быть готовой дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии или уклониться от выполнения принятых на себя обязательств».

Если высшие комитеты увлекались более политической деятельностью и углублением в армии «революционных начал», то низшие постепенно начали овладевать вопросами службы, быта и жизни войсковых частей, устраняя, ослабляя и дискредитируя власть командного состава. Понемногу установилось фактическое право смещения и выбора начальников, ибо положение начальника, которому «выразили недоверие», становилось нетерпимым. Таким путем, например, на Западном фронте, войсками которого я командовал, к июлю месяцу ушло до 60 старших начальников, от командира корпуса до полкового командира включительно.

Но наиболее страшным явилось стремление комитетов, по своей инициативе и под давлением войск, вторгаться и в чисто боевые тактические распоряжения начальников, затрудняя донельзя или ставя иногда в положительную невозможность ведение операций. Связанный, спутанный, обезличенный, лишенный власти и поэтому безответственный начальник не мог уже вести с уверенностью войска на поле победы и смерти...

Но так как власти не стало, начальникам поневоле приходилось обращаться за содействием к комитетам, которые действительно иногда влияли умиротворяюще на разбушевавшихся солдат, вели борьбу с дезертирством, улаживали обостренные отношения между офицерами и солдатами, призывали к исполнению приказов и вообще поддерживали, внешне по крайней мере, подпорки здания, начинавшего давать сильные трещины. Эта положительная сторона деятельности некоторых комитетов до сих пор еще вводит в заблуждение их апологетов, в том числе Керенского. Я не могу спорить с людьми, думающими, что можно возвести здание, один день ставя сруб, а на другой — растаскивая бревна.

Как на положительную сторону деятельности комитетов указывают и на личное участие их членов в наступлении, ознаменованное гибелью некоторых из них... Нет ничего удивительного, что некоторые члены комитетов исполнили честно свой долг, но в результате и на Юго-западном

* Троцкий. L'avénement du bolchevisme. 1919 г.
** Определение Керенского.
*** Кроме вопросов, подлежавших действительно их компетенции.

фронте, где комитеты пользовались исключительным вниманием главного командования (Брусилов, Гутор), и у меня, на Западном фронте, все они сознались в полном своем бессилии не только двинуть войска вперед, но и «остановить их безумное, паническое бегство». Это обстоятельство станет еще более понятным, когда мы увидим ниже, кто входил в состав комитетов.

Так шла видимая и невидимая работа войсковых организаций, чередуясь между патриотическими призывами и интернациональными лозунгами, между помощью командирам и их низвержением, между выражением доверия или недоверия Временному правительству и ультимативным требованием новых сапог и суточных денег членам комитета... Бытописатель русской армии, изучив некогда это явление, придет в изумление от того непонимания законов существования вооруженной силы, которое обнаружено много раз комитетской деятельностью и литературой.

Особенно демагогически настроены были тыловые и флотские комитеты. Балтийский флот пребывал все время в состоянии, близком к анархии, Черноморский был значительно лучше и держался прочно до июня. Трудно даже учесть огромный вред, принесенный разбросанными по всей стране тыловыми комитетами и советами, среди которых надменность соперничала с поразительным невежеством. Я ограничусь приведением лишь нескольких примеров, характеризующих эту деятельность в разных ее проявлениях.

Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии в середине мая выпустил декларацию, в которой, не удовлетворяясь данной Финляндии Временным правительством автономией, заявляет о необходимости предоставления ей полной свободы и о том, что «со своей стороны будет поддерживать всеми доступными мерами все шаги революционных организаций, направленные к скорейшему достижению и разрешению этого вопроса».

Центральный комитет Балтийского флота совместно с вышеназванным комитетом в тревожные дни выступления большевиков в Петрограде (начало июля) объявил: «Вся власть Всероссийскому Совету р. и с. депутатов! Сплотимся вокруг революционной борьбы нашей трудовой демократии за власть!» — и не выпустил в Петроград кораблей, вызванных Временным правительством для подавления мятежа.

Комитет Минского военного округа незадолго до наступления уволил на полевые работы всех солдат запасных батальонов в свои губернии. Я велел предать суду состав комитета, но вряд ли это распоряжение имело какие-либо последствия, так как военное министерство, невзирая на мои предложения, не установило законной ответственности членов комитета — коллегиального учреждения, выносящего свои решения по большинству голосов, иногда тайным голосованием.

Наконец, приведу один курьезный бытовой эпизод: комитет одного из конских депо на моем фронте постановил поить лошадей только один раз в сутки, благодаря чему большая часть лошадей пала.

Было бы несправедливостью отрицать существование и положительных примеров в деятельности и постановлениях «тыловых организаций», но эти примеры тону~ бесследно и безрезультатно в общей анархической волне, поднятой и их руками.

Несомненно, наиболее важным вопросом с военной точки зрения являлось отношение комитетов к войне и, в частности, к готовившемуся наступлению. В главе XI-й я очертил те внутренние противоречия, которые резко проявлялись как в сознании членов Совета и Съездов, так и в тех двойственных, неискренних директивах, которые были даны ими армейским организациям и сводились к приятию войны, наступления, но без победы.

Это положение и было в общем усвоено и проводимо в жизнь высшими комитетами, за исключением, впрочем, комитета Западного фронта, который в июне вынес резолюцию большевистского характера, сводившуюся к следующему: война порождена захватной политикой правительства; поэтому единственным средством прекращения войны является борьба объединившейся демократии всех стран против своих правительств; окончание же войны путем решительной победы одних держав над другими послужит лишь к укреплению военщины во вред демократии. Пока на фронте было затишье, войска сравнительно спокойно относились ко всем этим словопрениям и резолюциям высших организаций. Но когда настало время готовиться к переходу в наступление, во многих людях заговорили шкурные побуждения, и готовые формулы пораженческих идей пришлись как нельзя более кстати. Наряду с комитетами, продолжавшими выносить патриотические резолюции, некоторые войсковые организации, отражая мнение частей или проводя свое собственное, резко пошли против идеи наступления. Целые полки, дивизии, даже корпуса на активных фронтах, и особенно на Северном и Западном, отказывались от производства подготовительных работ, от выдвижения в первую линию. Накануне наступления приходилось назначать крупные военные экспедиции для вооруженного усмирения частей, предательски забывших свой долг.

* * *

Я хочу дать совершенно объективную картину деятельности одной из крупных организаций — «Армейского комитета XI армии», основываясь исключительно на данных, извлеченных из комитетского отчета. Проследить день за днем (21—30 мая) работу комитета весьма интересно по двум причинам: во-первых, в состав его входили столь прославленные впоследствии большевики Крыленко и Дзевалтовский, во-вторых, работа эта предшествовала наступлению XI армии, имевшей важную активную задачу в июньской операции.

Председатель комитета — сначала прапорщик Крыленко, с.-д., большевик, потом солдат Пипик, с.-д., меньшевик-интернационалист. Комитет делится на фракции: большевиков, соц.-рев., меньшевиков-оборонцев, меньшевиков-интернационалистов и беспартийных; резолюции выносятся по фракциям, причем четыре последние образуют обычно блок. Такой порядок вызывает протест одного из членов: «Если армейский комитет должен представлять голос армии, выражать ее желания, то к чему партийные разделения».

Докладчиками по военно-политическим вопросам являются обыкновенно: прапорщик Крыленко — большевик. Поручик Дзевалтовский — большевик. Поручик Холодный — меньшевик. Солдат Пипик — меньшевик-интернационалист. Прапорщик Носарь — соц.-рев. Вольноопред. Гандлер — соц.-рев. Вольноопред. Шадхан — внепар. Шт.-ротм. Протопопов — внепар.

23 мая постановлено послать 8 представителей на Всерос. съезд Советов р. и с. депут., созываемый в Петрограде на 1-е июня, причем для выбора принято пропорциональное представительство обеих точек зрения (блок и большевики) и выбранным делегатам будет поручено совершить массовый объезд частей для определения взглядов войск.

24 мая комитет принимает резолюцию, которая выражает одобрение вступлению социалистов в правительство «на платформе активной политики, направленной к скорейшему заключению всеобщего мира на демократических началах», и обещает всемерную поддержку Врем. правительству. Резолюция большевиков, призывающая к борьбе с правительством, отвергнута. За первую подано 90 голосов, за вторую 32.

26 мая, на основаниях, принятых 23-го, происходят выборы восьми

делегатов на съезд, причем за список блока подано 85 голосов, за список большевиков 42 и воздержалось 10. Поэтому командируется 5 лиц из состава блока и 3 большевика. Один из членов протестует, указывая на неправильность такого представительства армии: «Я не поверю, что у нас 3/8 армии — большевики». Получив «мандат», прап. Крыленко немедленно слагает с себя звание председателя и едет в войска, широко распространяя от имени армейского комитета свое большевистское воззвание «Зачем я поеду в Петроград». (Затем едет туда фактически, принимает деятельное участие в июльском мятеже и подвергается аресту военными властями; но правительство Керенского освобождает его «за недостатком улик».)

В тот же день комитет выносит резолюцию о войне и мире, близкую к июньской резолюции Всероссийского съезда, призывая армию «к усилению боевой мощи, так как только войска, готовые в каждый данный момент исполнить приказ о переходе в наступление, являются подлинной военной силой, могущей защитить русскую свободу». За такое условное наступление высказалось 85 голосов, против наступления 31 и воздержавшихся 10. Любопытна психологии воздержавшихся комитетских офицеров (полков. Дукшинский и кап. Базаревич): «Ввиду серьезности вопроса, сопряженного с решением участи жизни многих тысяч людей, мы, как представители тылового учреждения, нравственно не считаем себя вправе голосовать»...

27 мая предоставлено право участия в комитете представителям самочинных польской и мусульманской военных организаций армии. Разработаны весьма крутые меры для борьбы с дезертирством. На тревожный вопрос прибывшего на заседание вр. командующего армией «есть ли у вас самих единение», тов. предс. отвечает: «У нас имеется свое меньшинство, которое, по заявлению его представителя, отказывается от всяких анархических действий и, пока оно в меньшинстве, будет подчиняться большинству, оставляя за собой право свободной критики».

28 мая доклад хозяйственной комиссии, характер деятельности которой был контролирующий и организационно-осведомительный. Указывалось на большую работу, произведенную на местах 40 делегатами. Характерно сожаление докладчика, что «отношение к хозяйственным вопросам армии крайне несерьезное; вопросы эти отодвигаются на задний план на всех собраниях»... Прочтен доклад конфликтно-юридической комиссии: за месяц комиссия разрешила 43 конфликта, возникших в армии, причем «почти все постановления комиссии утверждались командармом (генерал Гутор) без изменения». Доклад о деятельности культурно-просветительной комиссии признает, что сделано пока немного; мало средств; члены агитационной секции все заняты на конфликтах; «есть лекторы-кадеты, но от них отказались».

29 мая комитет постановляет устроить митинг протеста против смертного приговора, вынесенного за политическое убийство австрийским судом Фридриху Адлеру.

30 мая комитет разъезжается. 85 человек социалистического блока, 42 большевика и 10 «воздержавшихся»... от исполнения своего долга едут в армию, чтобы поднять дух русских войск перед наступлением и подвинуть их на смертный бой за Родину. Бедная армия и бедная Родина! XI-я армия, как увидим впоследствии, в начале июля подала пример панического бегства и всех последующих явлений, которые генерал Корнилов называл «безумием, бесчестием и предательством».

* * *

Я уже говорил в главе XVIII-й об отношениях многих старших начальников-оппортунистов к комитетам. Синтез этих отношений наиболее рельефно выражен в обращении временно командовавшего армией генерала Федотова к армейскому комитету: «Наша армия получила в настоящее время небывалое еще нигде устройство... В ней огромную роль играют выборные организации. Мы, прежние вожди ее, теперь можем дать армии только наши военные знания: стратегии и тактики. Организовать же армию, создавать ее внутреннюю силу призваны вы — комитеты. Роль комитетов, роль ваша в деле созидания новой, сильной армии велика. История в будущем отметит это!»...

Главнокомандующий Кавказским фронтом еще до узаконения военных организаций отдал распоряжение, чтобы постановления самозванного тифлисского Совета солдатских депутатов печатались в приказах армии, а распоряжения, касающиеся устройства и быта армии, проходили бы через совет солдатских депутатов.

Неудивительно, что подобное отношение известной части командного состава давало почву, оправдание и обоснование все более растущим комитетским вожделениям.

В книге Керенского я нашел поразившее меня мнение о комитетах, приписываемое генералу Корнилову (в докладной записке, якобы поданной им Временному правительству): «Должно казаться странным и удивительным, насколько эти молодые выборные учреждения мало уклонились от правильного пути и насколько часто они оказывались на высоте положения, кровью запечатлевая свою доблестную воинскую деятельность... Комитеты обеспечивают своим существованием, символизирующим в глазах массы бытие революции, спокойное отношение к тем мероприятиям, которые необходимы для спасения армии и страны на фронте и в тылу».

Быть может, приведенное мнение изложено в докладной записке, составленной военным министерством, мотивировкой которой Корнилов вовсе не интересовался, соглашаясь лишь с некоторыми ее выводами и намеченными мероприятиями? Генерал Корнилов, солдат до мозга костей, относился с глубочайшим осуждением к разрушавшим армию комитетам — я утверждаю это категорически, хорошо зная и Корнилова и его взгляды. Наконец, Савинков, бывший управляющий военным министерством, удостоверяет: «Полагая, что и комиссары и комитеты в будущем должны быть упразднены, я, боясь осложнений, не считал, однако, возможным упразднить их немедленно. Генерал же Корнилов, по-видимому, был склонен к безотлагательному упразднению комитетов и к сокращению прав комиссаров. В этом смысле он и высказался на совещании, созванном Филоненкой» (Совещание представителей комиссаров и комитетов 22 августа 1917 г.) *.

Керенский, приводя изданный в марте 1918 года большевиками закон о сохранении за комитетами только хозяйственных функций и лишении их права вмешиваться в оперативно-строевую часть, иронически добавляет: «Так через кошмарный опыт крыленковского безумия жалкие остатки армии возвращаются к контрреволюционному строю корниловца Керенского!» **. Сопоставление этих двух имен производит тяжелое впечатление. По существу же вывод этот несколько преждевременный: в марте это были действительно «жалкие остатки», изъеденные керенщиной; но после жестоких поражений, понесенных большевиками зимою 1918—1919 годов, они прозрели окончательно и упразднили вовсе комитеты. Большевистский официоз «Известия» жестоко критиковал и издевался над этим институтом.

Я лично и на Западном, и на Юго-западном фронтах поставил вопрос прямо: отказался от всякого взаимодействия с комитетами и пре-

---

* Савинков. К делу Корнилова.

** Керенский. Дело Корнилова.

секал, когда было возможно, те проявления их деятельности, которые шли вразрез с интересами армии.

В конечном итоге попрание власти избавляло командный состав и от ответственности. Начальник без власти и без ответственности не мог вести войска к победе. «Теоретически становилось все яснее,— говорил один из виднейших комиссаров, бывший член Исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов Станкевич,— что нужно или уничтожить армию, или уничтожить комитеты. Но практически нельзя было сделать ни того, ни другого. Комитеты были ярким выражением неизлечимой социологической болезни армии, признаком ее верного умирания, ее параличом. Но было ли задачей военного министерства ускорить смерть решительной и безнадежной операцией?»...

Великая некогда русская армия первого периода революции представляется мне в следующем виде. Родины не стало. Вождя распяли. На его место перед фронтом вышла коллегия из пяти оборонцев и трех большевиков и обратилась с призывом к армии: «Вперед на бой за свободу и революцию, но... без окончательного разгрома противника!» — говорили одни. «Долой войну, вся власть пролетариату!» — кричали другие. Армия слушала, слушала, потопталась на месте и... разошлась.

Глава XXI. *«Демократизация армии»: комиссары*

Следующая мера демократизации армии — введение института комиссаров. Заимствованная из истории французских революционных войн, эта идея подымалась в разное время, в различных кругах, имея своим главным обоснованием недоверие к командному составу. Интересно, что даже такой прямолинейный поборник здравых начал существования армии, каким был генерал Марков, еще в начале апреля, видя и страдая от ничем не оправдываемого недоверия, которое вдруг проявила солдатская среда к офицерству, послал в министерство проект введения в каждую армию комиссара — представителя военного министра, который мог бы видеть и свидетельствовать полную лояльность командного состава.

Председатель совета министров Львов прислал в мае в Ставку общие основания вводимого им института комиссаров *. На них, по мысли правительства, возлагалось гражданское управление на театре войны на основаниях, изложенных в положении о полевом управлении войск, а также вся область снабжения, питания войск и санитарно-гигиенически-эвакуационная. Находясь в прямом и исключительном подчинении органам Временного правительства, комиссары лишь согласовали свои действия с соответствующими военными начальниками. Это предположение, окончательно вырывавшее из рук командного состава важнейшие военно-административные функции, встретило резкий протест со стороны Ставки и тотчас же было оставлено правительством.

Между тем напор, и довольно сильный, шел с другой стороны. Совещание делегатов фронта в середине апреля обратилось с категорическим требованием к Совету рабочих и солдатских депутатов о введении в армии комиссаров, мотивируя необходимость его тем, что нет долее возможности сохранить порядок и спокойствие в отношениях солдат к отдельным лицам командного состава и что, если до сих пор удавалось избегнуть случаев самосуда и смещения, то только потому, что армия ждала соответственных мер Совета и правительства и не хотела вносить беспорядок и осложнять их работу. Вместе с тем совещание предложило совершенно нелепый проект одновременного существования в армиях трех комиссаров от: 1) Временного правительства, 2) Совета

* Проект, по-видимому, Вырубова.

рабочих и солдатских депутатов, 3) армейских комитетов. При этом совещание в своих требованиях заходило очень далеко, возлагая на комиссариаты как на контрольный орган рассмотрение всех дел и вопросов, относящихся к компетенции командующих армиями и фронтами; скрепление своею подписью всех приказов; производство расследования деятельности командного состава и право отвода его.

На этой почве между Советом рабочих и солдатских депутатов и правительством шли длительные переговоры, и в конце апреля состоялось соглашение о назначении в армии комиссаров — по одному от Временного правительства и по одному от Совета. Позднее, однако, это решение было изменено, вероятно, ввиду появления у власти коалиционного министерства (5 мая), и комиссар армии назначался один, по соглашению правительства и Совета, являясь представителем обеих инстанций и перед обеими ответственным.

В конце июня Временное правительство учредило должность комиссаров фронтов, определив их функции следующим образом: руководствуясь указаниями военного министерства, направлять к единообразному разрешению все политические вопросы, возникающие в пределах армий фронта, содействуя согласованной работе армейских комиссаров. Позднее, в конце июля, организация завершилась учреждением должности верховного комиссара при Ставке, а все делопроизводство сосредоточено в политическом отделе при военном министре.

Никаких законов, определяющих права и обязанности комиссара, издано не было. Начальники, по крайней мере, не знали их вовсе — это одно уж давало большую пищу для всех последующих недоразумений и столкновений. Генерал Монкевиц * на основании инструкции Керенского, которую я не помню, в таких общих выражениях определяет роль комиссаров: служить посредниками между высшим командованием и войсками, сглаживать трения, их разделяющие, руководить политической жизнью армии, заботиться об улучшении материального положения солдат, равно как о развитии их морального и интеллектуального состояния.

Негласною обязанностью комиссаров явилось наблюдение за командным составом и штабами в смысле их политической благонадежности. В этом отношении демократический режим, пожалуй, превзошел самодержавный — я убедился в этом и на Западном и на Юго-западном фронтах, читая телеграфную переписку комиссариатов с Петроградом, которую, да простят мне господа комиссары, штаб давал мне в расшифрованном виде тотчас же после ее отправления. Но если эта последняя роль комиссаров требовала только известного навыка к политическому сыску, то гласные их обязанности были далеко сложнее: они требовали государственного взгляда, точного знания цели, которая должна быть достигнута, знания психологии не только солдатской и офицерской среды, но и старшего командного состава, знания основных начал существования, службы и быта армии, большого такта и, наконец, личных интеллектуальных качеств: мужества, твердой воли и энергии. Только эти данные могли хоть до некоторой степени ослабить тяжкие последствия мероприятия, вырывавшего из рук военного начальника (или, вернее, санкционировавшего свершившийся факт) возможность влияния на войска, которое одно только могло укрепить веру и надежду в победу.

К сожалению, таких элементов в среде, близкой к правительству и Совету и пользовавшейся их доверием, не было. Состав комиссаров, известных мне, определяется таким образом: офицеры военного времени, врачи, адвокаты, публицисты, ссыльно-поселенцы, эмигранты, потерявшие связь с русской жизнью, члены боевых организаций и т. д. Ясно, что достаточного знания среды у этих лиц быть не могло.

* La décomposition de l'armée russe.

Что касается политических взглядов указанных лиц, то все они принадлежали к социалистическим партиям, от социал-демократов меньшевиков до группы «Единство», ходили в партийных шорах и зачастую не проводили общей политической линии правительства, считая себя связанными советской и партийной дисциплиной. Сообразно с партийными политическими учениями у самих комиссаров не было даже однообразного отношения к войне. Один из наиболее честно, по-своему, конечно, относившийся к исполнению своих обязанностей, комиссар Станкевич, отправляясь к наступающей дивизии, мучится сомнениями: «...Они (солдаты) верят, что мы не хотим их обмануть, и поэтому насильно отбрасывают от себя сомнения и идут умирать и убивать. Но мыто, вправе ли мы не только убеждать, но и брать на себя решение за других!..» Даже в вопросе о большевизме не все комиссары, как удостоверяет Савинков *, стояли на одинаковой точке зрения, не все считали желательной и возможной решительную борьбу с большевиками. Савинков составлял вообще исключение. Не будучи военным по профессии, но закаленный в борьбе и скитаниях, в постоянной опасности, с руками, обагренными кровью политических убийств, этот человек знал законы борьбы и, сбросив с себя иго партии, более твердо, чем другие, вел борьбу с дезорганизацией армии; но при этом вносил слишком много личного элемента в свое отношение к событиям.

Что касается личных качеств комиссаров, то за исключением нескольких, типа, близкого к Савинкову, никто из них не выделялся ни силою, ни особенной энергией. Люди слова, но не дела. Быть может, недостаточная подготовка комиссаров не имела бы таких отрицательных последствий, если бы не одно обстоятельство: не зная точно круга своих обязанностей, они постепенно начинали вторгаться решительно во все области жизни и службы войск, отчасти по своей инициативе, отчасти побуждаемые к этому солдатской средой и войсковыми комитетами, а иногда даже боявшимися ответственности начальниками. Вопросы назначений, смещений, даже вопросы оперативные составляли предмет внимания комиссаров, не только с точки зрения «скрытой контрреволюционности», но и целесообразности принимаемых мер. И путаница понятий была настолько велика, что командный состав послабее духом иногда совершенно терялся. Я помню такой факт. Во время июльского отступления Юго-западного фронта один из корпусных командиров необдуманно разрушил хорошо оборудованную военную дорогу, поставив в крайне затруднительное положение армию. Отчисленный от должности командующим армией, он впоследствии пришел ко мне с самым искренним недоумением — за что его отрешили, когда он действовал... по указанию комиссара.

Отражая взгляды Совета р. и с. д., поддерживая в трогательной неприкосновенности новоприобретенные права солдата, комиссариат не оказался на высоте и в своей основной задаче — в руководстве политической жизнью армии: зачастую самая разрушительная проповедь допускалась безвозбранно; солдатские митинги и комитеты могли выносить какие угодно противогосударственные и противоправительственные решения, и только когда насыщенная атмосфера выливалась в вооруженный бунт, это обстоятельство вызывало вмешательство комиссаров. Такая политика сбивала с толку и войска, и комитеты, и начальников.

При всем этом заранее составленный предвзятый взгляд на командный состав как на «контрреволюционеров», разница в убеждениях по общеполитическим вопросам и зачастую недостаток такта со стороны комиссаров отталкивали их от командного состава. Нужно было особенно счастливое сочетание двух столь несходных во всех отношениях элементов, чтобы совместная работа их была не только возможна, но и плодотворна; в очень редких случаях это имело место. Цели своей институт не достиг. В солдатской среде, как орган принуждения, иногда усмирения, комиссары уже тем самым не могли найти популярности, а отсутствие прямой, разящей власти не могло создать им авторитета силы — наиболее чтимого даже совершенно утратившими дисциплину частями. Это подтвердилось впоследствии, после захвата власти большевиками, когда комиссары вынуждены были одними из первых с большой поспешностью и тайно покинуть свои посты.

* Последовательно занимал должности комиссара 7-й армии, Юго-западного фронта, управляющего военным министерством.

«Крамолы» они не избыли: начальники, за редкими исключениями, отстояли свое право назначений в случаях комиссарского неодобрения. Революционная власть не довела своего мероприятия до логического конца, как это сделали потом большевики, вручив комиссарам право распоряжения жизнью и смертью опекаемых ими военных начальников. Впрочем и там этот опыт приходит к концу: постепенно отбрасывая все «завоевания революции» в области демократизации армии, как то: выборное начало, митинги, комитеты, упразднение единоличной дисциплинарной власти, советская власть посягнула и на институт войсковых комиссаров: по докладу Троцкого еще на 7-м съезде Советов принципиально принят был вопрос об уничтожении этого института; меру эту предполагалось провести постепенно, причем комиссаров должны были заменить помощники командиров по политической части.

Итак, в русской армии вместо одной появились три разнородных, взаимно исключающих друг друга власти: командир, комитет и комиссар. Три власти призрачные... А над ними тяготела, на них духовно давила своей безумной, мрачной тяжестью — власть толпы.

Рассматривая вопрос о новых органах — комиссарах и комитетах и их роли в судьбах русской армии, я стоял исключительно на точке зрения сохранения нашей вооруженной силы как важного фактора в грядущих судьбах нации. Но было бы неправильно ограничиться такой постановкой вопроса вне зависимости его от общих законов, управлявших жизнью народа и ходом революции. Скажу больше: все эти исходящие явления носят печать логической последовательности и неизбежности в силу той роли, которую пожелала играть революционная демократия. В этом был весь трагизм положения.

В распоряжении социалистической демократии совершенно не было подготовленных элементов для технических аппаратов управления армией. И вместе с тем не было ни решимости, ни возможности подавить сопротивляемость буржуазной демократии и командного состава, заставив их работать во славу социализма, как это сделали впоследствии большевики, методами кровавого, беспощадного истребления заставившие служить коммунизму остатки русской интеллигенции и офицерства.

Став фактически у власти и поставив известные цели и задачи, революционная (социалистическая) демократия знала хорошо, что те элементы управления и командования, которые должны проводить их в жизнь, совершенно не разделяют ее взглядов. Отсюда — неизбежное недоверие и желание ослабить влияние и значение этих элементов. Но какими методами?.. В силу потери идеи государственности и любви к Родине центральный революционный орган в борьбе с политическими противниками проводил методы разрушения, не заботясь о том, что они одновременно были направлены к разрушению страны и армии.

Наконец, еще одно важное обстоятельство: революция, потрясшая все государственные основы и взаимоотношения классов, случилась тогда, когда весь цвет нации, до 10 миллионов, был под ружьем. Предстояли выборы в Учредительное собрание... При таких условиях предотвратить вторжение политики в армию было абсолютно немыслимо, как не-

мыслимо остановить течение реки. Но ввести ее в надлежащее русло, быть может, было возможно. На этой почве также столкнулись обе стороны с их различными методами (государственно-охранительным и демагогическим) в стремлении овладеть настроением такого решающего фактора, каким для революции являлась армия.

Вот те предпосылки, которые предопределяют и дают логическое обоснование всему последующему ходу демократизации армии. Правивший, сначала из-за куртины, потом явно класс социалистической демократии для укрепления своего положения и в угоду инстинктам толпы разрушил военную власть и содействовал созданию коллегиальных военных организаций, хотя и не вполне отвечавших направлению Совета, но менее опасных и более поддающихся его влиянию, чем командный состав. Явно сознаваемая необходимость какой-либо военной власти, недоверие к командному составу, с одной стороны, и желание создать буфер между двумя искусственно разъединенными элементами армии — с другой, привели к учреждению института комиссаров, находившихся в двойной зависимости от Совета и правительства. Оба института, не удовлетворив ни солдат, ни офицеров, пали вместе с Временным правительством, возродившись вновь в несколько измененной форме в красной армии и вновь отметенные жизнью.

Ибо «как человек не может выбрать себе возраста, так и народы не могут выбирать свои учреждения. Они подчиняются тем, к которым их обязывает их прошлое, их верования, экономические законы, среда, в которой они живут. Что народ в данную минуту может разрушить путем насильственной революции учреждения, переставшие ему нравиться,— это не раз наблюдалось в истории. Но чего история никогда еще не показывала,— это чтобы новые учреждения, искусственно навязанные силой, держались сколько-нибудь прочно и положительно. Спустя короткое время все прошлое вновь входит в силу, так как мы всецело созданы этим прошлым, и оно является нашим верховным властителем» *. Возродится, очевидно, и русская национальная армия не только на демократических, но и на исторических началах.

* Густав Ле-Бон. Психология социализма.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Управление дежурного генерала, входившее в штаб Верховного главнокомандующего, занималось укомплектованием войск фронтов и обеспечением их главными видами довольствия, а также назначением командного состава.

[2] Максимов Андрей Семенович (1866—1951) — вице-адмирал (1914 г.). В 1915—1917 гг.— начальник минной обороны Балтийского моря. После Февральской революции матросами и солдатами Гельсингфорса избран командующим Балтийским флотом. Временным правительством назначен на должность начальника Морского штаба при Ставке Верховного главнокомандующего, вскоре уволен в отставку. После Октябрьской революции перешел на сторону Советской власти. В советском Военно-Морском Флоте с 1918 года. С 1927 г. — в отставке.

[3] Савинков Борис Викторович (1879—1925) — социалист-революционер. Во Временном правительстве — товарищ военного министра. После Октябрьской революции руководил антисоветскими заговорами и мятежами, затем эмигрировал. Арестован в 1924 г. при переходе советской границы, осужден.

[4] Духонин Николай Николаевич (1876—1917) — генерал-лейтенант. С 3 (16) ноября по 9 (22) декабря 1917 г.— Верховный главнокомандующий. После занятия Ставки (Могилев) революционными войсками убит солдатами.

[5] Набоков Владимир Дмитриевич (1869—1922) — юрист, публицист, один из лидеров партии кадетов. Депутат I Государственной думы. Редактор-издатель «Вестника партии народной свободы». В 1917 г.— управляющий делами Временного правительства. После Октябрьской революции находился в эмиграции.

[6] Зауряд-офицер — военнослужащий в русской армии (унтер-офицер, фельдфебель), занимавший офицерскую должность, не имея офицерского чина.

РОССИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ

А. Ф. Керенский

Глава III. *Освободительное движение. Революция 1905 года и конституционный манифест*

Моя Россия

Я убежден, что всякий, кто размышляет о судьбах своей страны, представляет ее по-своему, такой, какой хотел бы ее видеть. В молодости у меня тоже сложилось свое собственное представление о России, не имевшее ничего общего ни с ее настоящим, ни с ее прошлым, но, как я верил, всей логикой истории должно обязательно реализоваться в будущем. К такому убеждению, как и ко многим другим, о которых я уже упоминал, я пришел чисто интуитивно, а позже, в годы обучения в университете, оно получило подтверждение в лекциях таких профессоров, как Платонов и Сергеевич.

Читая еще в школьные годы в Ташкенте труды английского историка Бокля, я понял, что развитие страны зависит не только от устремлений народа, но и от географического положения и ее истории. Так, народ Великобритании, отрезанной от остальной Европы и в течение почти тысячи лет не знавшей иностранного нашествия, получил возможность сравнительно свободного развития. Россия, понял я, была антиподом Великобритании, и в результате история ее оказалась трагичной. Россия была жертвой постоянных нападений, сначала номадов Азии, потом Литвы, Тевтонского ордена, Польши, Швеции и Турции. И хотя это замедлило ее политическое развитие, но в то же время укрепило чувство национального единения. И, несмотря на междоусобицы между князьями из рода Рюриковичей, это чувство сохранилось — вот почему, движимые им, жители разных княжеств инстинктивно сплотились вокруг Москвы.

Огромную роль в развитии русского национального самосознания играла церковь. Поскольку Россия была полностью лишена возможности создать по примеру Запада светскую культуру, она обратилась вместо этого к культуре церковной, к евангельским проповедям и их толкованиям. Крайне важно при этом, что русские с самого начала восприняли учение Христа на языке, который они понимали. И вследствие этого идеи, которые с трудом пробивали себе путь на Западе, в России сразу же пустили глубокие корни. Напрашивается параллель между поступком Феодосия Печерского, выходца из знатной боярской семьи, который, отказавшись от всех социальных привилегий, посвятил свою жизнь служению бедным и страждущим, и «хождением в народ» в XIX веке; или между русскими святыми Борисом и Глебом, которые во имя Христа отказались защищаться от убийц, подосланных их братом, князем Святополком, и Львом Толстым с его проповедью непротивления злу или, наконец, между решительным осуждением еще в XII веке Владимиром Мономахом смертной казни и публичным обра-

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, № 6.

щением Владимира Соловьева к Александру III с призывом отказаться от казни убийц Александра II — и не потому вовсе, что он испытывал к ним какие-либо симпатии, а потому, что считал, что новому царю следует продемонстрировать благодать православия, подтвердив тем самым величие христианского монарха, который, имея власть наказывать, выбирает путь всепрощения.

В таком подходе были и свои минусы, и свои плюсы. Его недостаток заключался в том, что, культивируя понятия о братстве и равенстве, Россия не смогла выработать понятия о праве.

На деле именно в этой духовной традиции коренилось враждебное отношение значительной части русской интеллигенции XIX века (особенно славянофилов и народников) к власти государства.

Чтобы понять историю России, крайне важно помнить слова Ф. М. Достоевского, сказавшего, что о России следует судить не по злодеяниям, совершенным во имя ее, а по идеалам и целям, за которые боролся русский народ.

Русские всегда стремились принимать участие в управлении страной. Хорошо известно, что в древней Руси, в России Киева, Пскова и Новгорода существовала система управления с развитым для того времени понятием свободы, в рамках которой жизненно важную роль играло народное представительство, или вече.

Еще один пример — первый Земский собор при Иване Грозном *, который в молодости решительно осуждал существовавшую систему управления и социального устройства и предоставил сельским и городским общинам право самоуправления.

Идея демократии продолжала свое развитие и в Смутное время и на протяжении восемнадцатого века. Это была главная линия, ибо того желал народ.

В Смутное время бояре предложили польскому претенденту на московский трон заключить договор, по которому запрещались бы незаконные аресты и пытки, казни без суда и другие акты произвола, а также предусматривалось, что законодательную власть он будет разделять с боярами и Земским собором. Ранее такие же условия были предъявлены князю Шуйскому перед избранием его на трон после падения Годуновых. И если во Франции Генеральные штаты не созывались с начала правления малолетнего Людовика XIII до самой Французской революции (с 1614 по 1789 год), то в Московии цари правили совместно с Земским собором вплоть до смерти отца Петра Великого. После поездки по европейским странам Петр ввел в России ту же систему просвещенного абсолютизма, что получила распространение в Европе, но лишь через 5 лет после смерти Петра императрица Анна, вступая на престол, согласилась с требованием Верховного тайного совета ввести некоторые «элементы» конституционного правления.

Борьба за конституцию

Идеи Французской революции сразу же повлияли на общественное мнение в России, что имело далеко идущие последствия. Усилившееся движение за введение в России конституционной системы привело в декабре 1825 г. к первому восстанию против самодержавия, которое возглавили гвардейские офицеры (декабристы).

* Русское слово «Грозный» отнюдь не означает «ужасный». Оно происходит от слова «гроза». Народ назвал его «грозным», поскольку имя его наводило страх на врагов после побед над Казанским и Астраханским ханствами. Ссылками на Ивана «Грозного» стремятся зачастую подкрепить расхожее на Западе утверждение, что Россия — отсталая, темная страна, где полностью отсутствует свобода в ее западном понимании. Конечно, он совершил немало ужасных преступлений, однако преступления такого рода совершались в те времена повсеместно по всей Европе — Филипп II в Испании, Генрих VIII и «Кровавая Мэри» в Англии, Людовик XI во Франции, Эрик в Швеции и герцог Альба — все они в равной степени виновны в совершении таких преступлений.

И Александр I, и Николай I сознавали необходимость освобождения крестьян, но ни тот, ни другой не отважились на такой шаг, опасаясь открытого сопротивления со стороны дворянства. Александр II, проявив большую политическую проницательность, осуществил освобождение крестьян и другие реформы, заложив тем самым основы той России, которая, вопреки попыткам повернуть ход истории вспять в период правления Александра III, вполне созрела для замены устаревшего самодержавия конституционной системой.

Освобождение крестьян ознаменовало вступление России в новую стадию развития, стадию промышленного прогресса, что, в свою очередь, вело к созданию частных банков по примеру западных стран и строительству железных дорог. Как свидетельствовали статистические данные о состоянии промышленности, строительства и железных дорог, этот процесс в 90-х годах неуклонно нарастал. Этому в какой-то степени способствовало и обнищание крестьян и землевладельцев после неурожая 1891 г. и последовавшего за ним голода. Именно этот упадок в экономике привел общественность к осознанию необходимости принять меры для обуздания реакционных деятелей в правительстве, толкавших страну на грань экономического и духовного распада.

Свою роль сыграл и такой фактор, как появление на [политической] сцене Сергея Юльевича Витте. На этого в высшей мере талантливого человека возложили задачу преобразования экономической жизни страны. Он же играл ведущую роль в формировании внешней и внутренней политики. Устранение Витте и замена его в 1903 г. оголтелым реакционером В. К. Плеве, сразу же приступившим к разрушению основ политической жизни империи, ознаменовали начало того периода в русской истории, который можно рассматривать как пролог к революции 1905 года. Последствия деятельности Плеве были столь плачевны, что в революционное движение постепенно втягивались не только наиболее прогрессивные представители земства и интеллигенции, но и рабочие, а затем и крестьяне.

Самодержавие, ставшее к тому времени не более чем пережитком российской истории, было обречено. Однако Николай II, вместо того чтобы продолжить реформы своего деда и даровать конституцию, с помощью таких людей, как Плеве, упрямо тянул страну назад, к самым мрачным временам бюрократического абсолютизма. Злосчастное правление Николая II — еще одно доказательство невозможности обратить историю вспять. На грани столетий все более широкие слои населения ощущали недовольство создавшимся положением и уповали на лучшее.

Возмущение вызывала, в частности, и абсурдная политика русификации, проводившаяся в районах с нерусским населением. И не потому вовсе, что население русских губерний, свобода других народов заботила больше, чем своя, а потому, что власти в нерусских районах полностью игнорировали стремление народов к свободе.

Эта и другие проблемы приобрели особую остроту в начале столетия, в те годы, когда я еще находился в стенах университета. Движение за свержение самодержавия стало всенародным.

Однажды осенью 1902 г. кто-то принес в университет второй номер еженедельного журнала «Освобождение», который годом ранее стал издавать в Штутгарте молодой марксист Петр Струве. Мы были поражены и взволнованы: до этого момента мы не имели ни малейшего представления о той подпольной работе, которая велась с середины 90-х годов для создания движения, официальным печатным органом которого стал этот журнал, движения, в котором земский либерализм слился с идеями интеллектуальных, либеральных, радикальных и со-

циалистических кругов. Естественно, что статьи в этом подпольном издании не были подписаны, однако их стиль и очевидное знание того, что происходило в России, свидетельствовали о тесной связи авторов с известными и влиятельными членами либеральных и радикальных кругов. Целью журнала было вести пропаганду среди образованных слоев общества в поддержку принятия в России конституции, и вскоре он стал настолько популярен, что его читали даже представители властей — от губернаторов до столичных министров. Мы, студенты, прилагали невероятные усилия в поисках журнала, а раздобыв его, зачитывали до дыр, настолько интересна была собранная там информация, которой и в помине не было в материалах легальной прессы.

К началу 1904 г. вокруг журнала возникла большая подпольная организация «Союз освобождения». В ее руководство наряду с группой земских деятелей входили представители либеральной и социалистической городской интеллигенции во главе с И. И. Петрункевичем, князем Д. И. Шаховским, князем П. Д. Долгоруким, Ф. М. Родичевым. Конечно же, по своей молодости я не мог быть членом «Союза», куда входили наиболее видные политические деятели. Тем не менее я был одним из тех молодых людей, которые были причастны к технической стороне деятельности «Союза», занимаясь распространением журнала и другими подобными делами.

За несколько месяцев до моих выпускных экзаменов разразилась русско-японская война. Война началась с нападения японских миноносцев на русский флот, сосредоточенный в Порт-Артуре. Как ни странно, но это событие не породило той лихорадки патриотизма, какая охватила всю Россию позднее, в 1914 г., когда началась война с Германией. И хотя мобилизация войск для отправки на Дальний Восток России прошла вполне гладко, тем не менее патриотические манифестации, состоявшиеся в столице и других городах, носили чисто формальный характер и не отличались особым энтузиазмом. Зная, что Витте, а с ним и все члены кабинета министров, за исключением Плеве, выступали против войны, многие предчувствовали, что она принесет немало бед и катастрофические последствия. Витте сделал все, что мог, чтобы противодействовать провоенной ориентации нового царского фаворита статс-секретаря А. М. Безобразова. В конце 1901 г. в Петербург с визитом прибыл крупный японский государственный деятель Хиробуми Ито в надежде урегулировать назревающий конфликт мирными средствами. Вопреки настояниям Витте, царь встретил Ито весьма холодно, и тогда он направился в Лондон для консультаций с японским послом Хаяси, который открыто ратовал за войну с Россией. Хаяси в полной мере воспользовался провалом переговоров Ито с Витте, в результате чего был подписан договор об англо-японском союзе (январь 1902 г.), направленном против России. К вящему удовольствию Плеве, летом 1903 г. Витте был отстранен от прямого участия в решении государственных дел, получив назначение на почетный, ничего не значащий пост. Впрочем, в самый последний момент царь неожиданно опомнился и предпринял попытку предотвратить войну. Этот эпизод нашел отражение в работе молодого русского историка А. Малоземова. Вот что он пишет: «Безобразов еще не добрался до Порт-Артура, а адмирал Абаза уже направил ему вслед телеграмму со следующими инструкциями:

«Император повелел, чтобы Вы имели в виду, что Его Величество окончательно решил отдать японцам Корею, быть может даже до самых границ нашей концессии, по рекам Тумын на севере и Ялу — на западе. Проведение более четкой демаркации японской Кореи дело более далекого будущего и должно зависеть от России. Об этом не следует уведомлять Японию до прибытия в Забайкалье направленных из

России воинских подразделений (двух бригад) с тем, чтобы это не выглядело уступкой. Император полагает, что, идя навстречу Японии в корейском вопросе, мы избежим риска конфликта с ней».

Безобразову было предписано передать эту директиву Алексееву *, которому, в свою очередь, поручалось ознакомить с ней Лессара, Павлова и Розена **. Однако Безобразов самочинно решил не делать этого» ***.

Некоторые считают, что причиной революции 1905 г. явилась война с Японией и поражение в ней России. Неоправданность такого суждения, на мой взгляд, очевидна в свете тех событий, которые происходили в России после 1901 г. и суть которых я изложил выше. Японская война не была причиной революции 1905 года. Она лишь изменила и исказила ее развитие.

После окончания университета в июне 1904 г. я уехал в поместье моего будущего тестя, находившееся вблизи деревни Каинки в Казанской губернии. Там состоялось наше с Ольгой Барановской венчание, и там мы оставались вплоть до осени. Даже в те тревожные времена газеты доставлялись всего один или два раза в неделю, и мы с нетерпением ждали их, чтобы поскорее узнать последние новости с театра военных действий.

Как-то в июле мы с женой отправились на прогулку в лес, захватив с собой только что полученные газеты. Первое, что бросилось нам в глаза, едва мы раскрыли газеты, это сообщение о том, что 15 июля в Санкт-Петербурге бомбой, брошенной бывшим студентом университета Е. Созоновым, был убит министр внутренних дел Плеве, следовавший по Забалканскому проспекту на прием к царю.

Трудно описать гамму чувств, охвативших меня, да, наверное, и очень многих других людей, узнавших об этом событии: смесь радости, облегчения и ожидания великих перемен. Когда осенью я возвратился в Санкт-Петербург, то с трудом узнал его, настолько изменилась царившая в нем атмосфера. Новая ситуация, создавшаяся в результате смерти Плеве, породила огромный энтузиазм и небывалое возбуждение. На пост министра внутренних дел был назначен генерал-губернатор Вильны князь П. Д. Святополк-Мирский, о котором с почтением отзывались все знавшие его. Культурный, образованный человек, он обладал взглядами, куда более современными, чем взгляды его предшественника. Вступление на министерский пост он ознаменовал заявлением, в котором обещал проводить политику, прислушиваясь к голосу общественности, с мнением которой он, по его словам, всегда считался. Позднее его эпоха получила название «политической весны».

Вернувшись в Санкт-Петербург, я поспешил официально оформить вступление в коллегию адвокатов с тем, чтобы иметь возможность участвовать в качестве защитника в политических процессах и таким образом приступить к выполнению своих политических и профессиональных обязанностей. Моя адвокатская карьера началась, однако, с курьеза. Для вступления в коллегию необходимо было представить трех поручителей, которые хорошо бы знали кандидата и гарантировали его соответствие профессиональным требованиям. Я представил бывшего губернатора, бывшего прокурора Ташкентской судебной палаты и сенатора А. Ф. Кони, члена Государственного совета, высоко чтимого и в широких слоях общественности и в среде коллег-юристов. Однако я сделал ошибку. Оказалось, что столь высокопоставленные поручители

---

* Адмирал Е. И. Алексеев был наместником на Дальнем Востоке.

** Барон Розен являлся русским послом в Токио, а Лессар и Павлов были русскими представителями соответственно в Пекине и Сеуле.

*** Malozemow A. Russian Far Eastern Policy. University of California Press. 1958, p. 220.

не удовлетворили членов коллегии молодых адвокатов, от решения которых зависело, буду ли я принят в адвокатское сословие. Моя кандидатура была отклонена на том основании, что все мои поручители занимали слишком высокое положение в кругах бюрократической иерархии. Поначалу я пришел в ярость и даже подумывал о том, чтобы распрощаться с идеей вступления в коллегию. Но друзья убедили меня не горячиться, изменить свое решение, и в конце концов я нашел поручителей, политически приемлемых для коллегии молодых адвокатов. Так я получил звание помощника присяжного поверенного. Ни в каких других делах, кроме политических, я участвовать не намеревался и тотчас окунулся в работу в юридической консультации. В Санкт-Петербурге, Москве и некоторых других городах существовало немало таких учреждений, которые бесплатно оказывали юридическую помощь беднякам, особенно из рабочих или отдаленных от центра кварталов. Именно там я познакомился с положением низших слоев населения, рабочего класса в особенности.

Свою работу я начал в Народном доме * — организации, основанной замечательной труженицей социальной сферы графиней Софьей Паниной. Вскоре работа полностью поглотила меня. Люди, приходившие к нам за советом, в основном женщины, могли часами рассказывать о своих бедах и изливать свои многочисленные жалобы. Со временем на этой ниве подобралась группа молодых, подающих надежды адвокатов, с которыми я работал в течение многих лет; позднее, когда я стал членом правительства, один из них возглавил группу моих личных советников.

В те дни «Союз освобождения» проводил свою так называемую банкетную кампанию. В Санкт-Петербурге, Москве и других городах организовывались банкеты в ознаменование 40-й годовщины юридических реформ Александра II. Это была своеобразная политическая демонстрация представителей интеллигенции и различных профессий. На этих банкетах отводились места и для рабочих, однако они редко оказывались занятыми. Молодых людей, вроде меня, официально не приглашали, но мы с готовностью выполняли всякого рода секретарские обязанности, обзванивая гостей, сообщая им время начала банкета, рассылая приглашения и т. д. Банкеты стали большим событием, поскольку лейтмотивом прозвучавших на них выступлений было требование конституции.

Банкеты вызвали негодование всех государственных высших чиновников, за исключением Святополка-Мирского. И тем не менее 11 ноября члены официально запрещенного Земского собора на тайном заседании приняли резолюцию, в которой обращались к царю с требованием установить в России конституционное правление.

Казалось, близка к осуществлению всеобщая надежда на то, что «весна» Святополка-Мирского принесет преобразования, которые хотя бы в какой-то степени удовлетворят требования самых широких кругов общественности страны. 12 декабря 1904 г. был опубликован императорский указ, предусматривавший осуществление целого ряда реформ. Его положения касались, во-первых, религиозной терпимости; во-вторых, свободы слова и реформы законов о печати; в-третьих, пересмотра трудового законодательства. Для рассмотрения этих вопросов и выработки рекомендаций были немедленно созданы комитеты под председательством членов Государственного совета и других высокопоставленных чиновников.

Вскоре после этого Синод, во главе которого в то время стоял всеми почитаемый митрополит Антоний Санкт-Петербургский, принял решение в поддержку требования о полной автономии церкви. Синодальная администрация была объявлена несоответствующей каноническому праву, а избрание патриарха предлагалось передать Церковному Собору. Этот документ произвел огромное впечатление, ибо со времен Московской Руси, когда митрополиты открыто отстаивали права народа, ни сам Синод, ни какая-либо другая церковная организация не осмеливались высказывать свои собственные предложения. Для выработки указа об автономии православной церкви был вскоре создан так называемый подготовительный комитет. А после опубликования царского рескрипта были предприняты шаги к признанию старообрядческой церкви и прекращены всякие преследования старообрядцев. В меньшей степени послабления коснулись протестантских сект, таких, как баптисты и квакеры, но и их положение несколько улучшилось.

Деятельность других комитетов не была столь успешной, поскольку по истечении короткого времени, 9 января 1905 г., настроения в верхах резко изменились.

* Народный дом — организация по оказанию культурной и просветительной помощи неимущим слоям населения.

1905 год

Причины, которые привели к 9 января, или «Кровавому воскресенью», как его стали называть, связаны с событиями 1901 г. в Москве и в какой-то мере — с деятельностью дяди императора великого князя Сергея Александровича, тогдашнего московского генерал-губернатора. Он выступил ярым сторонником создания рабочих союзов, которые, действуя под покровительством властей, способствовали бы улучшению положения рабочего класса. Деятельность таких союзов предоставляла властям и дополнительную возможность, впрочем, весьма сомнительную, приструнить промышленников, которые, занимая все более прогрессивные позиции, все чаще становились на сторону земств, разделяя их требования о замене абсолютизма конституционной монархией.

Полицейские рабочие союзы были созданы начальником Московского охранного отделения С. В. Зубатовым, человеком интеллигентным, с университетским образованием. Судя по всему, он стремился повторить опыт Бисмарка в Германии, приспособив его к ситуации в России, подчеркнуто поддерживая рабочих и одновременно пытаясь выкорчевать влияние на них социалистических партий.

В 1903 г. Зубатов был снят со своей должности. Новое движение оказалось чересчур «успешным», так как дело дошло до того, что некоторые полицейские агенты стали не только участниками, но даже и организаторами всеобщих забастовок. Так, в Одессе, например, главным подстрекателем одной из забастовок выступил агент, некий Шаевич. Однако, несмотря на отстранение Зубатова, его планы получили странное и абсолютно непредвиденное развитие: его полицейские союзы переросли в подлинно профессиональные союзы. Во главе этого нового движения в Санкт-Петербурге стал в 1903 г. молодой талантливый священник отец Георгий Гапон, совсем недавно посвященный в духовный сан. История Гапона, хорошо всем известная, закончилась трагически, однако я до сих пор не могу поверить, что он с самого начала был просто-напросто полицейским агентом. Думается, что молодой священник был искренне движим идеей служения рабочим. Вполне возможно, что позднее он попался в политическую ловушку, но я уверен, что он присоединился к рабочему движению не как сознательный полицейский провокатор. Так или иначе, но он легко находил общий язык с рабочими. Его отец был простым сельским священником, и Гапон понимал нужды простых людей и знал, как говорить с ними. Он пользовался колоссальным влиянием на массы, и движение Гапона приобрело в Санкт-Петербурге невиданный размах. Речи священника, в которых он призывал рабочих идти прямо к царю, находили глубокий отклик

в сердцах слушателей, а его идея организовать массовую демонстрацию и пойти ко дворцу, чтобы изложить царю свои беды и невзгоды, немедленно получила всеобщую поддержку. Без всякого сомнения, на этой стадии Гапон пользовался значительно бо́льшим влиянием на рабочих, чем все подпольные организации и социалистические партии, вместе взятые.

Поначалу социалистические партии проявляли мало интереса к гапоновскому движению. Когда же они осознали его размах, то было уже поздно что-либо противопоставить влиянию Гапона. К началу января нетерпение рабочих достигло предела и окончательно созрел план устроить шествие и вручить царю петицию. Текст петиции уже был составлен, однако полиция не предприняла никаких мер, чтобы остановить рабочих или положить конец деятельности Гапона.

Конечно же, сам Святополк-Мирский мало что мог сделать, поскольку более не руководил деятельностью Департамента полиции Министерства внутренних дел. Эти обязанности были переданы его заместителю, бывшему начальнику московской полиции и восходящей звезде на дворцовом небосклоне генералу Д. Ф. Трепову. Генералу покровительствовала великая княгиня Елизавета, которая представила Трепова своей сестре — царице, а затем и царю. Вскоре он стал при дворе всеобщим любимцем.

Накануне шествия его организаторы узнали, что в полицейских подразделениях и некоторых гвардейских частях объявлена тревога и к вечеру субботы резко усилилось ощущение напряженности. Усугубили напряженность сообщения об аресте и последующем освобождении нескольких политических деятелей, которые обратились к министру внутренних дел в надежде предотвратить катастрофическое противостояние. Воскресным утром мы с моим другом еще со студенческой скамьи Александром Овсянниковым отправились на Невский проспект посмотреть на демонстрацию.

Это было удивительное зрелище. Вдоль всего Невского проспекта двигались, направляясь из рабочих районов, ряд за рядом колонны спокойных, с торжественно-важными лицами, одетых в свои лучшие одежды людей. Гапон, шедший во главе процессии, нес крест, а многие рабочие — иконы и портреты царя. Нескончаемое шествие текло весьма неспешно, и мы прошли рядом с ним вдоль всего Невского проспекта, начиная с Литейного. На улицах собрались толпы людей, все хотели видеть происходящее своими глазами, все испытывали чувство необычайного волнения.

Мы уже дошли до Александровского сада, на другом конце которого стоял Зимний дворец, когда услышали звук трубы — сигнал боевой готовности кавалерии. Не поняв, что означают звуки трубы и не видя происходящего впереди, люди остановились. Перед ними, на правой стороне улицы, стоял полицейский отряд, но, не видя в поведении полицейских каких-либо признаков враждебности, демонстранты снова медленно двинулись вперед. И вот тут-то со стороны Генерального штаба Санкт-Петербургского военного округа вылетел отряд кавалерии и раздались первые залпы. В этот момент открыл огонь и воинский отряд, стоявший, по-видимому, по другую сторону площади, напротив Адмиралтейства. Первый залп был произведен в воздух, второй же — в толпу, и несколько человек упали наземь. Охваченные паникой, люди стали разбегаться во всех направлениях. Вслед им летели пули, и тогда мы, прохожие, побежали со всех ног вместе с толпой. Не могу передать состояние ужаса, охватившего нас в тот момент. Было совершенно очевидно, что власти совершили чудовищную ошибку, что они абсолютно неправильно поняли умонастроения толпы. Каким бы ни были замыслы организаторов шествия, рабочие шли ко дворцу без злых намерений. Они свято верили, что, когда придут на Дворцовую площадь и станут там на колени, царь выйдет к ним или по крайней мере появится на балконе. Однако их встретили пули. То была историческая ошибка, за которую высокую цену заплатили и монархия, и Россия.

Первые оценки свидетельствовали о том, что число жертв исчислялось по меньшей мере двумястами или тремястами убитых и раненых. Были немедленно вызваны кареты скорой помощи, куда с помощью тех, кто не пострадал, укладывали раненых — мужчин, женщин, детей. Охваченная замешательством, толпа в конце концов растворилась в прилегающих улицах. Самого Гапона спасли доброжелатели: сбрив ему бороду и переодев в цивильное платье, они вывезли его из города. Из своего укрытия он обратился к рабочим, осыпая проклятьями монархию и царя.

События «Кровавого воскресенья» произвели коренной переворот в мышлении рабочих масс, на которые до этого времени весьма слабо действовала направленная на них пропаганда. Генерал Трепов и те, кто позволил ему совершить этот безумный акт, разорвали те духовные узы, которые связывали царя и простых рабочих.

Вскоре после этого коллегия адвокатов создала специальный комитет с целью оказания помощи жертвам трагедии. Для ознакомления с положением в рабочих кварталах и уточнения последствий трагических событий требовались люди. Я с энтузиазмом принял участие в этом деле. В мои обязанности входило посещение рабочих семей во всех районах города. Именно тогда я впервые столкнулся с проблемой огромных различий в условиях жизни рабочих семей, поскольку одни проживали в сравнительно благоустроенных квартирах, а другие ютились в жалких трущобах. Жены погибших рабочих, потрясенные и растерянные, не могли понять причин происшедшего. Ведь их мужья, говорили они, были преисполнены самыми лучшими намерениями. Единственное, чего они хотели, это вручить царю петицию, а их встретили пулями. В сердцах этих женщин не было ни гнева, ни жажды мщения; они просто чувствовали, что произошло что-то, что изменит отныне всю их жизнь.

Как и следовало ожидать, события «Кровавого воскресенья» лили воду на мельницу левых пропагандистов. Работа юрисконсультом среди рабочих и посещение рабочих семей после 9 января убедили меня в том, что в основе их пропаганды лежали ложные предпосылки, а понятие «сознательный рабочий» отражало не реальность, а всего лишь благие пожелания.

На меня события «Кровавого воскресенья» произвели огромное впечатление. В то время, когда страна находилась в состоянии войны, когда русская армия терпела поражения, отборные части императорской гвардии слепо подчинились абсурдному и чудовищному приказу стрелять в рабочих! Для меня состояние армии и ее моральные качества имели первостепенное значение. Я всегда придерживался того мнения, что народ и армию должны связывать неразрывные и здоровые узы.

Вернувшись домой и немного придя в себя, я написал письмо, обращенное к гвардейским офицерам. Не помню точно слов, но обуревавшие меня чувства я изложил достаточно определенно. Я напомнил им, что в то время, когда армия сражается за Россию, они дома на глазах всей Европы расстреляли беззащитных рабочих, нанеся тем самым непоправимый ущерб престижу страны за рубежом. У меня было несколько знакомых среди гвардейских офицеров, в том числе брат жены, служивший в составе первой артиллерийской бригады. Им я и направил копии своего письма с собственноручной подписью. Неприятностей не последовало. Ведь те, кому я направил свое послание, были людь-

ми чести и никто из них не предал меня, не сообщил о моем письме в полицию. Но воспоминания о событиях на Невском проспекте в то воскресное утро были столь мучительны, что с того дня я навсегда порвал всякие отношения со всеми моими друзьями и знакомыми из бюрократических кругов.

28 февраля 1905 г.* — весьма знаменательный день. Именно в этот день по случайному совпадению были одновременно опубликованы три в высшей степени важных документа. Насколько я знаю, никто никогда не смог объяснить с достаточной долей достоверности, почему все они были опубликованы в один день. Первый документ — манифест Николая II, обращенный с призывом ко всем «истинно русским людям» объединиться вокруг трона и дать отпор попыткам подорвать древние основы самодержавия, без которого невозможно существование самой России. Второй документ — рескрипт новому министру внутренних дел А. Г. Булыгину ** разработать «совещательный» статус Думы. Третий — указ сенату, предписывающий принимать к рассмотрению прошения, врученные или направленные ему представителями различных слоев населения.

Эти императорские указы всех озадачили, однако наибольшее внимание привлек рескрипт о подготовке совещательного статуса Думы. Существенное значение имел и указ о прошениях, в той его части, где любому гражданину давалось право на организацию митинга, составление петиций и обращение с ней к правящему Сенату. Однако именно этот указ приобрел со временем совсем иное толкование. Ведь после роспуска в июле 1906 г. первой Думы были подвергнуты разнообразным репрессиям те, кто стал инициатором таких петиций или собирал подписи под ними.

Но лишь немногие осознали в те дни, что самым важным документом с точки зрения властей был манифест, призвавший «истинно русских людей» объединиться вокруг трона. Именно он вдохнул жизнь в крайне правое движение, которое долгое время влачило жалкое существование и которое спустя 8 месяцев оформилось в виде «Союза русского народа».

Принятие Треповым на себя практически диктаторских полномочий вкупе с тремя правительственными декретами от 28 февраля *** — осуществление одновременных мер, которые внешне имели целью удовлетворить требования народа, а по сути были направлены на подавление его воли — все это свидетельствовало о том, что правительство быстро теряло контроль над положением. После ухода с политической арены Витте, не осталось никого, кто был бы способен компетентно управлять страной.

В течение нескольких месяцев, пока шла разработка закона о новой «совещательной» Думе, перед всеми слоями общества остро встал вопрос, принимать или не принимать участие в предстоящих выборах. Естественно, что с особой страстностью обсуждалась эта проблема членами «Союза освобождения», организации, которая оказывала в то время определенное влияние на формирование общественного мнения.

Собрания, на которых вырабатывались разного рода наказы, породили бесчисленное множество новых союзов. Практически вся страна покрылась сетью союзов. Появились союзы университетской профессуры, союзы учителей, союзы юристов, врачей и инженеров, архитекторов, актеров, работников почты, железных дорог и многие другие. Важную роль играл созданный одним из первых Союз железнодорожных служащих. Его члены придерживались строгой дисциплины и обладали высоким esprit de corps (корпоративным духом). Союз внес огромный вклад в революцию 17 октября 1905 года*. Высокой дисциплиной и развитым чувством локтя отличался также Союз работников почт и телеграфов. Эти два союза много сделали для установления контактов между группами населения, действовавшими до тех пор крайне разрозненно и разобщенно.

Все союзы (включая крестьянский) вошли в федерацию, получившую название «Союз союзов», и эта организация стала центром всего освободительного движения. В ее работе принимали участие многие члены «Союза освобождения» и многочисленные представители рабочего класса. Председателем ее был избран известный историк и видный политик профессор П. Н. Милюков.

Тем временем война вступила в завершающую стадию, и после сражения при Мукдене поражение России стало очевидным. Сражение при Мукдене, продолжавшееся две недели и по числу участников крупнейшее за всю предшествующую военную историю, завершилось почти так же, как и Бородинское сражение в 1812 году. Ибо, хотя формально победу в нем одержали японцы, потери их были столь велики, что они были не способны продолжать боевые действия. Вскоре после этого, поначалу при посредничестве французов, обе стороны вступили в переговоры о достижении мира. Цусимское сражение 14 мая, когда были уничтожены прибывшие туда эскадры Балтийского флота, вынудило Россию искать выхода из войны.

Не буду распространяться о международном аспекте мирных переговоров, отмечу лишь важную роль, которую сыграл в них французский министр иностранных дел Теофиль Делькассе. Учитывая растущую угрозу как для Франции, так и для Англии со стороны Германии, Франция считала крайне важным прекращение русско-японской войны. Англия же убедилась, что уже нет более необходимости защищать Индию от «северного колосса», который не планировал дальнейшей экспансии, а лучше обратить внимание на реального претендента на мировое господство.

Поскольку президент Теодор Рузвельт согласился на роль посредника, было решено провести мирные переговоры в Соединенных Штатах. Посредничество это в действительности носило несколько курьезный характер. Президент полностью принял сторону Японии и в ходе переговоров в Портсмуте порой был более японцем, чем сами японцы. И только в 1908 г. он понял, что совершил ошибку, и с тех пор радикально изменил свое отношение и к Японии, и к России.

Вести мирные переговоры приходилось в исключительно трудные для России времена, в условиях полной изоляции, порожденной ее внутренней политикой, в условиях, когда симпатии практически всей Европы были на стороне Японии. Витте, которому поручили вести переговоры со стороны России, несмотря на крайне неблагосклонное отношение к нему царя, проявил себя исключительно тонким дипломатом. Соглашение, которого он добился для России, не носило унизительного характера и не предусматривало никаких крупных уступок, кроме передачи Японии половины Сахалина. Да и эта уступка была сделана по настоянию царя и вопреки более дальновидным суждениям Витте. Витте считал нужным продолжать переговоры, исходя из того, что время вынудит крайне ослабленную Японию отказаться от всех своих притязаний.

Деморализация армии, которую в значительной мере усилило не всегда ясно осознаваемое чувство ущемленной национальной гордости, ускорило революцию 17 октября.

* Так у автора *(прим. ред.)*.
** П. Д. Святополк-Мирский ушел в отставку после «Кровавого воскресенья».
*** Так у автора *(прим. ред.)*.

* Имеется в виду манифест Николая II о созыве законодательной Думы и о конституционных свободах *(прим. ред.)*.

Было предпринято немало усилий для того, чтобы помешать властям ввергнуть страну в катастрофу, но сделать можно было очень мало по той простой причине, что режим исторически изжил себя. К 1905 г. в стране не осталось ни одного слоя общества, который считал бы сложившиеся условия жизни приемлемыми.

Последней отчаянной попыткой убедить царя в самоубийственности его курса было обращение, принятое в мае земствами и городами; однако царь оказался глух к нему, и страна продолжала двигаться к цели, которой веками добивался русский народ.

К осени 1905 г. нормальная жизнь в стране была нарушена; в ряде мест вспыхнули забастовки, участились случаи неповиновения и бунтов среди крестьян и солдат. Для тех, кто в то время жил в Санкт-Петербурге, было очевидно: долготерпению России пришел конец.

За две или три недели до 17 октября разразилась забастовка, которая с исторической точки зрения носила, по-видимому, уникальный характер. Ибо она парализовала всю жизнь в стране. Железные дороги, почта, суды, школы, университеты — все постепенно прекратили работу. Я хорошо помню последние несколько дней: с улиц исчезли извозчики, потухли лампы освещения и повсюду воцарилась жуткая тишина. Эта тишина нависла и над Петергофским дворцом, где в те дни жил царь со своим семейством.

Конституционный манифест

За несколько дней до революции [17 октября] Петергоф оказался полностью отрезанным от внешнего мира. Движение по железной дороге прекратилось. Министры связывались с царем либо используя военный телеграф, либо направляя морем специальных курьеров. В случае крайней нужды министры отправлялись туда лично. В Петергофской бухте стояли на якоре два эсминца на случай, если возникнет необходимость переправить царскую семью в Англию. Такова была обстановка, когда царь обратился к Витте, только что вернувшемуся с Портсмутских мирных переговоров, с просьбой подготовить доклад о сложившейся ситуации. Прибыв 9 октября в Петергоф, Витте вручил царю написанную им накануне, 8 октября, записку, содержание которой не предавалось гласности до тех пор, пока большевики не поместили текст в «Красных архивах». Среди прочего в записке говорилось:

«Основной лозунг современного общественного движения в России — свобода...

Не год назад, конечно, зародилось нынешнее освободительное движение. Его корни в глубине веков — в Новгороде и Пскове, в Запорожском казачестве, в низовой вольнице Поволжья, церковном расколе, в протесте против реформ Петра,.. в бунте декабристов, в деле Петрацевского...

Человек всегда стремится к свободе. Человек культурный — к свободе и праву: к свободе, регулируемой правом и правом обеспечиваемой...

Руководство требует прежде всего ясно поставленной цели. Цели идейной, высшей, всеми признаваемой.

Такая цель поставлена обществом, значение ее велико и совершенно несокрушимо, ибо в цели этой есть правда. Правительство поэтому должно ее принять. Лозунг «свобода» должен стать лозунгом правительственной деятельности. Другого исхода для спасения государства нет.

Ход исторического прогресса неудержим. Идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформы, то путем революции. Но в последнем случае она возродится из пепла ниспровергнутого тысячелетнего прошлого. Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, все сметет, все повергнет в прах. Какой выйдет Россия из беспримерного испытания,— ум отказывается себе представить; ужасы русского бунта могут превзойти все то, что было в истории. Возможное чужестранное вмешательство разорвет страну на части. Попытки осуществить идеалы теоретического социализма,— они будут неудачны, но они будут несомненно,— разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основы права.

Как в пятидесятых годах правительство объявило освобождение крестьян своим лозунгом, так в настоящий неизмеримо более опасный момент государственная власть не имеет выбора: ей надлежит смело и открыто стать во главе освободительного движения.

Идея гражданской свободы ничего угрожающего бытию государства в себе не заключает...

Освободительное движение порывает, правда, с формальным прошлым, но разве освобождение крестьян не было также отказом от векового прошлого?..

...Государственная власть должна быть готова вступить и на путь конституционный. Это слово не должно пугать и быть под запретом. Государственная власть должна искренно и явно стремиться к благу государства, а не к сохранению той или другой формы. Пусть докажут, что благо государства в конституции,— самодержавный монарх, интересы коего не могут быть отделены от блага народного, первый, без сомнения, станет на этот путь. Опасению здесь не может быть места, и надо иметь в виду и готовиться и к этому исходу» *.

Предложение Витте о конституции было принято. Царь решил опубликовать манифест, в котором без упоминания самого слова «конституция» будет провозглашено создание нового порядка, означавшего по сути дела конституционную систему.

В ночь на 16 октября я услышал настойчивый звонок в дверь. Я подумал, что явилась полиция (в те дни она занималась обысками и политическими арестами), но оказалось, что звонил мой друг Овсянников. Увидев, что он охвачен лихорадочным волнением, я спросил, в чем дело. В ответ он протянул мне приложение к официальной газете «Правительственный вестник» с только что опубликованным текстом манифеста.

Манифест предусматривал:

«1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив, засим, дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного уча-

---

* Красный архив, 1925, т. 4—5, с. 51—57. Накануне опубликования октябрьского манифеста в столице получил всеобщую известность тот факт, что граф Витте поставил перед царем альтернативу: либо установить в стране неограниченную диктатуру, либо ввести конституцию. После того, как великий князь Николай Николаевич отказался взять на себя функции диктатора, царь принял решение о даровании конституции.

стия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей» *.

Главным принципом любой конституции является положение о том, что верховная власть не может принять закона без одобрения представителей народа. С опубликованием манифеста абсолютная власть стала делом прошлого.

Глава IV. *Революционный романтизм*

Остаток ночи я провел в состоянии крайнего возбуждения. Казалось, завершилась многолетняя ожесточенная борьба народа за свободу, за право участвовать в решении государственных дел. «Конституция» перестала быть абстрактным лозунгом революционного движения. Конституция стала реальностью, краеугольным камнем новой России. Вняв мудрому совету Витте, царь нашел в себе достаточно сил, чтобы принять во внимание справедливое требование своего народа и отказаться от абсолютной власти, которую до тех пор считал своей по праву помазанника божьего. С самого начала своего правления царь упрямо противился конституционным реформам. Теперь же я чувствовал себя чуть ли не виноватым в том, что считал его прежде непримиримым врагом свободы. Теплая волна благодарности затопила мою душу, и я вновь ощутил давно утраченное чувство детского благоговения перед царем. Ночь казалась бесконечной. Я с нетерпением ждал утра, когда смогу выбежать на Невский проспект и присоединиться к ликующим толпам — представителям интеллигенции, промышленных рабочих, студентов, простых граждан, которые выйдут на улицы, чтобы отпраздновать эту великую победу народа.

Однако когда я утром выбежал иа Невский, то к своему недоумению обнаружил, что широкая улица абсолютно пустынна. Не веря своим глазам, я направился к Адмиралтейству и Зимнему дворцу, ожидая увидеть ликующие толпы иа Дворцовой площади. Но посреди площади стояла лишь горстка людей с черными знаменами, иа которых красными буквами было выведено: «Да здравствует анархия!»

Не оставалось ничего другого, как вернуться домой. Позвонив по телефону своим друзьям, я выяснил, что никаких манифестаций и не планировалось. А Совет рабочих депутатов, созданный в начале октября, выступил с обращением к рабочим, призывая их продолжить непримиримую борьбу с «царским самодержавием».

Поступившие на следующий день сообщения из Москвы свидетельствовали о том, что Совет рабочих депутатов был отнюдь не одинок в своем отношении к манифесту 17 октября. В те дни в Москве проходил съезд «Союза освобождения». Ему суждено было стать последиим, ибо прямо на нем большинство делегатов высказалось за создание либеральной конституционно-демократической партии («кадеты»).

Вечером 17 октября, когда П. Н. Милюков выступал иа съезде с речью, ему передали текст манифеста. Прервав свою речь, он вслух зачитал манифест и возобновил выступление, начав его со слов: «Ничего не изменилось. Борьба продолжается».

Я не знал, что и подумать. Ведь главной целью освободительного движения, которое возглавлял «Союз освобождения», была та самая конституция, которую сегодня, создавая партию конституционных демократов, они громогласно отвергают.

* В Своде законов Российской империи 1829 г. (т. 1, часть 1, ст. 1) говорилось: император всея Руси является монархом суверенным и абсолютным. В Своде законов 1906 г. (т. 1, часть 1, ст. 4) — император всея Руси обладает высшей суверенной властью. Слово «абсолютной» отсутствует.

На следующий день после обнародования манифеста состоялось несколько «патриотических» демонстраций в основном в южных городах, спровоцированных «Союзом русского народа» — организацией, которую Витте презрительно назвал «шайкой мерзавцев и головорезов». Улицы Санкт-Петербурга заполнили толпы истерически настроенных людей, несших портреты Николая II и под пение национального гимна «Боже, царя храни» выкрикивавших угрозы и грязные оскорбления в адрес евреев, революционеров и интеллигентов, что вызвало панику среди широких слоев населения. Начались погромы, подонки общества с явным удовольствием принялись за грабежи. Тысячи ни в чем не повинных людей подвергались гнусным надругательствам, а полиция делала вид, что ничего не замечает, благословляя тем самым погромы.

В начале ноября печать сообщила, что царь принял из рук главы «Союза русского народа» д-ра А. И. Дубровина знак почетного члена этой организации.

Эти тревожные события раскрыли истинную суть манифеста 28 февраля 1905 г.*, который обращался ко всем «истинно русским людям» с призывом объединиться вокруг трона и защитить русское самодержавие от смутьянов. Только теперь для меня стало ясно, что этот манифест совершенно сознательно провоцировал создание дубровинского движения и подобных «патриотических» организаций. А вскоре просочились сообщения о том, что этого печально известного д-ра Дубровина в свое время представил царю не кто иной, как великий князь Николай Николаевич. Вызывал удивление даже не сам факт возникновения ультраправых организаций и нарушения ими общественного порядка и спокойствия. В конце концов они — сопутствующее явление повсюду, где происходят революции и социальные сдвиги. Важно было другое: то, что сам Николай II стал официальным покровителем дубровинской организации. Именно это привело меня к окончательному и неотвратимому выводу, что во имя спасения России, во имя ее будущего правящая монархия должна быть устранена.

Как выполнить эту задачу? Я еще не знал тогда ответа, однако решил отказаться от всех былых планов и целиком посвятить себя работе по избавлению страны от монархии.

Наряду с другими положениями манифест 17 октября провозгласил свободу печати. Этим почти немедленно воспользовалась «Организация вооруженного восстания», созданная Н. Д. Мироновым, которая стала издавать революционный социалистический бюллетень «Буревестник». Когда мне предложили писать для него, я охотно согласился, поскольку это полностью соответствовало моему желанию работать на благо революции. Мне не терпелось изложить свою точку зрения о подлинном отношении царя к конституции, принятие которой он сам провозгласил. К тому же я счел необходимым всеми силами бороться против абсурдного решения как социал-демократов, так и социалистов-революционеров о бойкоте выборов в первую Думу. Я был глубоко уверен, что такое решение было только на руку врагам демократии и, что более важно, противоречило умонастроению народа.

При поддержке молодого ученого-санскритолога Н. Д. Миронова, сына богатейшего петербургского коммерсанта, стал регулярно выходить два раза в неделю, впервые появившись 15 ноября, шестнадцатистраничный, с убористым шрифтом бюллетень. Статьи в «Буревестнике» мы подписывали псевдонимами, однако Центральному комитету партии социалистов-революционеров, конечно же, были известны подлинные фамилии авторов. Бюллетень имел большой успех уже после выхода первого номера, а начиная с пятого, появившегося 4 декабря,

* Так у автора *(прим. ред.)*.

издатели объявили о преобразованин «Буревестнпка» в печатный орган партии социалистов-революционеров.

После революции 1905 г. все студенты с головой ушли в политику. Возникли многочисленные меньшевистские, большевистские, эсеровские группы, связанные и не связанные с партийными центрами. Автономия, неожиданно дарованная университетам в августе 1905 г., превратила лекционные аудитории в общественные форумы, где процветали принципы свободы слова и собраний, недоступные полицейскому вмешательству, поскольку отныне полиция не имела права входить в здание университета. Профессора были не в силах остановить поток революционного красноречия, лившегося с университетских кафедр.

Двоюродный брат моей жены Сергей Васильев, учившийся на последнем курсе Института инженеров путей сообщения, вошел в состав студенческого комитета партии социалистов-революционеров. Вместе с А. А. Овсянниковым и Н. Д. Мироновым он создал эсеровскую группу для ведения пропагандистской работы и распространения отпечатанных на мимеографе листовок. Мы с женой разрешили им хранить их в нашей квартире — доброе дело, так дорого обошедшееся нам впоследствии.

Я не слишком серьезно воспринимал все эти импровизированные политические группы. На мой взгляд, их деятельность носила следы временного помешательства, которое я шутливо окрестил «революционным романтизмом». Какой, например, был смысл в листовках Сергея, написанных от имени грозно звучащей «Организации вооруженного восстания»? Кому, как не мне, было знать, что ни у одного из членов группы не было огнестрельного оружия и ни о каком «восстании» в Санкт-Петербурге не было и речи.

К нам в дом часто приходила близкая подруга жены, студентка Высших женских курсов Е. Н. Моисеенко. Ее брат Борис был членом специальной террористической группы, созданной при заграничном центре ЦК партии социалистов-революционеров, и я знал, что он время от времени наезжает в Россию. Эти приезды и отъезды хранились, конечно, в строжайшей тайне, однако каждый раз, приезжая в Санкт-Петербург, он умудрялся повидать сестру. Как-то в начале декабря 1905 г., когда моя жена отлучилась из комнаты, я обратился к Евгении Николаевне с просьбой назначить мне встречу где-нибудь вне стен нашего дома — но не в квартире, где она проживала вместе с подругой. Поскольку вся эта таинственность ее крайне удивила, я объяснил, что хотел бы поговорить с ней, не вызывая тревоги моей жены, относительно одного важного дела.

Когда через несколько дней мы встретились в уютном ресторанчике неподалеку от Невского проспекта, я попросил ее организовать мне встречу с ее братом, у которого я намеревался попросить разрешения принять участие в их заговоре против царя. Разговор, который мы, несмотря на волнение, вели шепотом, длился весьма долго. Поначалу она наотрез отказалась и даже встала, чтобы уйти, однако я уговорил ее остаться. Должно быть, я проявил несвойственную мне настойчивость, поскольку в конце концов она со слезами на глазах согласилась.

Спустя что-то около двух недель, уходя от нас, она с улыбкой попросила меня проводить ее до извозчика. Когда мы оказались наедине, она сообщила, что на следующий день ровно в 5 часов дня мне следует идти по Невскому проспекту к углу Литейного в направлении Аничкова моста и там повернуть на Фонтанку. Ко мне подойдет бритый мужчина в пальто и астраханской шапке и попросит прикурить. «Захватите с собой коробку спичек. Он достанет из серебряного портсигара папиросу и, пока он будет прикуривать, изложите кратко свою просьбу. Он ответит и быстро удалится. Вы не спеша продолжите свой путь, а потом повернете обратно, если, конечно, не заметите, что за вами кто-то идет».

Все произошло именно так, как она сказала. Моисеенко был краток: «Через несколько дней я дам о себе знать, сам или через сестру». Несколькими днями позднее в тот же час и на том же углу, проходя мимо меня, он проговорил, не поворачивая головы: «Ничего не получится».

Вскоре после этого Евгения Николаевна, сославшись на слова брата, сказала, что мою просьбу отклонили, поскольку я не имел опыта революционной борьбы и поэтому на меня трудно положиться. Мне ничего не оставалось, как посмеяться при мысли, что и я оказался не кем иным, как революционным мечтателем.

Спустя 12 лет судьба снова свела меня с Борисом Моисеенко. После объявления всеобщей амнистии он возвратился в Россию и стал на фронте одним из лучших моих комиссаров. Вспоминая о тех двух нелегальных встречах зимой 1905 г., я спросил, как ему удалось в столь краткое время получить ответ от заграничного центра его партии. «А я и не обращался за границу. В то время в городе как раз находился Азеф *, лично он и отклонил вашу просьбу». Вот так и выяснилось, что полицейский агент, находившийся в руководстве партии, намеренно отпугивал от революционной деятельности людей, которые были готовы пожертвовать собой во имя дела. Ко времени этой нашей встречи с Моисеенко я уже был знаком с Борисом Савинковым, известным террористом, вторым после Азефа руководителем террористической организации, и меня поразило сходство Савинкова и Моисеенко. Сходство, впрочем, чисто внешнее. Трудно было представить себе человека более честного, более порядочного и более скромного, чем Моисеенко. Случалось, он приходил на помощь Савинкову при самых опасных обстоятельствах и делал это, ни на секунду не задумываясь о собственной безопасности или же о своей «карьере» революционера.

Чудовищно, когда революционный террор становится частью партийной программы и определяется узким кругом людей, которые сами в этой деятельности непосредственно не участвуют и не подвергают свои жизни какому-либо риску.

Тем, кто живет нормальной жизнью, в соответствии с законом, невозможно представить себе, что значит, с психологической точки зрения, совершить террористический акт. «Как вы можете возмущаться коммунистическим или нацистским террором, если сами когда-то оправдывали террор?» — спрашивали меня иногда фарисеи от политики. «В конце концов,— утверждали они,— убийство есть убийство».

Да, и государственная система террора, и индивидуальные акты революционного терроризма лишают жизни человеческие существа. Но на этом их сходство и кончается. Что касается сути дела, то они диаметрально противоположны.

Во все времена, пока люди были способны отличить добро от зла, общественное мнение морально оправдывало и было на стороне тираноубийц, таких, как Брут, Шарлотта Корде или у нас в России Егор Созонов.

И когда группа придворных и гвардейских офицеров убила 11 марта 1801 г. полусумасшедшего императора Павла I, ликовал весь Санкт-Петербург, а прохожие на улицах целовали друг друга, как на Пасху.

На суде убийца В. К. Плеве Созонов заявил: «Да, мы подняли меч, но мы подняли его не первыми и пошли на это после мучительных сомнений и душевной борьбы. Да, я виновен перед Богом. Но

* Евно Азеф был известным агентом-двойником, возглавлявшим террористическую организацию партии социалистов-революционеров и одновременно работавшим на охранку.

я спокойно жду Его приговора, ибо знаю, Его суд — это не ваш суд. Как мог я поступить иначе, если Учитель сказал: «Возьми крест и следуй за Мной». Не в моих силах было отказаться нести свой крест».

К 1905 г. я пришел к выводу о неизбежности индивидуального террора. И я был абсолютно готов, в случае необходимости, взять на свою душу смертный грех и пойти на убийство того, кто, узурпировав верховную власть, вел страну к гибели. Много позднее, в 1915 г., выступая на тайном собрании представителей либерального и умеренно-консервативного большинства в Думе и Государственном Совете, обсуждавшем политику, проводимую царем, в высшей степени консервативный либерал и монархист В. А. Маклаков сказал, что предотвратить катастрофу и спасти Россию можно, лишь повторив события 11 марта 1801 года. Различие во взглядах между мной и Маклаковым сводилось лишь ко времени, ибо я пришел к тому же выводу десятью годами раньше. И кроме того, Маклаков и его единомышленники хотели бы, чтобы за них это сделали другие. Я же полагал, что, приняв идею, должно принять на себя и всю ответственность за нее, самолично пойдя на ее выполнение.

Тюрьма

К концу декабря власти пришли в себя после замешательства, и жизнь, казалось, снова пошла по «дооктябрьской» колее. Витте посчитал, что время созрело для принятия самых решительных мер. Волнения в войсках, возвращавшихся из Сибири после катастрофической войны с Японией, были подавлены убежденными сторонниками железной дисциплины генералами Меллером-Закомельским и Ренненкампфом *. Руководителей Санкт-Петербургского Совета рабочих депутатов, которые явно переоценили свое влияние и свою популярность, арестовали, судили и сослали в Сибирь (откуда они вскоре бежали за границу). Восстание в Москве, организованное в декабре социалистами-революционерами и социал-демократами в районе Пресни, было подавлено войсками местного гарнизона и отрядом драгун, присланным из Санкт-Петербурга. По всей стране безумствовали мерзавцы Дубровина (получившие известность как «черные сотни»), и даже в Санкт-Петербурге опасались возможности погромов среди интеллигенции. По городу шныряли полицейские, время от времени производя аресты «ненадежных» рабочих, студентов, представителей интеллигенции. Свободная печать, родившаяся после опубликования манифеста, стала терять почву под ногами, однако хоть и с трудом, но все же еще продолжала существовать. Полиция разгоняла митинги и собрания, которые, несмотря ни на что, все равно проводились. А тем временем в соответствии с положениями либерального избирательного закона от 11 декабря, разработанного при содействии Витте, продолжалась кампания по выборам в первую Думу. Учитывая возросшее самосознание и влияние общественных сил, полиция все же не осмеливалась действовать полностью как ей заблагорассудится. В жизни России началась новая эра, и общественность, осознав невозможность возвращения к прошлому, с презрением воспринимала ухищрения полиции.

Наш «Буревестник» стал одной из первых жертв полицейских репрессий. Власти стремились найти предлог для конфискации издания, однако нам всякий раз удавалось распространить весь тираж до налета полиции. То была своеобразная игра. И верх в ней одержала полиция, которая все-таки конфисковала восьмой или девятый номер бюллетеня, где, к несчастью, была опубликована моя весьма резкая статья. Этому номеру суждено было стать последним.

* Позднее виновного в разгроме русских войск (1915 г.) в Восточной Пруссии.

Я встретил весть о конфискации «Буревестника» без должного беспокойства. Приближалось Рождество, и я с удовольствием предвкушал возможность отдохнуть от лихорадочной журналистской деятельности и спокойно провести праздники в кругу семьи. Но поздно вечером 21 декабря, когда мы с женой наряжали для нашего восьмимесячного сына рождественскую елку, раздался звонок в дверь. Одновременно постучали в дверь черного хода. Это могла быть только полиция. Я немедленно поспешил к входной двери с тем, чтобы не вызвать подозрений, будто мы что-либо прячем. В дверях стоял наш околоточный, тучный добродушный мужчина, который проживал по соседству с нами. Мы знали друг друга в лицо и часто при встрече обменивались замечаниями о погоде и подобных пустяках. С подчеркнутой вежливостью он попросил разрешения войти в квартиру, однако следом за ним вошли жандармский ротмистр, еще три или четыре жандарма и полицейский. В тот же момент с черного хода появилась еще одна группа полицейских в сопровождении дворника и нескольких понятых. Блюстители закона захватили нашу квартиру, словно это был враждебный бастион. Ротмистр вручил мне ордер на обыск, попросив ознакомиться с ним. В течение всего обыска, который продолжался несколько часов, ротмистр и его подчиненные вели себя абсолютно корректно. Когда полицейские вошли в детскую, ротмистр по просьбе моей жены приказал своим подчиненным не подходить к кроватке, где спал наш сын Олег, и не шуметь, чтобы не разбудить его. Обыск уже подходил к концу, когда один из жандармов вдруг обнаружил под кипой газет в углу гостиной какой-то сверток. Это были листовки «Организации вооруженного восстания», о существовании которых мы с женой давным-давно забыли. После октябрьского манифеста эти листовки потеряли всякую актуальность и казались ни чем иным, как детской забавой. Однако для нашего доброго соседа эта находка, видимо, имела важное значение. Сидя с бесстрастным, спокойным лицом, он писал протокол о найденных в моей квартире вещественных доказательствах, уличающих меня в преступных действиях. Потом дал его подписать мне и двум понятым. Пока шли все эти формальности, ротмистр подписал ордер на мой арест и сообщил мне, какие вещи я имею право взять с собой. Несмотря на глубокую тревогу, моя жена отнеслась к происходящему с подчеркнутым спокойствием и даже предложила чашку чая притомившимся околоточному и ротмистру. От усталости у них слипались глаза и крепкий горячий чай они пили с явным удовольствием. Непосвященный никогда бы не догадался, что в этом мирном «чаепитии» принимали участие представители сторон — правда, не самого высокого ранга,— находящихся в состоянии войны.

На сборы вещей ушло совсем немного времени, а уж попрощались мы с женой и вовсе наспех, словно боясь потерять самообладание и выказать наши истинные чувства. В тот год рождественскую елку зажгли без меня.

На улице меня не ожидала карета моих детских воспоминаний с зашторенными зелеными окнами. Вместо нее стояли самые обычные дрожки с запряженной в них жалкой клячей. Сидеть в маленьком тесном возке рядом с грузным околоточным было не очень приятно, особенно когда на крошечное сидение прямо передо мной взгромоздился здоровенный полицейский. Пока мы ехали по пустынным улицам, небо на востоке стало постепенно светлеть. Приближался рассвет. Никто не сказал, куда мы едем, однако, когда мы переехали через Неву и за мостом повернули направо, я увидел перед собой контуры печально известных «Крестов» *. Формальности не заняли много времени, и я по-

* Свое название тюрьма получила потому, что построена она была в форме креста со сторожевой вышкой в центре для наблюдения за всеми четырьмя ее корпусами.

чти немедленно был отведен в камеру. Мне в общем виде сообщили правила тюремного распорядка. Загремел засов на двери, и я остался один.

Камера моя была в шесть шагов длиной и в три шириной. Дневной свет проникал в нее через крошечное окошечко, расположенное на самом верху внешней стены. В камере стояли стол со стулом, кровать и конечно же ночной горшок. На потолке тусклым светом горела лампа, никогда не выключавшаяся. Тяжелая дверь была оборудована «глазком», который закрывался снаружи металлической створкой. Я никогда не знал, открыта или нет эта створка и следит ли за мной глаз тюремщика. В первые дни это бесцеремонное наблюдение вызывало наибольшее раздражение, но постепенно я перестал обращать на него внимание.

Ознакомившись с окружающей обстановкой, я ощутил ужасную усталость и буквально рухнул на узенькую койку. К счастью, через мгновение я забылся тяжелым сном.

Спустя три часа меня разбудил скрежет ключа в замочной скважине. Вошел надзиратель и сообщил, что настало время умывания. Поспешно вынув из саквояжа зубную щетку, мыло и полотенце, я последовал за надзирателем на верхнюю площадку, где уже стояла группа заключенных. Я присоединился к ним и вскоре нас повели в общую умывальную комнату. У меня, новичка, вся процедура вызвала чувство отвращения. На умывание отпускалось пять, самое большее десять минут. Индивидуальных умывальников не было, вместо них — длинное оцинкованное корыто с дюжиной кранов. Действуя крайне неловко, я попытался положить мыло и зубную щетку на маленькую полочку под краном. Поняв, что я новичок, мой сосед сообщил мне массу полезной информации, спросив при этом мою фамилию и номер камеры. Он, в частности, сказал, что в этой тюрьме уголовников практически не держат, большинство заключенных — политические преступники. После разговора с ним мне стало немного легче. Приятно было знать, что и в тюрьме существует какое-то подобие подпольной, неофициальной жизни. Через несколько дней, вернувшись в камеру из умывальной, я неожиданно для себя обнаружил в кармане тонкий, туго скрученный листок бумаги. На нем была нарисована таблица: шесть рядов букв в алфавитном порядке, каждый ряд под своим номером — от одного до шести. Приписка внизу объясняла, как пользоваться этой системой букв для общения с другими заключенными, перестукиваясь по стене или по трубам центрального отопления. Это был специальный тюремный код, напоминающий азбуку Морзе. Основательно ознакомившись с кодом, я постучал в стену. Ответ соседа последовал немедленно, и одной из первых новостей, которые я узнал от него, была та, что камера Сергея Васильева находится над моей этажом выше.

К этому времени я уже вполне обжился в камере. Тюремные правила не отличались особой строгостью. Так, например, родственникам разрешалось передавать политическим заключенным продукты питания и сладости, а также в неограниченном количестве книги. Книги можно было также брать из прекрасной тюремной библиотеки. Как это ни покажется странным, но я почти наслаждался своим одиночным заключением, которое предоставляло сколько угодно времени для размышлений, для анализа прожитой жизни, для чтения книг. Дополнительное удовольствие доставляло общение и обмен новостями с Сергеем Васильевым при помощи тюремного кода. Так прошли две недели.

Закон запрещал держать арестованного в заключении более двух недель без объяснения причин ареста. Пока же мне не было предъявлено никаких обвинений. А я очень хотел бы их узнать в свете весьма странного поведения ротмистра во время моего ареста. Не задав мне

ни одного вопроса относительно Сергея Васильева и его группы, ротмистр показал всем членам моей семьи, кроме меня, фотографию юной девушки, видимо, с целью ее опознания. Естественно, что никто не опознал ее, поскольку она никогда не бывала в нашем доме. Ротмистр проявил столь же мало интереса к номерам «Буревестника», сколько и к личности Сергея Васильева. Что означала вся эта возня вокруг девушки? Снова и снова обдумав всю ситуацию, я пришел к заключению, что у ротмистра были какие-то особые причины для появления в моем доме, абсолютно не связанные с найденными у меня листовками, за которые я был арестован. Тем не менее сколько-нибудь вразумительных объяснений у меня не было.

Мы были лишены права переписки, однако нам разрешалось обращаться в письменной форме к тюремному начальству. В таких случаях по нашей просьбе нам выдавали необходимые письменные принадлежности. Когда истек законный срок задержания, я направил письмо помощнику прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, в котором сообщал, что если в течение пяти дней мне не будут предъявлены обвинения, я начну голодовку. И когда по истечении пяти дней я не получил ответа на свой вопрос, я начал голодовку. От запаха пищи, ежедневно оставляемой на столике рядом с кроватью, мутилось сознание. Мучала жажда, и, уступая ей, я иногда позволял себе выпить несколько глотков воды. И вдруг все прошло. На четвертый день мною овладело полное безразличие и я впал в полубессознательное состояние. Начались галлюцинации. Меня охватило чувство блаженного покоя. На седьмой или восьмой день в камере появились заместитель начальника тюрьмы и несколько надзирателей. Меня подняли с койки и одели, чтобы препроводить в прокуратуру. Я был так слаб, что с трудом переставлял ноги и два надзирателя вынуждены были поддерживать меня. В кабинете начальника тюрьмы я увидел жандармского полковника и помощника прокурора окружного суда. После продолжительной беседы прокурор предъявил мне, в соответствии со статьями 101 и 102 второй части Уголовного кодекса, обвинение в причастности к подготовке вооруженного восстания и принадлежности к организации, ставившей своей целью свержение существующего строя. Конца предъявленного обвинения я уже не услышал, так как от слабости потерял сознание. Придя в себя, я, как того требовали правила, подписал обвинение. После этого меня отвели обратно в камеру, где меня ожидал тюремный врач. С его помощью я вскоре полностью восстановил силы, и снова потянулись тюремные будни.

Своей голодовкой я намеревался привлечь внимание общественности к фактам продолжающихся, несмотря на октябрьский манифест, нарушений закона. Но друзья, узнавшие об этом намерении от моего «ангела» (по тюремной терминологии «ангелами» называли тех надзирателей, которые из чувства симпатии к политическим заключенным помогали им держать связь с внешним миром), ничего не сообщили в прессу, опасаясь обеспокоить мою жену. Плохо же они ее знали. Имей я возможность послать сообщение о голодовке непосредственно ей, она бы немедленно опубликовала его.

Мой разговор с полковником и помощником прокурора не пролил света на таинственную причастность к моей судьбе молодой девушки. Много позднее я узнал, что причиной моего ареста был донос «из надежных источников» о том, что зимой 1905 г. нашу квартиру часто посещала некая Серафима К. За членство в террористической организации социалистов-революционеров она в 1903 или 1904 г. была выслана в Архангельск, откуда бежала осенью 1905 года. С того времени она нелегально проживала в Санкт-Петербурге, и полиция безуспешно

пыталась найти ее. Листовки же, обнаруженные в моей квартире, послужили лишь неуклюжим предлогом для ареста.

Возвращаясь мыслями к тем дням, я всегда с благодарностью думаю о нелепом случае, приведшем меня в тюрьму. Так же как долгие месяцы вынужденного безделья в период болезни оказали решающее влияние на формирование моего самосознания в детстве, так и четыре месяца уединения за счет государства расширили мой кругозор и позволили лучше разобраться в том, что происходило в стране. Теперь, полностью освободившись от юношеского романтизма, я понял, что в России никогда не будет подлинной демократии до тех пор, пока ее народ не сделает сознательного шага к единению во имя достижения общей цели. Я твердо решил, что после освобождения из тюрьмы отдам все силы делу сплочения всех демократических партий в России. Освобождения оставалось ждать совсем недолго.

Политические приготовления к выборам в первую Думу начались ранней весной 1906 года. Граф Витте весьма успешно противодействовал попыткам властей вмешаться в ход предвыборной кампании или оказать тайное давление на избирателей. В то время как правые организации и реакционные круги бюрократического аппарата в бессильной ярости боролись против созыва Думы, партии социал-демократов и социалистов-революционеров призывали к бойкоту выборов в Думу и подвергали резким нападкам Витте и либералов, тем самым играя на руку придворной клике. И я, и мои друзья считали эту политику левых партий абсурдной, даже преступной. К счастью, народ в целом был неколебим в своей решимости принять участие в выборах. Особенно тверда была вера крестьянства в то, что выборы дадут им возможность рассказать о своих бедах непосредственно царю. И столь же незыблемо верили они в то, что царь поможет им.

Мы, политические заключенные, сидевшие в «Крестах», участвовали в избирательной кампании лишь мысленно, однако, затаив дыхание, следили за развитием событий. В середине апреля были опубликованы результаты выборов. В Думу не был избран ни один кандидат от крайне правых и даже умеренных. Консервативные конституционалисты (октябристы), руководимые А. И. Гучковым, который сам не был избран, получили 12 мест. Умеренные либералы («Союз демократических реформ») — 75. Было избрано 18 социал-демократов. Доминирующую роль в Думе приобрела конституционно-демократическая партия («кадеты»), получившая 179 мест. Более 100 из 200 крестьянских депутатов объединились на основе упрощенной народнической программы (программы социалистов-революционеров) в трудовую группу. Национальные группы, состоявшие из 35 поляков и 25 представителей других национальных меньшинств, образовали «Союз федералистов» *.

Эти свободно избранные депутаты представляли новую Россию, родившуюся в борьбе за конституцию. Мы в тюрьме с энтузиазмом восприняли итоги выборов и многие из нас вновь предались бесплодным мечтаниям о том, что теперь наконец-то монарх заключит мир со своим народом, поскольку среди избранных депутатов нет «оголтелых» — ни правых, ни левых. Для Витте, который, несмотря на некоторые ошибки, допущенные им в короткие месяцы его правления, проявил себя как величайший государственный деятель в истории России, эти свободные выборы оказались «лебединой песней». Перед самым открытием Думы его выбросили из правительства. Реформы, которые он разрабатывал, были преданы забвению, а его место занял типичный представитель санкт-петербургской бюрократии И. Л. Горемыкин. У Горемыкина, опиравшегося на поддержку царя, не было ни малейшего желания сотрудничать с избранным составом Думы. Как бы в насмешку, он внес на рассмотрение Думы законопроект под названием «Модернизация оранжереи Дерптского университета». Никто, однако, не придал значения этому преднамеренному оскорблению. Все, затаив дыхание, ждали первой встречи царя с избранными представителями народа.

* Так у автора *(прим. ред.)*.

Открытие нового законодательного органа было отмечено высочайшим приемом в Зимнем Дворце 27 апреля 1906 г. в честь членов Думы и Государственного совета. В обстановке необычайной пышности, окруженный придворной знатью и великими князьями царь зачитал с трона свое обращение. Весь Санкт-Петербург, да и вся страна ожидали, что его обращение завершится провозглашением амнистии. Но ожидания эти не оправдались.

Окна тюремного корпуса, в котором была моя камера, выходили на Неву; по ее набережной на противоположной стороне реки должны были проследовать на прием от Таврического до Зимнего Дворца депутаты Думы. Мы знали об этом и в нарушение тюремных правил забрались на столы, чтобы, дотянувшись до узеньких окошек, увидеть это шествие. И когда сотни депутатов шли мимо, направляясь к Зимнему Дворцу, мы стали размахивать чем ни попадя — носовыми платками, полотенцами, наволочками, громко крича: «Да здравствует амнистия!» Вряд ли кто из депутатов мог услышать нас, но они видели нас и некоторые помахали в ответ и что-то прокричали в знак приветствия.

Не стану останавливаться на истории первой Думы, которая получила название «Дума народного гнева». Об этом уже немало было написано. Саму Думу я видел из окна тюремной камеры, а о ее кратковременной деятельности узнал только из газет.

Императорским манифестом первая Дума была распущена. Законопроект о принудительном отчуждении частновладельческих земель, внесенный конституционно-демократической партией и трудовой группой, оказался для Николая II «полностью неприемлемым». В случае принятия законопроекта крестьяне получили бы возможность обрабатывать земли, которые в течение ряда лет не возделывались их владельцами. На основе старого законодательства крестьяне арендовали у помещиков земли по вздутым ценам. Новый законопроект предусматривал, что компенсацию землевладельцам будет выплачивать казна.

«Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. разрушило узы, связывавшие рабочих и престол. 9 июля 1906 г. был нанесен смертельный удар по вере крестьянства в царя как справедливого и беспристрастного защитника интересов народа.

Дума была распущена 9 июля 1906 года. А 24 июля известный государственный деятель и философ князь Евгений Николаевич Трубецкой послал царю пророческое письмо. Следующие выдержки из этого письма в комментариях не нуждаются:

«Я с невыразимой тревогой слежу за тем глубоким переворотом, который изо дня в день, из часа в час совершается в воззрениях и чувствах народных...

Когда думская депутация не была принята вами, министры своим образом действий внушили народным массам несоответствующую действительности мысль, что государь не желает выслушивать их выборных... Узурпируя Ваши полномочия, они отказали в амнистии и заранее наложили veto на аграрные проекты Думы...

Они постарались связать с именем монарха все ненавистное народу — отказ в дополнительном наделении землею путем принудительного отчуждения... полный отказ в милости политическим преступникам...

Трудно себе представить ту степень сочувствия, каким пользовалась Дума среди народных масс: вокруг нее сосредоточивались народные надежды...

Государь, это не преувеличение! Стремление крестьян к земле имеет неудержимую силу... и всякий, кто будет противиться принудительному отчуждению, будет сметен с лица земли... Теперь, когда Дума распущена, они убеждены, что причиной роспуска послужил отказ от наделения землей. И ваши советники переложили ответственность за этот отказ на монарха...

...Быть может, правительству удастся теперь репресссивными мерами подавить революционное движение, загнать его в подполье! Но да не вводят вас в заблуждение эти временные успехи. Тем ужаснее будет тот последующий и последний взрыв, который ниспровергнет существующий строй и сравняет с землею русскую культуру!..

Государь, тот приказной строй, который вы осудили, во всяком случае обречен на гибель. Но если вы будете медлить его упразднением, если вы не поспешите удалить советников, воспитанных в его преданиях, вы сами будете погребены под его развалинами. А вместе с вами погибнет и наше лучшее будущее, наша надежда на мирное обновление родины» *.

И хотя за время существования первой Думы взаимопонимание между царем и народом не было достигнуто, сам политический климат в этот период изменился к лучшему. Несмотря на то, что амнистия не была объявлена, из тюрем без излишней шумихи выпустили всех политических заключенных, либо арестованных по ошибке либо не представлявших опасности для короны. Среди них оказались Сергей с друзьями и я. Сергею разрешили остаться в столице, мне же было запрещено проживание в течение ряда лет — забыл точное число — в Санкт-Петербурге, Москве и некоторых других крупных городах... Все другие члены «Организации вооруженного восстания» вернулись к нормальной жизни и политической деятельности, что же касается меня, виновного лишь в хранении в своей квартире их листовок, то моя жизнь претерпела значительные изменения.

Я поговорил с давнишней приятельницей моих родителей госпожой Тройницкой. Близко к сердцу приняв мои трудности, она немедленно позвонила директору Департамента полиции сенатору Зволянскому, с дочерьми которого я познакомился в ее доме. Он согласился принять меня в служебном кабинете. Во время разговора он всячески утешал меня, стараясь доказать, что мои заботы — сущие пустяки. Отеческим тоном он призывал меня к терпению хотя бы до тех пор, пока утихнут страсти. Но я с безрассудством отчаяния заявил, что не могу согласиться с произвольным решением полиции и, если оно не будет отменено, потребую для себя нового ареста, возвращения в тюрьму и предъявления мне новых обвинений. В конце концов мы достигли компромисса. Распоряжение будет отменено, но мне придется отправиться к отцу в Ташкент, провести там «отпуск» и до осени не появляться в Санкт-Петербурге. Через несколько дней после этого разговора я вместе с женой и сыном отправился поездом в далекий Туркестан.

---

* Красный архив, 1925, т. 3 (10), с. 300—304.

(Продолжение следует)

ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ КОМИССИЙ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРИБУНАЛОВ

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (до августа 1918 г.— по борьбе с контрреволюцией и саботажем) (ВЧК) была образована постановлением Совета Народных Комиссаров (СНК) от 7 (20) декабря 1917 года. Этот орган по защите государственной безопасности Страны Советов был создан при СНК. Первоначально основные функции ВЧК определялись так: пресечение и ликвидация контрреволюции и саботажа, выработка мер борьбы с контрреволюционерами и саботажниками, предварительное расследование по этим делам и предание виновных суду Военно-революционного трибунала. В первые два месяца своего существования ВЧК обладала только правом на ведение розыска и на производство предварительного следствия.

В конце февраля 1918 г. Советское правительство расширило права Чрезвычайной комиссии, предоставив ей право применять чрезвычайные меры в отношении контрреволюционеров, шпионов, саботажников и других злостных врагов революции. Предоставление таких полномочий ВЧК было вызвано тревожными событиями — начавшимся наступлением немцев на Петроград, развернувшейся активной борьбой контрреволюционых элементов и возникшей угрозой самому существованию Советской власти.

На основании декрета СНК «Социалистическое отечество в опасности!» от 21 февраля 1918 г. ВЧК объявила, что будет применять суровые меры (вплоть до расстрела на месте) в отношении лиц, причастных к заговорам, мятежам.

Несмотря на огромную загруженность в Совнаркоме и ЦК партии, В. И. Ленин уделял много внимания деятельности коллегии ВЧК и местных ЧК. Не раз он требовал от чекистских органов строгого соблюдения революционной законности. Известно, какую резкую критику с его стороны вызвала статья председателя ЧК по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте, члена коллегии ВЧК М. И. Лациса, утверждавшего, что не следует искать улик против отдельных представителей буржуазии — достаточно выяснить происхождение, образование и профессию арестованного. Отметив бесспорный факт, что Лацис — один из лучших, испытанных коммунистов, Ленин тем решительнее осудил высказанные им «нелепости»: «Не ищите (!!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом» [1].

В печати уже отмечалось, что предоставление чрезвычайным комиссиям права брать заложников, вести розыск и следствие, выносить приговоры и приводить их в исполнение не может быть оправдано ни с нравственной, ни с правовой точек зрения. Нет никаких оснований не согласиться с этим утверждением. В то же время нельзя забывать, что Советская власть пошла на введение этих крайних мер борьбы в годы всенародной траге-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 410.

дии, в обстановке ожесточенной гражданской войны. Однако и в то крайне трудное время в партийных организациях, в Советах, в печати проходили острые дискуссии по вопросу наделения ЧК чрезвычайными правами, внесудебными полномочиями. Одна из них развернулась 30 января 1919 г. на Московской общегородской конференции РКП(б), обсуждавшей вопрос о взаимоотношениях чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов. С докладами выступали член коллегии Наркомата юстиции РСФСР председатель Ревтрибунала Н. В. Крыленко и председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский. Итоги дискуссии подводились в представленных на голосование двух проектах резолюции: Московского комитета партии и Дзержинского.

К сожалению, в биографии Дзержинского (изд. 1977 г.), где затронута эта дискуссия, не получили раскрытия ни ее острота, ни результаты голосования. По меньшей мере вызывает удивление то, что авторы биографии ограничились лишь цитированием доклада Дзержинского.

Следует иметь в виду, что ВЦИК и Совнарком рассматривали наделение ВЧК чрезвычайными, внесудебными полномочиями как вынужденную временную меру, а когда острота положения на фронтах гражданской войны ослабевала, эти высшие органы ограничивали чрезвычайные полномочия ВЧК. Так, 17 февраля 1919 г. постановлением ВЦИК ревтрибуналам передавалось право выносить приговоры по делам, возбужденным чрезвычайными комиссиями. За ЧК сохранялось право непосредственного применения наказаний лишь в местностях, объявленных на военном положении, а также для пресечения контрреволюционных, бандитских и других вооруженных выступлений.

Несомненно, на принятие ВЦИК указанного постановления оказали влияние дискуссия о взаимоотношениях чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов, развернувшаяся 30 января 1919 г. на Московской общегородской конференции РКП(б), и принятая по данному вопросу резолюция.

В публикуемой стенограмме Московской общегородской конференции РКП(б) от 30 января 1919 г. читатель найдет немало материалов, отражающих деятельность чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов. Подготовка публикации, предисловие и примечания К. И. БУКОВА.

ПРОТОКОЛ

заседания Московской общегородской конференции РКП(б) от 30-го января 1919 года по вопросу о взаимоотношениях Чрезвычайных комиссий и Рев. трибуналов

Председательствует тов. Пятницкий[1].

Присутствуют: 122 товарища с решающими голосами

Слово предоставляется докладчику от имени Московского комитета тов. Крыленко[2].

КРЫЛЕНКО. Московская конференция должна сказать свое авторитетное слово по вопросу, который имеет не только теоретическое значение, но который надо ставить в такой плоскости: можно ли оставить в таком положении органы борьбы с контрреволюцией, и если можно или нельзя, то почему.

БУКОВ Константин Иванович — доктор исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории партии МГК и МК КПСС.

Вопрос идет не о прошлом Чрезвычайной Комиссии, о ее заслугах, а о том, может ли сохраниться сейчас то, что есть, и каковы последствия этого. Мы говорим таким образом: для революции опасно оставлять эти органы в таком положении, в каком они существовали до сих пор. Чрезвычайные комиссии, органы борьбы с контрреволюцией, развивались в период развития борьбы с последней. Они представляют собой организации, которые не были ограничены никаким законом. В дальнейшем стало ясно, что впредь существующее положение в ЧК не может сохраниться; причиной этого были не те ошибки, которые там совершались, но тот факт, что сама организация чрезвычайных комиссий порождала эти ошибки и толкала на этот путь всех работников ЧК.

В отчетах и следственных материалах о некоторых ЧК мы видим ряд вопиющих злоупотреблений, даже во вновь организованных ЧК в освобожденных от оккупации областях. Все эти злоупотребления являются результатом условий работы в этой организации. Такие отдельные злоупотребления, конечно, не располагают население к Советской власти, они уничтожают контакт с населением—единственную базу опоры Советской России. И в других областях советской работы мы встречаем злоупотребления, но мы должны сначала обратить свое внимание на те организации, которым дано больше прав, то есть на Чрезвычайные Комиссии.

Необходимо найти причины тех злоупотреблений, которые имеют место в ЧК. Дело не в применении решительных мер при борьбе с контрреволюцией, а в том, чтобы эти меры направлялись действительно против врагов революции. Условием этого должна быть хорошая постановка работы в розыскных и следственных органах. Те учреждения, которые решают судьбы людей, должны быть сами ответственны перед другими высшими организациями. Должен быть такой орган, в котором каждый гражданин мог бы получить ответ по поводу тех дел, которые находятся в процессе судебного разбирательства. ЧК построены на совершенно иных началах, на основаниях ограждения себя китайской стеной от всякого, даже партийного контроля. Контроль партии может выражаться лишь в направлении работы по определенным принципам. Более полного контроля партийная организация провести не может. Необходимо уничтожить принципы безгласности и бесконтрольности в работе ЧК. Все приговоры должны выноситься гласно и вся предварительная работа следователя по подготовке дела должна происходить под контролем судебных учреждений. В ЧК показаниям следователей придается полная вера, чем создается возможность злоупотреблений со стороны их. Должны быть созданы другие условия следствия: каждый обвиняемый может вызвать нужных ему свидетелей и заявить суду о неправильных действиях следователя, если таковые имели место. Все подробности дела узнаются от свидетелей и от обвиняемого на открытом гласном суде; таким образом уничтожается возможность злоупотреблений со стороны следователя.

Защитники Чрезвычайных Комиссий заявляют, что разбор дела производится в Революционных Трибуналах недостаточно быстро. Для этого надо устранить все излишние формальности, ускорить судопроизводство. Быстрота достигается также тем, что судьями являются пять ответственных партийных товарищей, которые при вынесении приговоров руководствуются исключительно своей революционной совестью. Они решают, надо ли или нет заслушать всех свидетелей по данному делу, допускать или не допускать обвинителя и защитника. Кроме того, практика показала, что одни и те же дела разбирались и ЧК и Революционным Трибуналом одинаково быстро, с той только разницей, что Революционные Трибуналы успели за это время заслушать целый ряд свидетелей для выяснения подробностей дела, [тогда как] ЧК руководствовалась исключительно материалом, добытым следователем, и приговор, вынесенный Революционным Трибуналом, был более суров, чем вынесенный ЧК.

К тому же теперь ЧК стали на путь самоусекновения. Уже уничтожены уездные и районные ЧК. В круг ведения ЧК входит теперь мелкие обыденные вопросы, как например, наблюдение за чисткой снега, стратегическое заселение квартир, в результате чего ЧК завалены всякой работой и не справляются с наиболее важными делами. Плохо поставлено следствие, плохо работают Хозяйственный отдел и Канцелярия, а также некоторые другие отделы. В ведении ЧК должно быть оставлено дело розыска и пресечения преступлений, которые надо поставить так, чтобы каждый гражданин захотел пойти туда работать. Отдельно от розыска должна идти работа по проведению следствия, а затем по вынесению приговора.

Среди руководителей ВЧК, которая не предпринимает никаких мер к реорганизации ЧК, нет единства действий. Так, Лацис[3] предлагает обратить ЧК в административные отделы Советов. Петерс[4] считает необходимым только в некоторых городах и местностях отнять у ЧК судебные функции. Если местные советские учреждения нуждаются в ЧК, в терроре, это доказывает, что такие выборные органы никуда не годятся.

Это решение Петерса есть отказ от решения. Тов. Дзержинский[5] был согласен с моим мнением, однако он был против того, чтобы оформить это в юридических нормах. В виду того, что окончательное решение дел принадлежит Революционному Трибуналу, он должен быть самостоятельным, в то время как другие товарищи предлагают, чтобы Революционный Трибунал превратился в отделение при ЧК.

Все эти три точки зрения нас не удовлетворяют. ЧК допустимы только в чрезвычайный момент.

Революционные Трибуналы по своим полномочиям также не мирные органы. Мы сокращаем в них состав судей до пяти человек; единственным мерилом степени виновности подсудимого является революционная совесть судей, которые избираются из среды надежных партийных товарищей. Однако мы требуем и настаиваем на оставлении за Революционным Трибуналом гласности, а также возможности проверки следствия и действий следователя. Розыск и следствие должны быть отделены одно от другого, чего нет в ЧК. Последним предоставляются только функции розыскных боевых органов по предупреждению и пресечению преступлений.

Вопрос стоит таким образом, что приходится говорить не о том, надо или не надо уничтожать ЧК, а о том, что нельзя сохранить то, что есть сейчас, и что надо создать такие органы беспощадной борьбы с контрреволюцией, органы гласные и допускающие контроль, которые, однако, давали бы более или менее твердую уверенность в том, что будет избегнута возможность ошибок и злоупотреблений со стороны следователей, а также других сотрудников этого органа. Революционный Трибунал в том виде, в каком предлагает наша резолюция, и будет таким органом.

ДЗЕРЖИНСКИЙ. Тов. Дзержинский заявляет, что тов. Крыленко опирался на те документы, которые им не проверены и которые являются докладами ненадежных людей.

Борьба с чрезвычайными комиссиями, говорит содокладчик, играет в руки только нашим врагам. Не только в ЧК, но и во всех других учреждениях есть недостатки, поэтому нельзя вопрос о ЧК рассматривать в такой плоскости.

ЧК — это органы, которые были созданы в то время, когда были нужны чрезвычайные меры. Мы должны смотреть с точки зрения победы революции, а уничтожением ЧК мы только повредим. Именно там, где Чрезвычайные Комиссии не выполняют хорошо своего назначения, там сильна контрреволюция, как было в Перми. Таким путем можно довести Советскую Россию до нового Брестского мира, который будет уже не передышкой, а гибелью пролетарской революции. Крупную буржуазию мы победили, оставшиеся враги окопались во многих наших советских учреждениях, саботируют и тормозят нашу работу. Во многих из них работают бывшие вице-губернаторы. Борьбу с ними, с этими контрреволюционерами, можно поручить только ЧК, но не Революционному Трибуналу. Там, где пролетариат применил массовый террор, там мы не встречаем предательства.

Противники ЧК своими нападками на эти организации заставляют бежать оттуда лучших партийных товарищей.

Боевой орган по борьбе с контрреволюцией должен быть единым, неделимым в своих функциях. ЧК нельзя превратить в розыскные органы, для этого можно будет создать уголовную милицию. Утверждение тов. Крыленко, что в Революционном Трибунале будет достигнут контроль над следователем, не имеет оснований, так как каждый подсудимый может делать ложные заявления по поводу действий следователя. Тов. Крыленко своим проектом организации Революционных Трибуналов создаст целую массу бумагомарания и бесконечно длинные процессы. В виду недостатка сил мы не могли уберечься от некоторых ошибок. Но тогда для избежания этого надо соединить с нашими органами орган Революционного Трибунала и такой экономией сил создать единый орган борьбы с контрреволюцией при ЧК, которые являются органами более решительными, чем Революционные Трибуналы. Мы не отрицаем гласность, но мы против уничтожения ЧК, так как период чрезвычайных обстоятельств еще не прошел.

Чтобы сберечь силы, мы уничтожили уездные ЧК. Мы стараемся улучшить работу их, надо дать нам новые силы. ЧК не имеют традиций и поэтому нет более гибкого учреждения, чем они.

Работники ЧК — это солдаты революции, и они не смогут пойти на работу розыска — шпионства: социалисты не подходят для такой работы. Боевому органу, подобному ЧК, нельзя передавать работу полиции. Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно. На фронте только одна фамилия Дзержинского произвела огромное впечатление, хотя я там работал недолго. Можно не пользоваться правом расстрела, но оно должно быть.

Принимается предложение давать слово каждому оратору в порядке записи, а не представителям от районов.

Время ораторов ограничивается десятью минутами.

МОРОЗ[6]. Сама жизнь подсказала пролетариату необходимость применения смертной казни. Во Французской революции были также созданы органы, подобные нашим Чрезвычайным Комиссиям. ЧК организовались сами по себе под напором буржуазно-белогвардейского террора для создания в противовес ему красного террора.

Как только ЧК стали проводить чистку среди белогвардейцев, на ЧК стали литься целые потоки грязи.

Смертная казнь не узаконенная никем; она выдвинута движением революции, как и сами ЧК. Ввиду того, что мы еще не уничтожили в корне контрреволюцию, мы не можем уничтожать и ЧК.

ЧК не отгорожены китайской стеной от остального мира. Партийный Комитет может в любое время потребовать отчета.

Контрреволюция и преступление по должности еще существуют в Советской России, следовательно должны существовать и органы борьбы с ними, т. е. ЧК.

Список ораторов закрывается, слово предоставляется товарищам в порядке записи: одному за предложение тов. Крыленко, другому против.

ИЛЬЯ[7]. Представители ЧК все время говорят о необходимости подавления контрреволюции, но это неоспоримая истина. Дело однако в том, что теперь положение Советской России сильно изменилось с октября. Тов. Ленин в своих речах говорит — ввиду того, что наше положение внутри Советской России укрепилось и часть контрреволюционеров побеждена, должно измениться и наше отношение к соседям и даже бывшим врагам: мы должны войти с ними в добрососедские отношения.

ЧК не раскрывают преступлении, но создают их. Некоторые меры и способы борьбы, например, угрозы, не всегда полезны, как например, теперь, когда они только вредят нам.

Мы все несем ответственность за введение смертной казни, но когда ее применение находится в полной зависимости от следователя, тогда мы восстаем против такого способа ее применения, как это бывает в ЧК. Здесь нет возможности проверить, расстреливается наш враг или же наш друг. Нам необходима гарантия, что ни один невинный не будет напрасно осужден. Это право каждого гражданина и особенно рабочего. Отсутствием этого права мы не можем создать в среде рабочих уверенности в Советской власти и сочувствия к ней.

Тов. Ленин советует договориться с мелкой и средней буржуазией, чтобы привлечь ее на свою сторону, если она не борется против нас. Достигнуть этого мы можем тем, что дадим среднему классу уверенность в том, что Советская власть защитит их от всякого произвола и насилия без всякой вины с их стороны.

Мы вовсе не советуем прекратить борьбу с нашими врагами, но советуем изменить отношение к нашим соседям, которых можно привлечь на нашу сторону. Однако всего этого мы не достигнем Чрезвычайными Комиссиями, которые созданы совершенно в другом духе; только Революционные Трибуналы, созданные по проекту тов. Крыленко, могут помочь нашей работе в этом направлении.

МИЗИКИН[8]. Если мы вместо ВЧК назовем наш орган Всероссийским Революционным Трибуналом, разницы от этого никакой не будет. У нас вовсе нет уверенности, что в Революционных Трибуналах мы получим возможность контроля над действиями его сотрудников. К тому же Революционные Трибуналы отличаются тем, что своими приговорами освобождают очень часто наших врагов.

Мы находимся в периоде острой гражданской войны, и ЧК создаются сами в силу обстоятельств.

Если мы вместо Чрезвычайных Комиссий создадим равносильные им Революционные Трибуналы, то это будет лишней тратой сил. В том-то и дело, что все ведется к тому, чтобы относиться мягче к мелкой буржуазии и к бывшим чиновникам, для чего предлагается создать Революционные Трибуналы.

КРЮКОВ[9]. Теперь время не то, что было раньше. Теперь необходимо все дела о преступлениях передать в Революционные Трибуналы, а не в Чрезвычайные Комиссии, которые обычно действуют сгоряча. Мы должны судить разумом, а не чувством, иначе мы погубим нашу революцию. Здесь борются две силы, две организации — Чрезвычайная Комиссия и Революционный Трибунал. Мы должны передать наши гражданские дела в одни руки, в руки Революционного Трибунала. Необходимо централизовать всю работу, которая уничтожит создавшуюся путаницу. Чрезвычайные Комиссии не хотят брать на себя розыскные функции, но если мы идем с пролетариатом, мы не должны думать о том, какую работу нам приходится исполнять, а браться за то, что необходимо для пользы революции.

ИЛЮШИН[10]. Мы не умеем оценивать логики вещей. Сыск действительно есть буржуазное наследие, но мы должны брать у буржуазии все, что может быть для нас полезным. Теперь, когда буржуазия приняла другой метод борьбы с революцией, метод скрытого саботажа в советских учреждениях, мы также должны изменить наш метод борьбы с самой буржуазией. Мы должны вытаскивать контрреволюционеров из наших советских организаций. Мы должны из тех 75% коммунистов — сотрудников Чрезвычайных Комиссий создать боевой орган — Революционные Трибуналы. ЧК были нужны как органы борьбы с контрреволюцией, но ввиду того, что контрреволюция проявляет себя в другой области, поэтому и органы борьбы с ней должны взять на себя другие функции: розыска в среде советских сотрудников. Нам надо с помощью коммунистов, работающих в ЧК, создать боевой розыскной орган, который будет разыскивать и пресекать преступления. Когда преступление будет пресечено, этот орган передаст свои права и арестованных им преступников Революционным Трибуналам.

Прения закончены.

Слово предоставляется тов. Петерсу как содокладчику вместо тов. Дзержинского

ПЕТЕРС. Злоупотребления, о которых говорит тов. Крыленко, имеются не только в Чрезвычайных Комиссиях, но и во всех других советских учреждениях. Тов. Крыленко обещает, что в Революционных Трибуналах, реорганизованных по его проекту, не будет никаких злоупотреблений. Если действительно это будет достигнуто в центре, то во всяком случае нельзя будет сказать этого о провинции. Мы смели крупную буржуазию, вся оставшаяся средняя и мелкая буржуазия пошла в советские учреждения, и с ней-то надо бороться. Те, кто выступает против ЧК, говорят о том, что надо мягче относиться к буржуазии, которая, однако, не перестала стоять по отношению к нам в самой резкой оппозиции и всеми силами борется с нами.

Положение о Революционных Трибуналах не идеально. Через некоторое время после работы узаконенного Революционного Трибунала придется вновь организовать ЧК для борьбы с поднявшейся контрреволюцией в разных городах. Высшая власть в отдельных городах должна принадлежать центральным учреждениям нашей партии, которые должны дать направляющую линию и Чрезвычайным Комиссиям и Революционным Трибуналам. Местные Чрезвычайные Комиссии зависят от Исполнительного Комитета и ВЧК.

В Революционных Трибуналах направляющий тон должен быть дан не отдельными товарищами-судьями, а партийными организациями.

На практике оказывалось, что ни один из органов не в состоянии пресекать бандитизм, контрреволюционные и другие выступления, кроме ЧК. Уничтожение ЧК поведет повсюду к тому, что нам придется перейти на нелегальное положение.

ЧК не может изложить свой полный подробный план действий. В своей резолюции тов. Крыленко не говорит о том, что его проект предполагает полное уничтожение Чрезвычайных Комиссий.

Ограничить чрезвычайные права ЧК можно, может быть, только в Москве, но не по всей России, где это является преждевременным.

КРЫЛЕНКО (докладчик). Те факты, на которые мне пришлось опираться и которые характеризуют деятельность ЧК, почерпнуты мною из официальных докладов следственной комиссии Верховного Революционного Трибунала, а также следственной комиссии Вятского Исполнительного Комитета.

Предложение товарищей послать на работы в ЧК хороших партийных товарищей не поведет ни к чему, так как обстановка и условия работы в ней таковы, что создают тенденцию среди работников ЧК такого рода, будто чекисты являются монополистами спасения революции.

Мы не можем признать того, чтобы одни дела, как того захочет Чрезвычайная Комиссия, передадутся в Революционный Трибунал, другие же нет.

Мы боремся не только против ЧК, но и против всяких злоупотреблений.

Резолюция тов. Дзержинского о ЧК требует оставить все по-старому, мы же настаиваем на полной реорганизации как Чрезвычайной Комиссии, так и Революционного Трибунала. Мы говорим о необходимости оставить за ЧК функции розыскно-боевые, но не уничтожаем их.

Общегородская Конференция должна высказать свое мнение по этому поводу, так как ЦК партии ждет решения партийных низов по данному вопросу.

ПЯТНИЦКИЙ. Ставит на голосование резолюцию Московского Комитета, принятую межрайонным совещанием с поправками тов. Скрыпника[11] и Петерса.

Резолюция: Довести до сведения Центрального Комитета следующие пункты, принятые по вопросу о Чрезвычайных Комиссиях и Революционных Трибуналах.

1. Право вынесения каких-либо решений судебного характера должно быть изъято от Чрезвычайных Комиссий и передано Революционным Трибуналам.

2. Революционные Трибуналы должны быть реформированы на основах устранения всех излишних формальностей, ускорения судопроизводства и более тщательного партийного выбора членов Революционных Трибуналов.

3. За Чрезвычайными Комиссиями должна быть оставлена только роль розыскных боевых органов по предупреждению и пресечению преступлений.

РЕЗОЛЮЦИЯ, предложенная тов. Дзержинским на общегородской конференции.

Городская Конференция, обсудив вопрос о Революционном Трибунале и Чрезвычайных Комиссиях, находит, что в то время когда вся Советская Россия окутана со всех сторон бандитами международного империализма, когда внутри страны агенты контрреволюции повсюду и везде ведут упорную борьбу за свержение Советской власти, когда деревню вооружают против города и когда саботаж и спекуляция принимают новые формы, конференция считает, что уничтожение ЧК или изъятие из ЧК права беспощадной борьбы со всеми врагами РСФСР или уничтожение следственного аппарата ЧК может только ослабить диктатуру пролетариата и ослабить политическую мощь страны. А потому Городская конференция всецело одобряет общую политику ВЧК в борьбе с контрреволюцией и предлагает ЦК РКП при разрешении вопроса о ЧК усилить и обратить сугубое внимание на всю работу ЧК и поручает Московскому Комитету посылать для работ в Московской Чрезвычайной Комиссии самых активных и надежных товарищей.

Ставится на голосование вопрос, какую резолюцию — предложенную от имени Московского Комитета или тов. Дзержинским — принять за основу.

Резолюция Московского Комитета 98-ю голосами против 25-ти принимается за основу.

Голосуется резолюция Московского Комитета, взятая за основу, по пунктам.

I пункт

Поправки: БЕЛЕНЬКИЙ[12]. Внести поправку: «исключая случаи борьбы с хулиганством, бандитизмом и восстаниями» — отклоняется.

В ненормальных, исключительных условиях Чрезвычайным Комиссиям должно быть предоставлено право вынесения смертного приговора.

Необходимо к первому пункту прибавить, что с согласия ЦК партии могут быть изъяты те или другие дела из ведения Революционных Трибуналов,— отклоняется.

КРЫЛЕНКО (возражает против обеих поправок). Нет надобности предоставлять ЧК право применения смертной казни даже в случаях, упомянутых тов. Беленьким. Когда преступник пойман с поличным на месте преступления или же в разгаре самой борьбы с восстаниями, ЧК, без всякого сомнения, может расстреливать на месте. В том случае, когда борьба принимает организованный характер, право вынесения смертного приговора должно перейти к Революционному Трибуналу. Что касается второй поправки, то и без нашего постановления ЦК имеет такое право.

Первый пункт принимается без изменения.

2 пункт

Второй пункт принимается без изменений.

3 пункт

ВЕГЕР [13]. Необходимо добавить: «Причем ЧК действуют под контролем Комиссариата Юстиции» — отклоняется.

ХМЕЛЬНИЦКИЙ. Необходимо добавление: «ЧК в порядке обжалованья подчинены контролю Революционного Трибунала». Без этой поправки 3-й пункт останется без движения. Партийный контроль, [а также контроль] Исполнительного Комитета и других учреждений не может быть проведен в должной мере. Только Революционный Трибунал может взять на себя эти функции контроля — отклоняется.

КРЫЛЕНКО. Результаты розыска идут на суд Революционного Трибунала, который таким образом может провести контроль над розыскными органами. Из этих соображений, поправку т. Вегера можно отклонить.

Мы можем сейчас привлекать к суду всякого преступника. На этих же основаниях любой сотрудник ВЧК, уличенный в злоупотреблениях, может быть привлечен Революционным Трибуналом. Таким образом, и поправка тов. Хмельницкого не вносит ничего нового.

Третий пункт принимается без изменения.

Московский партийный архив Института истории партии МГК и МК КПСС, ф. 3, оп. 1, д. 99, лл. 30—40.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пятницкий (Таршис) Иосиф (Осип) Аронович (1882—1938) — член Коммунистической партии с 1898 года. Профессиональный революционер. С апреля 1917 г. входил в состав МК РСДРП(б). В 1918—1922 гг.— член исполкома Моссовета и член ВЦИК. С марта 1921 г. работал в Исполкоме Коминтерна. С сентября 1935 г.— в аппарате ЦК ВКП(б). Делегат VIII, IX, XII—XVII съездов партии. На IX съезде избран кандидатом в члены ЦК. На XIII и XIV съездах — членом ЦКК, на XV—XVII съездах — членом ЦК ВКП(б). В 1938 г. по ложному обвинению расстрелян.

[2] Крыленко Николай Васильевич (1885—1938) — член Коммунистической партии с 1904 года. На II Всероссийском съезде Советов избран членом ВЦИК. В первом составе Совнаркома — член Комитета по военным и морским делам, нарком. С 9 (22) ноября 1917 г. до марта 1918 г.— верховный главнокомандующий. С марта 1918 г.— член коллегии Наркомюста РСФСР, один из организаторов советского суда и прокуратуры. С мая 1918 г.— председатель Ревтрибунала (с 1919 г. — Верховного ревтрибунала) при ВЦИК. В 1938 г. по ложному обвинению расстрелян.

[3] Лацис Мартын Иванович (Ян Фридрихович Судрабс) (1888—1938) — член Коммунистической партии с 1905 года. После победы Октябрьской революции — член коллегии НКВД и ВЧК, в мае — июле 1918 г.— начальник отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией, в июле — ноябре 1918 г.— председатель ЧК и Военного трибунала на Восточном фронте. В 1919—1920 гг.— начальник отдела ВЧК, председатель Всеукраинской ЧК. В 1938 г. по ложному обвинению расстрелян.

[4] Петерс Яков Христофорович (1886—1938) — член Коммунистической партии с 1904 года. С декабря 1917 г.— председатель Ревтрибунала, член коллегии и зам. председателя ВЧК. В июле 1918 г.— марте 1919 г. исполнял должности председателя и заместителя председателя ВЧК. В 1938 г. по ложному обвинению расстрелян.

[5] Дзержинский Феликс Эдмундович (1877—1926) — член Коммунистической партии с марта 1917 года. Член МК РСДРП(б), исполкома Моссовета. С декабря 1917 г. до февраля 1922 г.— председатель ВЧК. В марте 1919 г.— июле 1923 г. нарком внутренних дел.

[6] Мороз Григорий Семенович (1893—1937) — член Городского райкома РКП(б), с 1918 г.— в ВЧК, сотрудник Отдела по борьбе со спекуляцией, затем зав. Инструкторским отделом, с марта 1919 г. член Коллегии, с июня 1919 — начальник Следственного отдела ВЧК. Расстрелян по ложному обвинению.

[7] Илья (Цивцивадзе Илья Венедиктович) (1881—1941) — член Коммунистической партии с 1903 года. Профессиональный революционер. В 1905—1907 гг. участвовал в создании боевых дружин в Закавказье, являлся редактором большевистской газеты «Время». С 1911 г.— в Москве, входил в состав Лефортовской большевистской организации. После Февральской революции 1917 г.— член МК РСДРП(б), ответственный партийный организатор Замоскворецкого района. В октябрьские дни 1917 г. возглавлял ВРК Замоскворечья. Член МК партии и президиума Моссовета, председатель следственной комиссии, заместитель председателя Московского ревтрибунала. В 1921—1922 гг.— управляющий делами Совнаркома ГССР. С конца 1922 г.— на административно-хозяйственной работе в Москве. Делегат VIII и IX съездов партии, член ВЦИК.

[8] Мизикин Николай Иванович (1886—1958) — член Коммунистической партии с 1911 года. Вел партийную и профсоюзную работу в Лефортове и Благуше. Неоднократно арестовывался и ссылался. После Февральской революции 1917 г.— председатель первого легального Лефортовского РК РСДРП(б), депутат районного Совета. От Лефортовской организации РСДРП(б) избирался делегатом VI съезда партии. В октябрьские дни 1917 г.— член ВРК и штаба Красной гвардии Лефортовского района. В дальнейшем возглавлял районный отдел народного образования. В июле 1918 г. добровольцем вступил в Красную Армию, в 1919 г.— военком полка 56-й стрелковой дивизии. В мирные годы — директор фабрики им. Баумана, начальник Всесоюзного транспортного объединения Наркомснаба СССР и др. В годы Великой Отечественной войны сражался в рядах народного ополчения.

[9] Крюков Федор Осипович (1885—1950) — член Коммунистической партии с 1906 года. Участник Февральской и Октябрьской революций в Москве. После победы Октября — секретарь Алексеевско-Ростокинского РК РКП(б) и член президиума райсовета. 25 сентября 1919 г. тяжело ранен во время взрыва в здании МК РКП(б) в Леонтьевском переулке. С 1918 по 1924 г.— член Московского Совета. В последующем — на хозяйственной и советской работе.

[10] Илюшин — входил в состав Бутырского районного комитета РСДРП(б), сложившийся после Февральской революции.

[11] Скрыпник Николай Алексеевич (1872—1933) — член Коммунистической партии с 1897 года. С марта 1918 г.— председатель правительства и нарком иностранных дел УССР, один из организаторов КП(б) Украины. В июле 1918 г.— январе 1919 г. член коллегии ВЧК, начальник отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией, затем — начальник Секретно-оперативного отдела ВЧК. Покончил с собой в 1933 году.

[12] Беленький Григорий Яковлевич (1885—1937) — член Коммунистической партии с 1901 года. После Февральской революции 1917 г.— член Московского областного бюро РСДРП. С 1919 г. входил в состав Краснопресненского РК РКП(б). Расстрелян по ложному обвинению.

[13] Вегер Евгений Ильич (1899—1937) — член Коммунистической партии с 1918 года. Учился в Московском высшем техническом училище. Работал в Бауманском райкоме партии. По рекомендации МК ВКП(б) был направлен начальником политотдела Восточного фронта, а затем пом. начальника политотдела Кавказского фронта. Награжден орденом Красного Знамени.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ МОСКОВСКОГО ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ

В. А. Кучкин

В научно-справочной и специальной литературе время основания древнейшего московского монастыря — Данилова — определяется различно. В конце XVIII в. полагали, что первый московский князь Даниил основал монастырь «около 13 столетия». Эту же дату привел и Амвросий, но в другой части своего труда назвал еще одну: 1272 год. П. М. Строев полагал, что Данилов монастырь был основан в начале XIV в., а В. В. Зверинский — во второй половине XIII века. Дионисий в одном месте своей работы почему-то остановился на дате «не позднее 1282 г.», а в другом — «не ранее 1272 г., но и едва ли позднее 1282 г.»[1]. Уже само количество предложенных дат показывает, что все они лишены серьезного обоснования. Тем не менее многие из них фигурируют в путеводителях по Москве, в том числе и в новейших[2], создавая изрядную путаницу в представлениях о времени строительства Данилова монастыря. Чтобы определить его, необходимо обратиться к первоисточникам.

В древних памятниках письменности московский Данилов монастырь упоминается довольно редко. Более или менее подробный рассказ о нем содержит Книга Степенная царского родословия, составленная в 60-е годы XVI в., из которой можно узнать, что в XIV—XV вв. монастырь оскудел, а затем и исчез, «яко ни следу монастыря познаватися», осталась только церковь Даниила Столпника да рядом с нею сельцо Даниловское. Лишь при Иване Грозном монастырь был возобновлен[3]. Начало же монастыря описано в Степенной книге по более ранним летописным сводам, о чем свидетельствует ссылка: «яко же пишеть въ лѣтописаниихъ»[4].

Действительно, в ряде летописей XV — первой половины XVI в. под 1330 г. приводится рассказ, содержащий сведения об основании Данилова монастыря. Наиболее древней из них была сгоревшая в московском пожаре 1812 г. Троицкая летопись. Но еще до нашествия Наполеона Н. М. Карамзин успел сделать из статьи 1330 г. этой летописи три выписки[5]. Они весьма существенны для доказательства древности известий о Даниловом монастыре, но полностью содержания статьи 1330 г. не передают. Поэтому приходится обращаться к статье 1330 г. Рогожского летописца, дошедшего также в весьма древнем списке — 40-х годов XV века.

В этом летописце сообщается, что 10 мая 1330 г. Иван Калита в московском Кремле близ своего двора заложил каменную церковь Спаса Преображения. Далее рассказывается, что он учредил здесь монастырь и «приведе ту пръваго архимандрита Иоана», который «послѣди поставленъ бысть епископомъ Ростову» и «въ старости глубоцѣ къ господу отнде»[6]. Летописец не только отметил факт учреждения архимандритии в кремлевском Спасо-Преображенском монастыре, но и прокомментировал его. В этом комментарии и содержатся сведения о Даниловом монастыре. «Глаголють же нѣции отъ древнихъ старець,— записал летописец,— яко пръвии бѣ князь Данило Александрович сна архимандритию имѣяше у святаго Данила за рѣкою, яко в свое ему имя церкви тои поставленѣи сущи, послѣди же нѣ по колицѣхъ лѣтехъ сынъ его князь великии Иоанъ боголюбивъ сыи, паче же рещи, миихолюбивъ и страннолюбивъ и топлѣе сыи вѣрою, и преведе отътуду архимандритию ту и близь себе оучини ю, хотя всегда въ дозорѣ видѣти ю...».

Таков древнейший рассказ о московском Даниловом монастыре. Поскольку он читался в Троицкой летописи, его можно по меньшей мере возвести к ее источнику — своду 1408 г. митрополита Киприана. Сама запись 1330 г. об основании Спасо-Преображенского монастыря и переводе туда архимандритии из Данилова монастыря сделана не ранее 1356 г., так как содержит сведения о поставлении в ростовские епископы спасского архимандрита Иоанна и его кончине, а умер Иоанн в 1356 году[7]. Составитель записи трудился в Московском Кремле, поэтому Данилов монастырь, расположенный на правом берегу р. Москвы, и был для него «за рѣкою».

Из летописного рассказа следует, что каких-либо письменных источников, отдельных заметок, записей, документов о Даниловом монастыре у летописца не было, хотя он и стремился узнать подробности о первой московской обители. Летописец вынужден был ограничиться расспросами знающих людей («глаголють же нѣции древнихъ старець...»), возможно, живших в Кремле своих соседей. Если информаторы летописца были свидетелями того, как князь Даниил возводил монастырь на берегу Москвы, то они действительно должны были быть древними старцами. Ведь летописец писал после 1356 г., а Даниил Московский умер 5 марта 1303 года. Очевидцам построения Данилова монастыря должно было быть в конце 50-х годов XIV в. по 70—80 лет. Степень достоверности их припоминаний установить трудно. Но если они правдивы, то даже из сверхсжатого изложения этих воспоминаний летописцем можно извлечь определенные данные относительно древнейшей истории Данилова монастыря.

Прежде всего выясняется, что монастырь был построен первым московским князем Даниилом, а не кем-нибудь из его сыновей в память отца, что в средневековой Руси было делом нередким. Поэтому основание монастыря можно датировать годами жизни Даниила (1261—1303 гг.). Затем определяется место построения монастыря — на правом берегу р. Москвы, что соответствует положению позднейшего Данилова монастыря и села Даниловского. И наконец, весьма важен факт учреждения в Даниловом монастыре архимандритии. Это знак особого внимания к монастырю его ктитора — князя Даниила, не только основавшего монастырь, но и сделавшего его главным монастырем своего княжества. Не будет, видимо, большой натяжкой утверждать, что в ранний период существования Московского княжества настоятель Данилова монастыря был самым высоким духовным лицом в княжестве.

Если попытаться уточнить время постройки Данилова монастыря, следует принять во внимание три момента. Даниил Александрович ставил монастырь скорее не в расцвете своей деятельности, а к концу жизни, когда надо было думать о собственном пострижении. Он и умер, по выражению летописи, «в черньцѣх и в скимѣ»[8]. Санкцию на возведение настоятеля монастыря в ранг архимандрита Даниил мог получить от главы русской церкви в период определенного сближения с митрополитом и при отсутствии давлении на последнего политических противников Москвы, в частности великого

КУЧКИН Владимир Андреевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

[1] Историческое и топографическое писание первопрестольного града Москвы. М. 1796, с. 64; Амвросий. История российской иерархии. Ч. IV. М. 1812, с. 5; ч. VI. М. 1815, с. 1104; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб. 1877, стб. 198; Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. II. СПб. 1892, с. 122; Дионисий. Даниловский мужской монастырь... в Москве. М. 1898, с. 4, 132.

[2] Например, в книге Ф. Л. Курлата и Ю. Е. Соколовского «Познакомьтесь — наша Москва» (М. 1968) временем основания Данилова монастыря назван 1282 г. (с. 367), а в книгах тех же авторов «С путеводителем по Москве» (М. 1980) — конец XIII в. (с. 357).

[3] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 21, ч. 1. СПб. 1908, с. 298, 300.

[4] Там же, с. 319. Эта прямая ссылка показывает, что Степенная книга не может считаться наиболее достоверным источником по истории московского Данилова монастыря, как в свое время полагал Амфилохий (Амфилохий. Летописные и другие сказания о св. благоверном князе Даниле Александровиче. М. 1873, с. 7).

[5] Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л. 1950, с. 360, прим. 2.

[6] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Пг. 1922, стб. 46.

[7] Там же, стб. 64.

[8] ПСРЛ. Т. 1. Л. 1926—1928, стб. 486.

князя Владимирского. Наконец, само местоположение Данилова монастыря по пути на юг от Кремля через Нижние Котлы, Коломенское и далее к Коломне указывает, что ему отводилась роль военного форпоста при нападениях на Москву монголо-татар. Поэтому возведение такого оборонительного заслона по времени должно координироваться с реальными угрозами Москве со стороны Орды.

Какой же период правления Даниила более всего отвечал этим условиям? Фактически московским князем Даниил стал не ранее 1270 г. (до того Москвой управляли наместники великого князя Владимирского), а активное политическое и военное соперничество с другими князьями Северо-Восточной Руси он начал с 1282 года. В первой половине 80-х годов XIII в. Даниил выступал в союзе с князем тверским против великого князя владимирского Дмитрия Александровича, но в 1287 г.— в союзе с последним против Твери. В 1293 г. Даниил вместе с Дмитрием Александровичем и Михаилом Тверским противостоял фактическому великому князю владимирскому Андрею Александровичу, пришедшему на Русь из Орды с ратью Дюденя.

Тогда ордынцы (впервые после Батыева погрома) сумели захватить среди других русских городов и Москву. В летописном известии об этом отмечается, что ордынцы «взяша Москву всю и волости и села». Но там ничего не сказано о монастырях, которых, возможно, в 1293 г. еще не было. После смерти в 1294 г. Дмитрия Александровича Даниил возглавил коалицию Московского, Тверского, Переяславского княжеств и Новгорода Великого против Андрея Александровича. Примирение между противниками произошло в 1297 году. Осенью 1300 г. Даниил рассорился с князем Тверским, ходил походом на Рязань, в конце 1302 г. захватил Переяславское княжество, которое должно было отойти Андрею Александровичу[9].

Из этого обзора событий видно, что наиболее подходящим временем для строительства Данилова монастыря были 1297—1300 гг.— период, когда в этом регионе на время прекратились междоусобицы и после нападения в 1293 г. Дюденя Даниилу стала ясна необходимость защиты Москвы от вторжений с юга. Летом 1299 г. глава русской церкви митрополит Максим перенес свою резиденцию из Киева во Владимир-на-Клязьме и потому должен был охотнее откликаться на просьбы северо-восточных князей о церковном устройстве их княжеств, в частности об учреждении архимандритий. Даниилу было уже под 40 — возраст, солидный для человека Средневековья. Принимая во внимание, что в Древней Руси строительные сезоны начинались, как правило, летом, в рамках отмеченного периода наиболее вероятным временем основания первого в Москве Даниилова монастыря надо признать 1298—1299 годы. Археологическое обследование современной территории монастыря помогло бы полнее и хронологически точнее представить его раннюю историю.

---

[9] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л. 1950, с. 325; ПСРЛ. Т. 18. СПб. 1913, с. 82; Биографию Даниила Александровича см.: Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб. 1891, с. 273—275; см. также: Новое о прошлом нашей страны. М. 1967, с. 58—63.

СКИФ АНАХАРСИС

М. В. Скржинская

В Париже в конце XVIII в. вышел в свет роман аббата Жан-Жака Бартельми «Путешествие Анахарсиса-младшего в Грецию»[1]. Он имел огромный успех и выдержал несколько изданий. Вдохновленный этой книгой, один из деятелей Французской революции — Жан-Батист Клоотц даже изменил имя и стал называть себя Анахарсисом. Книга завоевала популярность и в России. Она была в библиотеке А. С. Пушкина. Под ее впечатлением великий наш поэт в стихотворении «Вельможа» сравнил с Анахарсисом путешествовавшего по Европе князя Юсупова: «И скромно ты внимал // За чашей медленной афею иль деисту, // как любопытный скиф афинскому софисту».

В романе рассказывалось, как в IV в. до н. э.[2] молодой скиф Анахарсис отправился в Грецию для получения образования. Бартельми описывал памятники, науку и культуру древней Эллады, увиденные глазами пытливого варвара. Личность Анахарсиса придумана Бартельми, но идею поездки скифа в Грецию с целью обучения аббат почерпнул у античных авторов. Герой романа шел по стопам своего жившего в VI в. предка и тезки, о котором упоминают многие древние писатели.

Наиболее ранний письменный источник о жизни Анахарсиса — скифский рассказ в книге IV «Истории» Геродота. Материал для нее был собран столетием позже. Скиф изображен словно известное грекам историческое лицо, и уже при первом упоминании (IV, 46)[3] историк пишет о нем как о хорошо знакомом читателям человеке. Поэтому Геродот лишь упомянул о путешествии скифа в Грецию, зато подробно изложил услышанный в Северном Причерноморье рассказ об обстоятельствах его гибели. В сочетании со сведениями более поздних авторов (Плутарх, Лукиан, Диоген Лаэртский и др.) рассказ Геродота (IV, 76—77) сводится к следующему: по поручению скифского царя Анахарсис отправился в Грецию для получения образования. Он побывал в Афинах, где встретился со знаменитым законодателем Солоном, а также в Дельфах, Спарте, в Лидии у царя Креза. Остроумные ответы и мудрые изречения Анахарсиса привели греков в такое восхищение, что они сочли его одним из самых мудрых людей своего времени, а кое-кто включил его даже в число семи знаменитых мудрецов. Возвращаясь на родину, Анахарсис остановился в Кизике, на азиатском берегу Мраморного моря. Там он наблюдал торжественный праздник в честь Матери богов и дал обет совершить ей жертвоприношение, если благополучно достигнет родины. Прибыв в Скифию, Анахарсис отправился в Гилею (лесная область к востоку от Днепра), где и исполнил обещанный обряд. Но скифы почитали только собственных богов и враждебно относились к греческой религии. Поэтому, когда о жертвоприношении Анахарсиса донесли царю Савлию, тот убил вероотступника стрелой из лука.

Савлий был братом Анахарсиса и отцом Идантирса, который победил персидского царя Дария во время его похода на Скифию между 515 и 512 годами. Так устанавливается приблизительная дата смерти Анахарсиса: середина или вторая треть VI века. Остальные сведения касаются изобретений скифа и главным образом его изречений. По единодушному мнению ученых, и то, и другое в значительной мере было приписано ему в более поздние времена. Например, Эфор, историк IV в., считал Анахарсиса изобретателем гончарного круга и двузубого якоря. Это мнение критиковали еще в древности (Страбон. География, VI, 3, 9). Действительно, по археологическим данным известно, что греки задолго до VI в. пользовались гончарным кругом, а скифы, несмотря на тесные контакты с греками, его не освоили и изготовляли лишь лепную керамику.

В качестве примеров мудрых ответов и изречений Анахарсиса приведем несколько, записанных в сочинении Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (I, 8). Анахарсис у дома Солона велел его рабу передать, что пришел к хозяину, чтобы повидать его и стать его другом. Солон через раба ответил, что друзей заводят у себя на родине. Анахарсис же нашелся и сказал, что раз Солон у себя на родине, так почему бы ему и не завести друга? Пораженный его находчивостью, Солон впустил скифа. На вопрос, что в человеке одновременно хорошо и дурно, Анахарсис ответил: «Язык». Когда его спросили, какие корабли безопаснее, он ответил: «Вытащенные на берег». Он говорил, что виноградная лоза приносит последовательно три грозди: гроздь наслаждения, гроздь опьянения и гроздь омерзения.

Анализ высказываний Анахарсиса и других его современников, которых тоже причисляли к семи мудрецам, показывает, что эти изречения созданы в разные времена и на разных ступенях культурного развития[4]. Одни и те же сентенции разные авторы

СКРЖИНСКАЯ Мария Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института археологии АН УССР.

[1] Barthélemy J.-J. Voyage du jeune Anacharsis en Grèce dans le milieu du quatrième siècle avant l'ère vulgaire. P. 1788.

[2] Ниже все даты относятся ко времени до нашей эры.

[3] Здесь и далее римской цифрой обозначена книга сочинения, арабской — глава; если глава делится на параграф, то их указывает следующая арабская цифра.

[4] Barkowski A. Sieben Weise. In: Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Bd. 2. Leipzig. 1923, col. 2260.

приписывали различным персонажам. И это не случайно, потому что такие изречения представляют собой народную мудрость, выраженную в кратких сентенциях, что характерно для фольклора большинства народов.

В научной литературе, посвященной Анахарсису, основное внимание уделяется формированию литературного образа мудрого скифа[5]. Некоторые ученые отрицали даже самый факт существования исторического лица, которому греки приписали затем всевозможные сентенции и целые сочинения[6].

Центральное место для греков в жизнеописании скифа занимало его пребывание в Элладе. Идущее от древности объяснение цели его путешествия считают убедительным не только упомянутый французский писатель XVIII в., но и современные ученые[7]. Однако оно выглядит довольно странным на фоне того, что вообще известно ныне о скифах. Действительно, на протяжении многовековых тесных связей с греками в Северном Причерноморье не известны случаи целенаправленного обучения скифов греческой философии и культуре, что вполне естественно для кочевого общества с иным мировоззрением и укладом жизни. Более закономерным представляется вывод Геродота, исследовавшего быт и нравы скифов: историк отмечал их отрицательное в целом отношение к эллинскому образу жизни, религии и обычаям. Так было даже при Геродоте, когда уже наладился постоянный торгово-экономический обмен между скифскими племенами и греческими колониями. А столетием раньше, во время жизни Анахарсиса, лишь отдельные предметы греческого импорта попадали в скифские погребения.

Когда же греки познакомились со скифами? Сведения имеются исключительно с греческой стороны, так как скифы не знали письменности. Древнейшие упоминания встречаются у поэтов VII в. Гесиода и Алкмана. Они идут, вероятно, от ионийских греков, города которых на побережье Малой Азии граничили с теми государствами, куда через Кавказ во второй половине VII в. вторглись скифы. После почти 30-летнего господства их изгнал царь Мидии Киаксар, и они вернулись в Причерноморье. С этого времени греки стали непосредственными соседями скифов, так как основали целую цепь колоний на берегах Черного моря[8]. Первое поселение появилось в VII в. на о. Березань. Его заселили выходцы из Милета, крупного и богатого ионийского города. Новое поселение было названо Борисфеном по названию впадавшей там в море реки (Днепр). Она поражала греков своей полноводностью, богатством рыбой и плодородием земель вдоль берегов.

В VI в. милетские колонисты обосновались во многих пунктах. Крупнейшие из них: Тира в устье Днестра, Ольвия в устье Южного Буга (сюда в конце VI в. переместился из Борисфена центр полиса), Пантикапей (Керчь) на Керченском проливе. На новой родине греки вступили в тесные экономические связи с племенами скифов, во власти которых находились в то время восточноевропейские степи. Письменные и археологические памятники показывают, что в VI в. отношения обеих сторон были мирными. Греки селились на местах, не обжитых ранее никаким оседлым населением. Их города и сельскохозяйственная округа занимали ограниченное пространство и не отнимали у скифских кочевников земель, необходимых для выпаса стад. Обе стороны были заинтересованы во взаимной торговле: греки продавали скифам ремесленные и ювелирные изделия, вино; скифы в обмен доставляли рабов, хлеб, а также шкуры и другое сырье.

С VII в. в греческой литературе появляются систематические упоминания о скифах, описываются их нравы, обычаи, военные походы, места расселения. Однако древние авторы редко сообщали об отдельных представителях этого народа. Анахарсис, имя которого не исчезало из античной литературы до конца ее существования, оказался первым скифом, о котором имеются разнообразные сведения: определяются рамки его жизни, отмечается незаурядный ум, перечисляются его мудрые изречения, рассказывается о его путешествии в Элладу, беседах с выдающимися людьми, обстоятельствах его гибели. Все эти данные нуждаются, конечно, в критическом осмыслении, так как в античной литературе Анахарсис стал условным идеализированным образом мудреца, выходцем из не испорченного еще цивилизацией народа.

[5] Куклина И. В. Анахарсис.— Вестник древней истории, 1971, № 3; Kindstrand J. F. Anacharsis. The Legend and the Apophegmata. Uppsala. 1981.
[6] Такое мнение неоднократно высказывалось западноевропейскими исследователями (см. подробнее: Kindstrand J. F. Op. cit.).
[7] Куклина И. В. Ук. соч., с. 115; Кузнецова Т. М. Анахарсис и Скил.— Краткие сообщения Института археологии АН СССР, 1984, № 178, с. 13.
[8] Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье. В кн.: Античная Греция. Т. 1. М. 1983.

Первые записи об Анахарсисе были сделаны не современниками, а возникли на основе устных рассказов, существовавших не одно десятилетие. В них факты биографии скифа прошли через фильтр фольклорного сознания, и, как обычно бывает при оформлении предании, мотивировка действий героя была подведена под традиционную схему. Такие схемы чаще всего не отвечали действительности[9]. Однако малоубедительное для нас объяснение цели путешествия Анахарсиса в рамках греческого мировоззрения было естественным. В VI—V вв. многие выдающиеся греческие мыслители предпринимали длительные путешествия в разные страны для совершенствования познаний.

Десять лет провел в странствиях афинский законодатель Солон, много земель объездил географ Гекатей Милетский, почти во всех областях известной тогда грекам ойкумены побывал «отец истории» Геродот. Цицерон в трактате «О границах добра и зла» писал, что Пифагор, Платон и Демокрит отправились в самые отдаленные страны «из страсти к познанию» (V, 19, 50). Стремление греческих ученых и философов как можно больше узнать, воспользовавшись знаниями не только своих соотечественников, так выражено в словах Демокрита: «Я объездил больше земли, чем кто-либо из современных мне людей, я видел больше, чем все другие, мужей и земель и беседовал с наибольшим числом ученых людей... Я провел на чужбине около 8 лет»[10].

Теперь ясно, почему греки расценили посещение Анахарсисом Греции как стремление познакомиться с достижениями эллинской науки и культуры. Этому способствовало и то, что Анахарсис свободно говорил по-гречески в отличие от большинства образованных скифов[11], обладал острым умом и поражал собеседников неординарностью взглядов, в которых отражалась незнакомая грекам народная мудрость племен с иным укладом жизни и иными критериями оценки материальных и духовных ценностей.

Если исходить из исторических аналогий, можно полагать, что член царского рода Анахарсис скрывался в Греции из-за династических распрей и искал там какую-то поддержку. Напомним, что он был убит своим братом, а причастность его к греческим культам оказалась, возможно, лишь предлогом, истинной же причиной могли послужить притязания на власть. Привлекательна мысль, что Савлий руководствовался именно династическими мотивами, избавляясь от брата. Однако Анахарсис отправился в Грецию (согласно записи Диогена Лаэртского, I, 8, 101) при царе Кадуиде и, как считали греки, по поручению царя (Геродот IV, 77). Думается, что эти обстоятельства, а также пребывание Анахарсиса в Пелопоннесе (где сложилась и существовала до времен Геродота историческая новелла о скифе) и в Лидии (где состоялась встреча с Крезом), возможно, свидетельствуют об иных задачах поездки Анахарсиса. Они связаны с контактами скифов с Элладой и Малой Азией в середине VI века.

В Лидии скифы бывали и ранее. Царь Алиатт дал убежище скифам, бежавшим от Киаксара; отказ Алиатта выдать их послужил поводом для длительной войны между Мидией и Лидией (590—585 гг.). В конце VI в. после похода Дария скифское посольство прибыло в Спарту для заключения военного союза в целях противостояния персам: скифы предлагали спартанцам вторгнуться в Персию со стороны малоазийского побережья, а сами намеревались напасть с севера (Геродот, VI, 84), то есть они хотели пройти тем же путем, которым шли в VII в., когда предприняли завоевательный поход в Азию. Решение просить помощи у лакедемонян могло возникнуть лишь при наличии более ранней осведомленности скифов о Спарте. Намек на это содержится в упомянутых выше сведениях о пребывании Анахарсиса на Пелопоннесе.

Таким образом, Анахарсис, по-видимому, побывал в тех частях Греции и Малой Азии, где на протяжении VI в. прослеживаются связи со Скифией. После того, как Киаксар разбил скифов в Азии и те вынуждены были вернуться в Северное Причерноморье, их не покидала мысль о повторном походе. С этой целью скифы узнавали ситуацию в интересующей их области. В начале VI в. отряд скифов выступил на стороне

[9] Левинтон Г. А. Предания и мифы. В кн.: Мифы народов мира. М. 1982.
[10] Цит. по: Лурье С. Я. Демокрит. Л. 1970, с. 100.
[11] Ср., напр., издевки скифских рабов над греческим языком в комедии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий».

Алиатта в его войне с Киаксаром (Геродот, I, 74). Контакты скифов с Лидией во время царствования Креза, сына Алиатта, не прекращались. Этим можно объяснить причину посещения царя Анахарсисом. Замышляя новый поход, скифы были заинтересованы в ослаблении Персии. Если в конце VI в. они предлагали спартанскому царю Клеомену совместно напасть на Персию, то раньше в середине VI в. у них мог быть более надежный союзник — Лидия, пограничное с Персией государство, война с которым назревала. Но в 546 г. Лидию так быстро покорил персидский царь Кир, что ей не успели помочь ее союзники-спартанцы (Геродот, I, 83). Так скифы лишились возможного союзника в Малой Азии.

Поездка Анахарсиса в Спарту была обусловлена теми же целями, которые он преследовал в Лидии. Ведь Крез заключил со спартанцами «освященный клятвой договор о дружбе» (Геродот, I, 69), и в назревавшей войне с персами Спарта должна была выступить на стороне Лидии. Скифам важно было знать, когда начнутся военные действия, чтобы выбрать удачный момент для своего похода. Такая линия рассуждений подтверждается тем, что персы пошли войной против Скифии, весьма отдаленной от их границ. Во времена Геродота причиной похода Дария считалось желание «отомстить скифам» за их бесчинства VII в. в Азии. На деле это было стремление предотвратить новое нападение, а упомянутая выше мотивировка причины войны, которую записал Геродот (I, 1), явилась лишь официальным поводом для ее объявления.

Превентивные цели похода Дария отмечали многие. Правда, в литературе существуют и другие объяснения причин скифо-персидской войны, но они не выдерживают критики, как убедительно доказано новейшими исследованиями [12]. Итак, истинной целью путешествия Анахарсиса были дипломатические переговоры. В античной традиции сохранилось воспоминание о том, что скиф был посланником своего царя и поэтому перед ним открывались двери домов глав государств. Чужестранец царского рода из далекой Скифии произвел большое впечатление на греков, что и дало пищу для устных рассказов о нем. В греческом фольклоре он занял место того удивительного варвара, который, подобно античным мудрецам, путешествует по разным странам. Опираясь на устную традицию, Геродот охарактеризовал его как мудрого мужа (IV, 46) еще до того, как в IV в. его впервые причислили к легендарным семи мудрецам.

Отметим, что в VI в. мудрецами называли главным образом государственных деятелей. Такое наблюдение было сделано еще Плутархом в биографии Солона (3, 8): «Вероятно, Фалес был тогда единственным ученым, который в своих исследованиях пошел дальше того, что нужно было для практических потребностей; все остальные (имеются в виду семь мудрецов.— *М. С.*) получили название ученых за свое искусство в государственных делах». Но даже Фалес не был чужд государственных интересов: Геродот упоминает о его политических советах ионийцам (I, 170). Все это тоже подтверждает гипотезу о дипломатической миссии Анахарсиса. Но истинная цель его путешествия была непонятной или несущественной при формировании фольклорных эллинских рассказов, и в них появилась иная мотивировка, основанная на практике греческих ученых и философов.

Критическое рассмотрение источников о путешествии Анахарсиса в Грецию и Малую Азию доказывает, что оно не было столь длительным, как получается, если считать достоверными его встречи с Солоном, когда тот «составлял свои законы» (Диоген Лаэртский, I, 106), то есть в первое десятилетие VI в., и с Крезом, который правил с 560 по 546 год. Таким образом, Анахарсис пробыл вне Скифии более 30 лет. Чтобы верно оценить сведения о встречах скифа с царем Лидии и с законодателем Афин, надо привлечь и рассказ о визите Солона в Сарды, о его беседах с Крезом. Начиная с Геродота (I, 29—33) об этом писали многие авторы; они приводили поучительные новеллы, которые Солон рассказывал лидийскому царю, но тот понял мудрость грека, лишь оказавшись в плену у Кира.

Плутарх познакомился с подобными рассказами по многим сочинениям своих предшественников и включил их в жизнеописание Солона. Законодательство же Солона относят к 594 г., когда он был афинским архонтом. После этого он отправился в 10-летнее путешествие по разным странам, побывал в Египте и Малой Азии (Геродот, I, 29).

[12] Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев. 1984, с. 11—15.

Значит, Солон мог посетить Лидию на четверть века раньше прихода к власти Креза в 560 году. Так что описанная Геродотом беседа афинского законодателя и лидийского царя в действительности не могла состояться.

Сдвиг в хронологии событий, связанных с государствами Малой Азии, неоднократно наблюдается в «Истории» Геродота (например, сообщение о встрече с Крезом греческого тирана Питтака, который умер за десять лет до воцарения Креза (I, 27). Акад. В. В. Струве выявил определенную закономерность в этом хронологическом смещении и объяснил ее путаницей дат солнечных затмений, случившихся во время важных исторических событий [13]. В начале VI в. солнечное затмение наблюдалось в момент сражения мидян под предводительством Киаксара и лидийцев во главе с Алиаттом (Геродот, I,103). Дата битвы точно определяется по астрономическому календарю: 25 мая 585 года. Геродот (скорее всего, еще его предшественники) отнес это событие к предыдущему солнечному затмению — 30 сентября 610 года. Таким образом, правление Креза, сына Алиатта, было отодвинуто к первой четверти VI в., в связи с чем последующие античные авторы посчитали возможными встречи лидийского царя с Солоном, Питтаком, Периандром и другими людьми, чья жизнь окончилась в первой трети VI века. Анахарсис же был современником не Солона, а Креза, так как погиб от руки Савлия, правившего в середине VI века.

Подобно новелле о Соломоне и Крезе, легенды о беседах Анахарсиса с Солоном не могут считаться отражением реального факта их встречи. Происхождение подобных рассказов находит объяснение при анализе античной традиции о семи мудрецах, в число которых неизменно включали Солона, а нередко и Анахарсиса. В русле традиции о встречах всех мудрецов при дворах царей либо тиранов (Диоген Лаэртский, I, 41) рождается легенда о беседах Анахарсиса и Солона, тем более, что античные авторы знали рассказы о визитах к Крезу как того, так и другого. А специально интересовавшиеся хронологией александрийские ученые вычислили дату посещения Афин скифом исходя из биографии Солона. Таково происхождение «точной» датировки в трактате Сосикрата о философах, на него сослался Диоген Лаэртский (I, 101), указав, что скиф посетил Афины в 47-ю олимпиаду (592—589 гг.) в архонтство Евкрата. Итак, время жизни и путешествия Анахарсиса приходится не на начало, а на середину VI века.

Согласно рассказу Геродота, Анахарсис погиб в лесной области Гилея, у восточных границ Ольвийского полиса. Там в течение почти столетия сохранялась до геродотовой записи греческая устная новелла об этом событии. Сами же скифы в ответ на расспросы Геродота, к его удивлению, заявили, что ничего об Анахарсисе не знают. Историк сделал из этого вывод, что скифы намеренно вычеркнули из памяти своего сородича за его поклонение чужим богам. Но причина такой неосведомленности скифов крылась в ином. Как у всех бесписьменных народов, хранилищем памяти у них был фольклор.

В отличие от греческого, в нем еще не сформировался жанр исторической новеллы, которая на многие десятилетия сохраняет память о жизни конкретных людей, а не богов и героев — персонажей более древних устных жанров. «Появление преданий, которые можно определить как собственно исторические, связано с укреплением государственности и ростом национального самосознания» [14]. Достаточно напомнить о разнице в уровне социального развития греков VIII—VII вв., когда у них родилась историческая новелла, и скифов времен Анахарсиса, то есть VI в., чтобы понять, что у последних еще не сложился такой жанр фольклора, который мог сохранить историю жизни отдельного человека, хотя бы и Анахарсиса.

Историческая новелла об Анахарсисе сложилась вскоре после описываемых событий. Ее создателями были греческие колонисты Нижнего Побужья. На это указывает место действия новеллы — Гилея. Невдалеке от нее, на правом берегу Гипаниса, находились архаические греческие поселения, куда раньше всего дошли известия о драматической гибели Анахарсиса. Наблюдения фольклористов показывают, что в устных рассказах для убеждения аудитории нередко называются конкретные географические пункты, хорошо известные слушателям.

[13] Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л. 1968, с. 98—99.

[14] Соколова В. К. Русские исторические предания. М. 1970, с. 9.

А недавно археологи обнаружили косвенное доказательство реальности факта, изложенного в новелле: на письме, процарапанном на стенке керамического сосуда и посланном во второй половине VI в. из Нижнего Поднепровья в Ольвию, упоминаются алтари Матери богов в Гилее [15]. Значит, Анахарсис не случайно выбрал Гилею для исполнения своего обета. Записанная Геродотом новелла свидетельствует о том, что выходцы из Милета на новой родине продолжали развивать родившиеся в метрополии жанры фольклора. Новелла показывает также, что общение греческих поселенцев со скифами существовало еще в середине VI в., это важно потому, что имеющееся в нашем распоряжении малое количество скифских археологических материалов этого периода не позволило бы прийти к подобному заключению. Сохранение в новелле имен Анахарсиса и царя Савлия ясно показывает, что они были хорошо известны греческим рассказчикам и их аудитории.

Обстоятельства смерти Анахарсиса греки узнали от скифов. Значит, либо колонисты знали язык своих соседей, либо в среде последних были люди, говорившие по-гречески, а общение обеих сторон касалось не только утилитарного обмена товарами. Да и Анахарсис должен был научиться говорить по-гречески еще у себя на родине, чтобы свободно общаться с эллинами во время своего путешествия. Помимо того, для поездки в Элладу он должен был прибегнуть к помощи греков, чьи корабли постоянно курсировали между колониями Северного Причерноморья и городами Греции. Направляясь в Понт (Черное море), эти корабли обычно делали остановку в Кизике, где действительно процветал упомянутый в новелле культ Матери богов.

Следовательно, несмотря на фольклорную, а затем литературную обработку рассказов об Анахарсисе, в основе сведений о нем лежит образ реального человека, а не выдуманного персонажа. Его биография проливает свет на некоторые моменты взаимоотношений греков и скифов в начальный период их совместной жизни в Северном Причерноморье, а также на определенную роль скифов в истории Эллады и Малой Азии VI века.

---

[15] Русяева А. С. Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья.— Вестник древней истории, 1986, № 2, с. 55.

ИСТОРИОГРАФИЯ

A. L. SZCZESNIAK. *Katyn. Tło historyczne, fakty, dokumenty.* Warszawa. Alfa. 1989. 187 s.; *Katyn. Lista ofiar i zaginionych.* Warszawa. Alfa. 1989. 367 s.; *Katyń. Relacje, wspomnienia, publicystyka.* Warszawa. Alfa. 1989. 359 s.

А. Л. ЩЕСНЯК. *Катынь. Исторический фон, факты, документы; Катынь. Список жертв и без вести пропавших; Катынь. Сообщения, воспоминания, публицистика.*

В апреле 1987 г. руководители СССР и ПНР М. С. Горбачев и В. Ярузельский подписали Декларацию о сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры, одним из пунктов которой был вопрос о ликвидации «белых пятен» в совместной истории двух соседних государств, в том числе и по проблеме Катыни. Многие люди, особенно принадлежащие к старшему поколению, надеялись, что будет внесена окончательная ясность в этот вопрос. Однако деятельность созданной тогда советско-польской комиссии историков сама постепенно превратилась в «белое пятно». Перестали появляться сообщения о совместных заседаниях. Из польской прессы можно было понять, что камнем преткновения в работе комиссии стал именно «катынский вопрос». Ныне это признает и наша сторона. Акад. Г. Л. Смирнов, сопредседатель комиссии, заявил: «И все-таки надо прямо признать, что камнем преткновения для нас была Катынь» [1].

Польские историки, учитывая интерес к данной проблеме, не дожидаясь окончательных выводов комиссии, в одностороннем порядке начали публикацию документов и исследований о Катыни. Их работы сейчас, когда, наконец, слова правды об этом злодеянии сказаны М. С. Горбачевым на встрече с В. Ярузельским 13 апреля 1990 г., для нас особенно интересны, поскольку доступная информация об этой драме была крайне скупой, а подчас ее заменяла явная дезинформация. Незадолго до этого «Московские новости» [2] опубликовали заявление заместителя начальника пресс-бюро КГБ СССР А. Гриненко, который, отвечая на вопрос, входят ли в число жертв сталинских репрессий погибшие в Катыни польские офицеры, заявил: «Нет. Что касается трагедии в Катыни, то ее обстоятельства, как известно, были изложены в 1944 году в выводах специальной комиссии». Но именно они-то и явились «камнем преткновения» в работе совместной советско-польской комиссии.

Польские историки с фактами в руках доказали несостоятельность выводов комиссии, возглавлявшейся в 1944 г. Н. Н. Бурденко. В последнее время и в нашей прессе появились материалы, проливающие свет на катынскую драму, которая была одной из акций НКВД, достаточно типичной для этого ведомства в сталинские времена.

Рассматриваемые книги о Катыни взаимно дополняют друг друга. Первый том — исследование Анджея Лешека Щесняка — при сравнительно скромном объеме содержит обширный и разнообразный материал. Многие выводы и аргументы автора дают возможность по-новому взглянуть на казалось бы уже знакомые факты и события. Излагая обстоятельства катынского расстрела, автор стремится сохранить научную беспристрастность и объективность. Он анализирует подоплеку проблемы, приводя различные версии катынской трагедии.

Щесняк показывает, что предание гласности гитлеровцами «катынского вопроса» в самый напряженный момент противоборства германской и советской армий, активное муссирование его геббельсовской пропаган-

---

[1] Известия, 14.IV.1990.
[2] Московские новости, 4.III.1990.

дой — далеко не случайны. Характерно, что немцы «дали ход» сообщениям об открытии могил польских офицеров не сразу, а только после поражения под Сталинградом. Для усиления эффекта данных о «зверствах большевиков» еще до вскрытия захоронений была объявлена «окончательная» цифра убитых — 10 тыс., которой гитлеровцы упорно держались и после того, как в ходе эксгумации было выявлено только 4143 трупа. Щесняк использует выводы комиссии 1943 г., в которую, помимо немецких медиков, входили известные патологоанатомы из других европейских стран; два месяца в Катыни работала и группа врачей Польского Красного Креста.

Когда в апреле 1943 г. берлинское радио впервые оповестило об обнаружении в Катыни могил польских офицеров, расстрелянных, как утверждалось, спецотрядами НКВД весной 1940 г., Совинформбюро мгновенно опровергло данное сообщение, обвинив в этом злодеянии самих гитлеровцев. При этом не отрицалось, что интернированные у нас польские офицеры использовались на строительных работах западнее Смоленска вплоть до лета 1941 г., когда эта территория оказалась под пятой оккупантов, от рук которых пленные якобы и погибли. Естественно, что когда Берлин обвинил в убийстве польских офицеров ведомство Берии, тому ничего другого не оставалось, как утверждать прямо противоположное. То, что в такой «переадресовке» кровавого злодеяния отсутствовала всякая логика, никого в тот момент не интересовало. Важнее, видимо, было другое — скорее отмыться от этого преступления.

Между тем уже тогда трудно было предположить, чтобы гитлеровцы, будь они на самом деле виновниками «катынского дела», стали бы вскрывать могилы. Риск был слишком велик. Ведь к работе в комиссии были привлечены врачи-профессионалы, в том числе поляки. Весной же 1940 г., в самый разгар германо-советской «дружбы», когда отдавался приказ об уничтожении польских офицеров, никто из высших чинов НКВД не мог и предположить, что их «спецобъект» в Катынском лесу окажется в зоне вражеской оккупации. Поэтому расстрел и производился с нарушением принятых в таких случаях в этом ведомстве правил: людей убивали в форме, не изъяв документов, личных вещей, советских газет. При эксгумации первых же могил без труда удалось установить фамилии убитых и дату акции.

Автор полагает, что резкость ответного заявления Совинформбюро объясняется шоком, вызванным на Лубянке сообщением из Берлина. Недоумение исследователя вызывает то, что Совинформбюро признало факт нахождения 11 тыс. польских офицеров до самого начала Отечественной войны в СССР. Когда в 1942 г. в Советском Союзе создавалась армия Андерса и ощущалась острая нехватка офицерских кадров, на все вопросы польской стороны о судьбе интернированных офицеров Сталин давал самые неопределенные и противоречивые ответы, ни разу при этом не упомянув, что они оказались на оккупированной врагом территории.

Щесняк показывает всю несостоятельность попыток Специальной советской комиссии под руководством Бурденко опровергнуть основные выводы катынской комиссии 1943 г., возглавлявшейся немецкими врачами. Заключение советской комиссии было призвано подтвердить первоначальную версию Совинформбюро, что польские офицеры погибли осенью 1941 года. Документ, скрепленный подписями Бурденко и других академиков, не сумел, как считает Щесняк, убедить мировое общественное мнение в том, что Катынь — гитлеровское злодеяние.

Автор подробно рассказывает, как шло рассмотрение «катынского вопроса» на Нюрнбергском процессе, где расстрел 11 тыс. польских офицеров фигурировал сначала как один из пунктов обвинения, предъявленного главным немецким военным преступникам, но потом, в ходе судебного разбирательства, был снят с повестки дня. Советской стороне не удалось представить достаточно убедительные доказательства и свидетельские показания для обоснования выдвинутых обвинений. В итоге, резюмирует Щесняк, «Нюрнбергский процесс de facto перечеркнул выводы специальной советской комиссии Бурденко. И сам председатель комиссии в том же 1946 г. (это год его смерти) признался своему другу Ольшанскому, бывшему профессору Воронежского университета, уехавшему на Запад: «Выполняя личное распоряжение Сталина, я отправился в Катынь, где как раз вскрыли могилы... Все тела были погребены четыре года назад. Смерть наступила в 1940 году... Для меня как для врача — это очевидный факт, который невозможно поставить под сомнение. Наши товарищи из НКВД совершили большую ошибку» (с. 154).

Щесняк не ограничивается только катынской трагедией, так как вопрос о судьбе интернированных в 1939 г. польских офицеров значительно шире. Ведь они содержались в трех местах — в Козельском, Осташковском, Старобельском лагерях, их общее число достигало примерно 15 тысяч. В катынских же могилах обнаружили четыре с небольшим тысячи жертв, все они были доставлены на место казни только из одного — Козельского лагеря. Участь остальных 10 тыс. до сих пор неизвестна, ничего нового не говорится о них и в Заявлении ТАСС от 13 апреля 1990 года. За исключением 300—400 человек, позже попавших в другие лагеря, никто из узников Осташкова и Старобельска не пополнил ряды армии Андерса или Войска Польского, сформированных на советской земле.

Вторая книга рецензируемой трилогии — это список жертв, погребенных в Катыни. Составлен он на основе эксгумации могил и идентификации убитых. Этот том вышел в свет также под редакцией Щесняка. Основную же работу по уточнению списка жертв выполнил А. Мошиньский, один из немногих уцелевших узников Старобельского концлагеря, умерший недавно в эмиграции.

Третью книгу трилогии тоже составил Щесняк. В нее вошли отрывки из мемуаров тех, кто г той или иной мере соприкоснулся с катынской драмой. При всей несхожести авторских индивидуальностей этих свидетелей их рассказы содержат нечто общее. Авторы воспоминаний не в состоянии охватить размах зла, объяснить причины столь бессмысленной жестокости. Их душевное волнение невольно передается читателям. Трудно, к примеру, спокойно читать «Отчет» представителя Польского Красного Креста К. Скажинского своему непосредственному руководству о «работе в Катыни». Этот документ пролежал в архиве десятки лет и предан гласности лишь недавно. «Комиссия свидетельствует,— указывалось в нем,— что извлечение трупов сопряжено было с большими трудностями, поскольку, беспорядочно сброшенные вниз, они плотно спрессовались, а часть из них оказалась со связанными сзади руками, некоторые же со снятыми с них и накинутыми им на голову шинелями. Шинели были связаны на шее, а руки вывернуты за спину и тоже стянуты веревкой, которая присоединялась к тому концу ее, что перехватывал одежду на шее».

Немалую ценность представляют помещенные в этом томе «голоса из России», звучание которых в общем контексте собранных здесь свидетельств крайне важно. Вот, например, рассказ известного украинского правозащитника С. Караванского о том, как, находясь во Владимирской тюрьме в 60-е годы, он узнал, что в одной из камер отбывает пожизненное заключение лесник из Катыни по фамилии Андреев. «Вина» его состояла в том, что в 1943 г. он дал показания комиссии, расследовавшей обстоятельства «катынского расстрела», подтвердив участие войск НКВД в этой операции. После войны Андреев был арестован «за клевету на органы безопасности», в тюрьму упрятали и его жену. Записи рассказов Андреева изъяли у Караванского при обыске, в результате чего он получил дополнительный срок.

Воспроизводится в книге и статья двух советских историков А. Акуличева и А. Памятных из «Московских новостей» (21.V. 1989), в которой впервые на русском языке было опубликовано донесение начальника Минского управления НКВД Тартакова от 10 июня 1940 г., адресованное в Москву. Тартаков докладывает начальству о ликвидации трех лагерей, где содержались польские офицеры — в Осташкове, Козельске, Старобельске, перечисляя номера воинских частей, участвовавших в операции. В нашей прессе высказывались сомнения относительно подлинности документа, поскольку он впервые появился в западногерманской прессе со ссылкой, что найден в архивах гестапо, где в провокационных целях могли изготовить любую фальшивку. Тщательную экспертизу этого документа историкам еще предстоит произвести: некоторые факты и даты, указанные там, не подтверждаются другими материалами. Но примечательно иное. В книге рассказывается о том, что польский прокурор Р. Мартини, в руки которого в конце войны попало указанное донесение, поначалу пользовался покровительством наших органов госбезопасности, так как разделял официальную советскую точку зрения на «катынское дело». Выявленный Мартини документ, получивший некоторую огласку в кругах польских юристов, мгновенно вызвал резко негативную реакцию вчерашних покровителей краковского прокурора. Вскоре Мартини был найден мертвым в своей квартире, а обстоятельства его смерти до сих пор не выяснены.

Том завершается важным материалом — представлением Генерального прокурора ПНР от 13 октября 1989 г. Генеральному прокурору СССР, где говорилось, что в мае 1988 г. советским участникам комиссии по изучению истории взаимоотношений между двумя нашими странами был пере-

дан акт экспертизы. «В результате изучения польскими историками всех обстоятельств катынского дела,— подчеркивалось в этом документе,— укрепилась их убежденность в том, что катынское злодеяние совершено в 1940 году сотрудниками советских органов госбезопасности. В свете международного права, которое одинаково обязательно как для СССР, так и для ПНР, срок давности на катынское преступление не распространяется». Заявление ТАСС от 13 апреля 1990 г.— наш первый официальный ответ на это представление.

Говорят, что как ни горька бывает правда, она все-таки лечит. Надо думать, что правда о Катыни окажет свое целительное воздействие на дальнейшее развитие советско-польских отношений, ибо, как верно заметил один из наших публицистов, «десятилетиями в общении с поляками как тень за нашей спиной стояло это слово — «Катынь»[3]. Будем надеяться, что тень эта со временем исчезнет. В Катынском лесу покоятся тысячи невинных поляков, жертв сталинско-бериевского произвола. С ними рядом захоронены и советские люди, убитые теми же кровавыми опричниками, только пятью — десятью годами раньше. Символично, что первым об этих русских могилах сообщил представитель Польского Красного Креста Скажинский, участвовавший в 1943 г. в эксгумации катынских захоронений. Воистину Катынь — это наша общая боль!

С. И. Ларин

[3] Литературная газета, 18.IV.1990.

А. А. ЗИМИН. *Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в.* М. Наука. 1988. 350 с.

Некоторые из работ А. А. Зимина увидели свет уже после кончины автора. Рецензируемая книга, пожалуй, наиболее важная из них. Она содержит существенную информацию о составе московской знати, помогающую лучше понять роль служилой аристократии в истории Русского государства. В средние века в условиях пассивности крестьянства и горожан монарх единственно важным для себя считал мнении, высказываемые духовными лицами и аристократией. Это хорошо понимали дореволюционные историки, например, В. О. Ключевский. Однако никто из них так и не воссоздал полного списка членов Боярской думы.

В советской историографии по крайней мере до 50-х годов роль знати принижалась. С. Б. Веселовский признавал необходимость изучения служебной карьеры и биографических данных различных групп, принадлежащих к знати, чем и занимался для собственных научных надобностей в 30-е и 40-е годы. Собранные им сведения дали возможность составить общий список наиболее известных служилых родов. За этой публикацией, не утратившей и поныне научного значения, не последовали, к сожалению, другие. К тому же в указанное издание вкрались опечатки и ошибки, а некоторые разделы труда так и остались не включенными в изданный посмертно справочник. В нем отсутствуют княжеские служилые роды, автор некритически относится к информации Шереметевского списка XVII в. о составе Думы[1].

Исследование Зимина охватывает эту проблему более широко и отличается осторожностью в использовании небесспорных источников. Первая часть труда посвящена княжеским родам, а вторая — нетитулованной знати в Думе. Предисловие В. Б. Кобрина дополняет книгу теми данными, которые стали известны после смерти Зимина в 1980 году. Монография включает очерки, в которых содержатся биографические сведения о службе и родословных представителей служилой аристократии.

Новизна исследования заключается в использовании схематических «родословных древ», где перечисляются лица, принадлежащие к одному или нескольким поколениям по нисходящей линии. Они выполнены по примеру приложений к исследованию А. В. Экземплярского о северорусских князьях[2]. Подобным же образом использовала генеалогические и брачные таблицы Н. Коллман в диссертации о московской аристократии, написанной в Гарварде в 1980 году[3]. Таблицы, включенные в книгу, помогают получить ответ на различные вопросы, в том числе и такие, как порядок назначения на военные должности и в состав Думы. Применительно к некоторым знатным родам действовали принципы преемственности, а карьера других была связана с милостью государя или поддержкой влиятельных думских бояр. Таблицы эти помогут и в изучении местнических споров.

В 50-е и 60-е годы Зимин выступил с серией просопографических этюдов о членах княжеских семей и служилых родов в XV и в начале XVI века. Среди них наибольшее значение имел список членов Думы от Ивана III до конца правления Ивана IV (1462—1584)[4]. Список бояр и окольничих за 150 лет позволил исследователям углубить свои представления о московской власти.

В рецензируемой работе Зимин поставил перед собой цель дать полное описание карьеры представителей московских служилых родов до 1533 г., принадлежавших, по его мнению, к боярской аристократии. В широком смысле слова они, конечно, были таковыми, однако автор включает в число думских бояр и те незначительные младшие ветви родов, которые никогда не были в составе Думы и не пользовались никаким серьезным влиянием. В сущности, он охватил всех, кто происходил из известных служилых родов как княжеских, так и тех, кто был переведен в высшие сословия за исполнение ими административных или военных поручений.

Зимин проделал кропотливую работу по собиранию сведений из весьма скудной биографической документации. Он стремился воссоздать обоснованные генеалогические линии. В 50-е годы он, собирая материал о составе Думы, решительно отказался от привлечения летописей как источника и не использовал содержащиеся в них сведения для реконструкции списка Думы. Он допускал, что свидетельства летописей и родословий на этот счет могли быть и недостоверными. В настоящем труде Зимин изменил свое отношение к указанному источнику. В книге можно найти наряду с официальными великокняжескими документами, монастырскими копийными, церковными и посольскими книгами и летописные известия. Он использовал также широкий круг исследований, опубликованных в СССР и на Западе.

При привлечении летописных свидетельств возникают определенные проблемы, связанные с тем, что монастырские писцы не всегда были хорошо информированы относительно светских дел, копиисты допускали ошибки при переписке, некоторые летописи были отредактированы или даже переписаны в XVI в. по политическим соображениям, причем позднейшие вставки изменяли содержание летописей. Исход борьбы за старшинство при очередных назначениях зависел и от служебного положении предков.

В заключении подводятся итоги исследования состава Думы. Этот раздел менее всего удался, вероятно, потому, что сам автор уже не смог пересмотреть этот текст. Многие сведения взяты из его работы 1957 г., между тем некоторые из них были уточнены впоследствии другими учеными.

Зимин отводит значительное место свидетельствам хронографа за 1498 г. о составе Думы. Некоторые из них противоречат тому, что он писал в 1957 году. Не всегда эта информация верна. Так, отсутствие кн. Ивана Булгака в разрядных списках и списке хронографа — это не просто оплошность (с. 284). Зимин пропустил сообщение 1495 г. относительно изгнания Булгака из Думы. В дальнейшем и вплоть до смерти Булгак занимал при дворе более низкие должности[5]. Если в данном случае информация, содержащаяся в летописи, правильна, то этого нельзя сказать о других фактах. Григорий Мамон упоминается в составе Думы в 1498 г., однако нет документальных свидетельств о его назначении окольничим вплоть до 1500 г. (с. 255, 287). Сходным образом Данило Пенко Ярославский стал боярином только в 1500 г. (ср. с. 92 и 286). Вместе с тем Зимин вполне обоснованно сомневается в достоверности летописных сведений относительно принадлежности отдельных лиц к Думе (с. 287).

[1] Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. 1969; Древняя российская вивлиофика. Т. 20. М. 1791.

[2] Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Тт. 1—2. СПб. 1889, 1891.

[3] См. Kollman N. S. Kinship and Politics. Stanford University Press. 1987. При публикации этой диссертации издательство не включило эти таблицы.

[4] Археографический ежегодник за 1957 г. М. 1958, с. 41—87.

[5] Разрядная книга 1475—1598 гг. М. 1966, с. 25. Объяснение его смещения см.: Alef G. The Origins of the Muscovite Autocracy. The Age of Ivan III. In: Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Bd. 39. Brl. 1986, S. 204.

Вызывает сомнения и то, как использовал Зимин так называемую Поганую книгу для установления случаев опалы на членов Думы (с. 285). Этот источник, относимый к началу 80-х годов XV в., перечисляет прежних «послужильцев» или слуг, превращенных в новгородских «помещиков». Те исследователи, которые полагаются на доказательность данного источника, исходят из сомнительных допущений. Они принимают, что государь подверг опале всех слуг высшего ранга, перечисленных в этом документе, а затем перенес их военные обязанности и зависимость на службу великому князю. Второе предположение заключается в том, что оторванные от прежних господ подчиненные находились в персональной зависимости от них. Ни одна из этих гипотез не может быть признана правильной. Некоторые из опальных испытали немилость позднее того времени, которое указано в Поганой книге. В немилость от Ивана III братья Тучко Морозов и князь Семен Иванович Ряполовский попали в 1485 и 1499 годах. Наконец, некоторые из лиц, упомянутых в Поганой книге, например, Василий Образец, который умер не раньше 1485 г., никогда не лишались милости государя. Другие источники также не содержат никаких сведений о немилости по отношению к этому семейству. Сын Образца, Иван Хабар стал боярином в 20-х годах XVI века. Не учтены и другие возможности. Эти «послужильцы» могли быть несвободными подданными великого князя, розданными в награду наиболее достойным дворцовым администраторам, но лишь на началах условной зависимости. Они могли быть отозваны по воле монарха. Знатный человек, лишившийся своих подданных, не обязательно должен был попасть в немилость. Двор иначе использовал этих людей.

Эксперименты другого рода в области пожалований предпринимались в последний период правления Василия II и продолжались при Иване III. Великие князья не располагали ресурсами для вознаграждения своих достойных слуг и по-разному искали иные пути к этой цели. Они не хотели отчуждать земли великокняжеского домена и изобрели новую форму пожизненного пожалования населенной земли своим лояльным слугам. К числу последних принадлежали и входившие в состав Думы. Боярин Федор Басенок получил право пожизненного пользования двумя деревнями, принадлежавшими вдовствующей великой княгине — ничтожная благодарность за содействие триумфу Василия II[6]. Великие князья также обратились за помощью к церкви. Они заставили митрополита пожаловать некоторые монастырские деревни и села в условное держание ряду дворовых слуг[7]. Но еще до конца XV в. церковь вернула свои владения. Тогда бояре Ивана III и некоторые его любимцы получили поместья в Новгороде, но великий князь конфисковал их в конце 90-х годов XV века[8].

Проблемы пожалований до установления денежного вознаграждения и эксперименты с временными пожалованиями в конце XV в. требуют дальнейших исследований. Различия в мнениях по-прежнему останутся, но бо́льшая точность в использовании данных источника поможет уяснить и различия в их интерпретации.

Наша критика не умаляет значимости труда Зимина, который наряду с книгой Веселовского будет использован каждым серьезным исследователем. Информация, содержащаяся в книге, окажет очень большую помощь тем, кто захочет углубить представления о меняющейся картине московской политической жизни XV — начала XVI века. Это заслуга автора — одного из крупных специалистов в данной области.

Г. Алеф
(США, университет штата Орегон)

---

[6] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л. 1950, с. 199.

[7] Alef G. Op. cit., p. 186.

[8] Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и начале XVI в. Автореф. докт. дисс. Л. 1975.

Г. В. АЛФЕРОВА. *Русские города XVI — XVII веков.* М. Стройиздат. 1989. 216 с.

Г. В. Алферова (1912—1984) была теоретиком и практиком в области градостроительства. Ее книга — результат упорного многолетнего труда[1]. Не будучи по образованию историком, она на своем опыте осознала необходимость привлечения самого широкого круга письменных источников для всестороннего анализа градостроительной деятельности и на этом пути достигла значительных результатов.

В рецензируемой работе использованы (некоторые впервые, а другие в новом, оригинальном истолковании) документы ЦГАДА, ЦГИА, ЦГВИА, рукописных отделов крупнейших библиотек страны, Государственного Исторического музея, многочисленные опубликованные источники, рассеянные как в известных, так и в редких и малодоступных изданиях дореволюционного и советского времени. Привлечен автором и богатый изобразительный материал: планы, чертежи, гравюры множества русских городов практически всех регионов страны (к сожалению, эти ценнейшие графические источники приводятся в книге без указаний места их хранения). Автор лично обследовал десятки старинных русских городов, скрупулезно изучил следы сохранившейся до наших дней застройки минувших веков.

Исследование Алферовой, новаторское по замыслу и исполнению, отличается деловитой, четкой, лаконичной подачей фактического материала и выводов. Примечательной стороной его является внимание автора к «рядовым» городам (некоторые из них давно исчезли с географических карт, но сохранились в исторической памяти). К примеру, Алферова обнаружила сведения о внешнем облике Любима и Шестакова.

В самой «глубинке» российских просторов автор открывает ценнейшие факты о строительстве новых городов и поновлении старых. Не обойдены вниманием и большие города вроде Смоленска, Новгорода, Тобольска и др. Небезынтересна трактовка в книге давно известных в науке планов Москвы (С. Герберштейна, «Петрова чертежа»). Последний, по мнению Алферовой, имел особое функциональное значение, являясь как бы планом реконструкции Москвы в начале XVII столетия. Алферова была горячим сторонником развиваемой в ее книге идеи: в России XVI—XVII вв. (да и ранее) строительство городов велось далеко не хаотично и не «на глазок», а опиралось на выработанную и усовершенствованную на протяжении веков систему градостроительных приемов.

В монографии убедительно показано, что строительству предшествовали тщательное изучение местности, измерение будущих компонентов города (крепости-цитадели, посада, слобод, прилегающих земельных угодий и т. д.), определение местоположения главных зданий, а также трассировка улиц. Строительство городов осуществлялось по заранее разработанным планам, составлялись сметы расходов денег и материалов, определялись источники и порядок привлечения рабочей силы. Строительство городов было подотчетно соответствующим приказам. Руководили им, как правило, высокопоставленные лица, обычно воеводы. Нередко источники упоминают «горододельцев», «подкопщиков» и других специалистов, задача которых состояла в обеспечении определенных инженерных и архитектурных решений.

Произведя множество обмеров старинных кварталов изученных ею городов, Алферова пришла к выводу, что строительство подчинялось определенному математическому расчету, опорой для которого служили тщательно выбранные доминанты застройки — господствующие на местности здания (чаще всего церкви и монастыри), которые определяли расположение «рядовых» домов жителей. Но наблюдалась и своего рода «обратная связь»: доминанта должна быть видна из любого дома. Этим определялся ритм застройки. В литературе подобный тип застройки именовали «живописной», «свободной» (в отличие от позднейшей регулярной). Алферова не вполне была согласна с этими определениями, считая их недо-

---

[1] См.: Алферова Г. В. Организация строительства городов в Русском государстве в XVI—XVII веках.— Вопросы истории, 1977, № 5; ее же. Государственная система строительства городов и освоение новых земель в XVI—XVII веках.— Архитектурное наследство, 1979, № 28; ее же. Каргополь и Каргополье. М. 1973; ее же. Византийские традиции в русском градостроительстве XVI—XVII веков.— Византийский временник, 1982, № 43; ее же. Математические основы русского градостроительства XVI—XVII вв. В кн.: Естественнонаучные знания в Древней Руси. М. 1980; Алферова Г. В., Харламов В. А. Киев во второй половине XVII века. Киев. 1982; и др.

статочными. Недаром одна из ее статей, включенных в книгу, так и называется: «Традиции русского города. Живописный не значит бессистемный».

Особую смысловую нагрузку несет исследование автором художественного строя русских городов XVI—XVII веков. Здесь получает свое логическое завершение одно из важнейших положений Алферовой: в принципах русского градостроительства важное место занимала идея восприятия города его создателями в качестве единого, целостного художественного образа, органически вписанного в окружающий ландшафт, вызывающего чувство глубокого эстетического удовлетворения не только у соотечественников, но и у иностранных гостей. Подобное художественно-эстетическое начало, заложенное градодельцами прошлого, есть свидетельство высокой культуры, которую они хотели передать потомкам. Вот почему привлекает внимание материал, посвященный Ельцу, изучение которого с историко-архитектурной точки зрения стало пробным камнем для реставрации старых русских городов. Соответствующие страницы книги имеют большое практическое значение. Полученный опыт способен содействовать более продуманному, взвешенному подходу к переустройству исторических городов современными специалистами — архитекторами и реставраторами. Сберечь и передать все лучшее из отечественного градостроительства новым поколениям, развивать традиции бережного отношения к природе — в этом и пафос книги и завещание автора.

Имеющиеся у нас замечания по работе не носят принципиального характера, да и автора нет в живых. Дело ее достойно продолжения. Книга вышла благодаря заботам С. А. Пустовойт, которая взяла на себя труд подготовить ее к изданию. Этому содействовали также акад. Б. А. Рыбаков и чл.-корр. АН СССР Я. Н. Щапов, предпославшие монографии свои предисловия.

А. А. Преображенский

Е. М. КОЖОКИН. *Государство и народ. От Фронды до Великой Французской революции.* М. Наука. 1989. 176 с.

Рецензируемая книга посвящена проблемам истории французской государственности от середины XVII до конца XVIII века. Автор—старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР кандидат исторических наук Е. М. Кожокин — не ставил перед собой задачи проследить эволюцию государственных институтов Франции. Избранный им угол зрения — люди в их отношениях с государством. Своих героев Кожокин условно делит на «людей государства», творцов и служителей системы власти, и простых людей из народа, которые существуют как бы «вне государства, но очень во многом для него» (с. 81).

В книге содержатся яркие характеристики многих государственных деятелей, политиков, судебных магистратов и наряду с ними — простолюдинов, участников бунтов, парижских санкюлотов времени революции. Автор опирается на мемуары, записные книжки, сочинения, проекты и официальные акты, вышедшие из-под пера королей, министров, чиновников, судейских, а там, где это возможно,— и на крайне редкие документы, исходившие непосредственно от простых людей из народа, как, например, записки, которые вел потомственный ткач Пьер Шават, живший при Людовике XIV (с. 81—85).

Прослеживая процесс развития французской государственности, Кожокин выделяет четыре проблемно-хронологических среза (каждому посвящен специальный раздел книги), соответствующих наиболее существенным этапам в истории французского государства в середине XVII — конце XVIII в.: Фронда и борьба альтернатив в развитии абсолютистской системы; время Людовика XIV и Кольбера; попытка самореформирования абсолютизма, связанная с именем Тюрго (70-е годы XVIII в.); падение старого порядка и становление нового государства во время Французской революции.

Кожокин ищет новые подходы к изучению и осмыслению эволюции французской государственности, высказывая при этом ряд интересных соображений. Рассматривая французский абсолютизм XVII в. как дворянскую монархию эпохи раннего капитализма (с. 5), автор подчеркивает важную ее особенность: при всей широте прерогатив французского монарха он никогда не был «самодержцем в российском смысле этого слова», его власть имела институционные и правовые ограничения. Фактически королевская власть была абсолютна в пределах, предписанных ей правом, и с этой точки зрения «она уже несла в себе потенциал буржуазной государственности» (с. 5—6). Эта важная особенность многое объясняет в политической, а отчасти и в социальной истории Франции XVII—XVIII вв. вплоть до предреволюционного кризиса 1786—1789 годов.

История Фронды издавна вызывала споры. В наши дни дилемма — «Была ли Фронда феодальной реакцией или попыткой буржуазной революции?» [1]— представляется уже преодоленной; для Фронды, отмечает В. Н. Малов, невозможно найти место в этой привычной системе исторических координат [2]. Воздерживается от однозначных оценок и Кожокин, считающий, что «ни одну из противоборствующих сторон нельзя назвать ни прогрессивной, ни консервативной» (с. 27). События Фронды он рассматривает в перспективе вызревания в недрах монархии старого порядка предпосылок государства буржуазного типа. В этот процесс вносили свою лепту, субъективно и не помышляя о том, и суверенные суды, отстаивая внеправительственный контроль за бюджетом, подготавливая почву для идеи разделения властей и подотчетности исполнительной власти, и Мазарини, боровшийся с традиционным — «парламентским» — привилегированным и корпоративным чиновничеством, и защищавший в лице института интендантов «прообраз чиновничества современного типа». Правовые и административные формы буржуазного государства вырабатывались во Франции в последние полтора столетия старого порядка во многом в ходе долголетней борьбы между парламентами и Верховным советом (королевским правительством) (с. 27).

Эта линия продолжена при рассмотрении государства Людовика XIV. Автор выявляет протекавшие в период долгого царствования этого короля процессы отчуждения сословий от государственной власти, складывания чиновничества нового типа и укрепления бюрократического государства.

В течение XVIII столетия, особенно с середины его, вступившая в период упадка абсолютная монархия неоднократно предпринимала попытки к самореформированию. Наиболее масштабными из них были реформы Тюрго. Вопрос о причинах провала его замыслов привлекал уже внимание наших историков. В отличие от Н. Е. Копосова [3], видевшего эти причины в неприспособленности самой бюрократической организации власти во Франции того времени для проведения сколько-нибудь радикальных реформ, Кожокин обращает внимание на личностные особенности министра-реформатора, который был исполненным просветительских иллюзий теоретиком-экономистом и философом в гораздо большей мере, чем политиком (с. 102, 109).

В заключительном разделе книги рассматривается развитие французского государства во время революции, когда в политический процесс впервые непосредственно включилась народная масса. Ход этого процесса в 1789—1792 гг. автор определяет как последовательный переход от авторитарности к олигархии и далее к демократии (с. 156). Размышляя о самом феномене демократии, Кожокин приходит к выводу, что она представляет собой не определенную государственную форму, не социальное движение, а тип политического механизма, функционирования власти, в минимальной степени отчужденной от общества и базирующейся на трех видах политических гарантий — свободы политического инакомыслия, свободного избрания на все государственные посты, обеспечивающие возвышение над обществом, легализации всех форм протеста против государственного произвола (с. 155).

Естественно, что в книге ставится вопрос, в наши дни вызывающий особенно острые споры: почему во время революции движение к демократии оказалось одновременно и движением к диктатуре? (с. 159). Присоединяясь к классическому тезису о роли исключительных обстоятельств, «объективного хода вещей» в условиях революционных кризисов и войны (с. 160), Кожокин отмечает и такие факторы, как специфику демократического сознания эпохи, пронизанного авторитарностью, и политический максимализм, свойственный санкюлотскому движению (с. 154—155).

Не все выводы и оценки автора представляются убедительными. Верно ли, что «народ в годы Фронды бунтовал, оставаясь вне

[1] См. Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648). М.-Л. 1948, с. 553.

[2] Малов В. Н. Фронда.— Вопросы истории, 1986, № 7, с. 87.

[3] Копосов Н. Е. Высшая бюрократия в политической системе старого порядка. В кн.: От старого порядка к революции. Л. 1988.

политики» (с. 163)? Материалы книги показывают, что парижская народная толпа этих лет была в большой мере политизирована, умела заставить прислушаться к своим требованиям, оказывала прямое давление на парламент и королевскую власть. В целом важная тема — народный бунт XVII—XVIII вв. и государство — заслуживала большего внимания. В типологии народных движений 1661 — мая 1789 гг., предложенной Ж. Николя, выделены 20 различных типов конфликта между протестующей массой и государством [4]. Вызывает определенное сомнение и вывод автора, что абсолютный характер королевской власти парламенты никогда не подвергали сомнению (с. 18). Ведь во второй половине XVII в., в ходе последней крупной вспышки парламентской оппозиции, она выдвинула идею ограничения королевской власти (хотя сама эта идея была архаичной и не имела исторической перспективы) [5].

Небольшая по объему книга, выпущенная в серии «История и современность», побуждает к размышлению о сложных и актуальных проблемах политической истории нового времени.

А. В. Адо

[4] Mouvements populaires et conscience sociale. XVI-e—XIX-e siècles. P. 1985, p. 761.

[5] См. Берго И. Б. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой Французской революции.— Новая и новейшая история, 1988, № 6.

E. LEVIN. *Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs. 900—1700.* Itaca — London. 1989.

Е. ЛЕВИНА. *Секс и общество в мире православных славян. 900—1700.*

Автор рецензируемой книги — профессор университета штата Огайо (США), соредактор журнала «Russian History» Ева Левина — прекрасный знаток архивных собраний в нашей и других славянских странах. Об этом говорит и защищенная ею в 1983 г. диссертация «Роль и статус женщин в средневековом Новгороде», над которой Левина работала в СССР под руководством чл.-корр. АН СССР В. Л. Янина, и многочисленные ее статьи в американской и европейской научной периодике, отличающиеся, как и ее книга, строгой документированностью.

В предисловии автор указывает, что три славянских региона — Россия, Сербия и Болгария — взяты ею не случайно, а исключительно по той причине, что они были объединены православной традицией, в силу чего многие процессы в общественном сознании этих стран развивались как бы параллельно, дополняя друг друга. Левина обратилась к изучению основных составляющих того, что она именует «славянской идеей» — русской духовности, сербской иконографии и болгарской патристике. В основу анализа положены русские и южнославянские канонические тексты, церковная литература — агиографии, патристики, учительные сочинения, прологи, четьи-минеи, патерики, содержащие информацию нормативного и запретительного характера.

В главе «Церковные представления о сексуальности» рассмотрены вопросы, касающиеся сексуальных отношений у славян-язычников, сексуальной морали и свободы в сочинениях средневековых критиков религиозных догматов (еретиков). Здесь дана характеристика общей православной концепции, восхваление в ней девственности и идеала безбрачия. Автор показывает, что православие, как и всякая культура, проповедующая сексуальную сдержанность, антифеминизм, построено на противопоставлении дихотомии образов «добра» (под которым понимается умерщвление плоти, «богоугодный аскетизм», подавление чувственных соблазнов) и его антитезы — «зла», то есть гипертрофированного секса, воплощенного в облике женщины. Исследователь социокультурных проблем найдет в книге богатый материал, в частности, объясняющий истоки нынешних стереотипов в сознании многих людей.

Обращаясь к характеристике брачных отношений, форм брака, права на выбор супруга, свадебной обрядности, бытовавших у православных, автор подчеркивает, что русская и вообще православные культуры не видели в сексуальности самоценного аффективного начала. Она рассматривалась прежде всего как средство продолжения рода, подвергалась жесткому социальному контролю, да и сам брак был разновидностью частной сделки. Как русские, так и южнославянские законы тщательно регламентировали имущественный и правовой статус жениха, невесты, супругов, родственников как при заключении брака, так и в случае развода (разрешенного и более или менее часто практиковавшегося по крайней мере до XVI в.). Личностно-психологический аспект брачно-семейных отношений оставался за пределами этих законов.

Интересными с точки зрения новизны привлеченных источников являются главы о формах сексуальности, воспрещенных церковными нормами и обычаями. Помимо известных и публиковавшихся еще в прошлом веке сборников канонического права, автором привлечены и малоизвестные, но важные источники. Это прежде всего сборники епитимий XIII—XVII вв., хранящиеся в архивах Москвы, Ленинграда, Софии, Белграда, Упсалы. Епитимьей у православных называлось церковное наказание (пост, поклоны, покаяние вплоть до отлучения от причастия) за то или иное прегрешение. Прегрешения и проступки сексуального характера, о которых священники узнавали во время исповеди, описаны в таких сборниках очень подробно, так что епитимийники (в западной литературе их именуют пенитенциалиями) являются ценным и репрезентативным источником. Выявление их в архивных собраниях — дело весьма трудоемкое, поскольку в виде самостоятельных «руководств для священников» они не бытовали, а включались в состав различных церковных текстов.

Исследуя вопрос о формах и строгости наказания за кровосмесительные связи, имевшие место как в среде привилегированного, так и зависимого населения, Левина показывает, что этот вопрос для славянских духовников имел более общественное, нежели частное, и более церковное, нежели светское значение. Сложная система воспрещенных браков как по родству, так и по свойству (кум, кума и т. п.), предполагала, что кровосмесительными являются любые сексуальные отношения с человеком, находящимся в духовном или кровном родстве ближе шестого колена. Левина объясняет подобные экзогамные запреты у православных не генетическими (вредные последствия близкородственных связей для потомства) или психологическими (отсутствие сексуального интереса у людей, с детства живущих в тесной близости), а социальными факторами. По ее мнению, экзогамные запреты, по своей строгости противоречившие даже Библии, соответствовали автократической системе организации русской, южнославянской, византийской политической власти; они были созвучны и патриархальному укладу русской семьи.

Русская культура при классификации по типу морали и нравственности должна быть отнесена к репрессивной (строгой) и антисексуальной в противовес пермиссивным, толерантным, терпимым культурам Востока. Из приводимого материала, содержащего неоднократные упоминания о вариантности форм половых связей, сколь бы запретными они ни назывались в источниках, автор делает вывод об их бытовании, распространенности, несмотря на категорическое осуждение их церковной и общественной моралью.

Нам, однако, представляется, что отсутствие достаточного количества источников нормативного характера, рассмотрение лишь установлений запретительного характера содержат известную опасность отождествления статей законов и канонических норм с реальной действительностью. Во-первых, документальное подтверждение наличия инцеста можно было найти лишь для определенных представителей знатных фамилий: подобный же контроль в среде обычного населения был практически невозможен. Во-вторых, не следует полностью доверяться и информации требников, служебников, епитимийников, описывавших сексуальные пороки. То, что эти описания кочевали из одного источника в другой, не всегда может являться доказательством распространенности противоестественных форм половых отношений, но, напротив, может свидетельствовать об обратном, об их исключительности, в силу чего и оказывались недостаточными нормы морали. Определенным доказательством бытования тех или иных форм сексуальных отношений могла бы быть региональная вариантность текстов епитимийных сборников, но о ее наличии, к сожалению, автор не упоминает.

Признавая вслед за Левиной взаимосвязь между социальными факторами и стереотипами сексуального поведения, поставим здесь ряд вопросов, выдвинув некоторые гипотетические предположения о путях возникновения антифеминистской концепции в средневековой литературе, проанализировав, почему добрачные связи, адюльтер, нецест были воспрещены, а отношение, скажем, к детям от таких браков амбивалентно. Читая книгу, можно прийти к выводу, что хотя сексуальные нормы и преподносились как выражающие чуть ли не «волю божью», тем

не менее за ними скрывались отношения власти: господствующий класс или определенная социальная группа (церковники), накладывая те или иные запреты, получали возможность манипулировать поведением и сознанием психологически или социально зависимых от них людей. К тому же в классово-антагонистическом обществе требования сексуальной морали к социально-зависимым слоям предъявлялись более жесткие, чем те, что были ориентированы на господствующий класс.

Как вытекает из монографии, юридическая практика, связанная с различными преступлениями, оскорблявшими женскую честь, была достаточно глубоко разработана древнерусскими кодификаторами. В целом можно сказать о высоком уровне правового сознания в средневековой Руси и южнославянских странах. Сохранившиеся документы XVI—XVII вв. позволили автору провести сопоставление статей законов и фактов, почерпнутых из повседневной жизни. Противоречие между нормой и реальностью оказывается явным, и оно не в пользу женщин: с развитием общества законы, осуждавшие насилие над женщиной, становились все строже, но в повседневной жизни эти «защищенные законом» женщины оказывались в полной зависимости от не менее жестких предписаний, касавшихся их поведения, свободы. Они должны были жить уединенно, не показываться на людях, отказаться от надежды на участие в социально-политической жизни государства. Ужесточение законов сопровождалось социальной маргинализацией и дискриминацией женщин.

Левина исследовала и такую малоизученную тему, как сексуальное поведение самого духовенства. В книге содержится материал о церковной обрядности, браках русских священников, высоких требованиях, предъявляемых к нравственной чистоте женщины, выходящей замуж за духовное лицо.

Канонические нормы, регулировавшие сексуальные отношения в мире православных, подчеркивает автор, находились в полном соответствии с официальной идеологической концепцией, но в то же время не противоречили и традиционным представлениям славян, отличавшимся сдержанностью как физической, так и психоэмоциональной. Народные воззрения на брак и сексуальность, развиваясь на собственной основе, испытывали все же сильное влияние церковной доктрины, перерабатывали и использовали ее положения.

Монография ставит новые и важные вопросы перед медиевистами, изучающими общественное сознание, историю церкви, культурно-социологические сюжеты, историю семьи.

Н. Л. Пушкарева

Fotografische Sammlungen mittelalterlicher Urkunden in Europa. Sigmaringen. Jan Thorbecke Verlag, 1989, 161 S.

Собрания фотографий средневековых источников в Европе

В XVII в. зародилось научное источниковедение и в его рамках — изучение манускриптов, ставшее затем одной из составных частей медиевистики. Оно потребовало рукописного или печатного воспроизведения средневековых рукописей, особенно имевшихся в единственном экземпляре, для того чтобы их можно было исследовать одновременно в нескольких научных центрах. С появлением фотографии и кинематографии возникали фототеки и кинотеки манускриптов, что сделало их доступными для ученых разных стран. Начало научным фототекам такого рода положил в 1929 г. Архив фотографий старинных источников (до 1250 г.) при марбургском Филипповом университете (ныне — в ФРГ). Сегодня он содержит 12 тыс. систематизированных фототипий рукописей и обладает, помимо того, банком справочных данных о большинстве западноевропейских манускриптов. При нем действует центр электронной датировки папирусов и пергаментов.

По инициативе директора этого архива Петера Рюкка установлены постоянные контакты между хранилищами рукописей в 18 городах Западной Европы и составлен сборник статей, написанных источниковедами-медиевистами, работающими в Австрии, Англии, Бельгии, Венгрии, Италии, Франции, ФРГ и Чехословакии. Цель сборника — дать информацию об истории, фондах, комплектовании и методах функционирования важнейших архивов фотографий средневековых письменных источников в этих странах. Кроме того, статьи содержат конкретные данные о состоянии марбургского архива, фототипиях для серии «Имперские деяния», о венском собрании имперских дипломов, хранилище при Грацском университете, Гёттингенской коллекции источников по истории папства, мюнхенской Комиссии по выпуску «Корпуса греческих источников» при Баварской Академии наук, городском архиве Констанцы, Карловом университете в Праге, Национальном архиве в Будапеште, Ломбардском исследовательском центре в Павии, Институте средневековой истории при Палермском университете, о всех галльских и французских манускриптах раннего и частично классического средневековья, королевских актах (до 1200 г.) в коллекции парижского Института по изучению и истории текстов, всех нидерландских хартиях (до 1225 г.), английских королевских актах от 1154—1199 годов.

Особый интерес представляют три статьи: Рюкка «К открытию фотособраний средневековых источников в Европе» (оценка общего научного значения таких собраний), сотрудника марбургского архива Х. Шольца о методике электронной датировки текстов (рассказ о применении этой методики и впечатляющих ее результатах) и сотрудника мюнхенского Архива прессы Ф. Рауха о научной классификации фотографий средневековых источников (первая серьезная попытка систематизировать их по конкретным признакам). Определенным недостатком сборника является некоторая разноплановость его статей. Рецензируемая книга, снабженная полезными иллюстрациями и графическими материалами, представляет собой т. I научной серии, курируемой Рюкком,— «Исторические вспомогательные дисциплины». В ней увидят свет тематические монографии и сборники отдельных штудий о работе над рукописями с использованием современной техники, сообщения о различных банках данных, фотопубликации.

А. Я. Шевеленко

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

«ДЫМОВСКОЕ ДЕЛО»: МНИМОЕ И РЕАЛЬНОЕ

Время перестройки заставило по-новому взглянуть на многие страницы нашей истории, очистить представления о них от заблуждений и неправильного толкования. К числу таких страниц принадлежит и «Дымовское дело». Речь идет об убийстве в с. Дымовка Николаевского округа Одесской губ. 28 марта 1924 г. Григория Малиновского, совершенном якобы шайкой преступных элементов, находившихся под влиянием кулаков.

В Одессе состоялся суд над «виновными» в убийстве «селькора». 24 октября 1924 г. губернский суд приговорил к расстрелу К. П. Попандопуло, члена РКП(б), уполномоченного партийной ячейки по с. Дымовка, М. Тулюпу, председателя комитета незаможных селян, Стецюка — участкового милиционера. Приговор был приведен в исполнение. Другие «участники» убийства были приговорены к лишению свободы на сроки от 1 до 5 лет — К. К. Попандопуло (сын), секретарь комсомольской ячейки, Л. К. Постолатий, кандидат в члены РКП(б), член сельского Совета, М. А. Талпа, кандидат в члены РКП(б), Ф. П. Иванов, кандидат в члены РКП(б), председатель сельского Совета. Осуждены были также на различные сроки лишения свободы А. Малиновский и его родственники Сименович и Веселовский. Тут же последовало переименование с. Дымовки в Малиновку. Позже Г. Малиновскому в этом селе был поставлен бюст.

Судебный процесс, принявший политический оборот, широко освещался в печати корреспондентом «Правды» Л. Сосновским, выступившим на суде в роли общественного обвинителя. Благодаря этому события в Дымовке привлекли внимание широкой советской общественности. Политическому значению происшедшего в Дымовке было посвящено постановление ЦК и ЦКК РКП(б) «О событиях в Дымовке, в связи с убийством селькора Малиновского» (февраль 1925 г.)[1], надолго определившее оценки этого дела в работах историков.

Принятые столь жесткие решения и однозначность фигуры самого Г. Малиновского с самого начала этой истории говорили о тенденциозности в подходе к делу. Об этом свидетельствовали неоднозначная оценка событий членами специально созданной по этому делу комиссии ЦК и ЦКК РКП(б), возглавляемой Н. И. Подвойским, в целом не сумевшей объективно разобраться в существе дела, различные мнения ее участников по поводу позиции, занимаемой в этом деле Сосновским, и особенно речь Сталина «О «Дымовке» на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 26 января 1925 г., категоричный тон которой отметал все сомнения: «Обвинения против Сосновского, выдвинутые комиссией или отдельными товарищами, неправильны,.. — утверждал Сталин.— Наоборот, я хотел бы отметить, что здесь имеется заслуга Сосновского... Заслугу «Правды», заслугу Сосновского, заслугу Демьяна Бедного,— то, что у них хватило мужества вытащить кусок живой жизни и показать всей стране,— эту заслугу обязательно нужно отметить. Об этом надо говорить, а не о том, что они перегнули палку. Говорят, что Сосновский перегнул палку, но в таких случаях, когда есть общий уклон в сторону официальности, между тем как язвы все-таки кроются где-то там и портят всю работу, в таких случаях перегнуть палку следует. Обязательно следует. Это неизбежно. От этого ничего, кроме плюса, не будет. Конечно, кой-кого обидишь, но дело от этого выиграет. А без некоторой обиды в отношении отдельных лиц мы дела не поправим»[2].

Вплоть до 1968 г. в различные партийные и государственные инстанции, в органы суда и прокуратуры поступали жалобы пострадавших, их родственников, партийных и советских работников, очевидцев с просьбами о пересмотре этого дела. В 1968 г. в ЦК КП Украины обратилась с заявлением Е. Л. Постолатий, в котором содержалась просьба разобраться в «Дымовском деле». ЦК КП Украины принял решение проверить по существу это заявление, поручив разбирательство дела Парткомиссии при ЦК КП Украины[3].

Дальнейшая проверка в 1968—1969 гг. Парткомиссией при ЦК КП Украины и расследование Прокуратуры УССР установили, что случай братоубийства (Григория Малиновского застрелил за издевательства младший брат Андрей при пособничестве родственников Сименовича и Веселовского) был использован для расправы над сельскими активистами[4]. Выяснилось, что Г. Малиновский принимал участие в бандах Петлюры и Григорьева, вербовал туда односельчан. Несмотря на это, ему в 1920 г. удалось вступить в партию, проникнуть в советский аппарат. Впоследствии он занимался частнопредпринимательской деятельностью — за что и был исключен из партии. В трудное время он спекулировал зерном и рыбой. Селькоровская его деятельность не подтвердилась. Одна из его якобы заметок в процессе следствия была подредактирована, под ней поставлена его подпись. В таком сфальсифицированном виде газета с заметкой была специально отпечатана и размножена и фигурировала в качестве главного доказательства его участия в селькоровской деятельности. Подлинная же газета была без его подписи[5].

В середине 20-х годов Дымовка была на Николаевщине в числе передовых сел. Многие ее жители принимали участие в борьбе с различными бандами, хорошо была организована беднота, около 600 сельских активистов объединял комитет незаможных селян. Лучшие земли кулаков были выделены в особый клин для бедноты. Но это вызывало недовольство у зажиточной части селян. Они настраивали крестьян против тех, кто их раскулачивал.

В этой обстановке 28 марта 1924 г. происходит убийство Г. Малиновского. Особого значения этому случаю тогда не придали, ведь пострадавшего никто не считал селькором. Более двух месяцев убийца был неизвестен. Незадолго до этого на Г. Малиновского было заведено дело о нанесении им младшему брату побоев. В мае в Дымовку прибыл прокурор Николаевского округа Идин для проверки этого заявления (о причастности сельских активистов к убийству тогда не было и речи).

Выступая на сельском сходе, прокурор в оскорбительном тоне отозвался о работе сельсовета и его руководителях. Речь шла о праве сельского Совета объявлять трудгужповинность. После этого коммунисты Дымовки и Новой Одессы обратились в Николаевский окружком партии с жалобой на прокурора. Комиссия, созданная по проверке этой жалобы, признала действия прокурора неправильными. Окружком партии указал ему на это[6]. Ущемление самолюбия Идина сыграло впоследствии роковую роль.

20 июня в прокуратуру округа является с повинной А. Малиновский и заявляет, что он убил брата, отомстив ему за издевательства. Идин решил использовать это в своих корыстных целях. Заключив А. Малиновского под стражу, прокурор, как выяснилось в ходе разбирательства в 1968—1969 гг., начал добиваться показаний и о других участниках убийства. Сначала А. Малиновский отказывался давать такие показания, но под угрозой подписал сфальсифицированный протокол допроса, в котором указывалось на причастность к убийству сельских активистов. Затем последовал арест Сименовича, снабдившего А. Малиновского обрезом. Прибегая к угрозам и запугиванию со стороны кулаков, шантажу и обещанию скорого освобождения, следователям удалось склонить Сименовича к даче ложных показаний. Впоследствии он их менял 30 раз[7].

На основе этих показаний в центральной печати в конце июня 1924 г. публикуется сообщение об убийстве селькора Г. Малиновского и причастности к этому местных властей. Тут же берутся под стражу отец и сын Попандопуло, Тулюпа, Талпа, Постолатий. В ходе подготовки дела прокуратурой бюро Новоодесского райкома партии 5 августа обсудило вопрос об арестованных коммунистах и на всех утвердило положительные характеристики. В решении бюро, в частности, говорилось: «Райком просит окружной партийный комитет обратить внимание на ход следствия по делу Малиновского, ввиду того, что в районе заметно противоположное настроение... Эти мнения выражаются в большинстве своем со стороны беднейшего крестьянства. Кулаки этот факт используют в своих целях. Дается ложное положение дел в редакцию газ. «Красный Николаев», а редакция с этим не разобралась и дает материалы в газету»[8].

Особая роль в фальсификации «Дымовского дела» принадлежала Сосновскому. В его публикациях высказывались различные домыслы, всячески очернялись не только активисты Дымовки, но и весь советский аппарат на местах. Эти публикации и определили политическую линию судебного процесса. А тем временем биография Г. Малиновского обрастала различными сведениями о его мнимых заслугах.

О тенденциозности в подготовке процесса говорит и такой факт: за месяц до начала суда был освобожден ранее осужденный поп Алейников, который вместе с другими лжесвидетелями выступил на суде, хотя об обстоятельствах убийства он, как и другие, ничего не ведал. В ходе следствия и самого процесса в ранг истинного друга Г. Малиновского был возведен некий Добровольский, который, как выяснилось впоследствии, был другом «селькора» по участию в бандах. Г. Малиновский был представлен общественности ревнителем правды и носителем свободы. Добровольскому кроме того было поручено подобрать и выставить в суде свидетелей для дачи нужных его организаторам показаний. Те же, кто пытался представить суду истинную суть дела, были заключены под стражу. В ходе процесса никто из обвиняемых партийных и советских активистов не признал за собой вины.

Мучительно длительным оказался путь

---

[1] Известия ЦК РКП(б), 9.II.1925, № 6 (81), с. 3.

[2] Сталин И. В. Соч. Т. 7, с. 19—20.

[3] Партийный архив Николаевского обкома КП Украины (ПАНО), ф. 9, оп. 2, д. 44, л. 14.

[4] Там же, л. 18.

[5] Там же, лл. 16, 23.

[6] Там же, л. 19.

[7] Там же, л. 20.

[8] Там же.

к правде. Не всем очевидцам надругательства над честными людьми удалось дожить до 1970 года. Опираясь на материалы партийной проверки, произведенной аппаратом ЦК КП Украины, Прокуратура Украинской ССР провела расследование «Дымовского дела» и пришла к выводу о незаконном осуждении активистов села. В мае 1969 г. прокуратура опротестовала приговор Одесского губернского суда от 25 октября 1924 года[9]. Он был отменен Пленумом Верховного Суда УССР 26 сентября 1969 года. Дело было прекращено за отсутствием в действиях осужденных состава преступления. В отношении А. Малиновского и его родственников Сименовича и Веселовского Верховный суд оставил избранную меру наказания, но переквалифицировал преступление, не усмотрев в нем наличия политических мотивов убийства. На основании этих материалов ЦК КП Украины принял 30 января 1970 г. постановления о партийной реабилитации Попандопуло К. П. (посмертно), Постолатия Л. К. (посмертно), Талпы М. А., Иванова Ф. П.[10]. По просьбе жителей с. Малиновка Указом Президиума Верховного Совета УССР от 15 апреля 1979 г. оно было переименовано в с. Подлесное[11].

Тем не менее в то время итоги судебной и партийной реабилитации не стали достоянием гласности. Правда, на собрании актива Новоодесского района Николаевской обл. 27 марта 1970 г. была заслушана информация председателя Парткомиссии при ЦК КП Украины И. С. Грушецкого по поводу «Дымовского дела»[12]. Но тут же последовало указание: «Без широкой огласки в печати, в спокойной обстановке, особенно в школах, в сети партийного просвещения на основании решений ЦК КП Украины и содержания вопроса «Дымовского дела» доносить до населения все эти вопросы в том подлинном свете, как они выглядят на основе материалов и проверки по этому вопросу». Перекрытие каналов для широкой огласки истины с официальной точки зрения того времени с его показухой объяснялось опасением нападок наших идеологических противников[13]. Широкого разъяснения сути дела на местах не последовало. Поэтому среди местного населения сохраняются различные домыслы по поводу «Дымовского дела» и виновников случившегося. Тем самым подрывается вера людей в социальную справедливость.

А. Т. Капустян,
кандидат исторических наук,
Кременчуг

---

[9] Там же, л. 24.

[10] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 106, д. 2010, л. 19; ПАНО, ф. 9, оп. 2, д. 44, л. 24.

[11] Государственный архив Николаевской области, ф. 3520, оп. 1, д. 317, л. 15.

[12] ПАНО, ф. 9, оп. 2, д. 44.

[13] Там же, л. 25.

ПИСАТЬ ВСЮ ПРАВДУ ОБ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Исследователи отмечают, что этноним «чуваш» появился в русских источниках в начале XVI века. Если это так, то возникает вопрос: а как же называли русские предков чувашей до начала этого столетия? Не могли же русские, живя с чувашами бок о бок, не знать и как-то не называть их? На исторических картах мы видим: западнее Оки — русские, у слияния Камы с Волгой — булгары, юго-западнее современной Чувашии — мордва, севернее ее, за Волгой — черемисы (марийцы), а в окружении этих названий — «белое пятно», как будто там и не жил никакой народ, а территория была «зарезервирована» для булгар, когда они в 1236 г. потерпят поражение от монголов, переселятся на эти места и ассимилируют какие-то местные безымянные малочисленные финно-угорские племена и в дальнейшем составят чувашский народ.

Источники утверждают, что еще до прихода в Среднее Поволжье булгар шло формирование чувашского народа на тех землях, где он проживает и сейчас. Видимо, после монгольского нашествия какая-то часть правобережных булгар бежала к чувашам. Основная же масса спасавшихся от монголов булгар ушла на север, за Каму. Из русских летописей известно, что после 1236 г. булгары появились и на Руси, а чтобы сделать это, им надо было пересечь чувашские земли. Однако большая часть булгар осталась на своих землях. Это вытекает хотя бы из того, что в сравнительно короткий срок булгарские города были восстановлены и в золотоордынский период достигли значительного развития.

Монголы были кочевым народом, и те из них, что остались в низовьях Волги после возвращения основного войска в Монголию, были основателями Золотой Орды. В силу своей кочевой жизни монголы вряд ли могли поселиться в земледельческой Волжской Булгарии: она, как и русские княжества, была обложена данью и сохранила в составе Золотой Орды свою автономию, имела своих ханов, которые пытались проводить самостоятельную политику. Так что восстановить булгарские города, их ремесла и торговлю могли только сами булгары.

Представление, будто булгары в большинстве ушли со своих земель и на их место пришли татары, а оставшиеся булгары с ними смешались, порождалось стремлением некоторых дореволюционных историков изобразить казанских татар потомками монголо-татар, а чувашей — потомками разбитых и завоеванных ими булгар. На руку этой версии сыграла и татарская буржуазия, которой импонировало «родство» с татарами Золотой Орды. Эта версия вопреки этнографическим, археологическим и историческим данным была воспринята и некоторыми советскими историками. В действительности же зарождение и развитие чувашского народа происходило параллельно возникновению и развитию булгар как единой народности, а казанские татары и чуваши — родственные народы.

Русские называли черемисами и чувашей, и марийцев. М. Н. Тихомиров приводит следующее летописное свидетельство: «[1523] В лето 7031 князь велики Васелеи Иванович всеа Русии поитти х Казани и умедлиша, пришед, стал в Нижнем Новегороде, а на казанскую украину послал царя Шаагалея да с ним воевод своих боариа своего князя Василья Васильевича Шуйского да Михаила Юрьевича Захарьина. И они, шед, украину воевали и город Суреск на реке Суре поставили, и Мордву, и Черемису Казаньскую за государя всеа Русии к шерти привели». Здесь речь идет о народах, живущих по р. Сура,— а это мордва и чуваши. Еще одно свидетельство: «[1590] А в 98-м году поставлен город Саратов. Того же году поставлен город в Черемисе Цывильской. [1591] В 99 году поставлен град в Черемисе Ераньской»[1]. Река Цивиль течет по территории Чувашии с юга на север и впадает в Волгу, город же Цивильск на ней находится юго-восточнее Чебоксар — столицы автономной республики. Река Ярань начинается на севере Марийской АССР и течет по территории нынешней Кировской области.

Эти данные позволяют объяснить, почему русские летописи упоминают чувашей лишь с начала XVI века. Дело в том, что русские и марийцев, и чувашей называли черемисами. Марийцы и до сего времени называют чувашей «суасла мари». Однако русские видели и различия между этими двумя народами. Так, русские летописи марийцев называют «черемиса луговая», а чувашей — «черемиса горная».

После взятия Казани Иван Грозный приказал «всякую управу горным людям чинить в Свияжеском городе, а луговым и арским людям велел управу в Казани чинити»[2]. Здесь горные люди — это чуваши, луговые — марийцы, арские — удмурты. По указу, те из них, которые перешли при взятии Казани на сторону русских, получили от царя определенные льготы. В то же время немалая часть чувашей, марийцев, удмуртов воевала на стороне казанских татар против царя.

Но эти сведения отсутствуют в школьных учебниках и популярных изданиях. В результате у народов, проживающих по соседству, создается превратное понимание прошлого своей страны, республики, края, что в свою очередь способствует сохранению у них неприязни друг к другу. Если мы желаем действительной дружбы наших народов, то надо говорить правду об их прошлом, без конъюнктурных правок типа: народы Поволжья были освобождены от ига Казанского ханства. Ведь оттого, что казанско-татарский феодализм был заменен русским, в их жизни в то время ничего не изменилось.

Не настала ли пора и в школьных учебниках, и в популярной литературе писать о прошлом наших народов так, как это было в действительности, то есть как его отражают источники, как его трактует современная наука? Почему бы на картах XIII—XVI вв. не сделать обозначения, соответствующие историческим данным: черемиса луговая — марийцы, чермиса горная — чуваши, ары — удмурты, булгары—татары?

Казанские татары вплоть до XIX в. называли себя булгарами, а название «татары» было им навязано правящими кругами Руси в период обострения отношений между Русским государством и Казанским ханством. Влияние официальной идеологии, обосновывавшей завоевание этого ханства, отчетливо видно и в летописях, и других источниках того времени: в них булгар начинают называть татарами. Возбуждение у русского народа неприязни к ним соответствовало корыстным интересам бояр и дворян, стремившихся захватить «подрайскую землицу» Казанского ханства.

Р. Х. Бариев,
кандидат философских наук,
доцент

---

[1] См. Тихомиров М. Н. Русское летописание. М. 1979, с. 162, 231.

[2] Кизилов Ю. А. Земли и народы России в XIII—XV вв. М. 1984, с. 71.

«БЕСОВСКАЯ ПЕСНЯ» КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО?

В письмах читателей — откликах на статью «Кто он, автор «Слова о полку Игореве» («Вопросы истории», 1989, № 1) часто затрагивается вопрос о дате смерти Кирилла, епископа Туровского. Критики гипотезы о Кирилле как возможном авторе «Слова» ссылаются на данные о его смерти «не позднее 1182 года». В этом случае, естественно, «Слова» он написать не мог.

Читатель А. Сиренов (г. Владимир) пишет: «Поход князя Игоря против половцев был совершен в 1185 году, а Кирилл умер до 1182 года (об этом см. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. М. 1987). Б. И. Зотов цитирует «Историю русской словесности» П. Н. Полевого

1900 г., где сказано, что Кирилл Туровский умер около 1188 года. Если отдавать предпочтение исследованиям современных советских, а не дореволюционных ученых, то принимать гипотезу об авторстве Кирилла ни в коей мере нельзя».

Поскольку этот вопрос волнует и других любителей русской истории, в нем следует разобраться. У советских ученых нет единства взглядов на дату смерти Кирилла Туровского. Обычно дается предположительная оценка: «Время жизни Кирилла определяется примерно 30—80 годами XII века». Что же касается даты «не позже 1182 года», то это предположение высказано еще в 1858 г. М. И. Сухомлиновым. Гипотеза и тогда не была принята как доказанная. Источники этой даты не содержат.

Все гипотезы имеют в основе лишь косвенные сведения и основанные на них умозаключения. Например, устанавливается факт, что в дошедших до нас летописных сводах имя Кирилла, начиная с середины 80-х годов XII в., не упоминается, из чего и делается вывод о его смерти к этому времени. Но ведь исчезновение его имени со страниц летописей не обязательно связано с физической смертью популярного религиозного и политического деятеля. К середине 80-х годов XII в. (предположительно, конечно) Кириллу могло быть от 45 до 55 лет. Возраст далеко не предельный!

Можно назвать десятки других причин, кроме смерти, по которым фигура туровского епископа ушла в историческую тень, а затем и в небытие. В бурное время усобиц Кирилл мог попасть в опалу и лишиться высокого положения из-за своих объединительных взглядов и централистских идей. Он поддерживал политику суздальского князя Андрея Боголюбского и его последователей, а это было совершенно не на руку враждовавшим с Суздалем киевлянам. В Турове-то киевские князья распоряжались, как хотели — «на своей воле». Кирилл мог и сам отойти от активной политической деятельности, уединиться в монастыре, мог и отправиться в длительное зарубежное путешествие или просто заболеть.

Есть основания предполагать, что Кирилл Туровский умер позднее 1187 года. П. Н. Полевой вполне определенно пишет: «Кирилл, епископ Туровский, умер около 1188 года»[1]. К сожалению, в нашем распоряжении нет того источника, который дал ему основание для этого вывода. Но он согласуется с представлением С. Шамбинаго о продолжительности жизни Кирилла Туровского достаточной для того, чтобы допустить возможность по крайней мере знакомства с текстом «Слова»: «Нужно думать, что Кириллу Туровскому была знакома не только современная ему литература, но в частности и «Слово о полку Игореве»,— писал этот крупный советский исследователь[2].

Есть в письмах читателей и замечания по трактовке и сближению системы образов «Слова» и «Илиады». Н. Назаров (Рыбинск) полагает, что творчеству священнослужителя должно быть чуждо все, связанное с языческими песнопениями и исполняемое в сопровождении гуслей, поскольку «церковь и даже Владимир Мономах выступали против «бесовских» плясок и песен». Однако не любая же славянская песня относилась к бесовским. Нежелательными считались «плясци или гудци» на «игрищах» или на «зборищах идольских», то есть песнопения скоморохов и обрядовые заклинания языческих волхвов. Застольные же песни и былины в исполнении гусляров были непременной принадлежностью княжеских пиров. Упоминания об этом древнем обычае прослеживаются вплоть до середины XVIII века. Духовенство принимало участие в таких застольях и слушание гусляров отнюдь не запрещало.

Назаров высказывает сомнение в сходстве девы-Обиды в «Слове» с девой-Обидой в «Илиаде». Делает он это на основе анализа родственных связей дев: «дажьбоже— это бог водной стихии». И, стало быть, у Дажьбога не может быть внуков — ослепляющих лучей, в «силах» которых дева-Обида является на землю. Но вот строка из Ипатьевской летописи: «именем Солнце, его же наричют Дажьбог». В труде Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» Хорс и Дажьбог и, что особенно примечательно, дажьбожьи внуки однозначно связаны с Солнцем. Такого же толкования образа Дажьбога придерживаются и другие исследователи. Напротив, на связи Дажьбога с водной стихией ни один из ученых не указывает.

В «Слове» много мест, смущающих исследователей и вызывающих споры. Одну из загадок представляет упоминание о Трояне Назаров предполагает, что Троян — «обожествленный легендарный князь», живший за семь веков до событий, описанных в «Слове» и происшедших «на седьмом веку Трояна». Для решения проблемы Трояна в «Слове» нужен подход, надежный ключ. Таковым представляется совпадающая система образов «Илиады» и «Слова»: плач Андромахи — плач Ярославны на крепостной стене; дождь стрел; вороны, делящие трупы; золото, погруженное на дно реки; политая кровью земля; блещущий на солнце шлем героя и т. д. В этом ряду особенно поражает полное тождество образов девы-Обиды, дочери могущественных божеств греческой и славянской мифологий. И в том и в другом тексте дева буквально вступает на землю Трои; по-другому прочитать или истолковать прямой и прямо высказанный факт вряд ли возможно.

В другом месте «Слова» из контекста определенно следует, что упомянутая здесь «тропа Трояна» — это тропа воинской доблести, тропа славы: «О Бояне, соловию старого времени, абы ты сиа полкы ущекотал, скача славию по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы обаполы сего времени, рища в тропу Трояню чрес поля на горы» и далее в таком же духе воспевания ратной славы. Очевидно, автор «Слова» находился во власти героики Троянской войны и постоянно восходил к ней, вел параллельную нить. Он напоминал: «были вечи Трояни», сопоставлял — «на седьмом веци Трояни». В небольшой по объему поэме Троя упомянута четыре раза; о случайности тут не может быть и речи.

«Седьмой век». Здесь он имеет ярко выраженный смысл множественности. Число шесть — предельное количество отдельных объектов, которое человек, в силу своих психофизиологических возможностей, может воспринимать и контролировать одновременно. Семь в разговорной речи — синоним множества, это уже не несколько, а много. Издревле в народе говорят: «семь пядей во лбу», «у семи нянек дитя без глазу», «семь раз отмерь, один раз отрежь», «семеро с ложкой, один с сошкой», «семеро одного не ждут». Число семь здесь понимается не буквально, равноценный смысл имели бы выражения «у многих нянек дитя без глазу», «многие одного не ждут» и т. д. «Седьмая вода на киселе» — значит, очень отдаленное родство, не подсчитать, в какой степени. «На седьмом небе» — значит, быть очень высоко, достичь наивысшей степени блаженства, вообще воспарить.

Троянская война отделена от событий, описанных в «Слове», 24 веками, но это датировка, выработанная не в XII в., а много позже. И семантически, и контекстуально выражение «на седьмом веку Трои» означает «спустя много веков». Автор «Слова» не мог апеллировать к тому обожествленному князю IV века, предположение о существовании которого высказывает Назаров. Ни в летописях, ни в зарубежных источниках этот князь-бог не упоминается. А вот о знакомстве русских людей XII в. с Троянской войной и произведениями Омира (Гомера) упоминания есть

Б. И. Зотов,
член СП СССР

[1] Полевой П. Н. История русской словесности. СПб. 1900, с. 202.

[2] Слово о полку Игореве. М. 1934, с. 195.

CONTENTS

SOMMAIRE

SUMARIO

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Сдано в набор 01.06.90. Подписано к печати 03.07.90. А 00335 Формат 70×108[1]/[16].
Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 17,33. Уч.-изд. л. 19,08.
Тираж 101 000 экз. Заказ № 2342. Цена 90 коп.

Адрес редакции: 103781. ГСП Москва К-6, М Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП. Москва. А-137, улица «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

ГРОЗДАНОВА Е. **Българската народност през XVII в.** Демографско изследване. София. Наука и изкуство. 1989. 725 с.

Страници от българската история. Очерк за ислямизираните българи и националновъзродителния процес. Под ред. на Христо Христов. София. Наука и изкуство. 1989. 126 с.

Bocskai kíséretében a Rákosmezön. Emlékiratok és iratok Bocskai István fejedelem és Lalla Mehmed nagyvezír találkozójáról 1605. November 11. Közreadja. Sajtó alá rend., a jegyz összeáll. Csonka Ferenc és Szakaly Ferenc; A latin szövegrészeket ford.: Benda Kálmán, Csonka Ferenc; A bev. Szakály Ferenc írta. Budapest. Európa. 1988. 202. old.

Gestapo-Berichte über den antifaschistischen Widerstandskampf der KPD, 1933 bis 1945. Ausgew., eingel. u. bearb. von Margot Pikarski u. Elke Warning. Bd. 1. Anfang 1933 bis August 1939. 220 S. Bd. 2. 1940 bis 1945. 427 S. Berlin. Dietz. 1989.

RODRIGUEZ GARCIA J. L. **Critica a nuestros criticos.** La Habana. Ed. de Ciencias Sociales. 1988. 125 p.

JASIENICA P. **Polska anarchia.** Kraków. Wyd-wo lit. 1988. 173 s.

MROZEWICZ L. **Arystokracja municypalna w rzymskich prowincjach nad Renem i Dunajem w okresie wczesnego cesarstwa.** Poznań. 1989. 321 s.

TOMEK V. **Ideologie českého anarchismu.** Ceskosl. akad. věd. Praha. Academia. 1988. 246 s.

V boji za mier a povojnovú spoluprácu (1917—1945). (Politika komunistických strán v strednej a juhovýchodnej Európe v boji proti imperialistickej vojne, za porážku fašistických agresorov a povojnovú spoluprácu). Bratislava. Veda. 1989. 155 s.

GLOMAZIC M. **Etničko i nacionalno biće Crnogoraca.** Beograd. Panpublik. 1988. 210 s.

HARTMANN G. **Im Gestern bewährt, im Heute bereit.** 100 J. Carolina. Zur Geschichte des Verbandskatholizismus. Unter Mitarb. von Dieter A. Binder. Hrsg. von Maximilian Liebmann im Auftr. des Altherrenverbandes der K.O.H.V. Carolina. Graz etc. Styria. 1988. 678 S.

ZWASS A. **Der Rat für gegenseitige Wirtschaftshilfe, 1949—1987.** Der dornige Weg von einer polit. zu einer wirtschaftlichen Integration. Wien, New York. Springer. 1988. IX, 285 S.

PILETTI N. **História do Brasil.** Da préhistória do Brasil á Nova República. Ed. totalmente reformulada e atual. São Paulo. Atica. 1987. 240 p.

América Latina en el mundo de mañana. Ambito intern. y regional. Martner (coord.), Bitar, Cárdenas et al. Caracas. Nueva Soc. 1987. 367 p.

The Superpowers, Central America and the Middle East. Ed. by Peter Shearman and Phil Williams. London etc. Brassey's Defence Publ. 1988. XIX, 240 p.

Thirteenth Century England. 2. Proceedings of the Newcastle upon Tyne Conference 1987. Ed. by P. R. Coss and S. D. Lloyd. Woodbridge (Suffolk); Wolfeboro (New Hants.). The Boydell Press. 1988. 176 p.

RIDDELL P. **The Thatcher Government.** Reprint. Updated, rev. ed. Oxford. New York. Blackwell. 1987. VIII, 296 p.

HOTERMANN H. **Danish Foreign Policy.** Literatur in Languages other than Danish, 1979. 1986. Copenhagen. The Danish Inst. of Intern. Studies. 1988. 109 p.

Mikhail Gorbachev's New Thinking. Asia — Pacific. A Critical Assessment. Ed. by V. D. Chopra. New Delhi. Continental Publ. House. 1988. 299 p.

CARRETERO ZAMORA J. M. **Cortes, monarquia, ciudades.** Las Cortes de Castilla a comienzos de la época moderna (1476—1515). Madrid. Siglo XXI. 1988. XIV, 473 p.

SANCHEZ SAUS R. **Caballeria y linaje en la Sevilla medieval.** Estudio genealogico y social. Sevilla. Publ. de la Diputación Provincial de Sevilla. Cádiz. Servicio de Publ. de la Univ. de Cádiz. 1989. 531 p. (32) f. tab.

EASTERBROOK W. T., AITKEN H. G. J. **Canadian Economic History.** Toronto etc. Univ. of Toronto Press. 1988. XIII, 606 p.

Conflict Resolution in Uganda. Ed. by Kumar Rupesinghe. Oslo, Intern. Peace Research Inst. 1989. VIII, 308 p.

BESSELAAR J. van den. **O sebastianismo — história sumária.** Lisboa. Min. da Educação e Cultura. 1987. 195 p.

Asia and the Major Powers. Domestic Politics and Foreign Policy. Ed. by Robert A. Scalapino et al Berkeley. Inst. of East Asian Studies. Univ. of California. 1988. VI. 386 p.

BABINE A. V. **A Russian Civil War Diary. Alexis Babine in Saratov, 1917—1922.** Donald J. Raleigh, ed. Durham, London. Duke Univ. Press. 1988. XXIV, 240 p.

COOK Ch. **Sources in European Political History.** Vol. 1. The European Left. Chris Cook and Geoff Pugh. New York. Oxford. Facts on File. 1987. XV, 237 p. Vol. 2. Diplomacy and International Affairs. Chris Cook with Tim Kirk and Bob Moore. Basingstoke (Hants), London. Macmillan. 1989. XII, 190 p.